

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

*Сборник статей по материалам
Международной научно-практической конференции*

Волгоград, 26 ноября 2021 г.

УДК 343.3/7
ББК 67.408.0
А 43

Ред. коллегия:

Смагоринский Б.П., заслуженный деятель науки Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор,
Волгоградская академия МВД России;
Костенко Н.С., кандидат юридических наук, доцент,
Волгоградская академия МВД России;
Бирюков С.Ю., кандидат юридических наук, доцент,
Волгоградская академия МВД России;
Сафонова Ю.С., кандидат юридических наук, доцент,
Волгоградская академия МВД России.

Составитель:

Васильев Д.В.

А 43 **Актуальные проблемы предварительного расследования** [Электронный ресурс] : сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Волгоград, 26 ноября 2021 г. / ред. колл.: Б. П. Смагоринский, Н. С. Костенко, С. Ю. Бирюков, Ю. С. Сафонова. – Электрон. дан. (3,87 Мб). – Волгоград : ИП Черняева Ю.И., 2021. – 1 электрон. опт. диск (CD-R). – Системные требования : частота процессора не менее 2 ГГц ; операционная система Windows 7 и выше ; оперативной памяти не менее 2 Гб ; не менее 100 Мб свобод. диск. пространства ; разрешение экрана не менее 800 x 600 ; оптический привод CD/DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше.

ISBN 978-5-907282-60-5

Настоящий сборник составлен по материалам Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы предварительного расследования», состоявшейся 26 ноября 2021 года на базе Волгоградской академии МВД России (г. Волгоград).

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а так же за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов. Материалы публикуются в авторской редакции.

ISBN 978-5-907282-60-5

© ИП Черняева Ю.И., 2021 г.
© Коллектив авторов, 2021 г.

Аксенова Лейла Юсуповна,
доцент кафедры криминалистики
Омской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ КРАЖ НЕФТЕПРОДУКТОВ НА ОБЪЕКТАХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА

Как нам известно, железнодорожным транспортом перевозятся различные наливные грузы, например, бензин, топливо для реактивных двигателей, дизельное топливо, в жидкий битум. Несмотря на улучшение обеспечения сохранности товаров в процессе их перевозки, хищения все же имеют место.

Хищение нефтепродуктов невозможно без тщательной подготовительной деятельности [1, с. 119-125]. По этой причине правоохранительным органам следует более точно изучить специфику совершения данных преступлений. На объектах железнодорожного транспорта возможны два общих способа хищения: из железнодорожных цистерн и из топливной системы маневровых локомотивов (тепловозов).

Список наиболее распространенных способов хищения нефтепродуктов составляют: снятие производства загруженных цистерн и оформление их порожними; предоставление под заправку автоцистерн, имеющих отклонения в технической готовности (воздушный клапан не приварен, ось поперечины крышки загрузочного люка не приварена и т.д.), что допускает несанкционированный доступ к нефтепродуктам.

Кроме того, приведение бака в неисправное состояние путем разрезания перекладки проушины люка, что позволит снять запорно-пломбировочное устройство без повреждений. Непосредственно после слива люк закрывается, а срез скрывается слоем технической грязи (недавно применялась холодная сварка) [2]. Запорно-пломбировочное устройство устанавливается близко к месту пореза, что не позволяет обнаружить его при поверхностном осмотре.

Также распространен отжим механическим воздействием на запорно-пломбировочное устройство. При этом откручиваются поперечины на горловине резервуара, вставляются шланги соответствующего диаметра и нефтепродукт закачивается в подготовленные емкости. После завершения кражи кабель

ЗПУ вставляется на место. Цистерна поступает к потребителю без нарушений, а претензия оформляется отправителю нефтепродукта.

Кража нефтепродуктов из цистерн с явными признаками нарушения навешивания запорно-пломбировочных устройств совершается в основном на станционных путях во время длительных остановок поездов. Участниками хищения являются преступные группировки, специализирующиеся на хищении нефтепродуктов, в число которых могут входить действующие или бывшие сотрудники железнодорожных станций.

Анализ правоприменительной практики расследования хищений топлива из топливной системы маневровых локомотивов (тепловозов) показал, что данный вид преступлений совершается преимущественно самими работниками железной дороги. Чаще всего, они делают это нарушением правил грузоперевозочного процесса и внесением изменений в железнодорожные накладные. Так, например, приговором [3] №1-105/2018 1-2/2019 от 20.02.2019 г. судом Солнечного районного суда Хабаровского края были осуждены работник железной дороги В. и машинист тепловоза Н., которые, являясь участниками организованной группы, находясь в районе пикета № 57 на 57 километре Байкало-Амурской железной дороги на перегоне между двумя станциями, путем демонтажа люка замерочной горловины топливного бака одной из секции тепловоза, похитили дизельное топливо, принадлежащее ОАО «РЖД», в количестве 589 литров.

Имеют место случаи, где преступления совершаются гражданами, не имеющими отношения к железной дороге совместно с работниками железнодорожной инфраструктуры. Так, приговором № 1-245/2014 от 6.08.2019 г. Ачинским городским судом Красноярского края был осужден Л., который совершил кражу дизельного топлива из вагонов-цистерн, находящихся в грузовом парке станции. Для получения информации о нахождении в грузовом парке станции вагонов-цистерн с дизельным топливом Л. 3.06.2019 года позвонил на мобильный телефон гражданину Н. (работник путевого хозяйства станции), от которого узнал, что на третьем пути грузового парка станции Т., в составе грузового поезда находится вагон-цистерна, загруженная дизельным топливом [4]. Так же из данного приговора можем увидеть один из распространенных способов хищения наливного груза из цистерны, а именно преступники, используя в качестве орудия преступления металлический лом, монтировку и резиновый шланг, заранее подготовленные для совершения преступления,

отжали крышку на загрузочном люке горловины вагона-цистерны, опустили один конец принесенного резинового шлага в образовавшийся проем между крышкой и горловиной загрузочного люка вагон-цистерны, второй конец шланга опустили к земле, после чего вставили шланг в одну из ранее принесенных канистр для наполнения ее дизельным топливом. Приведенный фрагмент приговора – это классическое совершение кражи нефтепродуктов.

В частых случаях работники железнодорожной инфраструктуры совершают кражи с целью сокрытия совершения преступления в следствие чего наблюдается такое явление, как инсценировка. Сотрудники железной дороги являются специалистами в знании конструкций различных видов вагонов и всех нюансов в пломбировании вагонов, ориентируются в местонахождении вагонов на путях станции, знают продолжительность простоя вагонов и т.д.

Среди возможных негативных обстоятельств, свидетельствующих об инсценировке, можно выделить наиболее часто встречающиеся: отсутствие признаков взлома или других доказательств проникновения в вагон; отсутствие следов на снегу на крыше при совершении кражи через световой люк; наличие пыли на месте, где по словам работников находился похищенный груз; наличие пролома (отверстия) такого размера, что преступнику невозможно проникнуть или вытащить крупногабаритные предметы.

При проведении проверки после отчета о краже груза из железнодорожного транспорта, необходимо смотреть на запорные и герметизирующие устройства, в особенности на их целостность. При этом запрещается производить какие-либо экспериментальные действия при осмотре пломб.

Самыми распространенными способами снятия пломб являются: снятие пломбы и установка на ее место любой другой заранее подготовленной пломбы; вытягивание проволоки из тела пломбы; вытягивание узла заправочной проволоки с предварительным расширением канала со стороны выхода; вытягивание заправочной проволоки в сборе после температурного воздействия на корпус пломбы.

Следователь совместно со специалистом должен проверить, соответствует ли запорно-пломбировочное устройство виду вагона, на который оно было навешано. После осмотра следователь должен указать в акте все обнаруженные им признаки нарушения целостности пломб. При этом вместе с этими знаками желательно описать вид, тип пломбы, способ ее крепления и так далее. Не исключены ошибки в навешивании пломб на вагоны неопытными

работниками вагонного хозяйства, что в дальнейшем способствует легкому доступу к вагону с грузом и совершению хищения.

На кражу нефтепродуктов могут указывать следующие факторы и обстоятельства: пломбировочные устройства имеют запас гибкого элемента от 5 до 25 см, а также другие технологические нарушения (пломбирование одной проушины и др.); наличие замаскированных следов «свежей» сварки и порезов под заделку узлов и т.д.; наличие возле цистерны домкрата и свежих пятен топлива в районе сливного клапана; указание в документах другого типа б/у цистерны; расположение в непосредственной близости от железнодорожных станций организаций, имеющих собственные резервуары для хранения нефтепродуктов; наличие у вокзалов преступных группировок, имеющих собственные бензовозы и специализирующихся на продаже горюче-смазочных материалов; наличие резервного парка порожних и списанных цистерн; наличие на территории железнодорожных станций площадок для оснащения (заправки) локомотивов и перекачки нефтепродуктов из технически неисправных цистерн; в темноте не соблюдаются необходимые условия освещения путепроводов; при приемке не соблюдается технология отбора проб горюче-смазочных материалов на определение плотности и температуры. А также общие признаки: прорезы крыши и перебивка гвоздей; перекося каркаса контейнера, образовавшиеся при нарушении правил передвижения или подъема; различные следы отжима [5, с. 55].

Как можно заметить, приведенный перечень требует определенных, как технических, так и организационных знаний в области железнодорожного транспорта, которыми сотрудники правоохранительных органов, выезжающие в составе следственно-оперативной группы, не всегда владеют. Поэтому, непосредственно по выезду на место происшествия, практическим сотрудникам необходимо обращаться за помощью к специалистам в этой области. В качестве специалистов при осмотре мест происшествий по делам данной категории могут привлекаться: работники научно-исследовательских, проектных и учебных институтов, конструкторских бюро железнодорожного транспорта; сотрудники органов надзора за безопасностью движения, по должности не осуществляющие контроль за участком пути, где произошло происшествие.

Библиографический список:

1. Ивушкина О.В. Хищения грузов на объектах железнодорожного транспорта: характеристика и противодействия (по материалам Восточно-

Сибирской железной дороги) // Библиотека уголовного права и криминологии. 2017. – № 1. – С. 119-125.

2. Приказ Минтранса России от 29.05.2019 г. № 155 «Об утверждении Общих требований для опломбирования вагонов, контейнеров запорно-пломбировочным устройством и Перечня грузов, перевозки которых допускаются в вагонах, контейнерах без запорно-пломбировочных устройств, но с обязательной установкой закруток». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Приговор № 1-105/2018 1-2/2019 от 20 февраля 2019 г.: <https://sudact.ru/regular/doc/2nA0Tf1LsSrX/> (Дата обращения 02.09.2021 г.).

4. Приговор № 1-245/2014 от 6 августа 2014 г.: <https://sudact.ru/regular/doc/jGAawfnPpjHgNm/> (Дата обращения 05.09.2021 г.)

5. Кузнецов А.А. Курбатова М.И. Расследование краж грузов из подвижного состава железнодорожного транспорта. – Омск, 2009. – С. 55.

© Л.Ю. Аксенова, 2021

Аубакирова Анна Александровна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Алматинской академии МВД Республики Казахстан
им. М. Есбулатова

РАССЛЕДОВАНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ЭЛЕКТРОННОМ ФОРМАТЕ ПО УПК РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Современный этап развития общества характеризуется все большим внедрением информационных технологий во все сферы общества, в том числе в деятельность государственных органов. Информатизация затрагивает деятельность всех ветвей государственной власти и общественной жизни в целом. Правоохранительные и судебные органы широко используют информационные технологии в целях обеспечения открытости и гласности правосудия, автоматизации работы правоохранительных органов и судов.

1 сентября 2020 года Президент Республики Казахстан К.Ж. Токаев в своем Послании народу Казахстан «Казахстан в новой реальности: время действий» отметил, что «Цифровизация – это не следование модной тенденции, а ключевой инструмент достижения национальной конкурентоспособности. Работа с «данными» должна выйти на новый уровень. Обеспечение единой системы баз данных, их дальнейшее развитие – одна из главных задач Правительства».

1 сентября 2021 года в своем Послании Президент снова обратился к процессу цифровизации. «В современном мире одним из главных факторов конкурентоспособности является глубинная цифровизация».

Параллельно с внедрением информационных технологий в деятельность государственных органов началась цифровизация и уголовного судопроизводства.

Серьезным шагом в цифровизации уголовного судопроизводства стало введение в уголовный процесс Модуля «Электронное уголовное дело». Еще в 2017 году в УПК Республики Казахстан были внесены изменения и введена статья 42-1 «Формат уголовного судопроизводства», в которой определили два формата – бумажный и электронный.

В этих целях был разработан Модуль «Электронное уголовное дело» (модуль-е-УД), который представляет собой дополненный функционал информационной системы ЕРДР (Единый Реестр Досудебных Расследований), предназначенный для организации подготовки, ведения, отправления, получения и хранения электронного уголовного дела.

Формирование систем электронного сопровождения уголовного процесса позволяет на данном этапе обеспечить оптимизацию досудебного производства, оперативный надзор и контроль.

Данная информационная система предназначена, прежде всего, для хранения в цифровом варианте всей информации из материалов конкретных уголовных дел. В идеале цифровая информация уголовного дела должна полностью заменить собой бумажный вариант, формируемый уже с высоким уровнем безопасности. Данная система должна иметь, по замыслу разработчиков, функцию по формированию всего уголовного дела, содержащую в себе заложенный алгоритм последовательных процессуальных и организационных действий, начиная с регистрации заявления и сообщения о преступлении в ЕРДР (Едином реестре досудебных расследований), то есть с момента

официального начала расследования до окончания судебного рассмотрения с вынесением оправдательного или обвинительного приговора. При этом настоящая система позволяет прикреплять всю поступающую информацию о полученных из различных источников доказательствах, включая аудиозаписи, фото и видеоизображения, а также иные файлы с документами и программными продуктами[1, с. 7-12].

Использование подобного формата, прежде всего, влияет на снижение коррупционных рисков в процессе расследования уголовных дел, так как повышается уровень открытости и прозрачности. Кроме того, используемые технологии по защите данных препятствуют фальсификации и замене документов в уголовном деле. Это усиливает подотчетность и дисциплинирует сотрудников органов, ведущих уголовное производство.

Электронное уголовное дело представляет собой обособленное производство, ведущееся органом уголовного преследования по поводу одного или нескольких уголовных правонарушений в электронном формате посредством функционала Модуля е-УД информационной системы ЕРДР.

Приведем некоторую статистику. В 2020 году в производстве территориальных подразделений полиции находилось 115 045 (2019 г. – 71 646) уголовных дел, расследуемых в электронном формате.

Из них окончено 69 676 дел (55629), в т.ч. направлено в суд – 13129(10529), прекращено по нереабилитирующим основаниям – 18980(20225), по реабилитирующим основаниям – 37567(24875).

Необходимо отметить, что УПК Республики Казахстан предусматривает несколько форм и производств по уголовному делу, так из 13 129 уголовных дел, направленных в суд окончено по форме расследования:

- в протокольной форме – 5846 (5213);
- в порядке ускоренного досудебного расследования– 3492 (2233);
- в порядке ст.302 УПК «Решение прокурора по уголовному делу, поступившему с обвинительным актом» – 3219 (2433);
- в приказном порядке – 809 (550);
- в порядке процессуального соглашения – 441 (110).

Наибольшее количество дел направлено в суд дознанием – 4193, следствием – 3624, криминальной полицией – 1174, административной полицией – 692, остальными службами – 3473.

Следует отметить, что при ведении уголовных дел в электронном формате грубых нарушений норм уголовно-процессуального закона не допускается, так как в рамках трехзвенной модели уголовного судопроизводства органами прокуратуры контролируется весь объем процессуальных документов, находящихся в электронной базе.

Санкционирование судами в режиме Внешней конференцсвязи мер пресечения «содержание под стражей» и «домашний арест» имеет только положительные моменты – отсутствует необходимость этапирования подозреваемых в суд, особенно по тяжким и особо тяжким преступлениям, привлечения конвойных служб, в т.ч. привлечения спецавтотранспорта.

Помимо этого, существенно сокращается и рабочее время следователя и дознавателя, связанное с необходимостью привлечения вышеуказанных служб при получении санкции следственного судьи.

Применение современных технологий позволяет сэкономить значительные финансовые средства, выделяемые на эти цели (например: по примерным расчетам на эти цели затрачивается свыше 140 тыс. человекочасов сотрудников службы конвоирования, топлива на сумму более 45 млн. тенге, а также имеются затраты, связанные с износом автотранспорта, зарплатой водителей и др.). [2, с.31-37]

Кроме того, начальник органа дознания, его заместители, начальники следственных подразделений в режиме реального времени имеют доступ к уголовным делам, расследуемым в электронном формате, соответственно эти субъекты осуществляют контроль за своевременным назначением судебных экспертиз, качеством и полнотой, проводимых следственных действий, а также дают письменные указания в электронном формате.

Также, участники процесса имеют доступ к материалам электронного дела посредством информационного портала «Публичный сектор», где имеется возможность ознакомиться с материалами дела, получить копии процессуальных документов, а также подать заявления, ходатайства и жалобы в режиме онлайн, и получить на них ответы.

К 2022 году МВД Республики Казахстан планирует перевести весь объем расследуемых уголовных дел в электронный формат, что существенно повысит эффективность судопроизводства в рамках трехзвенной модели уголовного процесса.

Библиографический список:

1. Беляева И.М., Кусаинова А.К., Нургалиев Б.М. Проблемы внедрения электронного формата уголовного расследования в Республике Казахстан // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2018. Т. 18, № 2, С. 7–12.
2. Тлеубаев Д.К. и др. Цифровизация уголовного процесса в Республике Казахстан: становление и практика применения // Colloquium-journal №11 (98), 2021 / JURISPRUDENCE. С. 31-37.

© А.А. Аубакирова, 2021

Аширбекова Мадина Таукеновна,
профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Волгоградского института управления
(филиала) РАНХ и ГС, д.ю.н., доцент

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКАХ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В СЛУЧАЕ СМЕРТИ ЛИЦА, ПОДЛЕЖАВШЕГО УГОЛОВНОМУ ПРЕСЛЕДОВАНИЮ

Положения ст.6 УПК РФ, как вытекающие из Конституции Российской Федерации, обязывают властных субъектов уголовного процесса защищать права и интересы лиц, представляющих стороны уголовного процесса, не только правильным применением норм уголовного закона к выявленным обстоятельствам преступления, но и реализацией норм уголовно-процессуального закона в целях обеспечения законных интересов всех частных лиц, вовлекаемых в уголовный процесс. Такая правообеспечительная деятельность носит сквозной характер, сопровождая деятельность субъектов, ведущих уголовный процесс, на каждом этапе применения норм уголовного закона и, соответственно, в каждой стадии уголовного процесса. При этом законодатель в зависимости от свойств субъекта (личности), в отношении которого осуществляется уголовное преследование, устанавливает различающийся процессуальный режим, который предусматривает для определенных лиц повышенные гарантии и потому выступает основой для выделения того или

иного вида специализированного производства (например, производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних). Осмысление и учет свойств лица, привлекаемого к уголовной ответственности, в теоретическом аспекте может быть воспринято как отправная платформа для дальнейшей дифференциации видов процессуального производства, которые характеризуются, как правило, разным уровнем и характером уголовно-процессуальных гарантий, наполняющим процессуальный режим. Однако особенный процессуальный режим законодатель предусматривает и нестандартные ситуации, которые могут возникнуть в ходе производства по уголовному делу. К числу таковых ситуаций относится смерть лица, в отношении которого решается вопрос об уголовном преследовании. Понятно, что смерть такого лица может произойти на любом этапе уголовного процесса и служить основанием для прекращения уголовного преследования, если заинтересованными лицами не будет инициировано продолжение производства в целях реабилитации умершего (п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ). Однако для такого случая законодатель не обособил вид процессуального производства, как это он сделал, например, для целей ст. 25.1 УПК РФ, оснатив последнюю выделенным в отдельную главу комплексом норм, регулирующих порядок прекращения уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (гл. 51.1 УПК РФ).

Думается, что есть потребность защиты интересов лица, которое в связи со своей смертью не может быть субъектом уголовного процесса и, понятно, не может настаивать на защите интересов, которые были бы для него значимыми при жизни. Известно выражение о том, что «уголовная ответственность не переживает умершее лицо, в отношении которого ставился вопрос об уголовном преследовании». А вот интерес в том, чтобы не быть необоснованно привлеченным к этой ответственности, по времени «переживает» такое лицо. Данный интерес признается обществом и государством как законный, так как связан с такими ценностями как честь и достоинство личности, справедливость уголовного судопроизводства. Иначе говоря, законный интерес такого лица может продолжать свое бытие, присоединяясь к интересам лиц, близких к умершему человеку, и соответственно, требуя своей защиты. Это вытекает из положений п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, из которых следует, что уголовное дело (уголовное преследование) в связи со смертью обвиняемого (подозреваемого) не может быть прекращено в случае, если обнаружатся лица, заинтересованные

в реабилитации умершего и по этой причине настаивающие на продолжении производства по уголовному делу.

Однако закон не уточняет, кем могут быть представлены такие лица и каков их процессуальный статус в продолжаемом производстве по делу.

Эти и другие вопросы предполагалось разрешить в Проекте федерального закона № 180771-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части уточнения порядка производства по уголовному делу в случае смерти обвиняемого, подозреваемого, лица, подлежавшего привлечению к уголовной ответственности)» [3], в котором предлагалось ввести в УПК РФ новую главу 51.1, предусматривающую особенности такого производства.

Нельзя не признать, что идея нормативного формирования такого производства сама по себе не нова. Речь идет о генерировании и нормативном обособлении нового, самостоятельного, особого вида производства по уголовному делу, целью которого является установление оснований для реабилитации умершего лица, в отношении которого решался вопрос о возбуждении уголовного дела [1; 2].

Однако воплощение этой идеи в любом случае требует глубокого теоретического обоснования, в том числе в плане положений, связанных: с определением цели формирования такого производства; пониманием смерти лица, подлежавшего привлечению к уголовной ответственности, как юридического факта, порождающего определенные уголовно-процессуальные правоотношения; определением статуса лица, умершего до возбуждения уголовного дела; определением круга лиц, чье волеизъявление юридически значимо для решения вопроса о продолжении производства по уголовному делу в отношении умершего; определением уголовно-процессуального статуса для лиц, заинтересованных в продолжении производства по уголовному делу.

И это при том, что функция обвинения в «полный рост» тут реализована быть не может: нет условий для состязательности, как нет и самого лица, которое могло бы подлежать уголовному преследованию.

Но зато должны быть лица, которые заинтересованы в таком производстве. Но кто в таком качестве может участвовать по делам означенной категории? Закон на этот счет ничего не поясняет.

Думается, что тут можно пойти по «старому» пути, а именно вовлекать лиц, которых уголовно-процессуальный закон выделяет для представления

интересов частных лиц, вовлекаемых в статусе потерпевших, обвиняемых и свидетелей. Речь идет о категориях «близкие родственники» (супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, дедушка, бабушка, внуки), «родственники» (все иные лица, за исключением близких родственников, состоящие в родстве) и «близкие лица» (лица, состоящие в свойстве с потерпевшим, свидетелем, а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему, свидетелю в силу сложившихся личных отношений), которые определены соответственно в пунктах 4, 37 и 3 ст. 5 УПК РФ.

Тут надо заметить, что лица, относящиеся к категории «родственники» (п. 37 ст. 5 УПК РФ) и «близкие лица» (п. 3 ст. 5 УПК РФ) упоминаются в ст. 11 УПК РФ наряду с близкими родственниками потерпевшего, свидетеля или иных участников уголовного судопроизводства как лица, которым должна обеспечиваться процессуальная безопасность.

Отсюда следует, что в законе есть курс на признание интересов значительной категории лиц, формально не являющихся участниками уголовного процесса, но тем не менее в их же интересах, связанных с интересами потерпевшего, свидетеля или иных участников уголовного судопроизводства, подлежащих защите от угрозы убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением их имущества либо иными опасными противоправными деяниями.

Думается, что именно из широкой категории лиц - «близких родственников» (п. 4 ст. 5 УПК РФ), «родственников» (п. 37 ст. 5 УПК РФ) и «близких лиц» (п. 3 ст. 5 УПК РФ) – вполне можно избирать лицо, которое будет участвовать в производстве по уголовному делу в случае смерти лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности, с целью реабилитации последнего.

В практике бывали случаи, когда при принятии решения о прекращении уголовного дела в связи со смертью лица, следователь не мог найти лицо из числа «близких родственников» и «родственников», которые бы выразили бы свое согласие с прекращением или же, напротив, заявили ходатайство о продолжении производства по делу с целью реабилитации умершего. В этой связи оправданным было бы привлечение лиц из категории близких, указанных в п.3 ст.5 УПК РФ. Но в названном положении закона к близким лицам относят: во-первых, лиц, состоящих в свойстве только с потерпевшим, свидетелем; во-

вторых, лиц, жизнь, здоровье и благополучие которых дороги потерпевшему, свидетелю в силу сложившихся личных отношений.

Получается, что обвиняемый не вправе рассчитывать на своих близких лиц. Видимо, в этом моменте в п. 3 ст. 5 УПК РФ закралась юридико-техническая ошибка, поскольку в иных статьях УПК РФ применительно к подозреваемому или обвиняемому привлечение близких лиц (не близких родственников и не родственников) допускается, то есть их интересы «вправлены» в правовое регулирование защиты подозреваемого или обвиняемого.

Так, в ч. 3 ст. 46 УПК РФ, посвященной подозреваемому, говорится о праве последнего на один телефонный разговор на русском языке в присутствии дознавателя, следователя в целях уведомления близких родственников, родственников или близких лиц в случае задержания.

А из смысла ст. 11 УПК РФ вытекает понимание того, что интересы близкого лица не только потерпевшего, свидетеля, но и иных участников уголовного судопроизводства, а значит, и обвиняемого подлежат охране в порядке обеспечения процессуальной безопасности. Потому можно заключить, что близкие лица умершего также могут быть вовлечены в уголовный процесс по условиям п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ.

Такой подход представляется оправданным, поскольку умершее лицо может не иметь ни близких родственников, ни родственников. Это позволит расширить круг лиц, позицию которых следователь или дознаватель будет выяснять при принятии решения об отказе в возбуждении уголовного дела или прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в случае смерти лица (п. 4 ч. 1 ст. 24 УПК РФ).

В связи с этим думается, что указанное в п. 3 ст. 5 УПК РФ понятие «близкие лица» нуждается в уточнении. Данное понятие следовало бы дополнить, отразив, что к близким лицам относятся: во-первых, лица, состоящих в свойстве с потерпевшим, свидетелем, подозреваемым, обвиняемым, а также с умершим лицом, в отношении которого должен был решаться вопрос о возбуждении уголовного дела и выдвижения обвинения в порядке, предусмотренном УПК РФ; во-вторых, лица, жизнь, здоровье и благополучие которых в силу сложившихся личных отношений дороги потерпевшему, свидетелю, подозреваемому, обвиняемому, а также умершему лицу, в отношении которого должен был решаться вопрос о возбуждении уголовного дела и выдвижения обвинения в порядке, предусмотренном УПК РФ.

Библиографический список:

1. Анучина О.В. Производство по уголовному делу в случае смерти обвиняемого, подозреваемого, лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук (12.00.09 – уголовный процесс). М., 2020. 27 с.

2. Мещерякова Ю. О. Производство по уголовному делу в отношении умершего: автореф. дис. ... канд. юрид. наук (12.00.09 – уголовный процесс). Самара, 2018. 22 с.

3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части уточнения порядка производства по уголовному делу в случае смерти обвиняемого, подозреваемого, лица, подлежавшего привлечению к уголовной ответственности): проект федерального закона № 180771-6. Система обеспечения законодательной деятельности [электронный ресурс]. URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/180771-6> (Дата обращения: 10.11.2021)

© М.Т. Аширбекова, 2021

Баловина Ирина Валерьевна,
преподаватель кафедры уголовного процесса
Уфимского юридического института МВД России

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ СЛЕДСТВЕННОЙ ГРУППОЙ В РОССИИ

В целях быстрого раскрытия преступлений и производства качественного расследования сложных уголовных дел и по которым необходимо проведение большого объема следственных и иных процессуальных действий, соответствующие органы и подразделения организуют взаимодействие. Взаимодействие подразумевает выполнение согласованных действий в рамках регламентированных процессуальных и непроцессуальных процедур.

Анализ формирования института производства предварительного следствия следственно-оперативной группой в отечественном уголовном судопроизводстве России невозможно без анализа исторических аспектов его

становления и развития.

Рассматриваемый институт впервые был нормативно урегулирован приказом Генерального прокурора СССР № 63 от 19 марта 1952 г. «Об устранении фактов волокиты в расследовании уголовных дел», предусматривающим такую форму взаимодействия, как осуществление предварительного следствия несколькими следователями, которая с этого момента стала активно применяться в практике предварительного следствия.

Можно считать, что с 1952 года начали создавать следственно-оперативные группы в рамках предварительного следствия. Его закрепление стало результатом длительного поиска оптимальных форм и способов взаимодействия следователей с оперативно-розыскными органами.

С учетом положительного практического опыта применения следственных групп на протяжении восьми лет в 1960 г. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР официально закрепил данный институт, в частности в части 3 статьи 129 кодекса. Взаимодействие в форме следственной группы законодательством того времени предусмотрено не было. Причиной необходимо считать отсутствие следственного аппарата в МВД СССР. Практика следователей по привлечению к расследованию уголовных дел оперативных сотрудников органов дознания получала все большее распространение и оценивалась положительно практическими работниками, о чем было отмечено в Приказе Генерального прокурора № 53 от 30 июня 1962 г. Объединение следователей органов внутренних дел с оперативными работниками в одно ведомство – Министерство охраны общественного порядка СССР произошло только в 1963 г. и как следствие усиление взаимодействия данных подразделений. Однако расширение взаимодействия в рамках следственно-оперативных не поддерживалось прокуратурой. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению работы следственного аппарата органов прокуратуры и охраны общественного порядка» было принято в 1965 г. с целью усилить взаимодействие следственных органов с органами дознания. Генеральный прокурор СССР в Приказе № 125 от 30 декабря 1965 г. подчеркивал «предпочтительность создания следственной группы, а не объединения с этой целью следователей и оперативных работников».

Ученые-процессуалисты, так же как и большинство практических работников, отмечали преимущества широкого внедрения в работу органов расследования следственно-оперативных групп. В частности, А.А. Герасун

рассматривал участие оперативных работников в следственной группе как способствование оперативному проведению отдельных следственных действий, по большей части в ситуациях нехватки у следователей времени [2, 39]. С точки зрения Ю.Н. Белозерова, привлечение при создании следственной группы сотрудников оперативных служб позволяет достигнуть высокого качества расследования и оперативного проведения необходимых мероприятий, включая их одновременное проведение в разных местах [1, 48].

Несмотря на то, что и процессуалисты – теоретики, и сотрудники следственных органов отмечали необходимость и эффективность института расследования уголовных дел следственными и следственно-оперативными группами, достаточное нормативно-правовое регулирование их деятельности отсутствовало, поэтому в конечном итоге формы и методы такого взаимодействия стали возникать в процессе практики. Подобные методы позже описывались в различных научных трудах. К примеру, Л.М. Карнеева, И.О. Галкин описывали сущность и порядок производства такой коллегиальной формы взаимодействия, как поручения оперативным сотрудникам, закрепленных за следователем или следственной группой [3,7].

Ведомственные нормативные акты, в частности приказ МВД СССР «О мерах по дальнейшему улучшению организации работы органов внутренних дел по раскрытию преступлений» (1979 г.), приказ МВД СССР «Об утверждении Инструкции о взаимодействии следователей, оперативных работников УР, БХСС и дежурных частей ОВД при возбуждении уголовных дел и расследовании преступлений» (1979 г.), в определенной степени заполняли пробел в регулировании вопросов осуществления взаимодействия следователей и работников оперативных служб органов внутренних дел путем создания следственно-оперативных групп. Перечисленные нормативно-правовые акты содержали основания, порядок формирования и взаимодействия следственно-оперативных групп [5,83].

26 июня 1989 г. была утверждена приказом МВД СССР № 116 Инструкция по организации взаимодействия следственных аппаратов с оперативными и экспертно-криминалистическими службами органов внутренних дел при раскрытии и расследовании преступлений.

80-90-е гг. XX в. привнесли существенные изменения в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство того времени. В результате были приняты такие нормативно-правовые акты как:

- типовая инструкция об организации работы постоянно действующей следственно-оперативной группы по раскрытию убийств, введенная в действие совместным приказом от 2 августа 1993 г. № 1/3452 Генеральной прокуратуры РФ и МВД России;

- положение о совместных следственно-оперативных группах (бригадах) органов прокуратуры, органов внутренних дел, безопасности и налоговой полиции для пресечения и расследования деятельности преступных групп», утвержденная совместным приказом от 22 мая 1995 г. № 32/199/73 Генеральной прокуратуры, МВД, ФСБ РФ;

- приказ Генеральной прокуратуры РФ 18 марта 1998 г. № 16 «О вызове прокуроров и следователей для работы в составе следственных групп, порядке возмещения расходов и выплаты компенсаций в связи со служебными командировками», имеющий целью организацию системы вызова прокурорско-следственных работников территориальных, военных и иных специализированных прокуратур для участия в расследовании уголовных дел в составе следственных групп Генеральной прокуратуры Российской Федерации, оплаты их командировочных расходов и предоставления отгулов [4, 33].

Помимо роста преступлений экономической направленности, возросло число резонансных тяжких и особо тяжких преступлений. В связи с этим ведомственная нормативная база по вопросам взаимодействия различных служб в рамках следствия постоянно обновлялась и дополнялась.

Принятый в Российской Федерации в 2001 г. Уголовно-процессуальный кодекс в статье 163 предусмотрел производство предварительного следствия следственной группой. Данная норма более широко регламентирует данный институт по сравнению с УПК РСФСР, но тем не менее не урегулировала порядок создания и процессуальное функционирование следственно-оперативных групп, которые, на наш взгляд, подтвердили свою эффективность в процессе раскрытия преступлений и при расследовании уголовных дел.

Библиографический список:

1. Белозеров Ю.Н. Органы дознания и предварительного следствия системы МВД и их взаимодействие. М., 2016. 158 с.

2. Герасун А.А. Как процессуально оформить взаимодействие следователя и органа дознания // Социалистическая законность. 1971. № 3. С. 39 – 42.

3. Карнеева Л.М., Галкин И.О. Расследование преступлений группой

следователей. М., 1965. 170 с.

4. Можяева И.П. О правовом обеспечении деятельности следственно-оперативных групп // Российский следователь. 2017. № 16. 145 с. 33 – 35.

5. Пантелеев В.О. Единый следственный орган Российской Федерации: исторический обзор попыток образования и перспективы // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2018. № 7. С. 83 – 86.

© И.В. Баловина, 2021

Бирюков Святослав Юрьевич,

канд. юрид. наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБНАРУЖЕНИЯ, ФИКСАЦИИ И ИЗЪЯТИЯ СЛЕДОВ БИОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА РАССЛЕДОВАНИЯ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ВИДАМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Среди вышеперечисленных способов получения биологических объектов человека, направляемых в дальнейшем для производства исследования ДНК, преобладает осмотр места происшествия.

Значимость осмотра места происшествия особенно возрастает при расследовании преступлений, совершенных в условиях неочевидности. Упущения, допущенные в процессе первоначального осмотра места происшествия, зачастую невозможны. Этот принцип справедлив и к биологическим объектам, встречаемым на местах происшествий.

Анализ практики показал, что наиболее часто объекты – носители следов биологического происхождения изымаются при осмотре места происшествия по следующим преступлениям: убийства, причинение вреда здоровью различной степени тяжести, грабежи и разбои, преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (изнасилования, насильственные действия сексуального характера), кражи, ТП.

Рассмотрим особенности обнаружения следов биологического происхождения по данным преступлениям.

При осмотре места происшествия по фактам причинения вреда здоровью наиболее часто изымаются следующие объекты: кровь; предметы, как

потенциальные носители следов биологического происхождения, среди которых: предметы обихода, одежда, орудия преступления, деньги, окурки, обувь, постельные принадлежности.

На данных предметах в ходе дальнейшего экспертного исследования обнаруживаются следующие следы биологического происхождения: запаховые следы человека, кровь, слюна.

При расследовании грабежей и разбоев наиболее часто изымаются следующие объекты: волосы; кровь; предметы – потенциальные носители следов биологического происхождения, к ним относятся: одежда, предметы обихода, орудия преступления, окурки.

На данных предметах в последующем обнаруживаются следующие следы: запаховые следы человека, волосы, кровь, слюна, пот.

При проведении осмотра места происшествия по делам о кражах наиболее часто изымаются следующие объекты: волосы; предметы (потенциальные носители следов биологического происхождения): одежда, предметы обихода, окурки, жевательная резинка, фрагменты бумаги с дверных глазков, дактопленка с отпечатками пальцев рук.

При последующем экспертном исследовании данных предметов обнаруживаются следующие следы биологического происхождения: запаховые следы человека; кровь; слюна, пот.

По фактам ДТП при осмотре места происшествия

из следов биологического происхождения, часто обнаруживаются не только волосы, но и следы крови, фрагменты кожного покрова. Следователи и специалисты в ходе осмотра места происшествия фактически не обращают внимания на следы крови, заведомо предполагая, что она оставлена потерпевшим. Однако, на наш взгляд, по делам данной категории необходимо искать следы крови на автомашине – их расположение поможет более точно определиться с механизмом ДТП. Поиск следов крови на транспортных средствах надо начинать с выступающих частей, придавая особое значение осмотру повреждений. Необходимо осмотреть днище кузова, арки колес. В зависимости от вида совершенного преступления осмотру подвергается багажник и салон автомобиля. Если стоит вопрос: «Кто был за рулем автомобиля?» обязательно изымается для исследования: рулевое колесо, рукоять переключения скоростей.

По делам различных категорий осмотр места происшествия имеет свои особенности, связанные со способом совершения преступления и спецификой оставленных следов, однако рекомендации по поиску, обнаружению, фиксации и изъятию биологических объектов человека типичны и применимы практически в ходе расследования любых преступлений. Необходимо помнить, что на одном объекте-носителе может быть обнаружено несколько различных следов биологического происхождения.

Осмотр места происшествия и предметов с целью выявления следов биологического происхождения лучше всего проводить в дневное время при хорошем освещении, либо при усиленном искусственном освещении. Для обнаружения скрытых и малозаметных следов необходимы специальные средства: лупа (с увеличением не менее 3,5х), лупа с подсветкой, дополнительные источники освещения, источники ультрафиолетового излучения типа «Квадрат», «Флюотест 204», «ОЛД-41», «УК-1», «КД 33-Л» и др. с автономным питанием либо от электросети.

Сначала осматривают поверхности с предполагаемыми следами при косопadaющем свете (используя лампы, фонари и т.д.). Если следы не удалось обнаружить, используют источники ультрафиолетового цвета (в затемненном помещении): следы, образованные кровью, будут выглядеть темными пятнами; следы выделений (спермы, слюны, мочи, пота) флуоресцируют голубоватым светом; в свежих пятнах спермы наблюдается желтовато-зеленая флюоресценция; при смешении крови со спермой флуоресценция может быть в виде тонкого ободка по краю пятна, либо вообще не наблюдаться.

Необходимо помнить, что ультрафиолетовое излучение разрушает ДНК, поэтому его можно применять только при необходимости выявления слабовидимых (замытых) следов и использовать в течение короткого времени (не более минуты) [1].

Библиографический список:

1. Прокопов В.Т., Савушкин А.В., Лозинский Т.Ф. Методические рекомендации по выявлению и изъятию выделений организма человека и иных биологических объектов при осмотре места происшествия. – М.: ГУУР, ЭКЦ МВД РФ, 1997.

© С.Ю. Бирюков, 2021

СПЕЦИФИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА-КРИМИНАЛИСТА В ХОДЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Общеизвестно, что некачественный осмотр места происшествия существенно снижает перспективы скорейшего достижения целей уголовного судопроизводства из-за уменьшения количества и качества исходной информации получаемой в распоряжения лица, осуществляющего расследование.

Качественное производство осмотра места происшествия детерминировано не только организационно-тактическими аспектами, но и использованием помощи специалиста-криминалиста, который, как правило, работает на месте происшествия в составе следственно-оперативной группы.

Начальный этап расследования любого преступления характеризуется острым дефицитом информации о совершенном преступлении, в связи с чем важное значение имеет именно поисковых характер работы всех участников СОГ. Осмотр места происшествия условно подразделяется на три этапа: подготовительный, рабочий и заключительный.

Специалист присутствует при инструктаже следственно-оперативной группы, а также при опросе пострадавших, заявителей, очевидцев совершенного преступления для уяснения различных всех обстоятельств события, построения версий о механизме преступления, установления объектов, которые могли оставить следы в процессе их контактного взаимодействия.

Рабочий этап состоит из общей и детальной стадий. В стадии общего осмотра специалист оказывает помощь следователю в уяснении обстановки места происшествия, определении порядка проведения осмотра, установлении границ осматриваемой территории, уточнении исходной точки осмотра, выборе приемов и средств для поиска следов.

Он содействует следователю:

в исследовании ситуации на месте происшествия с целью изучения преступника. При этом не только последовательно изучаются отдельные следы, а сопоставляются с аналогичными и обстановкой до и после совершения преступления, что дает возможность выявить обстоятельства, характеризующие

как механизм совершения преступления, так и отдельные психофизические данные, позволяющие организовать розыск преступника по горячим следам;
в установлении участков, где могут быть сконцентрированы следы;
в относимости следов и объектов к событию преступления;
в определении необходимости предварительного исследования следов и объектов с целью получения сведений ориентирующего характера;
в выборе научно-технических средств для обнаружения, фиксации и изъятия следов и объектов.

В начале осмотра специалист-криминалист, не нарушая окружающую обстановку, производит ориентирующую и обзорную съемки, а затем, в порядке избранной следователем тактики осмотра, выполняет узловую и детальную.

Порядок фотосъемки места происшествия, выбор объектов, подлежащих запечатлению, способ фотографирования и другие тактические задачи применения съемки определяются по согласованию со следователем.

Производя общий осмотр, нельзя вносить изменений в обстановку, уничтожать имеющиеся следы и не оставлять свои. Обнаруженные следы и объекты, могущие иметь отношение к происшествию, необходимо отметить специально изготовленными стрелками и бирками с цифрами или с помощью подручных средств.

На этапе детального осмотра специалист оказывает помощь в использовании наиболее эффективных средств и методов обнаружения, исследования и фиксации следов и объектов, производстве необходимых измерений, описании следов, сообщая следователю сведения о применявшихся средствах для выявления следов; их местонахождении, виде, форме, размерах, индивидуальных особенностях, способах дополнительной фиксации, способах их изъятия.

Специалист обязан предупредить следователя о тех случаях, когда следы или объекты при их изъятии могут быть повреждены. Перед любым изъятием следов и предметов производится их детальная фотосъемка.

В поисках следов изучаются пути предполагаемого проникновения и ухода преступников; предметы, возможно служившие орудием преступления или объектом преступного посягательства; предметы, возможно оставленные преступником; объекты, с которыми преступник мог соприкоснуться. Обнаружение таких следов позволяет с наименьшими затратами сил получить наиболее полные данные о преступнике и преступлении.

В ходе осмотра места происшествия специалист-криминалист может дать предварительное заключение о качестве отображенного в следах папиллярного узора и пригодности следа для отождествления конкретной личности: он может также определить количество лиц, участвовавших в преступлении, давность оставления следов, установить ориентирующие данные о личности преступника. Существенной помощью специалиста-криминалиста на этом этапе расследования будет помощь в проверке обнаруженных следов по криминалистическим учетам.

К числу основных элементов криминалистической информации относятся следы преступника и данные о его личности.

Так, специалист-криминалист на основании предварительных исследований, проведенных на месте происшествия, может дать следующую информацию: по определению пола лица, учитывая размеры частей кисти, обнаруженных на месте происшествия: примерного роста лица, оставившего следы ног и полные отпечатки кисти или только среднего пальца кисти; примерного возраста лица, оставившего его, невидимому невооруженным глазом количеству вещества, дать о нем полную информацию.

Необходимо учитывать, что в ряде случаев, существует возможность обнаружения в процессе дальнейшего расследования микрообъектов на теле, одежде преступника или орудии преступления, изъять сравнительные образцы уже в ходе осмотра места происшествия.

Результаты предварительных исследований, проведенных следователем и специалистом-криминалистом, обеспечивают их полезной ориентирующей информацией в кратчайшие сроки – дают реальные шансы на успешное раскрытие преступления, розыск и изобличение преступника по горячим следам. Объекты, подлежащие предварительному исследованию, определяются следователем и специалистом-криминалистом, исходя из конкретной следственной ситуации, с учетом обнаруженных на месте происшествия следов и орудий преступления.

Так, специалист-криминалист, осматривая следы обуви, определяет размер обуви, зоны индивидуальных исследований снашивания подошвы, приблизительный рост человека, который оставил следы. Если имеется «дорожка следов», то можно сделать выводы об особенностях походки. По следам транспортных средств в результате предварительного исследования возможно получение сведений о виде, марке, модели и о направлении движения

транспорта. По следам орудий взлома возможна информация о групповой принадлежности и количестве орудий, профессиональной подготовке преступников и затраченном времени, механизме взлома и т.п.

Предварительное исследование проводится с соблюдением общих норм уголовного процесса, но процессуальным действием не считается, выводы предварительного исследования не являются судебным доказательством, поэтому следует принимать меры, обеспечивающие сохранность исследуемых объектов информационных свойств, т.е. предварительное исследование должно проводиться без ущерба для их дальнейшего экспертного исследования.

Вся работа специалиста сопровождается консультациями в пределах его специальных познаний, что помогает следователю разобраться в существе происшедшего события и его отдельных обстоятельств, во взаимосвязи обнаруженных следов между собой и с событием преступления. Так, обнаружив следы обуви в комнате и на улице вблизи этого помещения специалист оценивает их в совокупности, определяет, например, какими видами (видом) обуви они могли быть оставлены, не оставлены ли они потерпевшим и т.п.

Суждения специалиста об обнаруженных следах и предметах, их происхождении и возможной связи с событием преступления в протокол осмотра не заносятся.

На заключительном этапе осмотра специалист-криминалист помогает следователю изъять и упаковать обнаруженные следы и предметы так, чтобы обеспечить их сохранность для последующего исследования. Лучшим способом приобщения к делу указанных следов и объектов является их изъятие с предметом. Но иногда предмет, на котором обнаружен след, не может быть изъят, например, из-за его громоздкости или ценности, или невозможности длительной сохранности в обычных условиях, в таком случае изготавливаются копии следов, слепки, производится консервирование объектов.

В обязанность следователя входит с помощью криминалиста обеспечить индивидуализацию всех изымаемых объектов, следов, чтобы не подвергнуть сомнению их доказательственное значение. Это достигается путем обязательной фиксации индивидуально-определенных признаков в протоколе осмотра; кроме того в отношении предметов и следов, описание которых в полном объеме затруднительно или это скоропортящиеся вещества, применяются: фотографирование, зарисовки, схематическое изображение.

Иногда возникает необходимость искусственной индивидуализации за счет проставления номера или другого символа. Как отмечалось выше, следователь и специалист строго соблюдают правила упаковки.

© С.Ю. Бирюков, 2021

Быкова Елена Георгиевна,
доцент кафедры уголовного права,
криминологии и уголовного процесса
Екатеринбургского филиала Московской Академии
Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

О НЕКОТОРЫХ СЛОЖНОСТЯХ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 160 УК РФ

При расследовании уголовного дела важным является не только соблюдение уголовно-процессуального законодательства, но и корректное применение норм материального права.

Особую сложность представляет квалификация преступлений экономической направленности. В частности, обобщение судебной практики по ст. 160 УК РФ позволило выявить проблемы правовой оценки содеянного по указанной норме уголовного закона. Хотелось бы акцентировать внимание на некоторых из них.

Актуальным является вопрос отграничения присвоения и растраты от мошенничества.

Так, по приговору суда К.М.Е. осужден по ч. 4 ст. 159 УК РФ за мошенничество, т.е. хищение чужого имущества путем злоупотребления доверием в особо крупном размере.

К.М.Е. являлся директором агентства недвижимости. Его знакомый ФИО обратился к нему с просьбой помочь продать одну квартиру и купить другую. К.М.Е. согласился. После того, как сделка по продаже квартиры ФИО состоялась, он передал на хранение К.М.Е. деньги в сумме 4 000 000 рублей, т.к. у последнего в офисе имелись условия для обеспечения их сохранности.

Позднее ФИО забрал 1 300 000 рублей, остальные деньги продолжали оставаться на хранении у К.М.Е. Через некоторое время ФИО нашел подходящую для приобретения квартиру и обратился с К.М.Е., чтобы забрать оставшиеся у него на хранении 2 700 000 рублей. Однако К.М.Е. деньги не вернул, объяснив, что они были утрачены при переезде агентства недвижимости из одного офиса в другой.

Суд апелляционной инстанции пришел к выводу о необходимости переквалификации содеянного К.М.Е. с ч. 4 ст. 159 УК РФ на ч. 4 ст. 160 УК РФ (присвоение, то есть хищение чужого имущества, вверенного виновному, в особо крупном размере), подчеркнув, что инициатива передачи денежных средств на хранение К.М.Е. исходила от потерпевшего ФИО, который без совершения в отношении него каких-либо действий, связанных с обманом или злоупотреблением его доверием со стороны К.М.Е., добровольно передал ему денежные средства. Через некоторое время у К.М.Е. возник умысел на их присвоение¹. Суд кассационной инстанции поддержал решение апелляции².

Приведенный пример демонстрирует, что несмотря на наличие соответствующих разъяснений в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»³ (далее – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48) правоприменители допускают ошибки в квалификации, которых можно было бы избежать, если принимать во внимание следующее.

Предметом присвоения или растраты является чужое имущество, вверенное виновному. О данном факте согласно разъяснениям п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 свидетельствует совокупность двух обстоятельств: во-первых, нахождение имущества в правомерном владении либо ведении субъекта; во-вторых, наличие у этого лица, которому вверено имущество, в силу должностного или иного служебного положения, договора либо специального поручения альтернативных полномочий по распоряжению, управлению, доставке, пользованию или хранению в отношении чужого имущества.

¹ Апелляционное определение Рязанского областного суда от 18.05.2020 № 22-247/2020 // URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 29.10.2021).

² Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 01.09.2020 № 77-1425/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

³ URL: <https://www.vsrfr.ru/files/26106/> (дата обращения: 29.10.2021).

При определении признаков вверенного имущества следует ориентироваться на позицию П.С. Яни, согласно которой «правомерное владение нужно определять со ссылкой на гражданское законодательство... в остальных случаях, когда лицо на юридическом основании наделяется названными Пленумом полномочиями, речь нужно вести о нахождении имущества в введении лица» [1; С. 31-32].

При присвоении или растрате «изъятия чужого имущества не осуществляется» [2; С. 184]. Посягающему после возникновения умысла на хищение, не требуется прилагать дополнительных усилий для получения доступа к этим ценностям, т.к. решение о его передачи самостоятельно принимает владелец, наделяющий данное лицо конкретными полномочиями в отношении этого имущества. Это позволяет отличить указанные формы хищения от мошенничества¹, при котором лицо использует обман или злоупотребление доверием для того, чтобы владелец имущества или иное лицо, будучи введенными в заблуждение, передали имущество виновному или не препятствовали его изъятию. На этом акцентируется внимание в п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48.

В связи с изложенным следует присоединиться к точке зрения И.А. Клепицкого, который критикует квалификацию как мошенничества хищений, совершенных бухгалтерами и кассирами [3; С. 335]. Думается, что даже в ситуации, когда они принимают от третьих лиц денежные средства, не намереваясь вносить их в кассу или на расчетный счет, отсутствует способ изъятия (обман или злоупотребление доверием). При этом бухгалтера и кассиры уполномочены владельцем денежных средств на их хранение, внесение на счет после получения денег.

Второй вопрос, который неоднозначно решается правоприменителями, касается разграничения присвоения и растраты.

Например, по приговору суда заместитель директора по направлению экономика и финансы УФПС Республики Мордовия – филиал ФГУП «Почта России» М.О.Ф. осуждена по ч. 3 ст. 160 УК РФ за присвоение, то есть хищение вверенных денежных средств в сумме 9720 рублей, принадлежащие ФГУП «Почта России».

¹ См., например, Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 10.02.2021 № 77-566/2021(77-3752/2020) // СПС «КонсультантПлюс».

М.О.Ф., используя свое служебное положение, дала указание произвести оплату за приобретенные для одного из филиалов ФГУП радиаторы отопления, которые не были приняты на баланс организации. Вместо этого они были установлены в квартире М.О.Ф.

Вышестоящая инстанция переквалифицировала содеянное с присвоения на растрату. Ссылаясь на п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48, суд указал, что исходя из установленных обстоятельств дела предметом хищения являются не радиаторы отопления, а вверенные М.О.Ф. денежные средства, которые она в свою пользу не обращала, а израсходовала¹.

Следует отметить, что присвоение и растрата кардинально отличаются только способом совершения деяния.

Присвоение всегда совершается в пользу посягающего. Он достигает корыстной цели путем получения в свое распоряжение ранее вверенного ему похищенного имущества. Предмет хищения и то материальное благо, которое в результате приобрел субъект, совпадают. Этих обстоятельств не усматривается в приведенном примере. М.О.Ф. были вверены перечисленные поставщику денежные средства, а материальную выгоду она извлекла за счет приобретенного на них иного имущества (радиаторов отопления).

Как присвоение нужно квалифицировать хищение денежных средств, вверенных виновному, когда они незаконно получены этим лицом из кассы либо переведены на его счет под видом премиальных выплат, компенсаций и т.д.². Аналогично оцениваются противоправные действия, когда определенная денежная сумма перечисляется на счет иного лица, которое в дальнейшем передает ее в полном объеме субъекту посягательства³. В этих случаях материальная выгода извлекается лицом, которому вверено имущество, непосредственно за счет предмета хищения.

При растрате происходит противоправное издержание вверенных виновному ценностей путем их потребления, израсходования или отчуждения

¹ Апелляционное определение Верховного Суда Республики Мордовия от 02.09.2019 № 22-1595/2019 // URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 29.10.2021).

² См. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 24.06.2021 № 77-1885/2021; Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 10.06.2021 № 77-2111/2021; Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 24.09.2020 № 77-966/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

³ См. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 10.06.2021 № 77-1145/2021 // СПС «КонсультантПлюс»

другим лицам. На это обращает внимание высшая судебная инстанция в п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48.

Как видится, растрату обобщенно можно представить в виде двух схем. В рамках первой из них лицо, которому вверено имущество, противоправно передает его (в том числе путем перечисления денежных средств) иному лицу, в пользу которого совершается преступление (к примеру, незаконно компенсирует несуществующие расходы сотруднику, с которым поддерживает дружеские отношения¹).

При реализации второй схемы растраты посягающий производит незаконную передачу вверенного имущества третьим лицам либо осуществляет незаконные расчеты с таковыми, получая взамен иные материальные или нематериальные блага (за счет бюджетных средств приобрел какие-либо товары, оплатил работы, услуги и т.п.), либо избавляясь от собственных материальных затрат (например, оплатил штраф, наложенный на него как на должностное лицо, из средств возглавляемой организации либо учреждения²).

В заключении хотелось бы отметить, что в случае возникновения у правоприменителей сложностей в разграничении мошенничества, присвоения и растраты предложенные рекомендации могут послужить ориентиром для верной квалификации. Кроме этого, обозначенные в рамках данной публикации проблемы могут стать основой для дальнейших научных исследований.

Библиографический список:

1. Яни П.С. Хищение вверенного имущества // Законность. 2016. № 7 (981). С. 31-35.
2. Кочои С.М. Хищение чужого имущества: ошибки квалификации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43). С. 181-186.
3. Клепицкий И.А. Новое экономическое уголовное право: монография. Москва: Проспект, 2021. 984 с

© Е.Г. Быкова, 2021

¹ См. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 19.05.2020 № 77-252/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

² См. Апелляционное определение Калининградского областного суда от 17.09.2019 № 22 –1499 / 2019 // URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 29.10.2021).

Васильев Дмитрий Владимирович,
ст. преподаватель кафедры предварительного расследования
УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России

АСПЕКТЫ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Современное развитие и прогрессивное функционирование общественных отношений немыслимо без эксплуатации различных технических систем автотранспорта. Транспорт необходим во всех сферах жизнедеятельности нашего государства (общая протяженность российских автомобильных дорог составляет 4141 тыс. км [1]). Безопасность дорожного движения и причины возникновения дорожно-транспортных преступлений – сложные социально-экономические проблемы.

Согласно статистики в 2016 г. два из пяти дорожно-транспортных происшествий (41,2 %) [2] были вызваны плохим состоянием дорог, наличием на дорогах участков с ограниченной видимостью, с малым радиусом кривых в плане и продольном профиле, с зауженной шириной покрытия, недопустимыми неровностями на покрытии, с отсутствием дорожной разметки и знаков, ограничивающих скорость, запрещающих обгон и т.д. Для объективного установления причин ДТП и факторов, их вызывающих, систему дорожного движения, включающую совокупность элементов «участник движения – автомобиль – дорога – среда» необходимо рассматривать в комплексе. Для этого важно исследовать как состояние каждого из этих элементов (в статике), так и оценить их структурные взаимосвязи в динамике. Подобное исследование по своему содержанию, и по составу специальных знаний, необходимых для его производства, носит, как правило, комплексный характер.

Используемый до недавнего времени иной подход, который заключался в изучении следствием конечной стадии дорожно-транспортного происшествия, практически не позволял установить степень влияния качества строительства участка дороги на аварийность и практически не применялся с целью оценки влияния дорожных условий на возникновение расследуемого события. Эффективность раскрытия, расследования и предупреждения дорожно-транспортных происшествий предполагает широкое использование в этом процессе специальных знаний, расширяющих объема и повышающих качество

собираемых доказательств. В связи с этим понятен и обоснован тот интерес, который проявляют ученые к исследованиям различных обстоятельств дорожно-транспортных происшествий.

Сегодня почти 40% федеральных автотрасс не удовлетворяет соответствующим нормам (колейность), а более 30 % автодорог имеют ямы и выбоины [3]. В 2016 г. протяженность улиц, проездов и набережных в городах и населенных пунктах России увеличилась всего на 2,9 тыс. км [4], только 68% от общей их длины электрифицированы. Более половины транспортных, пешеходных мостов и путепроводов не отвечают нормативным требованиям по габаритам и нагрузкам.

В 2016 году из-за неудовлетворительного состояния улиц и дорог произошло каждая четвертая авария.

Одним из основных аспектов безопасности движения и эксплуатации автотранспорта является техническая безопасность, обеспечивающая соблюдение норм ремонта техники и выпуск автотранспорта в эксплуатацию в технически исправном состоянии. Нарушение специальных норм технической пригодности автотранспорта ведет в процессе его движения и эксплуатации к причинению вреда жизни, здоровью и собственности граждан.

В прикладных науках, занимающихся изучением использования, функционирования, безопасности автомобильного транспорта, ДТП, с позиции эксплуатационной надежности, принято рассматривать как отказ от нормального функционирования системы «водитель – автомобиль – дорога – среда».

На наш взгляд, процесс дорожного движения всегда зависит от условий, в которых оно осуществляется. А поскольку под условиями движения имеется в виду не только характеристики и параметры проезжей части дороги, околодорожного пространства, дорожных знаков, указателей, сигналов светофора, жестов регулировщиков движения, не только вся их совокупность, но и состояние прозрачности атмосферы, видимости, обзорности, особенности дорожного движения (плотность и состав транспортного потока, дорожно-транспортные ситуации и пр.), т.е. среда, в которой осуществляется дорожное движение.

ДТП может включать в себя и состояние здоровья, самочувствие водителя, интенсивность транспортного потока, освещенность дороги, состояние дорожного покрытия, наличие и состояние технических средств

организации дорожного движения, влияние погодных условий и других факторов.

Традиционно наиболее разработанным из элементов системы «участник движения – автомобиль – дорога – среда» в судебной автотехнической экспертизе является исследование автомобиля. Ранее исследование эксперта-автотехника практически состояло из исследования технического состояния автомобиля и определения параметров его движения. На основании полученных результатов экспертизы оценивались действия водителя на соответствие их требованиям правил безопасности движения. Статистический анализ ДТП показывает, что их количество (до 90%) связано с водителем и неудовлетворительными дорожными условиями. Отсюда следует, что для объективного установления причин ДТП и факторов, которыми они порождены, необходимо экспертное исследование всех элементов системы «участник движения – автомобиль – дорога – среда». Для этого необходимо исследовать и определить каково состояние каждого из элементов, так и оценить их структурные взаимосвязи в динамике.

Раскрытие и расследование преступлений против безопасности движения и эксплуатации автотранспортных средств является одним из важнейших направлений борьбы государства с нарушениями в сфере безопасности дорожного движения.

Библиографический список:

1. Твардовский Д.В. Развитие автомагистралей и скоростных автомобильных дорог в России // Транспорт Российской Федерации. 2017. № 6 (15). С. 9-14.
2. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за 12 месяцев 2016 года. Информационно-аналитический обзор. – М.: ФКУ НИЦ БДД МВД России, 2017. 18 с.
3. Петрова Т.М., Сорвачева Ю.А. Проблемы и перспективы строительства бетонных автодорожных покрытий в Российской Федерации // Вестник гражданских инженеров. 2016. № 3 (56). С. 149-155.
4. Хрусталева В.Н. и др. Криминалистическое исследование веществ, материалов и изделий: учеб. пособие. Иркутск: Типография «На Чеховой», 2017. 444 с.

© Д.В. Васильев, 2021

Васильев Дмитрий Владимирович,
ст. преподаватель кафедры предварительного расследования
УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В НЕКОТОРЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ

Участие несовершеннолетнего в качестве подозреваемого или обвиняемого по уголовному делу влечет за собой определенные особенности в проведении следственных действий. Однако УПК РФ устанавливает особенности проведения только для одного следственного действия, а именно допроса несовершеннолетнего. Для подробного изложения особенностей проведения следственных действия в отношении несовершеннолетнего необходимо начать с вызова.

Несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, не находящегося под стражей, вызывают к следователю, дознавателю через его законных представителей, если несовершеннолетний находится в специализированном учреждении, вызов осуществляется через администрацию данного учреждения. Именно такой порядок вызова несовершеннолетнего содержит в себе как плюсы, так и минусы. К плюсам можно отнести то, что законные представители, родители или администрацию специализированного учреждения всегда будут уведомлены о вызове своего подопечного в следственные органы, что позволит им контролировать явку несовершеннолетнего и обеспечить участие защитника при проведении следственных действий. Негативный момент заключается в том, что многие несовершеннолетние, совершившие преступление, состоят в плохих отношениях со своими родителями, т.е. последние могут отрицательно влиять на поведение детей, а также причинить вред как самому несовершеннолетнему, так и следствию. Еще хуже обстоит ситуация в том случае, когда родители несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого страдают алкогольной или наркотической зависимостью.

Следовательно, они не будут относиться к вызову несовершеннолетнего с должной ответственностью. Так же нельзя исключать ситуацию, что несовершеннолетний находится на проживании у близкого родственника, например, бабушки, но вызов все равно будет осуществляться через родителей,

с которыми он не проживает или не поддерживает контакта. Как мы видим норма УПК РФ содержит в себе пробелы относительно вызова несовершеннолетнего, а так же слишком категорична по отношению к лицам, через которых будет осуществляться вызов несовершеннолетнего, т.е. данная норма не предоставляет следователю или дознавателю выбора. Еще одной особенностью проведения допроса несовершеннолетнего является обязательное участие защитника. Защитник предоставляется несовершеннолетнему в любом случае, даже если он уже достиг своего совершеннолетия, но преступление было совершено им до достижения возраста 18 лет.

В большинстве случаев защитник для несовершеннолетнего приглашается его законными представителями, для этого следователь должен заблаговременно сообщить законным представителям несовершеннолетнего об их праве пригласить защитника, однако, защитник может быть приглашен и следователем или дознавателем в случае, если несовершеннолетний подозреваемый обращается с такой просьбой. Некоторые ученые считают, что участие защитника в уголовном деле со стороны защиты как дополнительная гарантия соблюдения его прав. При этом несовершеннолетнему подозреваемому обвиняемому обеспечивается активное участие в доказывании, а также решение вопроса о дальнейшем движении дела[1]. Необходимо отметить, что несовершеннолетний подозреваемый имеет право пригласить в качестве защитника одного из своих близких родственников, речь об этом пойдет в следующем параграфе. Так же несовершеннолетний подозреваемый имеет право отказаться от защитника, но данное право не является обязательным для следователя или дознавателя. Таким образом, следователь обязан заменить одного защитника другим.

Еще одной особенностью при проведении следственных действий в отношении несовершеннолетнего лица является обязательное участие педагога или психолога. Их участие служит гарантией соблюдения прав несовершеннолетнего с учетом его умственных и психологических особенностей. Присутствие педагога или психолога обусловлено тем, что несовершеннолетний – это личность, которая только находится в процессе своего развития, такая личность характеризуется повышенной возбудимостью, резкой сменой настроения, склонностью к бурному выражению своих эмоций. Сложность заключается в том, что УПК РФ не содержит в себе процессуальный статус педагога либо психолога, т.е. не закреплены основные требования, которые

должны применяться к данным лицам. На мой взгляд, следовательно, осуществляющий расследование по уголовному делу, должен соблюдать некоторые условия при выборе педагога или психолога.

К таким условиям можно отнести: Наличие специального профессионального (педагогического или психологического) образования у избираемого лица; осуществление данным лицом практической деятельности.

УПК РФ предоставляет следователю выбор, кого именно привлекать к участию в проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний на месте: педагога или психолога. Мнения ученых относительно этого спорного момента расходятся. И.А. Макаренко считает, что при проведении допроса несовершеннолетнего подозреваемого должен присутствовать именно педагог, если преступление было совершено с особым цинизмом и дерзостью[2]. Необходимо отметить, что педагог и психолог выполняют немного разные функции. Если психолог изучает психологические особенности несовершеннолетнего, помогает следствию, то педагог имеет больше воспитательного воздействия на несовершеннолетнего подозреваемого.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что привлечение педагога или психолога к проведению следственного действия – это прерогатива следователя. Последний, в свою очередь, оценив всю сложившуюся ситуацию, личность и психологическое состояние несовершеннолетнего, должен прийти к решению: чье участие необходимо: педагога или психолога? И должен ли быть он знаком с несовершеннолетним?

Согласно Уголовно-процессуальному кодексу РФ время непрерывного допроса несовершеннолетнего в общей его продолжительность значительно меньше чем у совершеннолетних. Это положение обусловлено тем, что несовершеннолетний гораздо быстрее устает, чем взрослый человек, ему трудно обратить все свое внимание на фактах, имеющих значение для уголовного дела, что может привести к искажению сведений.

Однако законодательство РФ распространяет ограничения на проведение определенных следственных действий (допрос) в отношении несовершеннолетнего лица и не выявляет особенностей проведения иных следственных действий, хотя они требуют не меньшей подготовки. При проведении любого следственного действия в отношении несовершеннолетнего лица следовать обязан подробно изложить подозреваемому его права и обязанности, условия и порядок проведения данного действия, а так же оказать ему необходимую

психологическую помощь, учитывая особенности несовершеннолетнего лица.

Подводя итог, можно сказать, что проведение следственных действий в отношении несовершеннолетнего лица требует особой подготовки и внимания, следователь должен учитывать нравственно-психологические качества подозреваемого и создать все условия, чтобы следственное действие не отразилось негативно на психике подростка.

Библиографический список:

1. Макаренко И.А. Система тактических приемов допроса несовершеннолетнего обвиняемого с учетом следственных ситуаций и психологических свойств допрашиваемого: Дис. ... канд. Юрид. Наук. – Уфа, 1998. 198 с.

2. Мишенина А.А., Кирянина И.А. Проблемы реализации прав и интересов законного представителя несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого / А. А. Мишенина, И. А. Кирянина // Актуальные вопросы борьбы с преступностью. 2014, №1. Стр. 53-56.

© Д.В. Васильев, 2021

Волколупов Владимир Георгиевич,
старший преподаватель кафедры уголовного права
УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА ЖАЛОБЫ НА ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ И РЕШЕНИЯ ЛИБО БЕЗДЕЙСТВИЕ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ

Чаще всего в уголовно-процессуальной доктрине предмет жалобы классифицируется на два вида: 1) нарушения прав, свобод или законных интересов заявителя жалобы, которые реально наступили, то есть имеют место в объективной действительности, кроме того, 2) нарушения, наступление которых является потенциальным, а именно существует только реальная и непосредственная угроза их наступления [1, с. 52-53; 2, с. 55; 3, с. 84].

Второй вид предмета жалобы имеет место в тех случаях, когда обжалуется принятое и вступившее в законную силу, но еще не исполненное в полной мере решение органов предварительного расследования, прокурора

или суда. Так, Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 3 мая 1995 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Аветяна» [4] указал на то, что постановление об избрании меры пресечения может быть обжаловано обвиняемым или подозреваемым сразу после его вынесения, поскольку именно с этого момента у государственных органов появляется право применить к указанным лицам предусмотренные законом меры принуждения.

Отдельные авторы выделяют такие виды решений должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, которые не могут нарушить чьих-либо прав, свобод или законных интересов [5, с. 69-81; 6, с. 57-58], а значит жалобы, поданные на эти решения, не могут быть приняты уполномоченными субъектами, поскольку у таких обращений априори отсутствует надлежащий предмет. Обобщая существующие в науке уголовно-процессуального права классификации можно выделить следующие их группы:

1) решения, обеспечивающие осуществление производства по уголовному делу (о поручении производства предварительного следствия (п. 1 ч. 1 ст. 39 УПК РФ), о принятии дела к производству (п. 2 ст. 149, ст. 156 УПК РФ), о производстве предварительного следствия следственной группой (ст. 163 УПК РФ) и др.);

2) решения о наделении правовым статусом отдельных участников уголовного судопроизводства (о признании потерпевшим (ч. 1 ст. 42 УПК РФ), о признании гражданским истцом (ч. 1 ст. 44 УПК РФ) и др.);

3) решения, направленные на получение согласия прокурора (п. 5 ч. 2 ст. 37 УПК РФ), а также на обеспечение принятия решения судом (ч. 2 ст. 29 УПК РФ);

4) решения о применении в отношении потерпевшего, свидетеля или иных участников уголовного судопроизводства мер безопасности (ч. 3 ст. 11 УПК РФ).

Желая избежать неограниченного («тотального» или «беспробельного») обжалования в порядке, предусмотренном ст. 125 УПК РФ, законодатель выработал ряд условий, касающихся характеристики предмета жалобы, при наличии которых возможно судебное обжалование деятельности, осуществляемой органами предварительного расследования, их должностными лицами или прокурором. В частности, обжаловать можно постановления об отказе

в возбуждении уголовного дела и о прекращении уголовного дела, а также иные действия (бездействие) и решения, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию. Следовательно, предмет жалобы в суд более ограничен по сравнению со ст. 123 УПК РФ, в соответствии с которой прокурору или руководителю следственного органа могут быть обжалованы любые действия (бездействие) и решения должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование. Тем не менее, исчерпывающего перечня нарушений, способных причинить ущерб конституционным правам и свободам заявителя жалобы либо затруднить его доступ к правосудию, законодатель не предусмотрел, причем, по мнению А. И. Лалиева, сделать это практически невозможно [7, с. 72]. Более того, В. А. Лазарева считает «принципиально неверным стремление указать в законе исчерпывающий перечень действий и решений органов расследования, требующих судебного контроля» [8, с. 86].

Между тем закрепление в Конституции РФ так называемых основных конституционных прав и свобод вовсе не означает отрицания или умаления других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 55), судебная защита которых в Российской Федерации гарантирована каждому (ч. 1 ст. 46). Поэтому, несмотря на законодательную формулировку «ущерб конституционным правам и свободам» (толкование в узком смысле), закрепленную в ст. 125 УПК РФ, в судебном порядке допускается защита и других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина, то есть любые нарушенные права, свободы или законные интересы должны рассматриваться как конституционные (толкование в широком смысле). Исходя из этого, представляется вполне обоснованной позиция И. Л. Петрухина, согласно которой «почти все права и законные интересы участников процесса можно представить как некоторую конкретизацию, детализацию конституционных прав личности» [9, с. 52].

Раскрывая право на судебную защиту применительно к обжалованию в вышестоящий суд определений и постановлений суда первой инстанции, Конституционный Суд РФ сформулировал свою правовую позицию, по смыслу которой «заинтересованным участникам судопроизводства должна быть обеспечена возможность еще до завершения производства в суде первой инстанции обжаловать судебные решения, если они порождают последствия,

выходящие за рамки собственно уголовно-процессуальных отношений, существенно ограничивая при этом конституционные права и свободы личности и причиняя им вред, исполнение которого в дальнейшем может оказаться неосуществимым, поскольку проверка таких решений одновременно с рассмотрением жалобы на приговор не может быть признана эффективным средством защиты нарушенных прав» [10].

Важным аспектом данного разъяснения, по нашему мнению, является указание на своевременность обжалования, а именно стремление как можно быстрее и результативнее принять все необходимые меры по устранению допущенного нарушения прав и свобод личности и (или) их восстановлению, к чему, конечно, следует стремиться при осуществлении уголовного судопроизводства в целом.

Согласно п. 3.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» «не подлежат обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ действия (бездействие) и решения, проверка законности и обоснованности которых относится к исключительной компетенции суда, рассматривающего уголовное дело по существу (отказ следователя и дознавателя в проведении процессуальных действий по собиранию и проверке доказательств; отказ следователя и дознавателя в возбуждении перед судом ходатайства о прекращении уголовного дела или уголовного преследования и назначении лицу меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа; постановления следователя, дознавателя о привлечении лица в качестве обвиняемого, о назначении экспертизы и т. п.)» [11].

В соответствии с ч. 7 ст. 236 УПК РФ также не подлежит обжалованию судебное решение о назначении судебного заседания в части разрешения вопросов о его месте, дате и времени, о вызове в судебное заседание лиц по спискам, представленным сторонами, и др. (п. 1, 3-5 ч. 2 ст. 231 УПК РФ). Кроме того, согласно ч. 2 ст. 389.2 УПК РФ «определения или постановления о порядке исследования доказательств, об удовлетворении или отклонении ходатайств участников судебного разбирательства и другие судебные решения, вынесенные в ходе судебного разбирательства, обжалуются в апелляционном порядке одновременно с обжалованием итогового судебного решения по делу,

за исключением судебных решений, указанных в части третьей настоящей статьи».

До вынесения итогового судебного решения апелляционному обжалованию подлежат постановления мирового судьи о возвращении заявления лицу, его подавшему, либо об отказе в принятии заявления к производству; судебные постановления или определения об избрании меры пресечения или о продлении сроков ее действия, о помещении лица в медицинскую организацию, оказывающую медицинскую помощь в стационарных условиях, или в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, для производства судебной экспертизы, о наложении ареста на имущество, об установлении или продлении срока ареста, наложенного на имущество, о приостановлении уголовного дела, о передаче уголовного дела по подсудности или об изменении подсудности уголовного дела, о возвращении уголовного дела прокурору; другие судебные решения, затрагивающие права граждан на доступ к правосудию и на рассмотрение дела в разумные сроки и препятствующие дальнейшему движению дела, а также частные определения или постановления (ч. 3 ст. 389.2 УПК РФ).

В русском языке слово «решить» означает: 1) «обдумав, прийти к какому-н. выводу, к необходимости каких-н. действий» [12]; 2) «сделать окончательное заключение, вывод; вынести постановление о чем-н.» [12]. Однако в правовом смысле содержание понятия «решение» толкуется в более узком смысле и в российском уголовном судопроизводстве выделяются следующие виды процессуальных решений: 1) бездокументарное процессуальное решение (п. 33 ст. 5 УПК РФ); 2) постановление (п. 25 ст. 5 УПК РФ); 3) судебное решение (п. 53.1 ст. 5 УПК РФ). Именно данные виды решений могут выступать в качестве предметов жалобы.

Но конститутивным свойством любого процессуального решения является его юридическая сила, которая возникает в том случае, если оно соответствует требованиям, предусмотренным УПК РФ. При наличии юридической силы процессуальное решение порождает, изменяет или прекращает соответствующие правоотношения, наделяя их субъектов процессуальными правами и обязанностями (то есть изменить их правовой статус, ухудшая или улучшая его). В противном случае, признавать наличие любого из указанных решений нельзя. Иными словами, если они не имеют юридической силы, то они не имеют сами по себе и правового значения.

Обычно у заинтересованных лиц не возникает каких-либо проблем с определением момента вступления в законную силу принятого постановления или вынесенного судебного решения, а соответственно, не возникает проблем и с определением момента возникновения права на их обжалование. Однако, в тех случаях, когда необходимо установить момент вступления в законную силу такого процессуального решения, которое не оформляется документально, не только у заинтересованных лиц, но и у правоприменителя могут возникнуть известные трудности. Сложности могут возникнуть при оценке принятых решений о производстве допроса, осмотра, очной ставки, следственного эксперимента и др.

По нашему мнению, такие решения вступают в законную силу с момента начала их реализации, приводящей к реальному (фактическому) изменению конкретных правоотношений (например, с момента начала производства того следственного действия, о котором было принято решение). До начала их реализации сами по себе такие решения юридической силой не обладают, что исключает их обжалование на стадии принятия. Таким образом, «бездokumentарное» процессуальное решение может быть обжаловано отдельно либо вместе с обязательно сопровождающим его действием, но только после начала совершения такого действия.

Библиографический список:

1. Белобородов, С. В. Принцип широкой свободы обжалования в уголовном судопроизводстве России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Белобородов Сергей Владимирович. – Нижний Новгород, 2006. – 250 с.
2. Горак, Н. В. Обжалование прокурору действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Горак Нелли Викторовна. – Краснодар, 2017. – 253 с.
3. Сидоров, В. В. Обжалование процессуальных действий и решений органов, осуществляющих уголовное преследование, как гарантия обеспечения прав участников уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. : 12.00.09 / Сидоров Виктор Владимирович. – Калининград, 2009. – 240 с.
4. По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Аветяна : постановление Конституционного Суда РФ от 03.05.1995 № 4-П // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

5. Артамонов, А. Н. Обжалование действий и решений органов расследования в досудебных стадиях российского уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Артамонов Алексей Николаевич. – Омск, 2003. – 215 с.

6. Григорьева, Н. В. Обжалование как форма правовой защиты прав и законных интересов участников уголовного процесса в досудебном производстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Григорьева Наталья Владимировна. – Москва, 2000. – 230 с.

7. Лалиев, А. И. Проблемы судебного обжалования действий (бездействия) и решений органов предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Лалиев Аслан Иванович. – Краснодар, 2011. – 208 с.

8. Лазарева, В. А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе / В. А. Лазарева. – Самара : Сам. ун-т, 1999. – 134 с. – ISBN 5-230-06176-6.

9. Петрухин, И. Л. Прокурорский надзор и судебная власть: учебное пособие / И. Л. Петрухин. – Москва : Проспект, 2001. – 88 с.

10. По делу о проверке конституционности положений статей 106, 110 и 389.2 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Филиппова : постановление Конституционного Суда РФ от 17.06.2021 № 29-П // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

11. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.

12. GLOSUM. Сборник словарей : сайт. – 2021. – URL: <https://glosum.ru/> (дата обращения: 19.11.2021).

© В.Г. Волколупов, 2021

Вологина Елена Вильгельмовна,
доцент кафедры уголовного процесса
УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ДЕЛАМ О ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ

Осмотр места происшествия – это неотложное следственное действие, состоящее из комплекса познавательных и удостоверительных операций следователя, проводимое для отыскания и закрепления следов, позволяющих уяснить механизм и обстоятельства совершения преступления, имеющие значение для расследования уголовного дела.[1. с 75.]

При расследовании взяточничества основными задачами данного следственного действия являются: обнаружение предметов и документов (незаконное вознаграждение, должностные уставы, инструкции, приказы руководителя учебного заведения, трудовые договоры, заключаемые с педагогами (преподавателями), и т.п.); установление характера и обстоятельств совершения преступления; выявление причин и условий, способствовавших его совершению, а также выдвижение криминалистических версий относительно происшедшего события.

Кроме того, осмотр места происшествия зачастую позволяет следователю получить сведения о личности преступника и ознакомиться с обстановкой, в которой было совершено взяточничество. Данные сведения могут быть использованы при оценке результатов проверки показаний преступников на месте. Так, сопоставление полученных результатов осмотра и показаний лиц, подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступления, может выявить достоверность или ложность этих показаний.[2. с 177]

Результативность осмотра места происшествия зависит от временного фактора.

Тактические приемы проведения осмотра места происшествия могут быть различными, остановимся на некоторых тактических особенностях при проведении осмотра места происшествия в ходе расследования взяточничества.

Подготовительный этап осмотра места происшествия при расследовании взяточничества состоит из двух стадий:

а) подготовка к осмотру места происшествия до выезда;

б) подготовка к осмотру места происшествия непосредственно по прибытии на место происшествия.[3. с 68]

Первая стадия состоит из комплекса действий, совершаемых следователем: утверждение состава следственно-оперативной группы, распределение между ними обязанностей, обеспечение охраны места происшествия, удаление с места происшествия посторонних лиц.

На второй стадии следователь привлекает к участию в осмотре понятых, собирает путем опроса предварительные сведения о происшедшем событии и осуществляет производство других неотложных мер с целью улучшения условий осмотра места происшествия.[4, с. 195]

Привлечение к участию в осмотре места происшествия понятых, на наш взгляд, обусловлено необходимостью выполнения удостоверительной функции, а также обеспечения соблюдения прав и интересов всех участников следственного действия.

Не рекомендуется привлекать в качестве понятых лиц, находящихся в зависимости от заподозренного лица в совершении преступления (например, коллег и подчиненных), так как на них может быть оказано давление в процессе производства следственного действия, что повлечет их отказ от участия, в связи с чем может утратиться доказательственное значение полученных результатов.

Важным подготовительным действием является охрана места происшествия в целях воспрепятствования проникновению посторонних лиц (такowymi могут быть сообщники преступника), а также избавлению от незаконного вознаграждения и других следов преступления.[5, с. 61]

Рабочий этап осмотра места происшествия по делам расследования взяточничества в сфере образования состоит также из двух стадий: общей и детальной. Общий осмотр позволяет следователю ориентироваться на месте происшествия, определить взаимное расположение объектов и зафиксировать это при помощи планов, чертежей. В ходе детального осмотра происходит изучение отдельных объектов, в результате чего выявляются следы преступления и преступника.

Объектами осмотра места происшествия согласно анализу уголовных дела по расследованию взяточничества являются: место проведения подготовительных действий, место передачи-получения незаконного вознаграждения и в некоторых случаях – место сокрытия следов преступления.

Наиболее характерные места совершения преступления: служебное помещение – в 81,8% случаев; прилегающая территория к месту работы или жительства – 15,8% случаев; автомашина – 1,2% случаев; иные места (остановка общественного транспорта, магазин, кафе, рестораны) – 0,6% случаев.[6, с. 65]

При осмотре места происшествия по уголовным делам рассматриваемой категории следователь часто не обращает должного внимания на такие объекты, подлежащие исследованию, как: транспортные средства, используемые преступниками; иные места пребывания взяточников, где могут быть обнаружены документы, подтверждающие взаимодействие взяткодателя со взяточполучателем.

Целесообразно исследовать само место задержания, где могут быть обнаружены предметы и документы, выброшенные преступником.

Кроме того, представляется возможным проведение осмотра места происшествия с участием лица, добровольно заявившего о совершении преступления или явившегося в правоохранительные органы с повинной, так как данные лица могут указать месторасположение объектов осмотра, предмета незаконного вознаграждения.

Для установления обстоятельств совершения взяточничества следователем используется криминалистический анализ обнаруженных следов преступления.

Типичными следами, оставляемыми преступниками на месте происшествия, согласно практике расследования уголовных дел о взяточничестве в сфере образования являются:

А) материальные следы преступления:

1. следы от химического порошка, имеющиеся на предмете взятки, его упаковке, открытых частях тела подозреваемого лица (их изъятие проводится путем смывов на ватные тампоны с поверхностей ладоней и пальцев рук);

2. предмет незаконного вознаграждения;

3. аудиозапись или видеозапись встреч взяткодателя со взяточполучателем, где происходила предварительная договоренность о передаче-получении взятки, и фиксация самого процесса взяточничества;

Б) идеальные следы преступления:

1. показания свидетелей, участвующих в оперативно-тактической комбинации «Задержание с поличным» в качестве понятых;

2. показания оперативных работников, участвующих в оперативно-тактической комбинации «Задержание с поличным»;

3. показания свидетелей совершения преступления.

Места обнаружения следов преступления различные: на рабочем столе в ручной клади заподозренного в совершении преступления; в книжном шкафу (в одной из книг); на полу служебного кабинета.

Типичными предметами и документами, обнаруживаемыми в ходе осмотра служебного кабинета, а также автомобиля и жилища взяточников, выступают:

а) предмет взятки и его упаковка (конверт, упаковочная бумага), а также предметы, в которых находилось незаконное вознаграждение на момент обнаружения (книга, записная книжка, кошелек);

б) предметы со следами красящего вещества, использованного в ходе проведения оперативно-тактической комбинации «Задержание с поличным» (книги, шкафы, портфели, столы, стулья и пр.);

в) документы, свидетельствующие о взаимоотношениях взяткодателя и взяткополучателя: официальные документы, записные и телефонные книжки, ежедневники и т.п.

Во избежание утраты важнейших следов преступления целесообразно использовать концентрический способ осмотра рабочего кабинета, который ведется от периферии (двери служебного кабинета) к объекту (шкаф, стол), где могут находиться следы преступления.

Если в ходе проведения оперативно-тактической комбинации «Задержание с поличным» использовались специальные химические средства, то необходимо при осмотре места происшествия использовать ультрафиолетовый осветитель, чтобы установить следы на предметах окружающей обстановки и проследить путь следования преступника.

Вторым по распространенности объектом является участок местности, осмотр которого производится с целью выяснения обстановки, в которой происходила встреча участников преступления. В ходе общего осмотра необходимо осмотреть территорию, установить границы места осмотра и отметить объекты, его ограничивающие. Далее осматривается весь участок территории и указывается перечень объектов, находящихся на ней, их взаиморасположение, расстояние между объектами (спортивная площадка, автостоянка, забор и т.д.). После этого следует переходить к детальному

осмотру обнаруженных предметов или следов. Например, в ходе осмотра прилегающей территории к месту работы или жительства взяточника следователь может обнаружить и изъять: следы ног, транспортных средств; окурки от сигарет; обрывки оберточной бумаги, в которую ранее мог быть упакован предмет незаконного вознаграждения.

Поскольку объектами осмотра являются общественные места, где существует множество следов, следователю рекомендуется при обнаружении этих следов выделить из общей массы те, которые относятся к расследуемому уголовному делу. Для этого нужно проанализировать весь механизм преступного события и поэтапно действия преступника.

Третий объект осмотра, проводимого по делам расследования взяточничества в сфере образования, - автомобиль. Такой осмотр проводится в целях установления факта взаимоотношения взяточников, а также для обнаружения следов преступления. По делам данной категории специфичными предметами, которые подлежат изъятию при осмотре автомобиля, являются предметы (стекла автомобиля, дверцы) со следами рук, оставленными взяткодателем и взяткополучателем. Остальные предметы совпадают с изучаемыми при осмотре служебного кабинета или жилища взяточников. Так, преподаватель английского языка Р. был задержан в своем автомобиле на стоянке около государственного университета при получении незаконного вознаграждения в размере 1500 руб. Следователь осмотрел транспортное средство, в котором обнаружил сумку, принадлежащую Р., в ней находились денежные средства в бумажном конверте. Преподаватель вынужден был пояснить, что получил денежные средства в салоне своего автомобиля от студента.[7, с.128]

Осмотр жилища проводится в соответствии со ст. ст. 29, 165 УПК РФ, когда уголовное дело по фактам взяточничества в сфере образования уже возбуждено. В ходе осмотра жилища (обычно это места жительства взяточников) следователь осматривает такие предметы, как: письменный стол; книжные шкафы, в которых могут находиться папки с различной документацией; мебель; телефонный аппарат, в котором могут быть обнаружены абонентские номера.

Таким образом, основными ошибками, возникающими при осмотре места происшествия при расследовании взяточничества, являются:

- 1) осуществление в ходе осмотра места происшествия поисковых

действий, направленных на обнаружение каких-либо спрятанных предметов, тайников (считается недопустимым подменять одно следственное действие другим);

2) подробная регистрация всех следов, обнаруженных на месте происшествия, даже не относящихся к расследуемому уголовному делу;

3) узкая характеристика индивидуальных особенностей обнаруженных предметов и документов.

Для надлежащей фиксации доказательств целесообразно использовать помощь специалиста. Однако при анализе протоколов осмотра мест происшествий видно, что специалисты привлекались лишь в 48,1% случаев. Например, при обнаружении следов пальцев рук на месте происшествия следователями в протоколах была отражена следующая информация: в 63,5% случаев был зафиксирован лишь факт изъятия следов с места происшествия, в 24,3% случаев указано место их обнаружения, в 7,7% случаев отмечено точное расположение следа на незаконном вознаграждении, а способ обнаружения следов указан только в 4,5% случаев.[8, с.126]

Кроме того, в исследуемых протоколах применение технических средств в виде видеокамеры и ультрафиолетового осветителя производилось следователем в 42,4% случаев. Проведенное исследование свидетельствует о формальном производстве следственного действия, что проявляется в недостаточном использовании возможностей техники и применении помощи специалиста. Редкое применение видеозаписи и фотографирования, возможно, связано с недостатками субъективного (осуществляя следственное действие с применением видеозаписи, следователь испытывает психологический дискомфорт) и организационного характера (техническое состояние аппаратуры).[9, с.78]

Необходимо отметить, что значение осмотра места происшествия по делам о взяточничестве велико, так как результаты тщательного осмотра позволяют не только собрать вещественные доказательства, но и выработать типичные криминалистические версии о лицах, причастных к совершению взяточничества в указанной сфере. При осмотре места происшествия по делам о взяточничестве следователь может допустить тактические, процессуальные и организационные ошибки. Улучшение ситуации возможно, на наш взгляд, путем повышения профессионального уровня следователей, изучения тактических особенностей данного следственного действия.

Библиографический список:

1. Криминалистические аспекты производства следственных действий: учебное пособие/ Л.Ю. Аксенова [и др.]... – Омск: Омская академия МВД России, 2020. – 128 с. – ISBN 978-5-88651-744-6. – Текст: электронный.
2. Кирюшина О.М. Предварительное расследование по делам о взяточничестве. – М., 2019. 177 с.
3. Настольная книга следователя: тактические приемы проведения осмотра места происшествия и допросов при расследовании преступлений различной категории / Под ред. А.И. Дворкина. - М., 2013. 268 с.
4. Центров Е.Е. Тактика осмотра места происшествия / Под ред. Н.П. Яблокова. - М., 2019. 395 с.
5. Левченко О.В. Отдельные следственные действия в структуре предварительного расследования: учебное пособие / Левченко О.В. – Оренбург. Оренбургский государственный университет, ЭБС АСВ, 2016.- 117 с. ISBN 978-5-7410-1496-7. – Текст: электронный.
6. Левченко О.В. Отдельные следственные действия в структуре предварительного расследования: учебное пособие / Левченко О.В. – Оренбург. Оренбургский государственный университет, ЭБС АСВ, 2016.- 117 с. ISBN 978-5-7410-1496-7. – Текст: электронный.
7. Кузнецов А.А., Никитина Е.В. Тактические особенности осмотра места происшествия при расследовании взяточничества в сфере образования // Российский юридический журнал. – 2018. – № 1. С. 126-132.
8. Кирюшина О.М. Предварительное расследование по делам о взяточничестве. – М., 2019. 177 с.
9. Использование современных средств фото- и видеофиксации при проведении следственных действий: учебное пособие / А.А. Кузнецов [и др.]... – Омск: Омская академия МВД России, 2019. – 124 с.

© Е.В. Вологина, 2021

Гайнелзянова Венера Равилевна,
доцент кафедры криминалистики
Уфимского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ ОБ ОТДЕЛЬНЫХ СПОСОБАХ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

На сегодняшний день, важной проблемой для социума является высокие показатели роста наркопреступности, которая негативно влияет на экономическую и социальную устойчивость, причиняет урон экономической безопасности страны, и вызывает всеобщее недовольство.

Раскрытие и расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств требует от субъектов предварительного следствия наличие знаний характеристики элементов криминалистической характеристики, в частности информации о способах его совершения.

Криминалистическими особенностями преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств определена спецификой методики их расследования, а также предмета доказывания по указанным уголовным делам [1, с. 815].

Использование криминалистической характеристики отдельного вида преступлений способствует эффективному расследованию, под ней понимается «система информации о признаках преступлений данного вида, имеющих криминалистическое значение, которые отмечают закономерные связи между ними» [2, с. 16].

Преобладающим элементом криминалистической характеристики по указанной категории преступлений является способ его совершения. В теории криминалистики способом совершения преступления принято считать комплекс действий преступника, обусловленных мероприятиями по подготовке, совершению и сокрытию следов.

Так, действия по подготовке совершения преступления включают в себя поиск соучастников, составление плана, выбор средств производства и распространения и др.

Основной акцент в нашей работе сделаем на рассмотрение отдельных способов совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств.

Так, наиболее распространенным способом совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств является посев или культивирование растений, которые содержат наркотическое вещество, поскольку для осуществления этого действия необходимы определенные знания, касающиеся выбора инструментов, маскировочных материалов мест произрастания и др.

При этом посевом является высадка семян в почвенную основу без соответствующего разрешения государственных органов, в том числе и на пустырях. Выращивание – это прополка, полив, внесение удобрений (уход) с целью дорабатывания растений до созревшего состояния с целью получения подходящего растительного материала для изготовления наркотических средств.

Изготовление и переработка наркосодержащих веществ представляет собою совокупность мероприятий по переработке первичного материала, в том числе и не являющегося наркотическим. Также для употребления и получения определенного эффекта осуществляются действия по очистке от примесей.

Так, примером производства наркотического средства является действия гр. Н, «незаконно изготовил кустарным способом путем обработки лекарственного препарата «Седал М», содержащего в своем составе наркотическое средство – кодеин, не запрещенного к свободной продаже в аптеках, бензином с добавлением средства от засоров «Крот», муравьиной кислоты, йода и фосфора, воды в процессе экстракции, нагревания, реакции синтеза и фильтрования, наркотическое средство – дезоморфин, массой – 4,285 грамма, что составляет особо крупный размер, которое для удобства сбыта выбрал – расфасовал в одноразовый инъекционный шприц.

Под незаконной переработкой наркотических средств понимают совершенные в нарушение законодательства Российской Федерации умышленные действия по рафинированию (очистке от посторонних примесей) твердой или жидкой смеси, содержащей одно или несколько наркотических средств или психотропных веществ, либо на повышение в такой смеси (препарате) концентрации наркотического средства или психотропного вещества, а также смешиванию с другими фармакологическими активными веществами с целью

их активности или усиления действий на организм [3, с. 14].

Популярным способом приобретения и сбыта наркотических средств и психотропных веществ является их розничная реализация с расфасовкой по небольшим дозам, рассчитанным на разовое потребление. Как следует из практики, нередко лица, реализующие наркосодержащие средства работают в группах в которых роли заранее определены: один обеспечивает хранение наркотиков, другой – клиентов для потребления, а третий отвечает за безопасность передачи. Имеют место случаи когда для реализации преступного умысла используют детей, подростков и даже животных.

Сбыт чаще всего осуществляется бесконтактным способом путем закладок, также посредством социальных сетей. Так, например, гр. А. А. С. «приобретала партии наркотических средств, фасовала их, перевозила из Екатеринбурга к местам закладок в городах Качканар и г. Красноуральск, производила раскладку наркотических средств в закладки. Она же через сеть Интернет договорилась с лицом под именем Б. о поставке наркотиков» [4, с. 3].

При сбыте наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов местом совершения преступления могут быть: вышеуказанные места, а также улицы, загородные участки местности, лес, транспортное средство.

На сегодняшний день бесконтактный способ передачи наркотиков с использованием интернет-магазинов является самым распространенным. Как показывает практика данный способ преступления совершается организованными преступными группами, участники которой состоят в определенной иерархии: криминальный лидер и рядовые члены.

Способы перевозки средств содержащих наркотические вещества постоянно совершенствуются. При перевозки наркосодержащих веществ на железнодорожном транспорте роль наркокурьеров исполняют работники поезда, нередко под угрозой насилия. В практике расследования имеются случаи передачи наркосодержащих средств посредством пассажиров в виде посылки, так называемый «бескурьерный» способ доставки наркотических средств. Вместе с тем, часто встречаемый способ в ходе перевозки запрещенных веществ стало применение специально подобранных «курьеров», применительно к которым подбираются средства пароли для связи, а также «легенды» на случай их задержания.

Соккрытие своих преступных действий виновные лица тщательно продумывают, зачастую сотрудникам правоохранительных органов для

раскрытия преступлений данного вида необходимо проведение оперативно-розыскных мероприятий. Производство наркотиков происходит максимально скрыто, иногда под видом законной предпринимательской деятельности.

Подводя итоги вышесказанному, отметим, что знание способов совершения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ имеет важное значение для эффективного, объективного, всестороннего его расследования, поскольку с помощью криминалистических сведений, лицу, осуществляющему расследование предоставляется возможность выбрать верное и оптимальное расследование преступления. Кроме того, на основе информации о способах совершения преступления имеется возможность выдвинуть наиболее вероятны общие и частные версии и на основе этого разработать эффективных план его расследования.

Библиографический список:

1. Белкин Р. С. Криминалистика: учебник для вузов. М.: НОРМА-ИНФА-М, 2018. 971 с.
2. Колесниченко А. Н. Криминалистическая характеристика преступлений: учебное пособие. Хабаровск: Хабаровская высшая школа МВД СССР, 2015. 164 с.
3. Постановление Пленума ВС РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами. Росс. газета 28.06.2006. № 137.

© В.Р. Гайнельзянова, 2021

Гилязов Руслан Рэлифович,
старший преподаватель кафедры профессиональной подготовки,
Уфимского юридического института МВД России

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ О КРИМИНАЛЬНЫХ БАНКРОТСТВАХ

Знание криминалистической характеристики криминальных банкротств поможет в раскрытии содержания этих деяний и послужит методологической

моделью при выборе направления расследования, особенно на первоначальном этапе расследования. Поэтому мы рассмотрим некоторые наиболее значимые элементы криминалистической характеристики.

Источниками получения исходной информации о криминальных банкротствах могут явиться: выдвижение версий о криминальном банкротстве при проведении текущего расследования уголовных дел о преступлениях в сфере экономической деятельности; сведения из прокуратуры; материалы арбитражных судов; сведения, полученные от кредиторов – заявителей; материалы аудиторских проверок; информация из налоговой службы; оперативные разработки и т.д. [1, с.233].

Рассматривая криминальные банкротства, перечислены в УК РФ – ст. 195 – неправомерные действия при банкротстве; ст. 196 – преднамеренное банкротство; ст. 197 – заведомо ложное объявление о банкротстве известно, что субъектами вышеперечисленных преступлений являются лица, уполномоченные на распоряжение имуществом кредиторов, а также собственники предприятий. Все их распоряжения, относительно финансово-хозяйственной деятельности организации, оформляются соответствующими документами, то есть оставляют электронно-цифровой и «бумажный след». Соответственно эти документы, связаны с выбором способа совершения преступления, а также отражает порядок документооборота. Таким образом, чем больше структурных звеньев в учреждение, тем больше документов, отображающих его деятельность, соответственно имеются больше возможностей установить реальное положение дел [2, с. 93].

Поэтому в первую очередь необходимо изучить документы, являющиеся источниками финансовой информации: общий баланс; главные бухгалтерские книги; платежные поручения; договора, являющиеся основаниями для перечисления денежных средств и согласно которых у предприятия, возникли обязательства перед контрагентами выполнить работы или оказать какие-либо услуги; кассовые книги и кассовые документы; отчеты о валютной деятельности, собственность (недвижимость) и д.р.

Источником финансовой информации являются также дочерние предприятия, а также бывшие работники предприятия юристы, бухгалтера.

Рассматривая способы совершения криминальных банкротств необходимо отметить что они указаны в Законе «О несостоятельности (банкротстве)» и диспозициях статей УК РФ. Однако каждый способ имеет множество

различных вариантов его реализации. Например, существуют различные варианты фальсификации документов, сокрытия материальных ценностей и денег. Кроме того, способы зависят от отрасли, где совершается преступление. В качестве основных способов совершения преступления можно привести следующие:

- должнику известно о своей несостоятельности его действия направлены на укрытие от кредиторов свое имущество, активов у других лиц (ч.1 ст. 195 УК РФ);

- должник удовлетворяет претензию определенному выбранному кредитору за счет будущей конкурсной массы до установления факта несостоятельности предприятия (ч. 2 ст. 195 УК РФ);

- должник удовлетворяет претензию только одного выбранного из кредиторов после установления судом несостоятельности предприятия;

- должник предпринимает меры по сокрытию от конкурсного управляющего свое платежеспособности (ст. 197 УК РФ) [2, с.94].

Вышеуказанные способы находят свою реализацию в следующих ситуациях:

А) Предприятие является платежеспособным, однако, его руководитель вступает в преступный сговор с одним из собственников предприятия и реализуя преступный умысел, направленный на хищение имущества приобретает в свою пользу все активы предприятия через процедуру банкротства, причиняя тем самым ущерб иным участникам, например, кредиторам предприятия. Для реализации преступного замысла оформляется несколько договоров, на основании которых у предприятия за короткий срок возрастают обязательства, причем основная их часть именно перед новыми предприятиями-кредиторами, деятельность которых подконтрольна руководителю и указанному собственнику предприятия-должника. Такие предприятия могут быть учреждены на подставных лиц, но их деятельность контролируется непосредственно руководителем предприятия-должника или через иных лиц, являющихся его соучастниками. В результате чего наступает процедура банкротства. На собраниях кредиторов от имени таковых предприятий могут выступать, в целях легализации своей деятельности, лица, действующие на основании доверенности, которые, как основные кредиторы, предлагают кандидатуру внешнего управляющего, который, вступив также в преступный сговор с руководителями и указанными собственниками предприятия

должника, будет принимать решения в ущерб интересов предприятия-должника и кредиторов этого предприятия.

Такой способ криминального банкротства является наиболее изощренным, поскольку действия внешнего управляющего контролируются арбитражным судом и облекаются в соответствующие документы арбитражного суда, на которые затем все вышеуказанные лица ссылаются как на оправдывающие их действия документы. Используя такой способ, руководители предприятия-должника его собственники, внешний управляющий и иные лица, совершая криминальное банкротство, создают большие трудности в доказывании их преступной деятельности.

Б) Использование недобросовестным кредитором несовершенства законодательства о банкротстве при разделе собственности. Данный способ также вызывает трудности в доказывании одного из составов преступления о криминальном банкротстве, так как инициатором процедуры банкротства предприятия на законных основаниях выступает кредитор, который, используя предусмотренные законодательством о банкротстве права, обращается в суд с заявлением о признании банкротом вполне рентабельного предприятия, не имеющего возможности погасить задолженность в установленный законом срок лишь в силу временных сложностей [3, с. 69]. Как правило, предприятие, признанное банкротом, предпринимаемыми мерами оздоровления не восстанавливает свою платежеспособность. Ликвидация же предприятия дает доступ арбитражным управляющим к распоряжению имуществом должника, из чего следует отсутствие заинтересованности в принятии активных мер к восстановлению платежеспособности предприятия.

В) В ситуации когда предприятие является уже несостоятельным должником или вскоре им станет, и должник знает об этом [2, с. 94].

Должник умышленно совершает преступные действия. Доказательствами таких действий, являются тайные хищения ценностей и средств служащими, приводящие к ухудшению финансового положения фирмы, увеличение задолженности выплат по заработной плате, долгам вынуждая тем самым кредиторов принять меры к возбуждению дела о несостоятельности, а также перевоза товароматериальные ценности на арендованные склады, тем самым противодействуя наложению ареста на имущество, либо реализуя имущество по заведомо низким ценам «предприятиям однодневкам».

Кроме того, процесс расследования преступлений о криминальных банкротствах связан также со следующими сложными моментами:

- составы преступлений, данной категории, вошедшие в УК РФ требуют для правильной квалификации тех или иных деяний знания Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», нормативно-правовых актов и различных инструкций, регулирующих сферу предпринимательства;

- на момент возбуждения уголовного дела данной категории необходимо располагать документальным заключением проведенном об экономическом исследовании, например, сотрудниками ЭБиПК МВД РФ и другими компетентными органами;

- противоправные действия, рассматриваемых статей УК РФ, должны указывать на умышленное, то есть преднамеренное создание (увеличение) руководителем или собственником предприятия неплатежеспособности, нанесения им ущерба предприятию в личных интересах или интересах иных лиц. При этом умысел субъекта трудно доказать так как зачастую руководитель или собственник продает имущество предприятия за бесценок не с умыслом его обанкротить, а лишь для скорейшего погашения долгов, например, выплаты работникам задолженности по зарплате или возвращения долгов кредиторам; преступления, предусмотренные ст. ст. 195-197 УК РФ, регулируют сферу предпринимательской деятельности, [4, с. 177-195] которая не всегда в достаточном для расследования объеме определена нормативно-правовыми актами, что вынуждает для консультаций привлекать специалистов по коммерческой деятельности в той или иной сфере (промышленность, недвижимость, питания и др.), однако такие специалисты, как правило, сами являются коммерсантами, вследствие чего отказывают в предоставлении консультаций органам следствия;

- одной из важнейших проблем является небольшая судебная практика по делам данной категории. Так судьи, не зная, как правильно поступить в том или ином случае, при рассмотрении уголовных дел о криминальном банкротстве берут за основу показания свидетелей, игнорируя при этом заключение экономической экспертизы, проведенной компетентными органами, не в полном объеме изучают представленные в качестве вещественных доказательств документы. По данной проблематике, как было сказано выше при рассмотрении вопроса о составлении постановления о привлечении в качестве

обвиняемого, отсутствуют и разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Негативным моментом является и то, что сотрудники территориального органа ФСФО России не имеют правового статуса эксперта и могут привлекаться к участию в деле лишь как специалисты, что позволяет рассматривать их заключения именно с этих позиций.

К осложняющим процесс расследования уголовных дел о криминальных банкротствах можно также отнести следующие обстоятельства:

- трудоемким и длительным по времени является производство по делу соответствующей финансово-экономической экспертизы в территориальном органе ФСФО России, являющейся по уголовным делам данной категории практически обязательной;

- проблемы квалификации возникают по причине отсутствия четкого разграничения, в какой именно момент неправомерные действия при банкротстве переходят из области гражданско-правовых отношений в уголовно наказуемое деяние. При этом выводы органа ФСФО России по делам о несостоятельности и финансовому оздоровлению предприятия являются сугубо экономическими и, в свою очередь, требуют правовой оценки. Вместе с тем решение арбитражного суда о несостоятельности предприятия не затрагивает сферу уголовно-правовых отношений;

- при документировании преступных действий руководителя предприятия-банкрота негативным фактором является отсутствие должного и объективного бухгалтерского учета, что выгодно, прежде всего, этому руководителю;

- нижний предел такого оценочного понятия, как «причинение крупного ущерба», не определен. Между тем, законодательное его установление, как в случае с определением минимального размера значительного ущерба, причиненного гражданину в результате хищения (Федеральный закон от 31 октября 2002 г. № 133-ФЗ), способствовало бы расширению практики применения ст. ст. 195-197 УК РФ;

- отсутствие четкого определения понятия «предвидение банкротства»;

- длительные сроки расследования по делам данной категории, которые, как правило, продлеваются до полугода и выше в связи с необходимостью в рамках расследования уголовного дела исследования значительного числа сделок, что подразумевает выемку большого объема документов, проведение

допросов, экспертиз (экономических, судебно-бухгалтерских, почерковедческих, технических по исследованию оттисков печатей) и других следственных действий;

- только экспертным путем необходимо доказывать, что совершение сделки привело к созданию или увеличению неплатежеспособности организации, а также определять размер этой неплатежеспособности;

- необходимо устанавливать фирмы по данным реестра дебиторов и кредиторов, при этом, часть дебиторов и кредиторов оказываются несуществующими;

- отсутствие квалифицированных экспертов по проведению судебно-бухгалтерских экспертиз;

- проблемы, связанные с невозможностью проведения судебно-бухгалтерских экспертиз, ввиду отсутствия необходимой для их назначения документации.

Несмотря на вышеперечисленные трудности в расследовании дел о криминальных банкротствах, следователю в пределах компетенции, предусмотренной УПК РФ, необходимо использовать все возможности, предоставленные ему УПК РФ, для установления и доказывания обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ.

Библиографический список:

1. Олимпиев, А. Ю. Преступления в кредитно-банковской сфере: общая характеристика, виды и методические рекомендации по их расследованию : учебное пособие / А. Ю. Олимпиев. – Москва : Юнити, 2015. – 279 с. – ISBN 978-5-238-02345-8 – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=119514> (дата обращения: 27.10.2021). - Текст : электронный.

2. Олимпиев, А. Ю. Методические рекомендации по расследованию преступлений, предусмотренных ст. 195-197 УК РФ / А. Ю. Олимпиев, Ю. Б. Гаврюшкин // Вестник Московского университета МВД России. – 2014. - № 3. – С. 92-97. – Текст : непосредственный.

3. Резван, П. А. Методика расследования криминальных банкротств: специальность 12.00.09 «Уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Резван Павел Александрович ; Волгоградская академия МВД России. - Волгоград, 2004. - 185 с. – Библиогр.: с. 162-178. – Текст : непосредственный.

4. Хомяков, Е. В. Банкротство кредитных организаций: специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Хомяков Евгений Владимирович; Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина. - Москва, 2013. - 195 с. - Библиогр.: с. 177-195.- Текст :непосредственный.

© Р.Р. Гилязов, 2021

Глебов Василий Герасимович,
профессор кафедры уголовного процесса
Волгоградской академии МВД России,
заведующий кафедрой уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Волгоградского института управления –
филиала РАНХиГС, к.ю.н., профессор

ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

На пути претворения в жизнь принципиального подхода к назначению уголовного судопроизводства, закрепленному в ст. 6 УПК РФ, основное значение приобретают вопросы реального обеспечения прав и законных интересов личности. В основе такого подхода лежит первостепенное внимание, которое необходимо уделить соблюдению имеющихся и разработке новых правовых положений, определяющих реализацию конституционных принципов уголовного судопроизводства, немаловажное место среди которых занимает и закрепленный в ст. 22 Конституции Российской Федерации принцип неприкосновенности личности. при производстве по уголовным делам.

Правовая сущность данного принципа обусловлена социальной значимостью личности и означает «определенный режим взаимоотношений между государством, его органами и гражданами, исключающий необоснованное стеснение, ущемление свободы личности» [1, 155], под которой понимаются различные социальные блага: неприкосновенность

физической свободы, личная безопасность, возможность распоряжаться собой, сохранение здоровья, телесная неприкосновенность и другие.

Однако уголовно-процессуальное законодательство (ст. 10 УПК РФ) распространяет его только на производство задержания и заключение под стражу, указывая, что «Никто не может быть задержан по подозрению в совершении преступления или заключен под стражу при отсутствии на то законных оснований, предусмотренных настоящим Кодексом. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов». Но производство по уголовным делам связано с проведением следователем или органом дознания ряда иных действий, сопряженных с применением мер процессуального принуждения. Одним из таких действий является освидетельствование, проводимое для обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, если для этого не требуется производство судебной экспертизы (ст. 179 УПК РФ).

Для производства освидетельствования необходимо предусмотреть такой процессуальный режим, который в максимальной степени будет обеспечивать обоснованность вторжения в сферу личных прав граждан, их ограничение лишь в порядке и пределах, установленных законом и необходимых для выполнения задач уголовного судопроизводства.

В первую очередь с конституционным правом неприкосновенности личности тесно связан вопрос о возможности проведения принудительного освидетельствования, особенно в отношении потерпевших и свидетелей.

В процессуальной литературе на протяжении длительного времени идут дискуссии по этой проблеме, но единства взглядов по ней так и нет. Позиции авторов заключаются в отстаивании: либо полного недопущения принудительного освидетельствования потерпевших и свидетелей, либо его допущения в определенных: условиях и ситуациях (при недостаточности доказательств по делу, когда обойтись без освидетельствования объективно нельзя или когда ставится под угрозу раскрытие преступления и т. п.), либо допустимости проведения такого освидетельствования без всяких ограничений.

На наш взгляд, здесь необходимо исходить из следующего. Во-первых, действие принципа неприкосновенности личности не связано с процессуальным положением лица, а значит, он должен в равной мере распространяться как на обвиняемого и подозреваемого, так и на потерпевшего и свидетеля (что

недвусмысленно вытекает из положений ст. 6 УПК РФ, характеризующей назначение уголовного судопроизводства). Этот принцип означает не абсолютную неприкосновенность личности, а неприкосновенность в определенных законом пределах. Во-вторых, говоря о ст. 22 Конституции РФ, нельзя забывать, что «осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» так гласит ст. 17 Конституции РФ.

В отдельных случаях потерпевшие используют предоставленное им право на неприкосновенность личности в ущерб интересам подозреваемых или обвиняемых, обвиняя их в совершении преступления. Для проверки таких показаний нередко необходимо ограничивать право неприкосновенности потерпевшего. Такое ограничение, на наш взгляд, допустимо. Его целью является защита интересов других лиц – права гражданина не существуют и не могут существовать без обязанностей, равно как нет и обязанностей без прав. Развивая эту мысль, И.Л. Петрухин писал, что свобода в обществе (в том числе и личная неприкосновенность) должна быть в определенных пределах: «достаточная для полного самовыражения, но в то же время препятствующая всяким попыткам личности использовать предоставленную ей свободу в ущерб обществу, государству, согражданам» [2, 6]. Да и с этической точки зрения, как отмечал В.Г. Асташенков, «вообще неправомерно противопоставлять интересы свидетеля, потерпевшего, подозреваемого и обвиняемого при производстве освидетельствования, поскольку, практика раскрытия преступлений и законодатель констатируют необходимость проведения данного следственного действия в целях своевременного быстрого и полного раскрытия преступления» [3, 39].

Как свидетельствует правоприменительная практика, случаи лжедоносов и лжесвидетельств, в том числе и тех, которые можно опровергнуть проведением освидетельствования, хотя и редко, но имеют место. При этом соответствующие ситуации складываются и, как правило, разрешаются в ходе предварительного расследования. Поэтому до суда соответствующие уголовные дела не доходят – по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ по Волгоградской области в 2020 году суды не рассмотрели ни одного уголовного дела по ст. ст. 306 и 307 УК, предусматривающих уголовную ответственность за заведомо ложный донос и за дачу заведомо ложных показаний [4]. В аналогичных статистических данных по Российской Федерации такие уголовные дела также не указываются в числе рассмотренных судами.

Но, как выше отмечалось, реальный же показатель числа фактов, когда следователи или судьи сталкиваются с лжедоношительством или лжесвидетельством, а дела не возбуждаются, значительно выше.

Однако до недавнего времени ситуация была иной, так по данным Министерства внутренних дел РФ число ложных доносов действительно уменьшается, например, в 2018 году в России было зарегистрировано таких 3223 преступления, что уже тогда было на 25% меньше показателей пятилетней давности: в 2013 году было 4328 таких преступлений [5].

В основе правовой допустимости принудительного освидетельствования потерпевших и свидетелей лежит основанное на материалах дела предположение о том, что на их теле могут находиться (или наоборот – отсутствовать) следы преступления, и неустановление этого факта повлечет социально и юридически вредные последствия, в первую очередь для подозреваемого или обвиняемого [6].

Гарантией прав и законных интересов граждан от производства неоправданных освидетельствований является постановление следователя, в котором мотивируется и обосновывается принятое решение о производстве освидетельствования. В этом направлении не лишено смысла предложение о необходимости введения согласия руководителя следственного органа или прокурора на применение всех мер уголовно-процессуального принуждения, в том числе и на проведение освидетельствования в принудительном порядке.

При этом, если идти по пути введения требования о такой согласии, то представляется целесообразным допускать его проведение и без согласия руководителя следственного органа или прокурора, в случаях, не терпящих отлагательства, но с последующим их уведомлением об этом, например, в суточный срок, как это сделано по отношению к порядку осуществления осмотра, обыска в жилище (ч. 5 ст. 165 УПК РФ).

Ведь освидетельствование – это неотложное следственное действие. Следователь обязан принять все меры и приложить максимум усилий к разъяснению освидетельствуемому необходимости производства этого действия, его порядка, чтобы получить согласие отказывающегося от освидетельствования лица. В этом проявится и соблюдение следователем определенных этических норм, так как нравственный аспект принудительного освидетельствования (особенно потерпевших), является важным элементом этого действия.

Следователь в любом случае должен искать законные пути и средства, чтобы убедить потерпевшего в необходимости освидетельствования. В наибольшей степени это касается потерпевших по делам об изнасиловании, когда надо учитывать как общие психо-физиологические особенности женщин, так и их состояние после причинения им моральной и физической травмы [6].

Четкое отражение в законе положения о принудительном освидетельствовании устранило бы все недоразумения по данному вопросу.

Кроме того, для усиления гарантий целесообразности применяемого воздействия, недопущения действий, унижающих достоинство освидетельствуемого или действий, опасных для его здоровья, на наш взгляд, необходимо законодательно закрепить обязательное участие врача при принудительном освидетельствовании, а также возложить на органы расследования обязанность принимать меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные в ходе данного следственного действия обстоятельства интимного характера.

Библиографический список:

1. Корнуков В.М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве. - Саратов, 1987.
2. Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. – М., 1985.
3. Асташенков В.Г. Этико-юридические гарантии прав личности в процессе реализации правовых норм на предварительном следствии // Проблемы применения правовых норм на предварительном следствии. – Волгоград, 1982.
4. Отчет о результатах рассмотрения уголовных дел по отдельным статьям УК РФ в т.ч. по преступлениям коррупционной направленности за 12 месяцев 2020 года (районные) // [Электронный ресурс] режим доступа свободный: URL: <http://usd.vol.sudrf.ru/modules.php?name=stat&id=1029> (дата обращения 18.10.2021).
5. Астахов П. Россияне стали реже писать ложные доносы // [Электронный ресурс] режим доступа свободный: URL: <https://news.ru/russia/rossiyane-stali-rezhe-pisat-lozhnye-donosy/> (дата обращения 20.10.2021).
6. Пантюхина И.В. Анализ судебной практики заведомо ложного доноса о совершении полового преступления // Юридическая наука. 2017. № 3.
7. Трубкина О.В. Особенности подготовки следователя к допросу «потерпевшей» при выявлении инсценировки изнасилования // [Электронный

ресурс] режим доступа свободный: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-podgotovki-sledovatelya-k-doprosu-poterpevshey-pri-vyyavlenii-instsenirovki-iznasilovaniya> (дата обращения 21.10.2021).

© В.Г. Глебов, 2021

Глушков Максим Рудольфович,
заведующий лабораторией по исследованию
проблем процессуальной деятельности следственных органов
научно-исследовательского отдела
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургская академия
Следственного комитета Российской Федерации»

К ВОПРОСУ О РИСКАХ ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Аннотация: В статье предпринята попытка обозначить риски различной природы, связанные с переходом к электронному судопроизводству. Приведены точки зрения ряда авторов о причинах финансового, технического, психологического, законодательного и т.д. характера, затрудняющих цифровизацию расследования. Отмечено, что многие из этих трудностей преувеличены. Сделан вывод, что проблемы цифровизации многократно перекрываются ее достоинствами, краткий перечень которых также приведен.

Ключевые слова: электронное судопроизводство, цифровизация судопроизводства, информационная система, электронные доказательства, модернизация судопроизводства, риски цифровизации.

Электронное судопроизводство стало реальностью в целом ряде государств. Российская Федерация, однако, в этом ряду не представлена и находится пока на пороге реформ. С одной стороны, цифровизация судопроизводства представляется реальным прорывом, позволяющим резко повысить эффективность расследования. С другой – до ее внедрения требуется учесть и риски, а также сопоставить их с преимуществами, которые дает

электронное судопроизводство – с тем, чтобы определить оптимальный вариант нововведений.

Под электронным судопроизводством будем понимать способ производства по уголовным делам, при котором документы формируются в электронном виде – либо сразу, через специальные формы в программной оболочке, либо как электронные образы (сканы) бумажных документов. Технически оно может быть реализовано в виде компьютерной сети, включающей персональные компьютеры сотрудников, а также серверы для хранения и обработки данных. Участники судопроизводства получают доступ к ним в соответствии с объемом процессуальных полномочий.

1. Самый простой довод против цифровизации – она будет дорого стоить. Так, Богданович Н.А. ведет речь о «существенных затратах, обоснование расходов на которые невозможно аргументировать достоинствами введенной системы» [1, с.28], не упоминая при этом – ни о том, насколько существенны будут затраты, ни о том, какие достоинства имеются в виду (в публикации не приводится ни одно).

Конкретные цифры приводит в своей работе Жакупов Р.Т. – это 65 млн долларов США для перевода служб органов внутренних дел Казахстана, занятых досудебным расследованием, с бумажного формата на электронный [2, с.107]. Учитывая примерно десятикратное превышение российских показателей по ряду ключевых позиций – по численности населения стран¹ (146млн : 19млн = 7,68), по числу зарегистрированных преступлений – 2,044млн : 163тыс = 12,53 [3, с.5; 4], по числу лиц, совершивших их – 852тыс : 76тыс = 11,21 [3, с.46; 4] – можно экстраполировать то же соотношение на другие связанные с расследованием процессы и, как следствие, грубо оценивать наши расходы в 650 млн долларов США.

Это, с одной стороны, значительная сумма – бюджет всего Следственного комитета России² в ближайшие годы составляет около 50 млрд рублей или 715 млн долларов США [5], но, с другой – нужно иметь в виду, что бесплатно

¹ Данные о численности населения государств взяты из Википедии.

² СК России – так же является одним из органов (наряду с ФСБ, полицией, а также ФССП, таможней и государственным пожарным надзором), уполномоченных на производство расследования преступлений, как и полиция Казахстана (наряду с Комитетом национальной безопасности, антикоррупционной службой и службой экономических расследований).

происходит только деградация системы, а совершенствование ее требует расходов.

Но, что важнее – реформа позволит экономить также немалые суммы. Так, в Армении для упрощения процедуры ознакомления с материалами уголовных дел предпринята оцифровка (путем сканирования) их материалов [6, с.247]. Эффект от этого нововведения, посчитанный с большим занижением, составил около 55млн драм (115 000 долларов США) в год. Исходя из того, что преступлений в России совершается примерно в 75 раз больше, нежели в Армении¹, можно грубо оценить аналогичные расходы для нашей страны в 8,6 млн долларов США.

При этом сканирование документов – лишь элемент электронного судопроизводства, причем не самый значимый. Цифровизация при ее внедрении в полном объеме, напомним, предполагает создание большинства документов уже в электронном виде и в нем же предоставление их заинтересованным лицам посредством удаленного доступа.

Нужно учитывать также, что основные вложения придется сделать, очевидно, однократно, в то время как экономия ожидается каждый год².

2. Многие не готовы участвовать в электронном судопроизводстве, поскольку не имеют достаточных навыков пользования компьютерными технологиями [7, с.130]. Особенно это касается возрастных граждан - по данным Росстата, только около 50% россиян старше 55 лет пользуются Интернетом [8, с.17]. Данную проблему обозначают и за рубежом – в Англии и Уэльсе потребовалось оказывать специальную помощь тем участникам процесса, у которых нет компьютеров или которые недостаточно владеют навыками их использования [9, с.96].

Электронная цифровая подпись, удостоверяющая документы в цифровой среде, также имеется далеко не у всех частных лиц [10, с.219; 11, с.452].

¹ Список стран по уровню умышленных убийств взят на ресурсе Википедия.

² Приводимые выше суммы нужно оценивать осторожно, понимая их весьма приблизительный характер и, скорее, психологическое назначение – они помогают понять (в первую очередь, тем, кто с расследованием преступлений незнаком), что проблема перерасхода ресурсов в уголовном судопроизводстве стоит очень остро и стоит далеко не копейки. Особенно если учесть, что выше упомянута мизерная часть правоохранительной работы и, соответственно, расходов на нее. Точный же расчет экономии на цифровизации представляется бессмысленным занятием, сродни попыткам оценить выгоду от пенициллина или мобильной связи.

Здесь, как представляется, едва ли можно говорить о проблеме – если граждане (или их адвокаты) не могут или не хотят пользоваться ресурсами электронного уголовного дела, то и не нужно. По крайней мере, у них будет выбор – освоить несложные приемы работы с компьютером или ездить из-за каждой бумажки к следователю в областной центр за сотни километров.

3. Электронные документы крайне сложно оценить на предмет их подлинности. В этом может помочь либо электронная цифровая подпись, либо автороведческая экспертиза [12, с.32] (и то – лишь при наличии достаточного по объему текста).

Традиционная для бумажных документов процедура подписания имеет для электронных свой аналог – подпись на графическом планшете. В Республике Казахстан, уже не первый год проводящей реформы судопроизводства, применяются именно такие устройства. Однако, на сегодняшний день не существует методик определения подделки по таким подписям, что отмечают сами казахстанские ученые [2, с.107]. Кроме того, цифровая рукописная подпись не имеет жесткой связи с бумажным носителем (какую имеет «живая» подпись) и может быть скопирована, после чего применена вновь (что исключено для «живой» подписи).

4. Отдельные авторы отмечают в качестве недостатков электронного судопроизводства такие обстоятельства как невозможность обжалования факта уголовного дела в виду отсутствия его формального начала и необоснованная регистрация происшествий, не имеющих признаков преступления, что в итоге увеличивает нагрузку на следователей и влечет неоправданно большое количество прекращенных уголовных дел [1, с.27].

Первый довод, как представляется, выдвинут, скорее, против отмены стадии возбуждения уголовного дела, упраздненной в украинском уголовном процессе одновременно с введением ЕРДР, который можно считать ключевым элементом цифровизации судопроизводства в этом государстве. Здесь нужно отметить, что электронное уголовное дело – лишь способ задокументировать расследование. А по каким правилам оно будет проходить, решается отдельно. И нет никакой проблемы в том, чтобы эти правила предусматривали доследственную проверку с вынесением по ее итогам процессуального решения.

Относительно других доводов нужно сказать, что прекращение уголовного дела – нормальный итог его расследования, а показатель количества таких дел – предмет исключительно учетной политики ведомства, никак не

связанный с законностью и правами граждан. Не стоит также преувеличивать вероятность необоснованной регистрации. Тот факт, что направленные электронным способом сообщения о преступлении невозможно исказить или уничтожить, не означает, что в качестве таких сообщений регистрируется все подряд. Своего рода фильтры, отсеивающие некриминальные сообщения (горит мусорный бак, ссора с таксистом, «соседи облучают через стенку смертельными лучами» и т.п.), должны быть предусмотрены. Так, например, в Казахстане, где уже реализуется электронное судопроизводство, с сообщениями о преступлениях, поданными в электронном виде, работают специальные сотрудники дежурных частей [2, с.270] и в следственные отделы сообщения поступают, очевидно, после их обработки. При этом первичная информация остается зафиксированной и может быть в любое время проверена прокурором, надзирающим за учетом и регистрацией заявлений – он имеет к ней доступ прямо со своего автоматизированного рабочего места [2, с.270].

5. Электронный формат расследования критичен к проблемам с энерго-снабжением и связью [7, с.129; 2, с.107], что сильно усложняет (однако и не исключает) работу в полевых условиях.

6. Так же справедливо обращают внимание на опасность взлома информационной системы, а также поражение ее вредоносным программным обеспечением [7, с.129].

Здесь же отметим возможные проблемы с сохранностью электронных данных. Например, Комитет министров Совета Европы в Руководящих принципах «Электронные доказательства в гражданском и административном судопроизводстве» указывает – «Учитывая повышенный риск уничтожения или потери электронных доказательств по сравнению с неэлектронными, государствам-членам следует внедрить процедуры безопасного изъятия и сбора электронных доказательств» (п.11)¹.

7. Еще одна проблема, связанная с цифровизацией – не определенный в нашем законодательстве статус электронного доказательства. Отмечается, что "признаки "электронного доказательства" и критерии их вовлечения в процесс

¹ Документ доступен по ссылке <https://rm.coe.int/russian-version-unofficial-translation-of-the-guidelines-on-electronic/16809f03ac>. Комитет министров - это руководящий орган Совета Европы (куда Россия входит с 1996 года), состоящий из министров иностранных дел стран-участниц и занимающийся, помимо прочего, принятием рекомендаций участникам, контроль исполнения решения Европейского суда по правам человека.

доказывания по уголовному делу до настоящего времени отсутствуют [13, с.91].

Это обстоятельство, впрочем, неудивительно – процессуальное законодательство везде создавалось под бумажный процесс. Но, как представляется, и некритично – цифровизация судопроизводства не потребует существенной модернизации закона, поскольку форма представления материалов – не самый существенный аспект даже для доказательственного права, не говоря уже об остальных подотраслях. В этом вопросе можно сослаться также на зарубежных коллег.

Законодательные изменения, предпринятые в Казахстане и обеспечившие возможность расследования в электронном формате, по большому счету, сводятся к двум приказам Генерального прокурора РК и ст.42-1 (Формат уголовного судопроизводства) УПК РК.

Несколько раньше них появились определение электронного документа (п.15 ст.7 УПК РК) и нормы, допускающие представлять не только в бумажном, но и в электронном виде такие материалы как гражданский иск, заявление об уголовном правонарушении, замечания на протокол судебного заседания, ходатайство о восстановлении срока, сведения для приобщения к делу в качестве доказательств и др.¹ Впоследствии стало возможным представлять в электронном виде заключения эксперта (ч.1 ст.283 УПК РК) и специалиста (ч.2 ст.117 УПК РК)².

В 2020 году было предусмотрено направление процессуальных решений следователем прокурору для согласования и утверждения, а также уведомление его и направление копий документов в электронном виде (ст. 42-1 дополнена частью 3). Тем же законом³ прокурор уполномочен согласовывать и утверждать решения следователя посредством электронной цифровой подписи (п. 6 ч. 1 ст.193 УПК РК дополнен абзацем вторым).

Представители немецкой юридической науки придерживаются мнения о том, что цифровизация (возможность которой пока обсуждается) не потребует трансформации фундаментальных основ уголовно-процессуального права [14, с.14].

¹ Изменения, внесенные Законом Республики Казахстан от 31 октября 2015 года № 378-V ЗРК.

² В редакции Закона Республики Казахстан от 12 июля 2018 года № 180-VI ЗРК.

³ Закон Республики Казахстан от 19 декабря 2020 года № 384-VI ЗРК.

8. Настороженное отношение к цифровизации обуславливается, кроме прочих, таким доводом – процессуальное познание и доказывание должны оставаться прерогативой человека, поскольку в уголовном судопроизводстве нередки случаи, когда установленные факты противоречивы, а правовые нормы требуют небуквального толкования [9, с.99]. Здесь требуется, во-первых, уточнить, что электронное судопроизводство в том смысле, в каком оно понимается в данной статье, не касается познавательных, юрисдикционных и т.п. процессов, оставляя их в ведении людей, а служит лишь средством автоматизации документирования. Во-вторых, нужно возразить, что возможности искусственного интеллекта едва ли стоит недооценивать – если задача решается когнитивным путем, то машина с ней справится не хуже человека, вопрос только в том, какие данные в эту машину заложить и какими алгоритмами их обработки ее обеспечить. Другое дело, что это будут, без сомнения, очень сложные алгоритмы и их создания вряд ли можно ожидать в ближайшие годы, особенно учитывая, что такая задача пока никем всерьез не ставилась (или, по крайней мере, не выносилась на широкое обсуждение).

Подводя итог, можно констатировать наличие целого ряда проблем, связанных с цифровизацией расследования, однако, во-первых, многие из них не представляются существенными, а, во-вторых, все вместе они несопоставимы с теми преимуществами, которыми обладает электронное судопроизводство.

К числу последних можно отнести такие, как – сокращение сроков прохождения документов, расходов на обслуживание бумажных носителей, автоматизация рассылки повесток, повышение сохранности документов и конфиденциальности расследования, минимизация личных контактов, противоэпидемиологический эффект, автоматизация статистической отчетности, упрощение аналитической работы, формирования следственной и судебной практики, автоматизация составления документов, снабжение следователей актуальной справочной информацией, повышение исполнительской дисциплины, фиксация управленческих действий и решений, мобильность применения, объективизация распределения уголовных дел, возможность точного расчета нагрузки на следователя, резкое упрощение процедур истребования сведений у операторов сотовой связи, а также администраторов социальных сетей и мессенджеров, упрощение назначения экспертиз, внедрение дистанционных следственных действий, упрощение доступа граждан к правосудию,

ознакомления с материалами уголовного дела, снижение числа укрываемых преступлений и риска фальсификаций, повышение прозрачности расследования, организация автоматических «заслонов» от незаконных процессуальных решений, подключение следователя к учетам и базам данных.

Библиографический список:

1. Богданович Н.А. Единый реестр досудебного расследования: прогресс или утопия // Совершенствование следственной деятельности в условиях информатизации: сб. материалов науч.-практ. конф. (Минск, 12-13 апреля 2018г.). – Минск: Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2018. С.26-28.

2. Жакупов Р.Т. Электронное судопроизводство в Республике Казахстан // Совершенствование следственной деятельности в условиях информатизации: сб. материалов науч.-практ. конф. (Минск, 12-13 апреля 2018г.). – Минск: Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2018. С. 103-107.

3. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2020 года: сборник. – М.: Главное управление информационных технологий и правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2021. – 62с. (доступен с портала правовой статистики <http://crimestat.ru/analytics>).

4. Форма №1-М «Отчет о зарегистрированных преступлениях и результатах деятельности органов уголовного преследования за 12мес. 2020г.» // Qamqor – информационный сервис Комитета по правовой статистике и специальным учетам Генеральной прокуратуры Республики Казахстан [Электронный ресурс] URL: <https://qamqor.gov.kz/portal/page/portal/POPageGroup/Services/Pravstat>.

5. Бюджеты СК и прокуратуры в 2021 годы будут уменьшены более чем на 1 млрд руб. – документ – finanz.ru [Электронный ресурс] URL: <https://www.finanz.ru/novosti/aktsii/byudzhety-sk-i-prokuratury-v-2021-gody-budut-umensheny-bolee-chem-na-1-mlrd-rub-dokument-1029599074>.

6. Овсепян А.Г., Гамбарян А.С. Стратегия эффективной организации предварительного следствия в информационном обществе // Совершенствование следственной деятельности в условиях информатизации: сб. материалов международной научно-практической конференции (Минск, 12-13 апреля 2018г.). – Минск: редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2018. С. 241-252.

7. Катушонок О.В., Гриневич Р.Д. Актуальные проблемы и перспективы использования информационных технологий в уголовном процессе // Совершенствование следственной деятельности в условиях информатизации: сб. материалов науч.-практ. конф. (Минск, 12-13 апреля 2018г.). – Минск: Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2018. С.127-132.

8. Калканов С.С. Перспективы развития электронного документа в ходе цифровизации уголовного судопроизводства: к вопросу защиты прав мигрантов // Миграционное право. 2020. № 4. С. 16-18.

9. Воскобитова Л.А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex russica. 2019. № 5. С. 91 - 104.

10. Кангезов М.Р. Электронное уголовное дело на предварительном следствии в условиях развития цифровых технологий // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. №12. С. 218-220.

11. Савчук Т.А. Электронная форма уголовного дела как элемент информатизации следственной деятельности: предпосылки и проблемы внедрения // Борьба с преступностью: теория и практика: тезисы докладов IV Международной научно-практической конференции (Могилев, 25 марта 2016 года): в 2-х ч. – Могилев: Могилев. институт МВД, 2016. – Ч. 1. – С. 451-454.

12. Гришина Е.П. К вопросу об использовании электронных доказательств в уголовном судопроизводстве // Администратор суда. 2020. № 3. С. 31-34.

13. Кувычков С.И. Использование в доказывании электронной информации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2012. № 2. С. 90-92.

14. Масленникова Л.Н., Собенин А.А. Регистрация сообщения о преступлении и начало расследования в новой цифровой реальности // Российский следователь. 2019. №6. С. 12-16.

© М.Р. Глушков, 2021

Гончарова Светлана Викторовна,
старший преподаватель кафедры общеправовых дисциплин
Волгодонского филиала
Ростовского юридического института МВД России

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ УМЫШЛЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ЧЕЛОВЕКА

Наибольшей ценностью в российском обществе, что закреплено и Конституцией Российской Федерации[1] является человек, каждый из которого наделен неотъемлемым правом на жизнь. Неспроста особенную часть Уголовного кодекса Российской Федерации[2] (далее – УК РФ) открывает перечень преступлений, посягающих на жизнь и здоровье человека.

Одним из наиболее опасных преступлений против здоровья человека является умышленное причинение ему тяжкого вреда. Указанное преступление наказуемо по статье 111 УК РФ. Данный вид преступлений, как показывает статистика выявления и раскрытия данного вида преступлений, выявляет устойчивую тенденцию. При этом указанные преступления имеют абсолютно различные мотивы. В их число входит личная неприязнь, месть, ревность, вражда, хулиганство.

Большее количество из общего массива преступлений, предусмотренных статьей 111 УК РФ, представляет собой квалифицированные составы и совершаются как правило с применением оружия или используемых в качестве него предметов, общеопасным способом, из хулиганских побуждений либо при наличии иных отягчающих обстоятельств.

Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – одно из наиболее опасных преступлений против здоровья. УК РФ размером наказания, предусмотренном санкцией статьи 111 УК РФ относит это преступление к категории тяжких, а при наличии особо отягчающих обстоятельств – к категории особо тяжких преступлений. Этот факт обусловлен как высоким уровнем общественной опасности таких преступлений, величиной наступивших от преступных деяний общественно опасных последствий, причиняющих вред одной из самых ценных характеристик личности человека – его здоровью, причиняя тем самым непоправимый урон [4, с. 125].

Указанные характеристики данного вида преступлений обязывают органы предварительного следствия как нельзя тщательнейшим образом проводить их расследование.

Органы, расследующие уголовные дела данной категории, часто встречаются с трудностями при их квалификации. Достаточно ошибок совершается при установлении причинной связи между деянием виновного лица (действием или бездействием) и наступившими последствиями, при установлении умысла, способа совершения умышленных преступлений, причиняющих тяжкий вред здоровью.

Уголовный кодекс РФ 1996 г. в ч.1 ст.111 термин «телесные повреждения» не употребил, а в число признаков умышленного причинения тяжкого вреда здоровью включил «умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, опасного для жизни человека» или повлекшего за собой конкретные тяжкие последствия [5, с. 84].

Впервые в российское уголовное законодательство введен признак тяжкого вреда здоровью – заболевание наркоманией или токсикоманией. Наркомания – это болезненное пристрастие к употреблению наркотических средств, а токсикомания – злоупотребление с целью одурманивания веществами, не признанными нормативными актами в качестве наркотических. Заболевание наркоманией или токсикоманией возникает под влиянием противоправных действий виновного. Оно вызывает у потерпевшего непреодолимую тягу к употреблению наркотических средств, психотропных или токсических веществ. Способом доведения потерпевшего до такого болезненного состояния может служить неоднократное насильственное введение в его организм наркотиков или токсических веществ.

К неизгладимому обезображиванию лица относится причинение такого вреда в области лица, которое придает ему крайне уродливый и безобразный вид. Он не может быть устранен обычными методами лечебного воздействия и не проходит сам по себе.

Доказыванию согласно ст. 73 УПК Российской Федерации[3] по каждому расследуемому преступлению о причинении умышленного тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего, необходимо установить следующие объективные обстоятельства:

- 1) причинение тяжкого вреда здоровью;
- 2) наступление смерти;

- 3) причинную связь между деяниями лица и наступлением тяжкого вреда здоровью;
- 4) причинную связь между умышленным причинением тяжкого вреда здоровью и наступлением смерти потерпевшего;
- 5) способ причинения тяжкого вреда здоровью;
- 6) время и место совершения преступления;
- 7) орудие, которым причинен тяжкий вред здоровью;
- 8) состояние необходимой обороны;
- 9) превышение пределов необходимой обороны;
- 10) продолжительность промежутка времени, прошедшего с момента умышленного причинения повреждения до наступления смерти потерпевшего;
- 11) причиненный материальный ущерб в результате преступления.

В ходе добычи доказательств и установления всех обстоятельств совершенного преступления необходимо обратить внимание на полноту сбора материала первичной проверки, а также выполнения первоначальных следственных действий. Ввиду срочности, неотложности и, как правило, большому количеству таковых стоит рассмотреть вопрос о целесообразности сознания следственной группы в целях наличия возможности проведения нескольких следственных действий одновременно и в разных местах. Это обусловлено в первую очередь необходимостью проведения в кратчайший срок от момента совершения преступления допроса лица, подвергнутого насильственному посягательству, так как промедление в проведении следственного действия может создать условия для возможности сокрытия орудия преступления, а также иных его следов.

Обязательным является привлечение экспертов и в различных областях специалистов к проведению осмотров мест совершения данной категории преступлений. С особой внимательностью стоит подходить к формированию состава следственной группы по преступлениям, совершенным в условиях неочевидности. Как известно в таких случаях от качества и полноты осмотра места происшествия зависит перспектива раскрытия преступления и установления лица либо лиц, к нему причастных.

Значительная часть преступлений рассматриваемой категории совершается по внезапно возникшему умыслу, не составляет череду заранее спланированных действий и относится к массиву бытовой преступности. Совершение преступления лицом заведомо не осмысленных преступления,

оставляет за собой, как правило большое количество улик. В связи с этим, важнейшим элементом работы в рамках проведения осмотра места происшествия, является обнаружение, а также изъятие следов, объектов и иных образцов в дальнейшем подлежащих сравнительному исследованию. При этом необходимо обратить внимание на правильность производства изъятия. Большую значимость имеет вид материала, используемого следователем, дознавателем либо экспертом, а также вид и правильность упаковки изымаемых предметов, объектов и иных образцов. Неправильно подобранные для этого материалы-носители или упаковочные материалы могут повлечь собой как частичную, так и окончательную утрату доказательств по уголовному делу.

Следующим из первоначальных действий расследования уголовного дела является назначение соответствующих экспертиз, в число которых входят биологические, дактилоскопические, химические, баллистические и т.п., а также их последующее направление для производства в экспертные учреждения.

Срочность назначения экспертиз обусловлена в большей степени небольшим сроком и созданием особых условий хранения изъятых следов, большое количество из которых имеют биологическое происхождение. Несвоевременное поступление объектов исследования в экспертные учреждения могут повлечь собой утрату доказательств по уголовному делу.

Квалификации преступлений об умышленном причинении тяжкого вреда здоровью человека, а также методике их расследования посвящено большое количество трудов теоретиков и практиков уголовного права и уголовного процесса. Каждое в отдельности преступление рассматриваемой категории является уникальным в своем роде и требует соответствующего детального подхода к выбору методик применяемых при расследовании уголовных дел в конкретном случае, планировании производства отдельных следственных действий, а также по уголовному делу в целом, а также получении и закреплении доказательственной базы.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) // «Собрание законодательства РФ», 26.01.2009, № 4, ст. 445

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.12.1996 N 63-ФЗ (ред. от ред. от 27.12.2019) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. - № 25. – Ст. 2954.

3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 18.02.20202) // Собрание законодательства РФ. – 2001. - № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.

4. Адельханян Р.А. Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью при особо отягчающих обстоятельствах. М., 2004.

5. Иванова Н.В. Насилие против личности в уголовном законодательстве (проблемы теории). Чебоксары, 2006.

© С.В. Гончарова, 2021

Гордейчик Сергей Алексеевич,
судья Волгоградского областного суда,
кандидат юридических наук

Егорова Наталья Александровна,
профессор кафедры уголовного права
УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент

Икрянникова Алла Сергеевна,
старший следователь отдела процессуального контроля
СУ УМВД России по г. Волгограду,
кандидат юридических наук

ВОПРОСЫ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)

В российском уголовном процессе наложение ареста на имущество понимается как «адресованный собственнику или владельцу имущества запрет распоряжаться, а в необходимых случаях – и пользоваться им, а также изъятие имущества и передачу его на хранение, кроме того, возможно установление отдельных ограничений в отношении такого имущества» [1].

Согласно ст. 115 УПК РФ, для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества, указанного в ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, следователь с согласия руководителя следственного органа, а дознаватель – с согласия прокурора возбуждает перед судом ходатайство о наложении ареста на имущество подозреваемого, обвиняемого или лиц, несущих по закону материальную ответственность за их действия (в дальнейшем – ходатайство).

В литературе признано, что для применения такой меры процессуального принуждения достаточно любого из перечисленных в ст. 115 УПК РФ условий [2]. При этом дознавателям (следователям) не нужно доказывать тот факт, что обвиняемый, подозреваемый предпринимает конкретные действия по сокрытию имущества [3].

Принятию решения о наложении ареста на имущество предшествует, как правило, значительная по временным затратам работа должностного лица, осуществляющего предварительное расследование, по розыску и установлению подлежащего аресту имущества по уголовному делу [4].

К сожалению, следователями и дознавателями допускаются нарушения требований законодательства, что нередко сводит на нет их усилия, влечет за собой возвращение ходатайств без рассмотрения или отказ в удовлетворении ходатайств.

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что имели место факты подачи ходатайств неуполномоченными лицами.

Так, Тракторозаводский районный суд г. Волгограда, возвращая ходатайство следователя без рассмотрения, в обоснование своего решения указал, что в приложенных материалах не имеется постановления следователя о принятии уголовного дела к своему производству, то есть оно подано неуполномоченным лицом, что препятствовало принятию ходатайства к производству суда [5].

Органами, осуществляющими предварительное расследование, не всегда представляются в суд качественные материалы. В п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» (далее ППВС РФ от 01.06.2017 № 19) [6] подчеркнуто, что по каждому поступившему

ходатайству о производстве следственного или иного процессуального действия «надлежит выяснять, соответствует ли ходатайство требованиям ч. 1 и 2 ст. 165 УПК РФ: подсудно ли оно данному суду, находится ли уголовное дело в производстве следователя или дознавателя, подавшего ходатайство, имеется ли согласие руководителя следственного органа или прокурора на проведение следственного действия, содержит ли ходатайство необходимые сведения..., а также приложены ли к ходатайству материалы, требующиеся для его рассмотрения». В п. 3 ППВС РФ от 01.06.2017 № 19 указано: «Если поступившее ходатайство не соответствует требованиям уголовно-процессуального закона, и это препятствует его рассмотрению, то судья возвращает ходатайство лицу, его направившему, с указанием мотивов принятого решения».

С учетом данных разъяснений, суды в подобных случаях возвращают представленные материалы следователю или дознавателю для устранения недостатков.

Краснооктябрьским районным судом г. Волгограда 7 апреля 2021 г. правомерно возвращено без рассмотрения ходатайство старшего следователя, поскольку в материалах отсутствовала копия постановления о возбуждении уголовного дела в отношении конкретного лица, в ходатайстве не указаны конкретные ограничения, связанные с владением, пользованием, распоряжением арестованным имуществом; не содержалось данных о стоимости имущества, сумме денежных средств, находящихся на расчетных счетах, что не позволяло определить стоимость имущества, на которое необходимо наложить арест [7].

При рассмотрении ходатайства в случаях, предусмотренных ч. 1 ст. 115 УПК РФ, необходимо учитывать наличие в представленных материалах данных, подтверждающих принадлежность имущества непосредственно подозреваемому (обвиняемому) либо лицу, несущему по закону материальную ответственность за его действия. Однако это требование выполняется не всегда.

К примеру, Центральным районным судом г. Волгограда 12 марта 2021 г. ходатайство следователя удовлетворено. Проверяя законность решения суда, суд апелляционной инстанции указал, что представленная следователем выписка из Единого государственного реестра прав на недвижимое имущество и сделок с ним датирована 4 марта 2021 г., то есть документ оформлен более чем за неделю до принятия судьей решения. Принадлежность недвижимого имущества подозреваемому Р. в период рассмотрения ходатайства следователя

судьей не проверялась. На основании материалов, приложенных к апелляционной жалобе, а также информации, дополнительно истребованной судом апелляционной инстанции, установлено, что на момент принятия судом оспариваемого решения подозреваемый Р. уже не являлся собственником имущества. При таких обстоятельствах 6 мая 2021 г. постановление суда первой инстанции было отменено [8].

Удовлетворяя ходатайство следователя (дознателя) о наложении ареста на имущество, судья в резолютивной части постановления обязан указать, на какое именно имущество налагается арест. Аналогичные сведения об имуществе, находящемся в собственности обвиняемого (подозреваемого), арест на которое предполагается наложить, должны быть указаны и в ходатайстве следственного органа. Вместе с тем, данные требования выполняются не всегда.

Еланским районным судом Волгоградской области 28 мая 2021 г. удовлетворено ходатайство старшего следователя. При этом и в ходатайстве, и в постановлении суда отсутствовало указание на конкретное имущество, подвергаемое аресту [9].

Столь формальное отношение следователя (дознателя), а затем и судьи к применению рассматриваемой меры процессуального принуждения в дальнейшем может вызвать сложности при осуществлении мер уголовно-правового воздействия в отношении лиц, совершивших растрату, отчуждение, сокрытие или незаконную передачу имущества, подвергнутого аресту (ч. 1 ст. 312 УК РФ).

Статья 115 УПК РФ не содержит указания на необходимость соразмерности стоимости арестованного имущества заявленным искомым требованиям либо иным имущественным взысканиям. Однако, по смыслу правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в п. 2.1 постановления от 31 января 2011 г. № 1-П [10], «вмешательство государства в отношения собственности не должно быть произвольным и нарушать равновесие между требованиями интересов общества и необходимыми условиями защиты основных прав, что предполагает разумную соразмерность между используемыми средствами и преследуемой целью, с тем, чтобы обеспечивался баланс конституционно защищаемых ценностей и лицо не подвергалось чрезмерному обременению».

Согласно п. 13 ППВС РФ от 01.06.2017 № 19, судам следует учитывать, что стоимость имущества, на которое налагается арест, не должна превышать максимального размера штрафа, установленного санкцией статьи Особенной части УК РФ, либо должна быть соразмерна причиненному преступлением ущербу. В связи с этим судья вправе принять решение об удовлетворении ходатайства о наложении ареста на соответствующую (по стоимости) часть имущества. Данное требование необходимо принимать во внимание должностным лицам органов предварительного расследования при подготовке ходатайств о наложении ареста на имущество.

Ворошиловским районным судом г. Волгограда 20 мая 2021 г. обоснованно удовлетворено ходатайство следователя, при этом ущерб от преступления составил 3,8 млн. рублей, а стоимость арестованного имущества – 3,1 млн. рублей [11].

В судебной практике признано, что соблюдение принципа соразмерности не означает равенства стоимости имущества, на которое налагается арест, размеру причиненного ущерба, цене иска и пр.

Например, Центральным районным судом г. Волгограда 25.09.2020 г. удовлетворено ходатайство старшего следователя. В апелляционной жалобе защитник обвиняемого К. указал, что изъятые в ходе предварительного следствия у подзащитного 1 280 000 рублей на 780 000 рублей превышают сумму штрафа, установленную санкцией за преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 228 УК РФ, и просил постановление суда первой инстанции в названной части отменить. 24 февраля 2021 г., отказывая в удовлетворении апелляционной жалобы и оставляя без изменения решение суда первой инстанции, суд апелляционной инстанции указал, что из ходатайства следователя усматривается возможность рассмотрения в рамках расследования уголовного дела вопроса о том, что изъятые у К. денежные средства могли быть добыты преступным путем. Кроме того, наложение ареста на имущество само по себе не сопряжено с лишением собственника его имущества либо переходом права собственности к другому лицу, либо государству. При этом вопрос о снятии ареста с имущества может быть впоследствии разрешен судом при рассмотрении дела по существу [12].

В ст. 115 УПК РФ вопрос о необходимости соблюдения соразмерности стоимости арестованного имущества заявленным искомым требованиям либо иным имущественным взысканиям не урегулирован, т.е. имеет место пробел

в праве, который подлежит устранению путем внесения дополнений в указанную статью.

Таким образом, субъектам, осуществляющим предварительное расследование, важно уделять внимание качеству подготовки ходатайств о наложении ареста на имущество подозреваемых, обвиняемых или иных лиц.

Требование учета соразмерности стоимости имущества, на которое налагается арест, и размера ущерба, причиненного преступлением, следует закрепить в ст. 115 УПК РФ.

Библиографический список:

1. Курс уголовного процесса / А.А. Арутюнян, Л.В. Брусницын, О.Л. Васильев и др.; под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2016. 1278 с. [Эл. ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

2. Апостолова Н.Н. Наложение ареста на имущество по уголовным делам // Мировой судья. - 2018. - № 7. - С. 8-13. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

3. Булатов Б.Б., Дежнев А.С. Основания наложения ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска // Российский следователь. – 2017. – № 5. – С. 20-25. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

4. Епихин А.Ю., Тагиров А.Н. О мерах процессуального принуждения, связанных с ограничением имущественных прав // Российский следователь. – 2020. – № 10. – С. 28 - 32. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

5. Официальный сайт Тракторозаводского районного суда г. Волгограда. – URL: <http://trac.vol.sudrf.ru/> (дата обращения 26.10.2021).

6. О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ) : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

7. Официальный сайт Краснооктябрьского районного суда г. Волгограда. – URL: <http://krokt.vol.sudrf.ru/> (дата обращения 26.10.2021).

8. Официальный сайт Волгоградского областного суда. – URL: <http://oblsud.vol.sudrf.ru/> (дата обращения 26.10.2021).

9. Официальный сайт Еланского районного суда Волгоградской области. – URL: <http://elan.vol.sudrf.ru/> (дата обращения 26.10.2021).

10. По делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л.И. Костаревой : постановление Конституционного Суда РФ от 31 января 2011 № 1-П // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. - 2011. - № 2. [Электронный ресурс]. – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

11. Официальный сайт Ворошиловского районного суда г. Волгограда. – URL: <http://vor.vol.sudrf.ru/> (дата обращения 26.10.2021).

12. Официальный сайт Волгоградского областного суда. – URL: <http://oblsud.vol.sudrf.ru/> (дата обращения 26.10.2021).

© С.А. Гордейчик, Н.А. Егорова, А.С. Икрянникова, 2021

Горкина Елена Владимировна,
доцент кафедры уголовного процесса
УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ОТНОШЕНИИ АДВОКАТА

Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» предусматривает в отношении адвоката определенный иммунитет, иначе говоря, повышенную гарантию защиты профессиональной деятельности. К гарантиям независимости адвоката относится, в частности, закрепленное в ч. 3 ст. 8 Закона правило, согласно которому проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных

помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допускается только на основании судебного решения.

До 2017 года ни УПК, ни Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» не содержали соответствующих зеркальных норм. Вместе с тем в соответствии с практикой, сформировавшейся после определения Конституционного Суда РФ от 08.11.2005 № 439-О, обыски в помещениях, используемых для адвокатской деятельности, производились по судебному решению. В 2015 году КС РФ принял постановление от 17.12.2015 № 33-П, в котором дополнил и развил правовые позиции применительно к обыскам, связанным с доступом к материалам адвокатского производства.

С учетом правовых позиций Конституционного суда РФ и рекомендаций Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека в 2017 году в УПК введена ст. 450.1 «Особенности производства обыска, осмотра и выемки в отношении адвоката».

Анализ судебной практики применения ст. 450.1 УПК говорит о том, что у судов пока нет единообразного подхода к вопросам санкционирования следственных действий и оценки законности действий следователя в отношении адвокатов.

Формальная оценка доводов следствия о необходимости проведения обысков в жилище или помещении, используемом адвокатом – это нарушение, которое можно назвать типичным для многих решений судов, принимаемых в рамках судебного контроля на досудебной стадии.

Так судья районного суда, удовлетворяя ходатайство следователя о производстве обыска в жилище адвоката, судья мотивировала свое решение тем, что у следствия имеются основания для производства обыска в жилище. Однако судья не указала в постановлении ни данные, которые могли быть основанием для производства обыска в жилище адвоката, ни конкретные отыскиваемые предметы. В постановлении суд привел только текст ходатайства следователя, но никакой судебной оценки изложенным в нем обстоятельствам, а также представленным в суд данным не дал. Кроме того, в постановлении об обыске суд не указал на то, что обыск должен быть произведен в присутствии члена совета адвокатской палаты субъекта Российской Федерации или иного представителя, уполномоченного президентом этой адвокатской палаты. Апелляционная инстанция отменила постановление суда (апелляционное

постановление Волгоградского областного суда от 14.11.2018 № 22К-4698/2018).

Часть 1 ст. 450.1 УПК содержит императивное предписание о том, что обыск, осмотр и выемка в отношении адвоката возможны только в случае возбуждения в отношении него уголовного дела либо в иных случаях привлечения его в качестве обвиняемого. Однако и по данному вопросу также выявляется неоднородность судебной практики. Зачастую суды санкционируют обыски в отношении адвокатов по уголовным делам, возбужденным в отношении других лиц, или по факту совершения деяния, содержащего признаки преступления. Вышестоящие суды не соглашались с решениями нижестоящих судов и отменяют постановления об обыске в отношении адвоката, который не является фигурантом уголовного дела, как незаконные и необоснованные [1].

Можно также обратить внимание на решения судов в случаях, когда в ходе обыска в жилище адвоката следствием изымались документы, не имевшие отношения к уголовному делу, расследуемому не в отношении адвоката. В ситуации, когда такие документы, по сути, были преданы огласке путем фиксации в протоколе следственного действия, решение суда о проведении обыска вряд ли можно признать законным.

Часть 1 ст. 450.1 УПК предусматривает производство указанных следственных действий у адвоката только на основании судебного решения. Однако закон допускает производство обыска и выемки в случаях, не терпящих отлагательства, и без разрешения суда с последующим судебным контролем. Мнения судов здесь тоже расходятся. Одни считают, что в отношении лиц, перечисленных в ч. 1 ст. 447 УПК, следственные действия должны выполняться не иначе как на основании судебного решения. Суды отмечают, что наличие судебного решения о производстве обыска в жилом помещении, используемом для осуществления адвокатской деятельности, обязательно при обыске и в случаях, не терпящих отлагательства [2].

Также судам при принятии подобных решений необходимо ориентироваться на п. 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан» [3]. Пленум относит к исключительным случаям, при которых следственное действие не могло быть отложено, ситуации:

- когда необходимо реализовать меры по предотвращению или пресечению преступления;

- промедление с производством следственного действия позволит подозреваемому скрыться;

- возникла реальная угроза уничтожения или сокрытия предметов, или орудий преступления;

- имеются достаточные основания полагать, что лицо, находящееся в помещении или ином месте, где производится какое-либо следственное действие, скрывает при себе предметы или документы, которые могут иметь значение для уголовного дела.

Кроме обоснованности производства следственных действий в отношении адвокатов, у ученых и практиков возникают и другие вопросы.

Так, закон не определяет круг полномочий представителя адвокатской палаты, уполномоченного присутствовать при обыске. Разная трактовка понятий «присутствие» и «участие» (представителя палаты) приводит к ситуациям, когда представителям палат отказывают в обжаловании действий и решений правоприменителя. Органы следствия и суды ссылаются на отсутствие у представителя палаты статуса участника уголовного судопроизводства по делу [4].

Также необходимо сказать о том, что адвокат, в помещении которого производятся следственные действия, обладает совокупностью определенных прав. Так он может:

- предупредив следователя, произвести видеозапись следственного действия;

- потребовать судебное решение о проведении обыска и снять с него копию;

- связаться с членом совета адвокатской палаты или представителем палаты, уполномоченным президентом этой адвокатской палаты на защиту прав адвокатов;

- незамедлительно подать письменное ходатайство о приглашении представителя палаты и (или) зафиксировать данное требование в протоколе следственного действия;

- предъявить следственному органу доказательства того, что помещение принадлежит адвокату (удостоверение, выписку из реестра объектов недвижимости) и (или) он использует помещение в своей практике;

- зафиксировать в протоколе следственного действия нарушения, которые допустил следственный орган при производстве обыска;

- в случае производства обыска со ссылкой на обстоятельства, не терпящие отлагательства, в протоколе следственного действия указать на несогласие с проведением обыска без судебного решения со ссылкой на ст. 450.1 УПК.

Таким образом, подводя итог сказанному, можно сделать вывод о том, что указанная законодательная новелла, содержащая особенности производства следственных действий в отношении адвоката, как участника, на которого распространяется особый процессуальный режим, к сожалению не совершенна. Данное обстоятельство, безусловно, создает проблемы при правоприменении и требует разрешения.

Библиографический список:

1. Адвокатура и адвокатская деятельность: учебник для бакалавриата и специалитета / под ред. А. А. Клишина, А. А. Шугаева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2018. – 492 с. – (Серия : Бакалавр и специалист).

2. Определения Московского городского суда от 19.09.2017 по делам № 10–15115, № 10-15118, № 10-15119.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.06.2017 № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан» // СПС «КонсультантПлюс», 2021.

4. Адвокатская деятельность и адвокатура Российской Федерации. Серия «Высшее образование» – Ростов н/Д: «Феникс», 2004.

© Е.В. Горкина, 2021

Горкина Елена Владимировна,
доцент кафедры уголовного процесса УНК по ПС в ОВД
Волгоградской академии МВД России, к.ю.н., доцент
Золотухина Наталья Валерьевна,
доцент кафедры уголовного процесса
Военного университета
Министерства обороны Российской Федерации, к.ю.н.

НЕПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Предварительное расследование по форме является письменным, и уголовно-процессуальным законом предусмотрено закрепление на бумажном носителе сущности принятых процессуальных решений и хода и результатов осуществленных следственных действий. Исходя из разнообразия документов, подготавливаемых на стадии предварительного расследования, проистекает затруднение в формулировании общих правил по их составлению. Перечень процессуальных документов, с которым предстоит работать следователю при производстве по уголовному делу, невозможно предусмотреть, но в уголовно-процессуальном законодательстве содержатся только требования к составлению процессуальных решений и протоколов следственных и процессуальных действий.

Группа информационно-статистических документов напрямую не связана с расследованием уголовного дела и уголовным преследованием, но отдельно от них не существует и предназначена для осуществления единого учёта преступлений.

Учётными документами являются статистические карточки, журналы учёта, талон-уведомление о передаче уголовного дела по подследственности, представленные в электронном виде документы и иные материальные носители, отражающие количественное значение сведений об объектах учёта.

Для обеспечения формирования государственных и ведомственных статистических показателей (статистического учёта) используются статистические карточки (или документы первичного учёта):

- на выявленное преступление (форма № 1);
- о результатах расследования преступления (форма № 1.1);

- на лицо, совершившее преступление (форма № 2);
- о движении уголовного дела (форма № 3);
- о результатах возмещения материального ущерба и изъятия предметов преступной деятельности (форма № 4);
- о потерпевшем (форма № 5);
- о результатах рассмотрения дела судом первой инстанции (форма № 6).

При изучении состояния ведомственного контроля субъектами учета проверяется полнота и своевременность внесения сведений в Единый журнал, который ведется в регистрационно-учетном подразделении правоохранительного органа. Также проверяется полнота проведенных сверок, своевременность исправления нарушений, допущенных при заполнении документов первичного учета и возврат их в информационный центр после внесения соответствующих исправлений.

При изучении Единого журнала обращается внимание на соблюдение сроков заполнения и представления документов первичного учета, на своевременность принятия процессуальных решений по уголовному делу, на полноту внесенных данных.

Кроме того, при производстве ведомственного контроля и прокурорского надзора проводится сверка сопоставимых реквизитов документов первичного учета преступлений (статистических карточек) и проверка межформенной логики.

В отдельную группу процессуальных документов предлагаем выделить уведомления, в связи с тем, что обязательность направления уведомления предусмотрена уголовно-процессуальным законодательством, но требования по их формуляру отсутствуют.

Уведомление, как процессуальное действие и как форма процессуального документа, оформляется по правилам служебного письма.

Принадлежность данного действия к разряду процессуальных определена императивным упоминанием о нём, как обязательном (иногда самостоятельном) при выполнении ряда процессуальных и следственных действий, например, обязательное уведомление прокурора о возбуждении уголовного дела, о задержании лица; обвиняемого – об окончании предварительного следствия и др. Но законодатель, как правило, не выделяет для данного действия обязательную процессуальную форму и именуется по-разному (сообщение, ознакомление, уведомление). В некоторых случаях законодатель

прямо указывает на обязательную процессуальную форму уведомления – протокол, потому и оформляется он по правилам оформления протокола. В данном случае речь идёт о протоколе уведомления обвиняемого об окончании следственных действий по уголовному делу (его формуляр был предусмотрен первоначальной редакцией УПК РФ - до принятия Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ и активно используется правоприменителями до настоящего момента). Следственная практика идет по тому пути, что обвиняемый о принятом решении следователя в данном случае уведомляется лично, с описанием данного действия в протоколе, с возможностью разъяснения прав, предусмотренных УПК РФ, фиксацией заявленных ходатайств.

В статье 223.1 УПК РФ предусмотрена процедура письменного уведомления о подозрении в совершении преступления с последующим составлением протокола. Данная форма уведомления не соответствует признакам процессуальных документов рассматриваемой группы, так как по своей форме и содержанию является процессуальным решением – об уголовном преследовании конкретного лица. Уведомление о подозрении, наряду с протоколом задержания – это процессуальные документы, в основу классификации которых положены не свойства документа по типу формуляра, а по его содержанию – процессуальному назначению.

Такая форма процессуального документа, как уведомление активно используется на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. Например, о произведённом задержании уведомляются в установленном порядке прокурор, близкие родственники, родственники или близкие лица, командование воинской части (если задержан военнослужащий), секретарь Общественной палаты Российской Федерации и соответствующая общественная наблюдательная комиссия (если подозреваемый является членом общественной наблюдательной комиссии), адвокатская палата субъекта Российской Федерации о задержании адвоката, посольство или консульство иностранного государства, если задержан их гражданин или подданный (ст. 96 УПК РФ). Чётко регламентирован порядок уведомления лица о дне предъявления обвинения обвиняемому, находящемуся под стражей – через администрацию места его содержания. Если обвиняемый находится на свободе, он извещается о дне предъявления обвинения в порядке, предусмотренном для вызова на допрос (военнослужащий – через командование воинской части; лицо, не достигшее возраста 16 лет – через законных представителей либо администрацию по месту его работы

и учёбы). Остальной категории лиц, обвиняемых в совершении преступления, уведомления направляются лично, в порядке, предусмотренном ст. 188 УПК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 188 УПК РФ свидетель вызывается на допрос повесткой. Повестка вручается лицу, вызываемому на допрос, под расписку либо передаётся с помощью средств связи. Нельзя недооценивать значимость повестки как процессуального документа. Кроме организационных вопросов о месте и времени производства допроса лицу разъясняются права участника – свидетеля, в том числе на приглашение адвоката, обязанность явиться и давать показания, ответственность за неявку без уважительной причины и отказ от дачи показаний.

В ч. 2 ст. 188 УПК РФ предусмотрена возможность передачи повестки при помощи средств связи, но без уточнения каких именно. Мы согласны с мнением Л.В. Бертовского о возможности использования всех видов связи, предусмотренных п. 28 ст. 2 Закона РФ «О связи», в том числе по почте, с помощью телеграфа, телефона, с использованием электронной почты, SMS- и MMS-сообщений. Автор рекомендует: «в случае направления информации о вызове на допрос электронными средствами связи или по телефону следователю факт её отправления нужно зафиксировать в соответствующем рапорте с указанием, когда, кому, по какому номеру или электронному адресу она была отправлена и какие имеются свидетельства в её получении» [1, С. 91].

Предлагаем законодательно закрепить порядок уведомления участников процесса, как о предстоящих процессуальных и следственных действиях с их участием, так и о принятых процессуальных решениях (о принятых решениях по полученному сообщению о преступлении, о прекращении уголовного преследования, о решении, принятом по жалобе, ходатайству, о движении уголовного дела и других, предусмотренных УПК РФ).

В момент наделения лица статусом участника уголовного процесса необходимо разъяснить ему права и обязанности, предусмотренные соответствующей статьёй, при этом необходимо получить у участника перечень и реквизиты удобных для него способов оповещения (номер телефона, на который будут направляться SMS- или MMS-сообщения, адрес электронной почты) при этом участник должен подтвердить, что выбранный им способ является удобным, доступным для него и сможет обеспечить его явку в обозначенные сроки или своевременно уведомить следователя (дознателя) о невозможности прибыть с указанием причины.

Следующее уведомление, предусмотренное уголовно-процессуальным законодательством (ч. 5 ст. 165 УПК РФ) – о производстве следственных действий в случаях, не терпящих отлагательства. Законодательно установлено: субъект (следователь или дознаватель), срок уведомления (3 суток), начало его исчисления (с момента начала производства следственного действия), адресат (судья и прокурор), обязательный перечень дополнительных процессуальных документов (копии постановления о производстве следственного действия и протокола следственного действия). Законодательно предусмотрен порядок проверки законности произведённого следственного действия и форма итогового документа, но не предусмотрена форма уведомления и порядок его направления. Предлагаем закрепить возможность направления электронных копий указанных материалов в обозначенные сроки электронным документооборотом, что поспособствует оптимизации предварительного следствия.

Известная ранее классификация по направлению (характеру) деятельности должностных лиц, составивших процессуальный документ, выделяет акты предварительного расследования, акты прокурорского надзора, судебные акты, а также акты адвокатов и других участников уголовного процесса [3, С. 11].

По-нашему мнению, данная классификация возможна по более частным признакам, например, И.С. Дикаревым предложено деление по «автору» процессуального документа [2, С. 26]. Например, такой вид процессуального документа, как «представление», необходимо различать именно по этому основанию, так как согласно определению, данному в п. 27 ст. 5 УПК РФ, представление, это «акт реагирования прокурора на судебное решение». Но в соответствии со ст. 73 УПК РФ по каждому уголовному делу обязательно установление обстоятельств, которые способствовали совершению преступления, а ч. 2 ст. 158 УПК РФ правом вынесения представления о принятии мер по устранению указанных обстоятельств наделяет дознавателя, руководителя следственного органа и следователя. В данном случае мы видим несоответствие норм уголовно-процессуального законодательства самим себе и предлагаем внести соответствующие изменения в п. 27 ст. 5 УПК РФ, дополнив его следующим: «акт реагирования дознавателя, руководителя следственного органа, следователя при установлении обстоятельств, способствовавших совершению преступления».

Библиографический список:

1. Бертовский Л.В. Допрос: Тактика и технологии. – М.: Экзамен, 2015.
 2. Дикарев И.С. Процессуальные акты досудебного производства по уголовным делам // Уголовно-процессуальные акты в контексте современных проблем уголовного судопроизводства [Текст] : сб. науч. трудов по итогам Всерос. круглого стола, г. Волгоград, 16-17 апр. 2019 г. / под ред. И. С. Дикарева, Н. А. Соловьевой ; редкол.: И. С. Дикарев (отв. ред.) [и др.] ; Волгогр. гос. ун-т. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2019.
 3. Процессуальные и служебные документы следователя: Учебно-практическое пособие / Белый И.Ю., Бузаков И.А. и др. - М.: «ЭКМОС», 2005.
- © Е.В. Горкина, Н.В. Золотухина, 2021

Джафарова Афгана Алигусейновна,
преподаватель кафедры профессиональной подготовки
Уфимского юридического института МВД России

ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, ГДЕ СУБЪЕКТОМ ВЫСТУПАЕТ ЖЕНЩИНА

На данный момент в научном сообществе все еще существует стереотип о разном поведении женщин и мужчин в рамках радикальных течений, а также в степени поддержки экстремистских идеологий. В основном стереотип о феминном (женственном) поведении как более пассивном встречается в устаревших западных исследованиях без учета новейших тенденций радикальных течений, террористических актов и актов с иным проявлением жестокости.

Нельзя отрицать тот факт, что и женщины, и мужчины могут участвовать в актах терроризма, и степень их участия может различаться в зависимости от гендерных (чаще всего, физиологических) особенностей. Однако исследуя террористическую активность в отдельных странах, исследователи пришли к выводу об отсутствии принципиальных различий при проявлении жестокости мужчинами и женщинами [1, с. 11]. В этой связи гендерные стереотипы вредны, так как приводят к недооценке возможностей женщин как участников экстремистской организации, а также как ее непосредственных лидеров.

В частности, было установлено, что при вовлечении женщины в дела экстремистской организации, она, по сравнению с мужчинами, более мотивирована на доведение до конца террористического акта. Именно поэтому очень важно при расследовании преступлений экстремистской направленности отходить от статичного представления о женщинах как жертвах и мужчинах как преступниках, тем самым способствуя продвижению гендерно-инклюзивных ответных мер политики и повышению эффективности существующих антитеррористических программ [1, с. 13].

Еще один важный аспект при предотвращении и расследовании преступлений экстремистской направленности – это среднестатистический портрет женщины, вовлеченной в радикализм. Здесь снова имеет место большое количество стереотипов относительно религиозной принадлежности [2, с. 163], страны гражданства, уровня образования и степени притеснения женщины в семье / иной социальной группе. И вновь стереотипы, по мнению автора, обусловлены недостаточным исследованием вопроса или устаревшими данными.

Исследование 2019 года показало, что женщины, вовлеченные в терроризм, вдохновленные джихадизмом, имели разную этническую принадлежность и разное гражданство. Большинство из них окончили как минимум среднюю школу, также большинство не имели в прошлом факт совершения преступного деяния [3, с. 76]. Ввиду этого говорить о доминировании религиозного, этнического, образовательного или иного фактора при составлении портрета женщины-экстремистки также не совсем верно.

Исследования терроризма и экстремизма обычно учитывают множество политических, социально-экономических, идеологических, культурных и религиозных факторов, которые могут формировать радикальное поведение человека и провоцировать его участие в терроризме. Однако гендерный анализ, основанный на психологии женщины, недостаточно используется для более объективного объяснения и понимания причин участия женщин в экстремистских организациях.

Психологический аспект, действительно, играет определяющую роль при выявлении преступных мотивов женщины. Идеологические и политические мотивы, то есть неосязаемые и далекие от привычного быта, редко становятся истинным мотивом женщины. С другой стороны, месть за близких (что, например, было свойственно для «черных вдов»), желание самоутвердиться

(что особенно актуально в эпоху активного продвижения женских прав и феминизма) – это те мотивы, которые «осязаемы» для женщины. Однако нельзя однозначно судить о корыстном мотиве, так как этот аспект также редко исследуется в рамках экстремистских преступлений с учетом гендерного вопроса.

Стереотипы о более пассивном в рамках экстремизма поведении существуют не только в науке, но и в обыденных представлениях, что порождает ряд последствий. Рост участия террористок-смертниц во время второй фазы чеченского конфликта с 2002 по 2004 год является ярким тому подтверждением. В качестве тактического ответа на массовые аресты чеченских мужчин повстанцы начали привлекать террористок-смертниц, которые обращали на себя меньше внимания со стороны правоохранительных органов и с большей легкостью смогли достичь целей – пересечь государственную границу, пронести взрывчатые вещества, организовать сбор участниц экстремистского сообщества и т.д.

Участие женщин в качестве террористок-смертниц также увеличивает количество комбатантов экстремистской группировки, что будет способствовать росту известности группировки изначально на локальном уровне, затем, особенно при упоминании в СМИ и при наличии определенных обстоятельств – на глобальном уровне. Это, безусловно, привлекает внимание и внушает страх перед деятельностью такой группировки.

При этом нельзя говорить о том, что только в XXI веке женщины не имеют принципиальных различий с мужчинами, совершая преступления экстремистской направленности (за исключением некоторых психологических моментов и мотивационных критериев). Насилие как средство привлечения внимания и получения власти использовалось женщинами еще в период активности суффражисток, которые начали использовать насилие, так как считали, что это самая эффективная стратегия для завоевания голосов женщин, и что принуждение, скорее, чем убеждение приведет к желаемым изменениям.

Таким образом, многочисленные исследования показывают, что «лицо» женского экстремизма значительно изменилось, что связано с глобализационными процессами и с трансформацией роли женщины [4]. И если раньше вовлечение женщин в экстремизм объяснялось их пассивной ролью в семье и общепринятой нормой следовать за мужьями, то сейчас основной путь включения в экстремистскую деятельность – активный. Отсюда происходит

и изменение масштабов деятельности женщин – от локальных террористических актов женщин-смертниц до глобальных акций.

Необходимо отметить значительное изменение в стиле пропаганды экстремистских и террористических группировок – ранее в основном основанная на обещании мести, религиозной и этнической общности, создания халифата, сейчас гендерно ориентированная пропаганда экстремистов обещает женщинам высокий статус при поступлении в организацию, а также финансовые выплаты. Сейчас женщин также приглашают работать вербовщицами. Таким образом, на основе этого анализа стоит отметить уменьшение желания женщины покориться, отдать жизнь за религиозное или иное убеждение – сейчас все чаще женщина желает приобрести статус, известность благодаря своим политическим, идеологическим и иным убеждениям, заявить на весь мир о своей идее – чаще всего феминистические ценности, сохранение экологии, борьба за права женщин, в том числе радикальными методами [5, с. 114].

Стоит также отметить, что женские экстремистские группы и в прошлом были ориентированы на особую роль женщины, но в гораздо меньшей степени. Сейчас феминистские ценности проходят лейт-мотивом в очень многих экстремистских актах. В связи с этим следует принимать меры по борьбе с такими проявлениями в соответствии с актуальным положением дел:

Мера 1. Поддержка женщин как эффективных лидеров и участников в предотвращении террористической радикализации и борьбе с ней.

В данном случае логика такой задачи довольно проста – если женщина участвует в борьбе с экстремизмом, она автоматически не может стать участницей экстремистского движения. Более того, женщины гораздо лучше понимают психологию и мотивацию женщин, вступающих в радикальные организации.

В зависимости от их роли, статуса и влияния в обществе и семьях женщины и девочки могут вносить свой вклад в борьбу с терроризмом, например, выявляя ранние предупреждающие признаки насильственной радикализации. Кроме того, поддержка глобального участия женщин в предотвращении экстремизма может повысить устойчивость к конкретным террористическим угрозам. Усилия могут включать:

- увеличение участия и влияния женщин на события, происходящие в регионах с военной активностью;

- улучшение образования, доступа к образовательным и культурным ресурсам для женщин;

- дипломатическая работа и координация работы женщин, уже принимающих участие в предотвращении терроризма.

Мера 2. Защита прав, обеспечение безопасности и интеграции женщин и девочек.

Защита прав не только позволяет женщинам и девочкам безопасно участвовать в жизни общества, но также создает более широкие условия для успешных усилий по предотвращению терроризма.

Обеспечение безопасности и потребностей женщин и девочек, ставших жертвами террористического насилия и переживших его, например, возвращаясь из плена, снижает риски, угрожающие их реинтеграции в общество, включая такие барьеры, как:

- социальная стигма;
- маргинализация;
- ограниченный доступ к услугам, ресурсам или поддержке.

Усилия также могут включать удовлетворение потребностей женщин и девочек, пострадавших от терроризма; обеспечение безопасности, справедливости и защита прав человека; содействие равному и эффективному образованию.

Мера 3. Противодействие вовлечению женщин в экстремизм.

Женщины и девочки могут совершать акты насилия, – это главная мысль, которая имеет место в данной статье. Не стоит идеализировать женскую роль матери и жены, ведь такие стереотипы могут приводить к массовому и более легкому вовлечению женщин в радикальные течения. Обращение к особой роли женщин как радикализаторов, пособников или виновников насилия должно играть роль в любой стратегии. Реинтеграция бывших женщин-членов или сторонников террористических организаций также требует индивидуальных подходов к реинтеграции. Усилия могут включать противодействие роли женщин как террористов; решение проблемы реабилитации и реинтеграции женщин.

Мера 4. Проведение предварительного расследования преступлений экстремисткой направленности с участием женщины с учетом психологических особенностей субъекта преступления.

Понимание движущих сил женского экстремизма имеет важное значение в рамках предварительного расследования, но требует дополнительного участия специалистов-психологов, медицинских работников. Усилия в рамках данной меры могут включать наращивание внутреннего потенциала силовых структур и правоохранительных органов посредством образования, обучения и координации межотраслевых специалистов.

Библиографический список:

1. Mahmood S. Negating Stereotypes: Women, Gender, and Terrorism in Indonesia and Pakistan // Perspectives on the Future of Women, Gender & Violent Extremism. Washington, DC: The George Washington University. – 2019. – P. 11.
2. Антонян Ю.М. Особо опасный преступник. М.: Проспект, 2013. – 312 с.
3. Brugh, C. S., Desmarais, S. L., Simons-Rudolph, J., & Zottola, S. A. Gender in the jihad: Characteristics and outcomes among women and men involved in jihadism-inspired terrorism // Journal of Threat Assessment and Management. – 2019. – P. 76-92.
4. Мухаммад-Дост З. Женщины и экстремизм. Исследование ООН по Центральной Азии. – Текст : электронный // CAAN. – URL: <https://caanetwork.org/archives/11343> (дата обращения: 26.10.2021). – Режим доступа: Central Asian Analytical Network.
5. Муслумова Т.В. Феминизм: истоки, этапы развития и основные направления // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2015. – С. 114-120.

© А.А. Джафарова, 2021

Дронова Ольга Борисовна,
профессор кафедры криминалистической техники
Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент
Рыжков Иван Викторович,
преподаватель кафедры криминалистической техники
Волгоградской академии МВД России

ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ СПРАВОЧНЫХ ФОНДОВ ЭКСПЕРТНО- КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МВД РОССИИ

Современные методы и средства работы по созданию и ведению справочных информационных фондов в экспертно-криминалистических подразделениях МВД России неразрывно связаны с цифровизацией объектов, входящих в них. Данные процессы должны основываться на разработанных методических рекомендациях, которые позволяют сформировать законные и репрезентативные натурные фонды, позволяющие на легитимных основаниях использовать информацию из данных источников при производстве экспертных исследований.

Следует отметить, что развитие концепции создания цифровой справочно-информационной базы данных, являющейся составным элементом ведомственной информационно-аналитической системы криминалистической регистрации, выступает одним из приоритетных условий повышения эффективности её использования в практической деятельности.

По нашему мнению, такая система может предусматривать формирование логико-функциональных взаимосвязей между:

- следами, обнаруженными при осмотре места происшествия;
- орудиями преступления, обнаруженными или изъятыми в ходе проведения следственных действий;
- справочной криминалистически значимой информацией, включающей сведения о натурных коллекциях.

Реализация аналитических возможностей в процессе функционирования натурных коллекций, являющихся составной частью экспертно-криминалистических учетов и справочно-вспомогательных фондов, позволит повысить

эффективность их использования при раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений. Очевидно, что аналитические методы обработки криминалистически значимой информации позволят реализовать не только профилактическую функцию экспертно-криминалистической деятельности, но и обусловит получение новой информации по отношению к исходным данным, полученным в ходе следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

Полагаем, что фактическое отображение единой информационно-аналитической системы может заключаться в аппаратно-программном комплексе, включающим его портативный (переносной) вариант. Непосредственное применение портативного варианта рассматриваемого комплекса предусматривает возможность для субъекта её использования (например, специалиста-криминалиста) производство предварительных исследований следов и предметов, обнаруженных на месте происшествия, установление важной криминалистически значимой информации о лицах, причастных к совершенному преступлению, и механизме преступного деяния. Наиболее актуальна данная информация при расследовании серий преступлений, а также преступлений, совершенных организованными группами лиц [1, С. 42].

Следует отметить, что функционирование указанной информационно-аналитической системы должно осуществляться уполномоченными на данный вид деятельности лицами в пределах их профессиональных компетенций. Например, лицо, назначенное ответственным за ведение баллистических учетов и натуральных коллекций в конкретном ЭКП, дублирует (оцифровывает и кодирует) сведения об объектах учета и коллекций СИФ в единую информационную систему.

Неотъемлемым элементом функционирования справочных информационных фондов на всех уровнях их ведения также является оценка эффективности деятельности ЭКП по организации и использованию натуральных коллекций. Поддерживая точку зрения Д.Н. Сидоренко [2, С.26] отметим, что оценка экспертно-криминалистической деятельности является важнейшим компонентом определения её эффективности, стимулирования и совершенствования. При этом функция по оцениванию рассматриваемой нами деятельности должна возлагаться на руководителя соответствующего ЭКП.

С целью объективизации эффективности коллекционной деятельности ЭКП процесс оценивания должен носить системный характер, а его результаты иметь количественный показатель, представленный в соответствующем

рейтинге. По мнению Ф.Г. Аминова рейтинговая система оценки деятельности является эффективным средством контроля качества, которое успешно применяется во многих западноевропейских странах и России [3, С.274].

Полагаем, что введение рейтинговой системы оценки эффективности деятельности по организации и использованию натуральных коллекций позволит достичь следующих целей:

- определить действительное состояние информационного обеспечения ЭКП;
- своевременно выявить проблемы, связанные с использованием объектов из натуральных фондов;
- обеспечить стабильность работы коллекций СИФ;
- повысить ответственность руководителей ЭКП за уровень информационного обеспечения экспертно-криминалистической деятельности;
- стандартизировать методику комплектования и ведения натуральных коллекций;
- совершенствовать законодательную и нормативную правовую базу, регламентирующую коллекционную деятельность в ЭКП.

Процесс оценки эффективности деятельности ЭКП по ведению и использованию натуральных коллекций СИФ, а равно изучение выявленного положительного опыта должен основываться на общих методах аналитической деятельности: метод статистики, сравнения, факторного анализа [4, С.64] и т.д. При этом в процессе оценивания необходимо анализировать следующие документы:

- журналы ведения соответствующего натурального фонда;
- заключения экспертов и иные процессуальные документы, отражающие факт использования натурального объекта;
- отчетные документы, содержащие сведения о применении объектов из натуральных фондов на занятиях по служебной подготовке или при повышении квалификации сотрудника ЭКП;
- приказы и распоряжения начальника ЭКП или начальника территориального органа внутренних дел, касающиеся организации коллекционной деятельности в экспертном подразделении.

В систему критериев оценки эффективности деятельности ЭКП по ведению и использованию натуральных фондов в качестве основных показателей мы предлагаем внести следующие:

- количество натуральных коллекций, функционирующих в экспертном подразделении, и их качественный состав;

- количество экспертиз, выполненных с использованием объектов из натуральных коллекций;

- количество экспертиз, при производстве которых эксперт выносил ходатайство перед инициатором о предоставлении сравнительных образцов для решения диагностических и классификационных задач;

- количество иных мероприятий (занятий по служебной подготовке, повышению квалификации действующих и новых сотрудников ЭКП), проведенных с использованием объектов из натуральных коллекций;

- количество утраченных натуральных объектов, по причине их израсходования при производстве экспертных исследований или окончания срока хранения в коллекции;

- количество объектов, которыми каждый действующий натуральный фонд пополнился за отчетный период, из них:

- количество объектов, ранее являвшихся вещественными доказательствами;

- количество объектов, ранее представленных в качестве образцов для сравнительного исследования (в случае, если данное положение получит нормативное закрепление);

- количество объектов, приобретенных на основании целевой закупки;

- количество объектов, полученных при взаимодействии с организацией, осуществляющей их производство или реализацию.

Считаем, что внедрение в практическую деятельность критериев оценивая эффективности функционирования натуральных фондов в ЭКП позволит оптимизировать коллекционную деятельность в правоохранительных органах и поднять уровень информационного обеспечения экспертно-криминалистической деятельности. При этом оценка деятельности по организации, ведению и использованию коллекций СИФ в региональных ЭКЦ в обязательном порядке должна коррелировать с оценкой рассматриваемой деятельности, осуществляемой в районных ЭКП, функционирующих в данном регионе.

Библиографический список:

1. Карданов Р.Р., Курин А.А., Рыжков И.В. Аналитическая обработка учетно-регистрационных данных как направление повышения эффективности

системы криминалистической регистрации // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. №3 (40). С. 40-45.

2. Сидоренко Д.Н. Основные компоненты, составляющие оценку экспертно-криминалистической деятельности органов внутренних дел // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 3. С. 24-46.

3. Аминев Ф.Г. Судебно-экспертная деятельность в Российской Федерации: современные проблемы и пути их решения: дисс. ... д-ра юрид. наук. Уфа. 2016. 482 с.

4. Колосович М.С., Смагоринский Б.П., Дронова О.Б. Развитие теории о гласности в уголовном судопроизводстве России второй половины XIX – начала XX в. // Общество и право. 2020. № 4 (74). С. 60-65.

© О.Б. Дронова, И.В. Рыжков, 2021

Евлушина Дарья Николаевна,
ст. преподаватель кафедры предварительного расследования
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук

ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ДОХОДОВ, ПРИОБРЕТЁННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЁМ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем занимает особое место в общей структуре преступности. По существу, легализация является последующим этапом преступной деятельности, однако на практике выступает лишь причиной совершения предшествующих преступных действий.

Рассматриваемый вид деяния связан с неблагоприятными явлениями, такими как коррупция, уклонение от налогов, и др., а также использование оффшорных юрисдикций с целью сокрытия источников дохода. Безусловно, все указанное создаёт угрозу экономической безопасности России, так как согласно оценкам Совета Федерации России за последние 17 лет из России незаконно выведено от 25 до 30 триллионов рублей.[1]

Совершенно очевидно, что это далеко не конечная сумма причиняемого ущерба. Кроме того, денежные средства добытые преступным путем в последующем могут направляться для финансирования преступной деятельности: терроризма, экстремизма, торговли оружием и наркотическими веществами, а также других преступных деяний. Безусловно, при подобного рода развитии событий, негативные последствия будут измеряться не только экономическими потерями, но и человеческими жертвами.

Отмывание доходов, полученных в результате совершения преступления, как в теории отечественного и зарубежного уголовного права, так и в соответствии с международными правовыми актами относится к преступлениям, которые затрагивают интересы международного сообщества в целом, а значит, обладают международным характером, который и переопределяет правовое регулирование указанных преступлений.

По нашему мнению, изучение передового международного опыта других государств по противодействию рассматриваемому явлению, поможет, определит общепринятые в данных государствах модели по борьбе с легализацией (отмыванием) преступных доходов, которые возможно могут быть положены и в основу российского законодательства.

Вместе с тем, в науке преобладает точка зрения, что большинству криминальным доходам преступники пытаются придать законный характер за пределами государства, где эти доходы были приобретены. Поэтому возникает необходимость построения системы международного права в сфере противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов. Это реальность и без объединения усилий государств, решить данную, глобальную проблему в одиночку попросту не под силу, ни одному из государств мира.

Отмывание доходов, приобретённых преступным путём, представляет угрозу для всего мирового сообщества. Подобные преступления создают благоприятную почву для транснациональной преступности. В связи с этим между различными государствами существует ряд соглашений, направленных на борьбу с подобного рода преступлениями. Среди них:

Международные стандарты по противодействию отмыванию денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения – Рекомендации ФАТФ. Рекомендации ФАТФ разработаны организацией, являющейся межправительственной, основной целью которой является создание единых стандартов для всех государств в области

противодействия финансированию терроризму и отмыванию преступных доходов.

Рассмотрим более подробно отдельные и основные рекомендации по противодействию в названной сфере. Оценка рисков и применение рискоориентированного подхода. Подразумевается оценка органами государственной власти и организациями возможности легализации имущества, добытого преступным путём. То есть в рекомендации прописана целесообразность создания органа, отслеживающего подобные риски. Своего рода финансовый мониторинг. Оценка ситуации будет безусловно способствовать эффективному использованию ресурсов. Кстати в России, активно и достаточно эффективно, функционирует такая структура, как Росфинмониторинг – так называемая финансовая «разведка», однако как отмечалось ранее, справиться в одиночку с рассматриваемым негативным явлением не под силу одному государству.

Другая рекомендация подразумевает, что легализация имущества, добытого преступным путём, должна быть криминализована.

Конфискация и обеспечительные меры.

Предлагается законодательное закрепление возможности государственных органов арестовывать и конфисковывать имущество, полученное в результате преступной деятельности, также доходы, которые получены от подобных преступлений либо же имущество, стоимость которого равна причинённому ущербу. Помимо этого, рекомендуется принятие мер, позволяющих конфисковывать имущество без осуждения лица. То есть требование от лица, чтобы он доказал законность находящегося у него имущества. Аналогично «нецелевому обогащению». О целесообразности в целях совершенствования уголовно-правовых основ включения конфискации в качестве дополнительного вида наказания отмечают и отечественные правоведы.[2, с. 266]

Важнейшее значение ФАТФ в сфере противодействия легализации (отмыванию) преступных доходов отмечается в зарубежной литературе.

Правовой статус ФАТФ является дискуссионным в виду того, что в правовых документах об образовании организации он не определен. Так, А. П. Печников утверждает: «Учитывая тот факт, что ФАТФ создана по воле государств т.е. «большой семерки» – это самые развитые в экономическом отношении государства ... что данные государства даровали часть своей универсальной правосубъектности новой организации для достижения

поставленных перед ней членами-учредителями задач. При этом до сих пор ФАТФ не имеет определённого устава, и продолжительность ее деятельности не ограничена. ФАТФ пересматривает целесообразность своего существования каждые пять лет, и ее будущее полностью и целиком зависит от волеизъявления стран, которые ее основали. Т.о., на основании вышеизложенного можно сделать вывод, что ФАТФ является международной межправительственной организацией с ограниченной (специальной) правосубъектностью».[3, с. 32-33]

Полагаем, что данная точка зрения в полной мере отражает современное положение ФАТФ в системе международного права и нуждается в модернизации с учетом современных вызовов и реалий. Кроме того, ФАТФ не должна быть зависима от ряда государств ее создавших. По нашему мнению, названная организация должна быть независимым органом и координировать работу всех заинтересованных государств в борьбе с преступлениями рассматриваемого вида.

Отметим, что в мире ускоряются интеграционные процессы государств, международных организаций, в том числе и в сфере экономики. Объективно становится всё сложнее проследить этапы легализации (отмывания) преступно добытого имущества, так как цепочка операций распространяется на всё большие государства. Названная проблема объединяет мировое сообщество, так как подобного рода преступления всё чаще носят транснациональный характер и приобретают новые способы, которые связаны с развитием информационных технологий. Соответственно, требуется постоянное совершенствование методов противодействия легализации незаконных доходов, для более эффективной работы правоохранительных органов в рассматриваемой сфере.

Учитывая изложенное, становятся понятны масштабы угрозы преступлений, связанных с легализацией имущества, добытого преступным путём. В связи с этим, на наш взгляд, необходим анализ российского и международного уголовно-правового законодательства, связанного с исследуемой тематикой, а также отечественной судебной – следственной практики с целью разработки научно обоснованных предложений по совершенствованию российского уголовного законодательства в названной сфере, а органам осуществляющим выявление, раскрытие и расследование названных преступлений, необходимы современные методические рекомендации в целях эффективного противодействия названным угрозам, в том числе заимствование передового опыта ряда

стран, которые успешно справляются с указанными задачами в борьбе с отмыванием «грязных» денежных потоков, добытых преступным путем.

Библиографический список:

1. Парламентская газета [Электронный ресурс]: официальный сайт. URL: <https://www.pnp.ru/economics/skolko-deneg-nezakonno-vyvezli-iz-rossii.html> (дата обращения: 02.11.2021 г.).

2. Третьяков В.И. Организованная преступность и легализация преступных доходов: диссертация доктора юридических наук 12.00.08 Ростов-на-Дону, 2009. С.266

3. Печников А.П. К вопросу о правовом статусе ФАТФ. Миграционное право, М., 2014. № 2. С.32-33

© Д.Н. Евлушина, 2021

Евлушина Дарья Николаевна,
ст. преподаватель кафедры предварительного расследования
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

По уровню коррупции, на протяжении последнего десятилетия мировым сообществом Россия оценивается, как одна из неблагополучных стран мира в рассматриваемом аспекте. В рейтинге государств с названным отрицательным индексом, она располагается на одной строчке с такими странами, как Венесуэла, Йемен, Самали, Гвинея, Сирия, Судан (Южный), Афганистан, Северная Корея.

В научной литературе, существует множество дефиниций коррупции, однако авторы едины в том, что коррупция – это злоупотребление служебным положением в целях извлечения личной выгоды, влекущее материальные или нематериальные убытки для общества и государства. Преступления данной категории характеризуются высокой степенью латентности и этим обуславливается сложность в их выявлении, раскрытии и расследовании. Согласно

действующему уголовному законодательству, в России к преступлениям коррупционной направленности относят многие деяния, однако наиболее характерные и знаковые из них, это получение и дача взятки должностному лицу (ст.ст. 290,291 УК РФ). [1]

Анализ научной литературы, судебно-следственной практики показывает, что распространению коррупции в России способствуют различные факторы, к ним относятся, в частности и слабый контроль за действиями подчиненных, наделение широким кругом полномочий отдельных лиц, отсутствие прозрачности, плохой менеджмент, трудности толкования некоторых законов, что вызывает ошибки правоприменения. [2]

Распространению коррупции способствуют также факторы и субъективного характера, например, спекулятивное мышление чиновников, завышенные требования, финансовые проблемы и другие.

Для своевременного выявления и пресечения преступлений коррупционной направленности, прежде всего, необходимо знать наиболее типичные формы проявления коррупции в органах государственной власти и управления и их характерные особенности. К ним в частности можно отнести:

- существенное изменение материального положения чиновника;
- частая работа с документами дома;
- частые личные контакты с клиентами-руководителями, предпринимателями (просителями);
- посторонняя деятельность (заседания в конкретной фирме просителя);
- внешне немотивированный интерес к сфере деятельности, выходящей за пределы его компетенции;
- отсутствие жалоб на чиновника, выполняющего контрольные, надзорные или фискальные функции;
- внезапное изменение мнения по существу решения одного и того же вопроса;
- выезды в престижные загранкомандировки за счет предпринимательских структур, контролируемых преступными сообществами, под предлогом обмена опытом, развития деловых связей, участия в симпозиумах и т.д.;
- включение в число соучредителей вновь создаваемых коммерческих предприятий (АО, ООО, СП и др.) родственников должностных лиц;
- приобретение должностными лицами объектов недвижимости в России и других странах;

явное лоббирование представителями депутатского корпуса отдельных выгодных для преступных сообществ законопроектов. [3]

Необходимо обращать внимание и на неофициальную информацию, оперативная отработка которой нередко дает положительные результаты. Вместе с тем, основной мерой по предупреждению коррупции во многих странах мира является ротация персонала. Чиновник не должен длительное время занимать одну и ту же должность, в противном случае возникает опасность его подкупа. [4]

Так к примеру, подбор персонала нередко основывается не на деловых качествах, а на личной преданности, родственных связях. В отдельных случаях должности просто покупаются.

Одним из наиболее распространенных проявлений коррупции, как нами отмечалось ранее, является взяточничество.

Изучение материалов следственной практики показывает, что около 80% дел названной категории возбуждается по результатам проведения оперативного эксперимента – передачи взятки под контролем и задержании субъекта взяточничества с поличным. В ходе оперативных экспериментов в большинстве случаев достигаются положительные результаты, которые служат надежной доказательственной базой при судебном рассмотрении уголовных дел данной категории. Вместе с тем нередки случаи, когда из-за различных нарушений, в том числе на этапе процессуальной проверки, отказывают в возбуждении уголовных дел, либо прекращают их в стадии предварительного расследования. Имеют место факты вынесения оправдательных приговоров, когда собрано недостаточно доказательств, для изобличения лиц в совершении преступления.

В частности, к числу факторов, снижающих эффективность проведения оперативного эксперимента относятся:

- осуществление оперативно-розыскных операций без должной подготовки и оценки обстановки на месте передачи и получения взятки;

- отсутствие координации действий оперативных служб;

- недостатки в материально-техническом обеспечении подразделений, в частности, несовершенство технических средств;

- нарушения связанные с подготовкой и реализацией оперативных мероприятий.

Другими факторами, снижающими эффективность выявления и расследования коррупционных преступлений, являются несвоевременное закрепление

следов преступления, нарушения норм уголовно-процессуального законодательства при выполнении неотложных процессуальных и следственных действий, а также иные объективные, и субъективные причины.

К первым следует отнести сложность сбора доказательств, активное противодействие обвиняемых, длительные сроки производства экспертиз и другое. В числе субъективных причин – недостаточный уровень профессионализма сотрудников правоохранительных органов, волокита, передача дел от одного следователя другому и другие. В этой связи, особое место в борьбе с коррупцией занимает обучение и повышение квалификации сотрудников. К сожалению, на сегодняшний день во многих силовых структурах, работают специалисты, не имеющие достаточного опыта работы по раскрытию и расследованию рассматриваемой категории преступлений. Одновременно слабы и оперативные позиции соответствующих служб в данной сфере.

Учитывая изложенное, следует отметить, что угроза национальной безопасности страны, которую создает преступность коррупционной направленности, требует консолидации усилий всех ветвей власти, правоохранительных органов, ученых, практиков. Вместе с тем, борьба в рассматриваемом аспекте будет результативной лишь в том случае, если будет вестись высокопрофессиональными сотрудниками, комплексно и постоянно на всех уровнях при координирующей роли прокуратуры. Одновременно нуждается в изменении в сторону ужесточения наказания санкции уголовных статей рассматриваемых коррупционных преступлений.

Библиографический список:

1. Комментарий к Уголовному кодексу РФ - 2-е изд., перераб. и доп. /Отв. ред. А.И. Рарог. - М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2014.

2. Горбунова Л. В., Курц А. В. Обстоятельства, отягчающие наказание по уголовному праву России (вопросы теории и практики). - Казань, 2004.

3. Аганесов А.И. Инновационные подходы в расследовании преступлений коррупционной направленности // Научно-методический электронный журнал «Кнцепт». – М.. 2017. - №6.

4. Коловоротный А.А., Резван А.П., Скориков Д.Г. Личность организатора преступного сообщества как элемент криминалистической характеристики преступления // Прорывные научные исследования как двигатель науки: сборник статей Международной научно-практической конференции (15 декабря 2015 г., г. Самара). / в 3 ч. Ч. 3. – Уфа, 2015.

© Евлушина Д.Н., 2021

Егорова Наталья Александровна,
профессор кафедры уголовного права
УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России,
доктор юридических наук, доцент
Гордейчик Татьяна Сергеевна,
студент 4 курса Института права
Волгоградского государственного университета

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ, СВЯЗАННЫЕ С СУИЦИДОМ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

В 2017 г. были криминализованы такие деяния, как склонение к совершению самоубийства (ч. 1 ст. 110.1 УК РФ), содействие совершению самоубийства (ч. 2 ст. 110.1 УК РФ) и организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ). Отношение ученых и практических работников к этим новеллам неоднозначное. За непродолжительный период действия новых норм защищены несколько кандидатских диссертаций, опубликованы статьи в ведущих научных изданиях, посвященные проблемам толкования и применения указанных статей уголовного закона. При этом статистика судимости по данным статьям демонстрирует довольно скромные цифры. Так, в 2018 г. за преступления, предусмотренные ст. 110.1-110.2 УК РФ, осуждено 21, в 2019 г. – 25, в 2020 г. – 8 человек [1].

Использование методов контент-анализа (обзор научной литературы) и экспертных оценок (анкетирование профессорско-преподавательского состава и сотрудников правоохранительных органов [2]) позволили выделить следующие основные спорные аспекты криминализации названных деяний. Во-первых, не все специалисты поддерживают криминализацию деяний, предусмотренных ст. 110.1 УК РФ [3] (особенно – содействия совершению самоубийства). Во-вторых, у некоторых ученых и практических работников вызывает возражения конструирование составов склонения к суициду и содействия ему по типу формальных [4, с. 157; 5, с. 10, 20]. В-третьих, не избежала критических замечаний ст. 110.2 УК РФ ввиду ее пробельности [6, с. 11-12; 7, с. 124-125], громоздкости [8, с. 40], либо как избыточная [9, с. 12-14].

По данным опроса, криминализацию склонения к суициду и содействия суициду поддержали 30 (85,7%) респондентов; не поддержали – 3 (8,6%); 1 респондент (2,9%) считает необоснованной криминализацию содействия совершению самоубийства; еще 1 (2,9%) полагает, что ответственность за указанные деяния должна наступать лишь при наличии последствий, предусмотренных ч.ч. 4-6 ст. 110.1 УК РФ (т.е. самоубийства или попытки самоубийства потерпевшего).

Мы поддерживаем криминализацию склонения к суициду и содействия ему даже при отсутствии упомянутых общественно опасных последствий. Такие деяния заслуживают уголовно-правового воздействия как общественно опасные. Они отличаются от доведения до самоубийства своей направленностью (объективной и субъективной) на причинение смерти потерпевшему, хотя и его же руками. Согласившись со сторонниками «материализации» рассматриваемых составов, законодатель оставил бы без внимания деятельность лиц, подвергающих психологической обработке потерпевших (в том числе несовершеннолетних), но не достигших своей цели. Противодействовать такому поведению уголовно-правовыми средствами необходимо до того, как произошла трагедия, а не после. Склонение лица к самоубийству опасно независимо от способа совершения, при этом конкретная вербальная форма склонения не имеет значения.

В научной литературе поставлен вопрос о том, «какими должны быть слова, чтобы признать их склонением» (Т.Д. Устинова) [4, с. 154]. На наш взгляд, вербальная форма склонения к суициду может быть любой. Состав преступления налицо при доказанной цели – акта суицида потерпевшего. В примере склонения, приведенном названным автором («Лучше тебе прыгнуть с крыши, чем так жить! Уйдешь и никто не будет тебя трогать»), скорее всего, нет состава преступления именно ввиду отсутствия такой цели, а не потому, что были использованы «не те слова». Не исключается в подобных ситуациях и применение нормы о малозначительности деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ) [10, с. 11, 132-133].

Состав, предусмотренный ст. 110.2 УК РФ, не дублирует состав склонения к самоубийству. Данная статья не может быть применена, когда есть конкретный потерпевший (один или более) – она рассчитана на организацию деятельности в отношении неопределенного круга лиц. При этом в указанной статье содержится существенный пробел – ее редакция не позволяет усмотреть

состав преступления в действиях лиц, которые непосредственно занимаются побуждением к совершению самоубийства указанными в ней способами (путем распространения информации и призывов). Поэтому нельзя согласиться с авторами, утверждающими, что в России криминализированы призывы к самоубийству [11, с. 355; 12, с. 131]. К сожалению, это не так – по ст. 110.2 УК РФ могут быть привлечены к ответственности только организаторы таких призывов. Возможно, недостатки редакции ст. 110.2 УК РФ стали причиной того, что указанная статья почти не применялась за время ее действия (в 2018 г. по ней был осужден 1 человек; в 2019 г. – также 1 человек; в 2020 г. не было осужденных).

Решить проблему неудачной редакции ст. 110.2 УК РФ способен только законодатель, предусмотрев в ч. 1 данной статьи ответственность за пропаганду самоубийства и призывы к самоубийству. Такой вывод нашел поддержку у 60% участников опроса.

В процессе расследования преступлений против жизни, связанных с суицидом, правоприменителям приходится решать, помимо прочих, вопрос разграничения преступлений, предусмотренных ст. 110, 110.1 УК РФ, и убийства. Представляется, что основными критериями разграничения данных преступлений следует считать особенности потерпевшего и специфику объективной стороны.

Потерпевшим от убийства может быть любое физическое лицо (человек), жизнь которого началась и еще не завершилась. Потерпевший от склонения к самоубийству, содействия самоубийству – физическое лицо (человек), способное к самостоятельному принятию решения об уходе из жизни. Такой вывод следует из определения понятия «самоубийство», сформулированного ВОЗ: «Самоубийство есть результат сознательных действий со стороны определенного человека, полностью осознающего или ожидающего летального исхода (выделено нами. – Н.Е., Т.Г.)» [13, с. 66-67]. Именно способность потерпевшего осознавать характер своего суицидального поведения и предвидеть его последствия дает основания для вывода о том, что лицо совершило акт суицида, т.е. причинило смерть самому себе добровольно и самостоятельно. Иначе имеет место убийство. Таким образом, можно утверждать, что в составах преступлений, предусмотренных ст. 110, 110.1 УК РФ, присутствует специальный потерпевший.

В действующем уголовном законе указанные признаки потерпевшего не отражены. По буквальному смыслу закона (п. «а» ч. 2 ст. 110, п. «а» ч. 3 ст. 110.1 УК РФ), потерпевшим от преступлений против жизни, связанных с актом суицида, может быть любое несовершеннолетнее или беспомощное лицо. Мы считаем, что несовершеннолетие и беспомощность потерпевшего следует понимать более узко, подразумевая только таких лиц, которые способны к принятию осознанного и самостоятельного решения о лишении себя жизни. Данная проблема также требует решения на уровне закона, но до этого допустимо рассматривать в качестве ориентира норму примечания к ст. 131 УК РФ и, по общему правилу, считать неспособными к самоубийству лиц, не достигших 12-летнего возраста. Кроме того, из круга потерпевших от преступлений против жизни, связанных с суицидом, считаем правильным исключить лиц, страдающих тяжелыми психическими расстройствами.

До решения данной проблемы законодателем вывод о наличии у потерпевшего указанной способности должен быть сделан с учетом всех обстоятельств совершенного преступления и особенностей личности потерпевшего (его возраста, уровня психического развития, личностной зрелости, наличия психических отклонений), что представляется довольно сложной задачей. В следственной практике квалификация по п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ деяний, провоцирующих самоубийство потерпевших, - большая редкость.

Так, в постановлении следователя о привлечении Т. в качестве обвиняемого по ч. 3 ст. 30, п. «в», «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ (в покушении на убийство 14-летней Б.) указано: «В связи с психофизическим инфантилизмом, недостаточностью жизненного опыта, непониманием конечности жизни, социальных последствий своих действий Б. не могла понимать значение совершаемых с нею противоправных действий Т., Р. и другими неустановленными лицами, действующими умышленно, совместно и согласованно, с целью ее убийства, и оказывать им сопротивление, в силу чего приняла несвободное, навязанное ей решение о причинении себе смерти ... посредством падения с большой высоты.

Однако указанные действия не были совершены Б. по не зависящим от Т. и неустановленных лиц обстоятельствам, ввиду своевременного оказания потерпевшей соответствующей медицинской помощи.

При совершении преступления Т., действуя совместно и согласованно в составе группы лиц по предварительному сговору с Р. и неустановленными лицами, осознавал общественную опасность своих действий, предвидел

наступление общественно опасных последствий в виде причинения смерти потерпевшей и желал их наступления, то есть действовал с прямым умыслом, с целью причинения смерти потерпевшей, по мотиву самоутверждения и повышения собственной самооценки» [14].

Квалификацию содеянного Т. как покушения на убийство можно подвергнуть сомнению по причине возраста потерпевшей (ей уже исполнилось 14 лет ко времени совершения действий, инкриминируемых Т.), отсутствия в материалах уголовного дела неопровержимых данных о ее беспомощности, полной управляемости, а также о прямом умысле Т. на причинение смерти Б.

По итогам опроса, респонденты оказались более склонны признать потерпевшими от убийства, а не доведения до самоубийства, беспомощных лиц, страдающих тяжелыми психическими расстройствами (40,1%), нежели малолетних (17,1 % безоговорочно признали убийством, предусмотренным п. «в» ч. 2 ст. 105 УК РФ, доведение до самоубийства 10-летнего ребенка; 5,8% - признали такие действия убийством только при наличии прямого умысла).

Следующий разграничительный признак – общественно опасное деяние: при убийстве это действие (бездействие), которое становится причиной смерти потерпевшего; при доведении до самоубийства, склонении к самоубийству или содействии ему это такое деяние субъекта, которое лишь обуславливает поведение самого потерпевшего, непосредственно причиняющего смерть самому себе. Из этого следует и особенность причинной связи между деянием и последствиями в составах доведения до самоубийства, склонения к самоубийству, содействия самоубийству – она всегда опосредованная (а при убийстве чаще бывает непосредственной).

О. и потерпевший А.В. (брат О.) употребляли водку с пивом. А.В., расстроенный ссорой с девушкой, стал просить О. лишить его жизни путем удушения. Его пытались отговорить, но А.В. требовал, высказывал угрозы. О. согласился и сдавил шею А.В. кухонным полотенцем, после чего отпустил. А.В. встал и рассказал о своих ощущениях. На кухне братья продолжили пить алкоголь. А.В. вновь стал уговаривать брата задушить его, пригрозив, что если брат его не задушит, то ему придет «хана».

О. и А.В. вышли в коридор, О. взял то же полотенце, накинул на шею А.В. и сильно сдавливал в течение 5 минут, после чего, прекратив свои действия, испугался и стал делать А.В. искусственное дыхание, а затем связал А.В., испугавшись что тот очнется и станет его бить.

Содеянное О. было квалифицировано как убийство (ч. 1 ст. 105 УК РФ) [15]. Такая квалификация правильна и с точки зрения современного законодательства. Потерпевшим была высказана просьба лишить его жизни, но никаких действий, направленных на это, А.В. не совершил, объективная сторона убийства была полностью выполнена О., что исключает возможность применения нормы о содействии самоубийству.

При самоубийстве потерпевший сам себе, т.е. собственноручно, причиняет смерть; при убийстве это делает другое лицо, причем необязательно единолично, возможно объединение усилий данного лица и потерпевшего.

Возникает вопрос о пределах содействия суициду, т.е. о том, где проходит граница между оказанием помощи потерпевшему и его убийством. Это особенно актуально для физического содействия, так как интеллектуальное (советы, указания, предоставление информации, обещание скрыть орудия или средства самоубийства) не входит в объективную сторону убийства, за исключением «интеллектуального содействия» беспомощным лицам, которое становится посредственным причинением и превращается в убийство.

По смыслу закона, физически содействовать акту суицида можно только предоставлением орудий или средств совершения самоубийства, но не их непосредственным использованием. Лицо, содействующее суициду, может, например, предоставить в распоряжение потерпевшего веревку, нож, пистолет, сильнодействующие лекарственные препараты, наркотические средства и т.п., но оно не пытается своими действиями применить их для причинения смерти потерпевшему. Названные орудия или средства используются самим самоубийцей. Если это делает также помощник (совместно с потерпевшим или без него), он должен признаваться исполнителем убийства.

Устранение препятствий тоже может расцениваться как содействие суициду до тех пор, пока помощник не начинает совершать действия, непосредственно направленные на лишение потерпевшего жизни. Например, выбивание опоры из-под ног лица, решившего повеситься, или затягивание петли потуже, производство «контрольного» выстрела после того, как потерпевший выстрелил в себя, удержание под водой потерпевшего, принявшего решение утопиться, будут убийством, а не содействием самоубийству.

Таким образом, критерий разграничения указанных преступлений по объективной стороне следует искать в особенностях общественно опасного деяния: при содействии самоубийству оно заключается в действиях

(бездействии), от которых смерть не может наступить, и непосредственно не направлено на причинение смерти потерпевшему; при убийстве совершаются действия (бездействие), в результате которых потерпевший может лишиться жизни, и они направлены на это.

Изложенное приводит к заключению о необходимости решения рассмотренных проблем на правотворческом и правоприменительном уровнях. На правотворческом целесообразны введение нормы, характеризующей признаки потерпевшего от преступлений, связанных с суицидом, изменение редакции ст. 110.2 УК РФ. На правоприменительном – разработка методических рекомендаций или подготовка разъяснений Пленума Верховного Суда РФ по вопросам квалификации преступлений против жизни, связанных с суицидом, и их разграничения с убийством. Это будет способствовать формированию более справедливого уголовного законодательства о преступлениях против жизни и непротиворечивой практики его применения.

Библиографический список:

1. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России (за 2018, 2019 и 2020 гг.). // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 20.10.2021).

2. В сентябре-октябре 2021 г. нами по специально разработанной анкете был проведен опрос преподавателей юридических вузов и факультетов г. Волгограда и некоторых других городов России, сотрудников правоохранительных органов г. Волгограда (всего 35 человек) по проблемам ответственности за посягательства на жизнь, связанные с самоубийством (в дальнейшем – опрос).

3. Скобликов П.А. Нужна ли уголовная ответственность за склонение к самоубийству и содействие ему? // Закон.ру : сайт [Электронный ресурс]. URL: https://zakon.ru/blog/2017/04/19/nuzhna_li_ugolovnaya_otvetstvennost_za_skloneni_e_k_samoubijstvu_i_za_sodejstvie_emu (дата обращения: 27.10.2021).

4. Устинова Т.Д. Склонение к самоубийству или содействие самоубийству: критический анализ // Lex Russica. 2020. Том 73. № 3. С. 151-159.

5. Малетина М.А. Уголовно-правовая характеристика преступной причастности к самоубийству, не связанной с доведением до него: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2021. – 23 с.

6. Егорова Н. Новое в уголовно-правовой охране жизни человека // Уголовное право. 2017. № 6. С. 11-17.

7. Левандовская М.Г. Уголовно-правовая характеристика организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства // Закон и право. 2019. № 9. С. 122-126.

8. Плаксина Т.А. Объективная сторона организации деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства (ст. 110.2 УК РФ) // Вестник ДВЮИ МВД России. 2019. № 1. С. 36-43.

9. Елисеева Н.М. Квасисоучастие в самоубийстве: актуальные проблемы криминализации и дифференциации ответственности : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2020. – 198 с.

10. Филиппова С.В. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. – 209 с.

11. Шарапов Р.Д., Смахтин Е.В. Новые основания уголовной ответственности за вовлечение в самоубийство и иное опасное для жизни поведение // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12, № 3. С. 349-357.

12. Артюшина О.В. Новые преступления против жизни: проблемы криминализации и декриминализации // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2019. № 2. Том 1. С. 129-137.

13. Доклад о состоянии здравоохранения в мире, 2001. Психическое здоровье: новое понимание, новая надежда / ВОЗ. Женева, 2001. С. 49. Цит. по: Трунов Д.Г. Определение суицида: поиск критериев // Суицидология. 2016. Том 7. № 1. С. 64-67.

14. Постановление о привлечении в качестве обвиняемого (г. Москва, 2017). Дата вынесения, номер уголовного дела, название следственного органа обезличены [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был.

15. Приговор Усть-Илимского городского суда Иркутской области от 21 июня 2011 г. по делу № 1-241/2011 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/mTcsnaddDpNm/> (дата обращения: 22.10.2021).

© Н.А. Егорова, Т.С. Гордейчик, 2021

Еремеева Алёна Николаевна,
преподаватель кафедры криминалистики
Сибирского юридического института МВД России

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, СОВЕРШЕННОГО ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОМУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»

С 90-х годов XX века и до настоящего времени проблема увеличения числа преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, приобрела угрожающие масштабы. При этом наиболее опасным преступлением считается незаконный сбыт наркотических средств, так как оно служит одним из путей наркотизации населения, чаще всего молодого.

Быстрыми темпами развивается сфера коммуникационных технологий, что с одной стороны упрощает ведение проектных и управленческих работ, а с другой стороны влечет появление новых форм противоправной деятельности организованных групп и преступных сообществ.

На территории Российской Федерации количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств за восемь месяцев 2021 года составило 123429 [1, с. 1]. При этом статистические данные, приведенные Генеральной прокуратурой Российской Федерации, свидетельствуют о том, что более 41% наркопреступлений совершается путем использования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» [2, с. 1]. Начиная с 2012 года наркоторговля стала уходить в «Интернет», а точнее в его теневую часть – «Даркнет». В 2020 году российская торговая площадка в «Даркнете» стала мировым лидером по продаже наркотиков и спрос на наркотики ежегодно растет [3, с. 1].

Анализируя правоприменительную практику и личный опыт расследования уголовных дел в сфере незаконного оборота наркотических средств, можно сделать вывод о том, что в настоящее время сбыт наркотических средств посредством использования информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»¹ преобладает над контактными. Для понимания причин смещения от

¹ Далее – бесконтактный способ сбыта

контактного сбыта к бесконтактному следует выделить отличительные особенности каждого.

Явным отличием выступает способ привлечения клиентов. Для бесконтактного способа характерна обширная реклама Интернет-ресурса (сайта магазина, канала в мессенджере и т.д.), где можно приобрести наркотик, размещение объявлений на различных форумах, рассылка сообщений. Для информирования большего числа будущих приобретателей в первую очередь преступники рассматривают места большого скопления людей – остановки общественного транспорта. Также рекламной площадкой выступают стены жилых домов, заборы, магазины, гаражи и др. Для усиления эффекта и большего привлечения внимания реклама соответствующего ресурса выполняется яркой краской и (или) большим шрифтом, также используются запоминающиеся логотипы.

Для контактного способа характерна передача информации о точках сбыта от человека к человеку, также покупатели делятся впечатлением и о качестве товара у того или иного сбытчика.

Анонимность. Лица, сбывающие наркотические средства бесконтактным способом зачастую действуют в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» под выдуманными логинами, чужими фотографиями и т.д., а также, через обезличенные «Интернет-магазины» по продаже наркотических средств.

Непосредственно с предыдущей особенностью связана удаленность участников преступления. Реализуя сбыт наркотических средств через интернет-ресурсы, преступники имеют возможность находиться в различных городах, субъектах и даже странах. При контактном сбыте происходит личная встреча покупателя и продавца, что существенно увеличивает риски последнего, поскольку приобретение наркотика может осуществляться в рамках оперативно-розыскного мероприятия – проверочная закупка.

Отличие можно провести и по приоритетному оперативно-розыскному мероприятию и отдельным элементам предварительного расследования. При контактном сбыте чаще всего используется проверочная закупка, которая при бесконтактном сбыте теряет свою актуальность. Если покупатель получал товар из рук в руки, то в ходе предварительного расследования целесообразным будет проведение опознания. Кроме того, в рамках проведения проверочной закупки чаще всего в роли покупателя выступают агенты, которые

информируют оперативные подразделения о готовящемся или совершенном преступлении.

При документировании преступной деятельности, связанной с бесконтактным способом сбыта наркотических средств, оперативные подразделения используют более широкий спектр оперативно-розыскных мероприятий – наблюдение, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи и др. [4, с. 49].

Ключевым следственным действиям по делам о незаконном сбыте наркотических средств является обыск в жилище задержанного, который проводится в не зависимости от способа сбыта. При бесконтактном способе сбыта в первую очередь должно быть обращено внимание и подлежат изъятию все электронные устройства, с возможным выходом в информационно-телекоммуникационную сеть Интернет (телефоны, персональные компьютеры, ноутбуки, планшеты, жесткие диски и др.), что может обеспечить в дальнейшем удачный ход расследования и установления иных участников преступной группы [5, с. 66]. Совершение сбыта контактным способом предполагает в первую очередь отыскание нереализованных наркотических средств, а также переданных денежных средств за приобретение наркотиков.

Анализ уголовных дел¹ по сбытам наркотических средств бесконтактным способом позволяет охарактеризовать среднестатистических лиц, занимающихся противоправной деятельностью в качестве «закладчиков»²: молодые люди, чаще всего до 30 лет, которые стремятся к «легким» деньгам при отсутствии желания усердно работать. Заработная плата «закладчика» сдельная. Она напрямую зависит от количества сделанных закладок. Цена одной закладки варьируется от 1 000 до 1500 рублей. За сутки один «закладчик» может разложить наркотические средства в 20 тайников. Однако «трудовая» деятельность «закладчика» носит непродолжительный характер, поскольку расточительное поведение преступника (траты на дорогие вещи и досуг) привлекают к себе внимание правоохранительных органов. В среднем наркокурьера-закладчика задерживают в течение месяца.

¹ Анализировались уголовные дела, расследуемые в 2017-2021 гг., расследуемые на территории Красноярского края. Общее количество уголовных дел – 86.

² Закладчик – лицо, которое раскладывает приобретенное наркотическое средство по различным тайникам.

Лица, сбывающие наркотические средства контактным способом чаще всего занимаются противоправной деятельностью на протяжении долгого периода времени. Осторожно сбывая наркотики ограниченному кругу лиц (друзьям, родственникам, проверенным покупателям) они осмотрительны и недоверчивы, ведут тихий уединенный образ жизни, стараются не привлекать к себе внимание. Противоправная деятельность чаще всего прекращается, если в их окружение удастся внедрить агента-покупателя, готового сотрудничать с представителями правоохранительных органов.

Подводя итог, следует указать, что имеются значимые различия между контактным и бесконтактным способами сбыта. Эти особенности присутствуют как при производстве оперативно-розыскных мероприятий, так и при производстве следственных действий. Статистические данные и проведенное исследование позволяют сделать вывод о лидирующих позициях бесконтактного способа. Этому способствуют различные факторы: нестабильная социально-экономическая ситуация в стране, высокая внешняя наркоэспансия, конспиративные преимущества бесконтактного способа. Ответом на изменившуюся тенденцию сбыта должно стать комплексное межотраслевое взаимодействие по проработке проблемы противодействия сбыта наркотических средств бесконтактным способом (с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет).

Библиографический список:

1. Показатели преступности России [Электронный ресурс] // Портал правовой статистики – URL: http://crimestat.ru/offenses_map – Доступ свободный.
2. ТАСС: информационное агентство России: [сайт]. – М, 1999 – URL: <http://tass.ru> (дата обращения: 22.10.2021).
3. Проект медиа : [сайт] – М, 2018. – URL: <https://www.proekt.media/research/narkotiki-v-darknete> (дата обращения 22.10.2021). Текст : электронный.
4. Полуянов, С.А. Некоторые вопросы выявления и пресечения сбыта наркотиков бесконтактным способом с использованием сети Интернет / С.А. Полуянов, В.А. Филатова. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы противодействия наркотрафику на современном этапе : сборник международного научно-практического семинара (Красноярск, 2-3 апреля 2020 года). – Красноярск, 2020 – С. 26–31.

5. Суров, О. Методика расследования незаконного сбыта наркотических, психотропных веществ или их аналогов, совершенных с использованием интернет-магазинов : учебное пособие / О.А. Суров, С.И. Земцова, П.В. Галушин. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2016. – 156 с.

© Еремеева А.Н., 2021

Ермакова Алина Леонидовна,
следователь ОМВД России
по Орловскому району

К ВОПРОСУ О ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Степень человеческой коммуникации, существующая как на социально-бытовом, так и на управленческо-профессиональном уровне, существенно расширилась за счет внедрения в нее возможности взаимодействия посредством средств электронной связи и иных цифровых средств и сетей.

Благодаря цифровым технологиям у современного общества появился доступ к таким принципиально новым благам как:

- оперативная передача больших объемов информации в любую точку Земли;
- сбор и накопление объемных данных в электронных базах;
- возможность доступа к информационным базам огромного количества людей;
- проведение всевозможных операций с информацией, например ее анализ, поиск, систематизация и распределение по смежным группам;
- наличие образцов документов и готовых форм заполнения, которые можно использовать при производстве по уголовному делу, что существенно ускоряет и облегчает письменную процессуальную деятельность.

Успешно функционирующие цифровые комплексы и системы в результате повсеместного внедрения электронных технологий постепенно заменяют рутинный человеческий труд [1]. Во многих сферах человеческой деятельности ручной труд по мере необходимости оцифровывается и становится формаль-

ным, т.к. созданное программное обеспечение успешно и эффективно справляется с делегированной ему работой.

Цифровизация не обошла стороной и уголовное судопроизводство, поскольку последнее является исключительным видом деятельности государства по обнаружению и расследованию преступления в рамках рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу [2].

Достижения и возможности программирования и электронной техники диктуют степень практического внедрения цифровизации в уголовное судопроизводство. Возможности информационного интерфейса позволили создать для участников уголовного судопроизводства различного рода справочно-правовые системы, которые значительно упростили процессуальную деятельность и облегчили поиск и систематизацию правовой информации.

Использование цифровых технологий аудиозаписи и видеозаписи в работе соответствующих технических средств успешно применяется при фиксации любых следственных и иных процессуальных действиях (ч. 2 ст. 166 УПК РФ). Также это касается и возможности проведения указанных мероприятий без участия понятых (ч. 3 ст. 170 УПК РФ), что заметно ускоряет производство по уголовному делу.

Постепенное законодательное оформление получает все большее число цифровых отраслей, которые явочным способом сливаются с уголовным судопроизводством.

Однако стоит отметить, что в силу многофакторности, конфликтности и противоречивости процессуальной деятельности, большинство действий все же выполняет человек, а цифровые технологии выполняют роль своеобразного помощника, выполняя лишь определенные скромные задачи.

Между тем зарубежные страны ударными темпами накапливают успешный опыт внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство. В электронном формате в иностранных государствах функционируют следующие процедуры:

- регистрация обращений и сообщений о преступлениях, электронное оформление таких процессуальных документов, как протоколы следственных действий, приговор по уголовному делу и иные процессуальные решения (УПК Республики Казахстан) [3];

- производство предварительного расследования в форме «электронного уголовного дела» (УПК Турции);

- упрощенные процедуры производства по проступкам и уголовно наказуемым правонарушениям (законодательство Англии и Уэльса).

Вместе с тем недопустимо безгранично и произвольно внедрять цифровые технологии в уголовно-процессуальную деятельность без учета ее природы и объективно присущих ей особенностей. Если все процессуальные действия будет выполнять компьютер, запрограммированный и выполняющий действия по принципу упрощенного алгоритма, одновариантности решений и формализации информации, то очень возрастает риск следственно-судебных ошибок, а также нарушения прав человека и несправедливого разрешения дела[4].

От российской юридической науки требуется максимальная концентрация, направленная на научный анализ и системное изучение перспектив полномасштабной имплементации цифровых технологий в уголовно-процессуальную деятельность, причем это касается как положительного опыта внедрения, так и возможных рисков. По моему мнению, для полного обеспечения необходимых гарантий участников судопроизводства и избежания негативных последствий цифровизации необходимо в полной мере выявить все возможные риски с целью формулирования грамотного технического задания и создания адекватных компьютерных программ, отвечающих требованиям уголовного процесса[5].

Разрешение данной проблемы, как мне кажется, видится в методе пробного внедрения цифровых технологий в отдельные аспекты уголовно-процессуальной сферы с обязательным сопровождением данных экспериментов необходимой правовой базой и наличием согласия участников производства на участие в подобном опыте. К примеру, на первом этапе информационные технологии могли бы вводиться параллельно с человеческим трудом, как бы дублируя его. Однако следует понимать, что двойная форма производства будет затягивать уголовный процесс, поэтому к данному способу стоит подходить рационально и осторожно.

Экспериментальный переход к цифровым технологиям также может осуществляться путем перевода на эту технологию сначала лишь отдельных, наиболее формализуемых аспектов процессуальной деятельности. В уголовном судопроизводстве подача заявления (сообщения) о совершенном преступлении вполне поддается формализации, и цифровые технологии в порядке эксперимента можно было бы начинать использовать не только для электрон-

ной подачи, но и для одновременного электронного учета и регистрации заявлений или сообщений о совершенном преступлении.

Электронная форма подачи и приема заявлений и сообщений о преступлениях поможет решить такие насущные проблемы, как:

- несвоевременная регистрация сообщений и заявлений;
- укрытие от регистрации или неформальный отказ от принятия заявлений, совершаемый путем убеждения в безнадежности, уговоры заявителя;
- пропущенные сроки реагирования на сообщение о преступлении.

Автоматическая регистрация и последующий учет позволили бы более полно и, главное, более гарантированно реализовать обязательство государства обеспечить каждому потерпевшему от преступления доступ к правосудию, прямо предусмотренное ст. 52 Конституции РФ.

Взвешенный подход к внедрению цифровых технологий в уголовное судопроизводство, строящийся на правиле «не навреди», позволит усовершенствовать процесс, не создавая угроз и рисков ни для целей самого судопроизводства, ни для прав человека, в нем участвующего.

Библиографический список:

1. Андреева О. И., Зайцев О. А. Проблемы использования в уголовном судопроизводстве электронных документов // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей. – Томск : Изд. дом Томского государственного ун-та. – 2018. – Ч. 79. – С. 4 - 17.

2. Быкова Е. Г., Казаков А. А. Деятельность следователя и цифровая реальность: практическая составляющая // Библиотека криминалиста. Научный журнал. - 2018. - № 3. - С. 50-53.

3. Задорожная В.А. Производство по уголовному делу в электронном формате по законодательству Республики Казахстан // Правопорядок: история, теория, практика. – 2018. – № 4 (19). – С. 70-75.

4. Корнакова С. В. Критическая оценка «оцифрования» уголовного судопроизводства // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2018. – № 3. - С. 58-63.

5. Маслов И.В. Некоторые критические замечания «К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности» // Библиотека криминалиста. Научный журнал. – 2018. – № 3. – С. 69-76.

© А.Л. Ермакова, 2021

Жилкин Максим Геннадьевич,
начальник кафедры уголовного права и криминологии
Московского областного филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
доктор юридических наук, доцент

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ XVIII ВЕКА В ТРУДАХ И.Т. ПОСОШКОВА

История возникновения науки уголовного права тесно связана с процессом становления российской юридической науки в целом, который происходит в России течении XV – XVII веков. Напомним, что к этому периоду было подготовлено несколько Судебников (1497, 1550, 1589 гг.), Стоглав (1551 г.) и Уложение (1649 г.). Значительное увеличение законодательного материала и резкое повышение роли письменных источников потребовало их осмысления и донесения законодательной воли до власти и населения. С целью изучения и преподавания законов царь Иван IV (Грозный) издал указ о создании училищ «закона божия и гражданского» при православных храмах, чем заложил, по мнению исследователей, начало школ так называемой «дьяческой» юриспруденции. И, хотя, заметного внедрения правовых знаний в широкие слои российского общества не получилось, но процесс освоения этих знаний узким кругом лиц, а именно дьяков, клерков и казначеев, в чьи обязанности входило составление проектов законов и доклад их царю, а также участие в судебных процессах, был запущен. Однако следует отметить, что на этом этапе юриспруденция носила сугубо прикладной характер, основанный на обобщении и уяснении положений множественных нормативных актов исключительно с целью его правильного применения.

Следующий этап развития российской правовой науки был связан с созданием нескольких учебных заведений (патриарших училищ), главными из которых были Московская славяно-латинская академия (1687 г.) и Киево-Могилянская академия (1701 г.) в которых наряду с богословием изучались и светские науки, а в рамках курса философии преподавалось учение о государстве и праве. Вместе с тем, наука в этот период носила ярко выраженный религиозно-схоластический характер и значительных результатов не достигла.

В начале XVIII века стали появляться исследования, в которых делается попытка объединить религиозные догматы и доктрину естественного права, что предполагало учет интересов конкретного человека [1, с. 36]. В связи с этим, исследователи уголовно-правовых учений выделяют трактат «Книга о скудости и богатстве», написанный в 1724 г. самоучкой-начетником Московской церковной письменности, ремесленником по происхождению, а в последствии успешным предпринимателем, Иваном Тихоновичем Посошковым [2, с. 10]. В целом работа посвящена вопросам экономического переустройства России периода правления Петра I Великого и была адресована в первую очередь самому императору. Автор надеялся, что его экономические и правовые идеи. Донесенные до самодержца, помогут русскому человеку, «избавится от бесправия и разбогатеть».

Одну из глав своего «трекратия» автор посвятил вопросам правосудия. Р. М. Нуреев, исследовавший творчество И. Т. Посошкова, заметил, что по мысли автора «неправда в России, проистекает от неправого суда, который защищает сильных и обижает слабых» [3, с. 23]. Представляется, что такая мысль актуальна и в наше время.

Особое внимание в части своего труда о правосудии И. Т. Посошков уделял проблемам незаконного применения к людям мер, ограничивающих их свободу без установления противоправности содеянного и виновности лица, недопустимости волокиты при ведении судебных дел, ответственности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве. Его правовые взгляды отражали прогрессивные направления в развитии правотворчества и правоприменения, но при этом были свободны от европейского влияния, так как сам автор за границей никогда не был в целом был враждебен всему иностранному.

Интересно, что отдельные его мысли нашли воплощение в последующих уголовных законах. Так, в его работе можно обнаружить предложение о введении преюдициального характера уголовной ответственности подьячего (делопроизводителя в суде) за повторные нарушения при составлении письменного судебного решения: «А буде же подьячей зделал вопреки правде, то учинить ему наказание неоскудное, а буде же делал токой приговор по пристрастию, то лютел наказать и жалованья убавить. А буде же в другой раз такожде неправо подпишет, то уже и казни подпадет» [4, с. 60]. Встречаем мы и иные положения об уголовной ответственности за нарушения в сфере правосудия. Например, о вмешательстве в деятельность суда: «А буде во время

допросу подойдет кто с стороны и станет в каких-либо словах учить, то того учителя надлежит взять под караул. И буде безхитростно поучил, то штрафом его обложить, а буде нарочно, на то уготовавшись, пришел, то и розыску подлежит» [4, с. 64]. Здесь мы видим вариант дифференциации ответственности, в зависимости от формы вины. Положение о лжесвидетельствовании и соучастии в нем: «И аще кто скажет пред судьейю прямо, что он по научению того суперника, кой на него слался, сказал ложно, то та вина разделить на двое, половина тому лжесвидетелю, а другая учителю, и учинить им наказание равное. И по жестоком наказании запятнать их на лице и на руке лжесвидетельным пятном. И буде впредь в таком же ложном свидетельстве явятся, то безъотложная, чинить смертная казнь» [4, с. 66]. Об ответственности за мздоимство (взяточничество) при ведении судопроизводства: «А буде кто покусится взять излишнее в другой ряд, то и штраф на нем взять сугубой: за рубль по двесте рублей, наказание на козле, а за третью вину либо смерть, либо в вечную работу к рудокопным делам» [4, с. 90].

Но в большей части, автор обращал в этой главе совет объемной работы внимание на вопросы процессуального характера при ведении судопроизводства: порядка и тактики проведения отдельных следственных действий; оснований применения мер процессуального принуждения; правилам письменного оформления судебных документов и пр. В частности, он предлагал всякое процессуальное решение оформлять так называемой «рописью» судьи или иного участника судопроизводства. В документах, фиксирующих судебные решения автор полагал необходимым не ограничивается лишь констатацией установленного факта или мерой наказания виновного, но и подтверждать сделанные выводы конкретными доказательствами: «А буде истец виновен, а ответчик прав, то такожде имянно подписать, почему он прав и почему другой виноват» [4, с. 59].

А вот в главе «О купечестве» автор рассуждает об устройстве рыночных отношений и торговли, предлагая в том числе устанавливать ответственность за нарушения, как бы сегодня сказали в сфере предпринимательской деятельности. К примеру, им формулируется норма об ответственности за обман потребителя, с определением в виде наказания штрафа, кратного цене товара, который стал предметом обмана: «А буде кто неправо отвесит или неправо отмеряет, или не такой товар даст, какова купец требовал, или вместо доброго

худой продаст, то таковому жесточае чинить наказание, а штраф против товарные цены взять десятирично» [4, с. 119].

Следует сказать, что И. Т. Посошков отводит значительную роль купечеству в модернизации российского государства и высоко оценивает вклад этого сословия в укрепление государственных устоев. При этом автор говорит о необходимости ограничить давление на купечество со стороны власти, всячески защищать эту сферу как от внешних, так и от внутренних воздействий: «И купечества в ничтожность повергать не надобно, понеже без купечества никакое, не токмо великое, но ни малое царство стояти не может. Купечество и воинству товарищ, воинство воюет, а купечество помогает и всякия потребности им уготовляет. ... И так купечество годствует блюсти, чтоб не токмо от обидников посторонних, но и они между собою друг бы друга не обидели и в купечество их иночинные люди отнюд бы не вступали и помешательства ни малого им не чинили, но дать им торг свободной, дабы от торгов своих сами полнились и его императорскаго величества интерес умножали» [4, с. 113-114].

Как видно проблемы правового обеспечения судопроизводства и предпринимательской деятельности поднимались в самых ранних научных работах по экономике и праву. Как здесь не вспомнить знаменитую фразу Д. А. Медведева: «Надо, чтобы органы власти, правоохранительные органы «перестали «кошмарить» бизнес» [5]. Эту же мысль, но в других словах выразил Президент Российской Федерации В. В. Путин в выступлении на XVIII заседании клуба «Валдай» 21 октября 2021 г. В рассматриваемой работе, И.Т. Посошковым предлагаются меры правового регулирования общественных отношений в сфере отправления правосудия и в сфере экономики в том числе, путем применения крайних мер воздействия – лишения свободы, ссылки, каторги, телесных наказаний, смертной казни. При этом автор не просто формулирует правовую норму, но и пытается объяснить в чем ее содержание и предназначение, что несомненно делает его исследование ценным с научной точки зрения.

Библиографический список:

1. Кашапов У. А. Становление российской юридической науки и в рамках нее антропологических парадигм в XV-XVIII вв. // Правовое государство: теория и практика. 2018. № 1 (51).

2. Понятовская Т. Г. Концептуальные основы уголовного права России: история и современность / Т. Г. Понятовская; Государственный комитет Российской Федерации по высшему образованию, Удмуртский государственный университет. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 1994. 137 с.

3. Нуреев Р. М. «Книга о скудости и богатстве» И. Т. Посошкова как российский образец «Государевой литературы» // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). 2014. Т. 6. № 1.

4. Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения [Текст] / И. Т. Посошков ; ред., [послесл.] и коммент. д-ра ист. наук Б. Б. Кафенгауза. Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. 409 с.

5. Президент России призвал перестать «кошмарить» малый бизнес [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20080731/115363138.html> (дата обращения 25.11.2021).

© М.Г. Жилкин, 2021

Жукова София Сергеевна,
преподаватель кафедры уголовного права
УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ПРИЗНАКОВ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Одной из основных угроз государственной и общественной безопасности является деятельность экстремистских объединений. Экстремизм во всех его проявлениях подрывает общественную безопасность и государственную целостность РФ, создает реальную угрозу сохранения основ конституционного строя, межнационального (межэтнического) и межконфессионального согласия. С целью совершенствования борьбы с данными посягательствами были закреплены соответствующие уголовно-правовые нормы, регламентирующие ответственность за групповое совершение преступлений экстремистской направленности.

Законодатель (в отличие от действующей редакции ст. 210 УК РФ) произвел разграничение экстремистского сообщества (ст. 282.1 УК РФ)

и экстремистской организации (ст. 282.2 УК РФ). Однако признаки последнего группового формирования в законе не определены. При принятии Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» от 27 июня 2002 года также отсутствовали необходимые разъяснения. В стенограмме рассмотрения проекта данного Федерального закона № 203307-3 указано следующее: «вносится новая статья «Организация экстремистского сообщества», по типу организации преступного сообщества» [1]. Вследствие этого расследование преступлений, предусмотренных ст. 282.2 УК РФ, сопровождается существенными сложностями, обусловленными установлению признаков экстремистской организации. Нельзя не согласиться с Т.В. Клёновой, что «одно из проявлений некачественного законотворчества – несбалансированность казуистического регулирования (с перечислением специальных признаков, приближенно к конкретным обстоятельствам дела) и абстрактного регулирования (с предоставлением большой свободы усмотрения при толковании текста закона)» [2].

Под экстремистской организацией в соответствии с федеральным законодательством понимается общественное или религиозное объединение либо иная организация, в отношении которых по основаниям, предусмотренным Федеральным законом, судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности (ст. 282.2 УК РФ) [3,4]. Наличие или отсутствие вступившего в законную силу решения о ликвидации или запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности является обязательным условием для применения закона.

Анализ доктрины уголовного права и судебной практики указывают на отсутствие единства понимания признаков экстремистской организации. Например, Р.Р. Галиакбаровым отмечается, что «экстремистская организация» не обладает обязательными признаками преступного сообщества [5, с. 320]. Однако С.В. Моисеев и А.М. Шаганиян характеризуют данное групповое формирование строгой иерархией, выраженной в четкой, упорядоченной структуре организации, стабильностью основного состава, согласованностью действий и организованностью [6, с. 10].

Вместе с тем, при квалификации деяний, предусмотренных ст. 282.2 УК РФ, применяются положения ст. 35 УК РФ. Например, согласно приговору Октябрьского районного суда г. Ростова-на-Дону, Г.И.О. Исмаилов организовал

деятельность религиозного объединения «Нурджулар», в отношении которого судом принято вступившее в законную силу решение о запрете деятельности в связи с осуществлением экстремистской деятельности. Групповое формирование является четко структурированным запрещенным экстремистским международным религиозным объединением, его основной целью является создание всемирного исламского государства (халифата) [7].

В настоящее время организация «Нурджулар» действует в 65 государствах. Экстремистская организация является многоступенчатой, с четкой структурой, состоящей из следующих уровней: «шогирдлар» (ученики) – «уй имамы» (пятерки) – «семт имамы» (объединение пятерок по принципу городского квартала либо учебного заведения) – «булга имамы» (руководители районного звена). Имеется собственная служба безопасности, располагающая банком данных на всех членов движения и занимающаяся, в частности, выявлением агентуры национальных спецслужб и правоохранительных органов [6, с. 30]. В связи с этим некоторые авторы отмечают, что структура данной экстремистской организацией фактически представляет собой структуру экстремистского сообщества [8, с. 80; 9, с. 49].

Отсутствие системности уголовного законодательства, регламентирующего ответственность за групповое совершение преступлений экстремистской направленности, в ряде случаев обуславливает дублирование признаков экстремистского сообщества при квалификации деяний, совершенных экстремистской организацией. Согласимся с мнением Л.Л. Кругликова, отметившего, что с момента выделения преступных организаций в отдельные статьи законодатель ввел правоприменителей в заблуждение относительно содержания уголовно-правовых норм [10, с. 203].

В этой ситуации правоохранительные органы сталкиваются с трудностями в разграничении сообщества и организации. Например, согласно приговору Еманжелинского городского суда Челябинской области В.А. Мурашов являлся участником незарегистрированного межрегионального общественного объединения «Духовно-Родовая Держава Русь», запрещенного на территории РФ в связи с осуществлением экстремистской деятельности. Судом указано, что В.А. Мурашов, имея реальную возможность добровольно прекратить свое участие в указанном объединении, продолжил свою деятельность, выразившей в продвижении идеологии межрегионального общественного объединения «Духовно-Родовая Держава Русь», в различные государственные органы РФ

с целью «просветительской работы» среди государственных служащих и сотрудников правоохранительных органов. Действия виновного лица правоприменители квалифицировали в соответствии с ч. 2 ст. 282.2 УК РФ, предусматривающей ответственность за участие в деятельности экстремистской организации [11]. В тоже время в решении суда указано: «совокупность доказательств подтверждает вхождение В.А. Мурашова в состав и участие в деятельности экстремистского сообщества – межрегионального общественного объединения «Духовно-Родовой Державы Русь», о запрете деятельности которого ему было достоверно известно, однако он продолжал совершать конкретные действия по обеспечению деятельности данного экстремистского сообщества, а именно: размножал и направлял обращения, указы и постановления руководящих органов указанного сообщества, а также изготавливал от своего имени и направлял в различные государственные органы власти, судебные и правоохранительные органы РФ заявления и обращения, содержащие идеологию сообщества...».

На наш взгляд, экстремистскую организацию следует рассматривать в качестве группового объединения в рамках института соучастия (необходимого соучастия). Посягательства данных групповых формирований характеризуются наличием множественности субъектов, действия которых взаимообусловлены и направлены на достижение единого преступного результата – дальнейшее осуществление экстремистской деятельности при вступившим в законную силу судебным решением о ликвидации или запрете данной деятельности.

Вместе с тем в Общей части УК РФ отсутствует упоминание об экстремистской организации (ч. 5 ст. 35 УК РФ). Данное групповое формирование не обладает специальной целью – совершение преступления (преступлений). На наш взгляд, в этом отношении прав С.А. Белеев, полагающий, что в законодательстве речь идет об умышленном невыполнении решения суда и продолжении запрещенной деятельности, что делает ее специальной нормой по отношению к 315 УК РФ [12, с. 38].

С целью оптимизации правоприменительной практики полагаю, что экстремистская организация представляет собой групповое формирование без признаков организованной группы в рамках института соучастия. Соответственно можно выделить два вида развития ситуации:

1. После признания организации террористической или экстремистской ее участники совершили действия, направленные на продолжение или

возобновление работы организации, без признаков совершения преступления, предусмотренных ст. 205.4 и ст. 282.1 УК РФ. Ответственность наступает по ст. 205.5 УК РФ или ст. 282.2 УК РФ (в зависимости от направленности деятельности объединения).

2. После признания организации террористической или экстремистской ее участники совершили действия, направленные в целях совершения преступлений, предусмотренных ст. 205.4 УК РФ или ст. 282.1 УК РФ. При формировании у виновных лиц единой специальной цели (совершение преступления) организация модифицируется в сообщество; ответственность наступает по ст. 205.4 УК РФ или ст. 282.1 УК РФ.

Библиографический список:

1. Стенограмма обсуждения вопроса о проекте федерального закона № 203307-3 «О противодействии экстремистской деятельности» [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности. – Режим доступа: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/203307-3> (дата обращения 20.10.2021).

2. Клёнова Т.В. О разграничении смежных и конкурирующих составов преступлений (на примере мошенничества) [Электронный ресурс] // Уголовное судопроизводство. – 2014. – № 1. – С. 25-30. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О противодействии экстремистской деятельности [Электронный ресурс] Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Уголовный кодекс РФ [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.08.2021). – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Энциклопедия уголовного права: Соучастие в преступлении. Т. 6 / С.С. Аветисян, Е.А. Галактионов, Р.Р. Галиакбаров, Л.Д. Ермакова, и др. – С.-Пб.: Изд. профессора Малинина, 2007. – 564 с.

6. Моисеев С.В., Шаганиян А. М. Экстремистская организация «Нурджулар»: история происхождения, деятельность, проблемы противодействия : учебно-методическое пособие. – Барнаул : Барнаульский юридический ин-т, 2015. – 30 с.

7. Приговор Октябрьского районного суда Г. Ростов-на-Дону № 1-405/2014 от 03.12.2014 г. [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные

акты РФ. – Режим доступа: <https://sudact.ru/regular/doc/53dfAoxSTJK/> (дата обращения 11.09.2021).

8. Залиханова Л.И. К вопросу о юридической состоятельности категории «экстремистское сообщество» / Л.И. Залиханова // Юрист – Правовед. – 2008. – № 3. – С. 78-82.

9. Иванов Н.Г. Нюансы уголовно-правового регулирования экстремистской деятельности как разновидности группового совершения преступлений / Н.Г. Иванов // Государство и право. – 2003. – № 5. – С. 47-52.

10. Кругликов Л.Л. Унификация в уголовном праве / Л.Л. Кругликов, Л.Е. Смирнова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2008. – 310 с.

11. Приговор Еманжелинского городского суда Челябинской области от 10 февраля 2016 г. № 1-09/2016 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты РФ. – Режим доступа: <https://sudact.ru> (дата обращения 21.08.2020).

12. Беляев С.А. Ответственность за организацию и участие в экстремистском сообществе и экстремистской организации по УК РФ / С.А. Беляев // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2010. – №1. – С. 36-39.

© С.С. Жукова, 2021

Зайцева Елена Владимировна,
доцент кафедры организации следственной работы
УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Фальшивомонетничество относится к числу преступлений в кредитно-финансовой системе, наносит ущерб экономике и экономическим связям как внутри страны, так и во внешнеэкономической деятельности. Следственно-судебная практика свидетельствует о том, что к уголовной ответственности

в основном привлекаются не изготовители фальшивых купюр и организаторы, а рядовые сбытчики.

В настоящее время контингент лиц, занимающихся фальшивомонетничеством, существенно изменился, стал более организован и структурирован, среди фальшивомонетчиков прослеживается четкая иерархия и строгое распределение обязанностей [1].

Развитие информационных технологий и телекоммуникационных технологий не могло не повлиять на способы сбыта поддельных денег. Таким образом, развитие компьютерных технологий распространило «бесконтактный» способ сбыта фальшивых купюр, где полностью исключен контакт лиц, изготавливающих подделки и сбывающих их, с приобретателем. Такой способ считается безопасным с точки зрения обнаружения указанных лиц и поэтому получает все большее распространение.

Алгоритм действий бесконтактного сбыта определен таким образом, что фальшивомонетки размещают в сети «Интернет» объявления о продаже фальшивок, в том числе, в настоящее время используется для этих целей TOR-браузер. У подобных интернет-площадок существует свой рейтинг, с форумами, на которых происходит обмен информацией о надежности продавца и качестве продаваемого ими товара. Данные объявления и обсуждения на форумах видит покупатель, связывается в сети с продавцом, высказывая свои намерения о покупке товара, оговорив количество поддельных денежных средств, сумму, за которую осуществляется их продажа, способы оплаты и передачи ему подделок. Оплата, как правило, происходит через электронные платежные системы, такие как, «WebMoney», «Яндекс.Деньги», «Qiwi-кошелек» и другие, либо перечисление денег осуществляется через систему переводов «WesternUnion», «UNistream», «Корона» и т.п. Как правило, регистрация данных платежных систем не персонализирована, либо осуществляется на подставных лиц, которые ничего не знают о незаконной деятельности фальшивомонетчиков. Одним из способов оплаты покупки поддельных денежных знаков в настоящее время также стало использование криптовалюты и иных виртуальных активов, где последние выступают платежным средством и перечисляются в оговоренном размере из криптокошелька покупателя на счет криптокошелька продавца. Выявление такого рода транзакций и персонализация криптокошельков в настоящее время затруднена, в виду отсутствия должного законодательного закрепления

криптовалюты как платежного средства и отсутствие регламентации ее оборота на территории государства; в связи с чем, оплата покупок фальшивых денежных купюр таким способом находит все большее распространение.

После перечисления денежных средств продавец сообщает, где и когда покупатель может забрать «покупку». Также для доставки подделок используются различные транспортные компании, в деятельность которых входит доставка грузов по всей территории государства без проверки их содержимого, а также «Почта России».

Доследственная проверка по преступлениям рассматриваемого вида проводится подразделениями УЭБиПК и состоит из следующих мероприятий:

- принятие в установленном законом порядке заявления о преступлении;
- назначение экспертного исследования либо экспертизы, с предоставлением эксперту денежных средств, изъятого оборудования (материалов) [2];
- опрос заявителя;
- установление и опрос свидетелей, очевидцев;
- установление и опрос сбытчика (изготовителя) поддельных денежных знаков и ценных бумаг.
- осмотр места происшествия (мест обнаружения, изъятия, изготовления, хранения поддельных денег и ценных бумаг).

При реализации указанных выше мероприятий и оценки их результатов формируется комплекс доказательств, в том числе, на основании которого в последующем будет приниматься решение о возбуждении уголовного дела и решаться вопрос о квалификации действий подозреваемых в изготовлении, хранении, перевозке или сбыте поддельных денег.

Основной доказательственной базой при расследовании фальшивомонетничества являются непосредственно обнаруженные поддельные купюры. Также в ходе проведения следственных действий по данным уголовным делам необходимо акцентировать внимание на следующих материальных объектах:

- литература специфичной тематики и личные записи преступников;
- полиграфическое оборудование (печатные станки, клише, прессы, резак для бумаги), копировальная и компьютерная техника, копии, принтеры, фотооборудование и фотопринадлежности, нумераторы, трафареты, литейные формы и др.;
- краска, тушь, химические реактивы, клей;

- специальная бумага или заготовки, идентичные размеру денежных купюр;

- наличие специфичных запахов химической природы (при использовании отдельных способов фальшивомонетничества);

- повышенное потребление электроэнергии;

- части материалов, сырья, использовавшиеся при изготовлении денежного знака (ценной бумаги) на одежде подозреваемого;

- следы пальцев рук, микрообъекты, следы биологического происхождения на материалах, сырье, заготовках, техническом оборудовании.

При расследовании преступлений рассматриваемого вида подлежат доказыванию следующие обстоятельства:

- действительно ли был факт совершения преступления, связанный с изготовлением либо сбытом поддельных денежных средств;

- преступные действия совершались единолично или преступление имеет групповой характер;

- объем изготовленных (сбытых) фальшивых денежных средств и ценных бумаг;

- место и время изготовления поддельных денежных средств;

- вид (номиналы, валюта, названия) фальшивых денежных средств и ценных бумаг;

- данные о личности преступников;

- способ совершения преступления (изготовления, подделки, сбыта);

- данные о месте хранения фальшивых денег, ценных бумаг, сырья и оборудования, используемых для их изготовления;

- как и кем осуществлялся поиск каналов сбыта поддельных денег или ценных бумаг в сети Интернет;

- порядок и способ расчетов за сбытые фальшивки;

- какому лицу (лицам) сбывались поддельные купюры;

- имел ли сбытчик умысел на совершение преступления;

- объем, номиналы, вид валюты сбытых ранее фальшивых купюр;

- роль и обязанности каждого члена преступной группы;

- установление лиц, обладающих информацией о совершенных, совершаемых или готовящихся к совершению преступлений, связанных с изготовлением и (или) сбытом поддельных денег или ценных бумаг.

Перечень неотложных следственных действий и оперативных мероприятий, а также порядок их проведения, определяются конкретной следственной ситуацией. Она характеризуется объемом и достоверностью, имеющейся у следователя и оперативного работника исходной криминалистически значимой информации.

Библиографический список:

1. Наумова О.В. Оперативно-разыскная характеристика личности фальшивомонетчика // Российский следователь. 2016. N 14. С. 39 - 44. – Доступ из СПС «Консультант Плюс».

2. Звягин И.С. Назначение и производство судебных экспертиз при расследовании преступлений, связанных с подделкой денежных билетов Банка России // Вестник Воронежского института МВД России. 2018. № 4. С. 236-242.

© Е.В. Зайцева, 2021

Зотов Алексей Юрьевич,
доцент кафедры уголовного права УНК по ПС в ОВД
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Актуальность данной темы обусловлена значительным количеством преступлений, совершаемых с участием несовершеннолетних. Как показывает анализ практики, несовершеннолетние наиболее часто совершают преступления против жизни и здоровья; половой неприкосновенности; собственности (кражи, грабежи, разбои).

В ходе совершения преступлений используются различные технические средства, орудия и т.д. Поэтому профилактика преступности, устранение условий и обстоятельств, способствующих совершению преступлений с участием несовершеннолетних должна разрабатываться с учетом современных реалий и иметь индивидуальный подход, складываться с учетом установленных обстоятельств, личности преступника и потерпевшего.

Воспитание, защита современной молодежи является одним из основных направлений деятельности правового государства.

В 2015 году тенденция сокращения числа зарегистрированных преступлений несовершеннолетних лиц и при их соучастии стала более динамичной и достигла в 2015 году минимального значения равного 64 270.

В 2016 году произошел незначительный рост числа преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии, – 67 225, что на 4,6% выше по сравнению с 2015 годом. Однако в начале 2017 года тенденция сокращения числа зарегистрированных преступлений несовершеннолетних преступников продолжилась и к концу 2017 года составила 11,42 % по сравнению с предыдущим периодом.

В 2018 году на 3,84 % произошло увеличение показателей преступности среди несовершеннолетних (с 59 549 до 61 833), но к 2019 году динамика вновь изменилась в лучшую сторону [1].

Благодаря консолидации усилий органов власти и управления всех уровней, общественных организаций по итогам 2019 года удалось добиться рекордных показателей снижения количества преступлений с участием несовершеннолетних на 14,2%. Удельный вес преступности несовершеннолетних в целом по стране составил 2,49% в общем объеме преступности [1].

В целом на федеральном уровне наметилась тенденция существенного снижения количественных показателей преступлений, совершенных в несовершеннолетнем возрасте, а именно: сокращение числа зарегистрированных преступлений и выявленных лиц, их совершивших.

Однако преждевременно говорить об успешности профилактики преступности несовершеннолетних. В первую очередь статистические данные напрямую связаны с демографической ситуацией в стране, количество несовершеннолетних сократилось, что оказало влияние на спад преступности. В то же время и нельзя не отметить, что профилактика преступности несовершеннолетних стала носить более конкретный характер.

В настоящее время профилактике преступности несовершеннолетних уделяется серьезное внимание, в процессе расследования уголовных дел указанной категории налаживается тесное сотрудничество между органами, организациями разных уровней, исследуются все обстоятельства, которые способствовали совершению преступления, проводится работа с семьями, родителями (опекунами) несовершеннолетних.

Зачастую несовершеннолетние становятся жертвами половых преступлений. Так количество преступлений сексуального характера в отношении лиц, не достигших шестнадцатилетнего возраста, зарегистрированных 2020 году (ст. 134 УПК РФ), составило по России более 4,6 тысяч. В сравнении с 2019 годом число подобных преступлений возросло на 10%. Выявлено более 3 тысяч лиц, причастных к подобным преступлениям (рост на 10%) [1].

Нередко дети становятся потерпевшими по половым преступлениям, совершаемых в отношении них, в условиях семьи и детских домов, социальных реабилитационных центров.

Так при расследовании уголовного дела [2] в отношении С. о преступлении, предусмотренном п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ установлены следующие обстоятельства:

С. по просьбе К. оставался в квартире последней присматривать за ее двумя малолетними дочерьми (У., 2015 г.р. и И., 2016 г.р.), пока К. отлучалась по своим делам. С., пользуясь отсутствием К. с целью удовлетворения своих сексуальных потребностей связывал малолетнюю У. и в присутствии малолетней И. вводил пальцы рук во влагалище У.

В ходе расследования уголовного дела установлено, что С. ранее неоднократно привлекался к уголовной ответственности за совершение преступлений различных категорий, находился длительное время в местах лишения свободы, после освобождения вел аморальный образ жизни, злоупотреблял спиртным, семьи не имел. Несмотря на то, что К. личность С. была хорошо известна, она доверяла ему своих малолетних детей, поэтому в ходе расследования уголовного дела в органы КДН, ПДН и социальной защиты населения направлены информационные письма о необходимости проведения профилактических бесед с К. на данную тему, постановки семьи на учет, потерпевшим незамедлительно была оказана психологическая помощь.

В России ежегодно выявляется свыше 20 тысяч преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Учитывая высокую латентность подобных преступлений, их фактическое количество значительно выше. О данных преступлениях потерпевшие не сообщают по причине запугивания преступником или по собственным убеждениям из-за страха осуждения окружающими. Так, в настоящее время непосредственно в семье совершается 30-40% всех тяжких насильственных преступлений.

По предварительным расчетам, насилие встречается в каждой четвертой российской семье [2].

Так, при расследовании уголовного дела [3, с. 36] в отношении Т. о преступлении, предусмотренном ч. 3 ст. 30 п. «а» ч. 3 ст. 131 УК РФ установлены следующие обстоятельства:

Т., оставшись дома с дочерью его сожительницы А. несовершеннолетней Р., с целью вступления в половое сношение в ночное время стал раздевать Р., которая оказала ему сопротивление, после чего Т., угрожая ножом, высказал угрозу убийством в адрес Р., продолжил ее раздевать. Воспользовавшись тем, что Т. отвлекся, Р. вырвалась и убежала, в связи с чем Т. не довел свой преступный умысел до конца по независящим от него обстоятельствам.

В ходе расследования данного уголовного дела установлено, что обвиняемый Т. Ранее неоднократно судим, длительное время отбывал наказания в местах лишения свободы, после освобождения находился под административным надзором. Мать несовершеннолетней не обеспечила безопасность дочери.

Таким образом, зачастую родители сами создают условия для совершения преступлений полового характера в отношении своих детей.

Как уже было сказано, профилактика преступности одна из основных задач современного общества и государства. Однако не всегда эта задача решается эффективно, не всегда органы профилактики преступности несовершеннолетних принимают достаточные меры по предупреждению преступности среди несовершеннолетних. Очень часто работа в данном направлении носит формальный характер, сотрудничество между органами КДН и ПДН не налажено, сводится к составлению планов и программ, которые действительно не реализовываются, достаточный обмен информацией между органами профилактики о несовершеннолетнем не осуществляется. Как правило, профилактика сводится к формальным профилактическим беседам, личность несовершеннолетнего, его круг общения, увлечения, связи в полной мере не исследуются. Формализм в работе органов профилактики, становится явным и хорошо освещается при рецидивной преступности со стороны несовершеннолетнего или в отношении него.

Так, при расследовании уголовного дела [2] о преступлениях, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 163, ч. 1 ст. 119, ч. 1 ст. 119 УК РФ в отношении Г. установлены следующие обстоятельства:

Несовершеннолетний Г., будучи в состоянии алкогольного опьянения, незаконно проник в общежитие техникума, в комнату к несовершеннолетним студентам Ч. и Н., где, действуя из корыстных побуждений, потребовал от студентов Ч. и Н. ежемесячно передавать ему со стипендии денежные средства, сопровождая требования применением насилия в отношении потерпевших. В этот же день несовершеннолетний Г. высказал в адрес В. и З. угрозу убийством демонстрируя в руках нож. Угрозу потерпевшие с учетом агрессивного поведения, физического превосходства Г. и наличия у него в руках ножа восприняли реально.

В ходе расследования данного уголовного дела установлено, что ранее Г. привлекался к уголовной ответственности по ст. 159 УК РФ, от которой освобожден в связи с применением принудительных мер воспитательного воздействия. Установленные ограничения Г. неоднократно нарушал, в связи с чем стало возможным совершение Г. ряда административных проступков и преступлений, в т.ч. отнесенных к категории тяжких и особо тяжких.

Профилактическая работа в отношении Г. сводилась к проведению формальных бесед, вопрос об изменении меры воздействия в отношении Г. не инициировался.

Подобные примеры не являются исключительными, хотя законодательством предусмотрен значительный спектр действенных профилактических мер и при грамотном их использовании возможно достижение положительного результата.

В каждом конкретном случае с учетом личности несовершеннолетнего преступника или же наоборот потерпевшего, условий его жизни и воспитания, характеристики семьи должны разрабатываться индивидуальные программы, направленные на решение задач по профилактики преступности.

Важным моментом является детальное изучение личности несовершеннолетнего через призму психологического, социального и образовательного аспекта.

Меры индивидуальной профилактики должны воздействовать как на саму личность несовершеннолетнего преступника, так и на окружающую его среду. Такое воздействие базируется на тщательном изучении несовершеннолетних, способных совершить преступления, определении основных мер и мероприятий, осуществляя которые можно добиться поставленных целей, выработке рациональных методов организации, контроля и определения эффекта

индивидуального профилактического воздействия. Целью индивидуальной профилактики преступлений, совершаемых несовершеннолетними, являются исправление и перевоспитание подростка либо изменение его криминогенной ориентации. Эта цель определяет содержание индивидуальной профилактики, складывающейся из следующих действий: выявление несовершеннолетних, их поведения, взглядов, мотивов поступков; определение и устранение источников отрицательного влияния на них; исследование возможностей создания благоприятной обстановки; осуществление контроля за поведением и образом жизни подростков; периодический анализ полученных результатов и внесение соответствующих коррективов в работу.

Работа органов, занимающихся профилактикой преступности несовершеннолетних, должна строиться в тесном сотрудничестве с другими органами и организациями.

Положительные результаты могут быть достигнуты только при тесном контакте с родителями несовершеннолетнего и образовательным учреждением, в котором обучается несовершеннолетний.

С учетом того, что большая часть преступлений совершается несовершеннолетними в группе, важным аспектом является установление и изучение круга общения несовершеннолетнего. Необходимо проводить психологический анализ группы, принимать меры к ее расформированию или переориентации. Для успешной профилактической работы в семье несовершеннолетнего, необходимо изучить семью во всех ее аспектах.

Профилактика преступности несовершеннолетних требует решительных, оперативных и действенных мер, направленных на снижение преступности среди несовершеннолетних и исключение случаев рецидивов.

В заключение хотелось бы сказать, что при правильном, профессиональном подходе, грамотном изучении личности несовершеннолетнего преступника, его окружения, семьи и целенаправленной, системной реализации профилактических мер положительный результат неизбежно будет достигнут. Для эффективного и качественного решения задач по профилактике преступности, считаю необходимым осуществлять постоянный мониторинг, проверять действенность принимаемых профилактических мер, со стороны контролирующего, надзорного органа, например органами прокуратуры и Следственного комитета России при установлении факта совершения несовершеннолетним преступления или в отношении него.

Библиографический список:

1. Статистические данные МВД России «О преступности несовершеннолетних» - электронный ресурс (<https://xn--b1aew.xn--p1ai>).
2. Обзор следственной практики Следственного комитета Российской Федерации за 2020 год // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». – Режим доступа : для зарегистрир. пользователей.
3. Учебно-методические рекомендации «Расследование преступлений совершенных несовершеннолетними и в отношении них» - Следственный комитет России, 2017 год. 173 с.

© А.Ю. Зотов, 2021

Зотова Анна Федоровна,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России

К ВОПРОСУ ОБ ОТКРЫТОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ

Гласность судопроизводства – это конституционный принцип судопроизводства. Согласно ч. 1 ст. 123. Конституции РФ разбирательство дел во всех судах открытое. Слушание дела в закрытом заседании допускается в случаях, предусмотренных федеральным законом. На основе этого принципа в процессуальных кодексах регламентируются основания и порядок принятия решения о проведении закрытого судебного слушания. Исходя из этого, принцип гласности характеризует само судопроизводство, способ рассмотрения, слушания дела.

Как нам представляется, в отличие от гласности в ее процессуальном понимании, открытость судопроизводства – это и есть «гласность для народа», прежде всего обеспечение доступа к информации о деятельности судов, что вполне закономерно «рассматривается в контексте становления информационного общества и открытости органов государственной власти»[1], проявляется в глобальной информационной открытости, создании и функционировании

информационного пространства судебной системы в виде сети Интернет-сайтов судов.

С учетом определенной синонимичности вышеприведенных понятий открытости, гласности, прозрачности, транспарентности, публичности судопроизводства, на наш взгляд, заслуживает внимания мнение о том, чтобы для простоты и удобства отказаться от некоторых из них и свести к минимуму, использовать два термина: гласность – применительно к судебному разбирательству и открытость – в отношении деятельности суда как государственного органа [2].

Вопросам реализации судами принципа открытости и гласности судопроизводства посвящено постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации» (в ред. от 09.02.2012 г.) [3]. В его преамбуле отмечается, что открытость и гласность судопроизводства, своевременное, квалифицированное, объективное информирование общества о деятельности судов общей юрисдикции способствуют повышению уровня правовой осведомленности о судоустройстве и судопроизводстве, являются гарантией справедливого судебного разбирательства, а также обеспечивают общественный контроль за функционированием судебной власти. Открытое судебное разбирательство является одним из средств поддержания доверия общества к суду.

Таким образом, Пленум Верховного Суда РФ рассматривает открытость и гласность судопроизводства в качестве одноуровневых понятий, обеспечивающих конституционное право каждого на доступ к информации. Социальное значение открытости и гласности в том, что они ставят работу суда под контроль общества, обеспечивают связь между судом и обществом.

Регламентирует порядок доступа граждан, организаций, общественных объединений, органов государственной власти и местного самоуправления к информации о деятельности судов Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (в ред. от 08.12.2020 г., вступивший в силу с 1 июля 2010 г.) [4]. Этим Федеральным законом, в частности, установлены основные принципы и способы обеспечения доступа к информации о деятельности судов, а также определены формы предоставления такой информации.

Важное практическое значение имеет вопрос о соотношении принципов открытости и гласности уголовного процесса с правовым режимом фиксации хода открытого судебного разбирательства присутствующими гражданами. Согласно ч. 5 ст. 241 Уголовно-процессуального кодекса РФ лица, присутствующие в открытом судебном заседании, имеют право в письменной форме, а также с помощью средств аудиозаписи фиксировать ход судебного разбирательства. Фотосъемка, видеозапись, трансляция судебного заседания по радио и телевидению допускаются с разрешения суда.

Следует отметить, что лица, участвующие в деле, и граждане, присутствующие в открытом судебном заседании, вправе не уведомлять судью и других участников гражданского процесса об использовании ими звукозаписывающих устройств. Если в судебном заседании ведется обязательное аудиопротоколирование судебного заседания самим судом, это не является препятствием реализации права лиц, участвующих в деле, и граждан, присутствующих в открытом судебном заседании, самостоятельно фиксировать ход судебного заседания с помощью собственных средств звукозаписи.

Представляется, что право граждан в письменной форме, а также с помощью средств аудиозаписи фиксировать ход судебного разбирательства предполагает также возможность осуществления ими публикаций в текстовом режиме о ходе судебного заседания в социальных сетях и в электронных средствах массовой информации с использованием собственных технических средств. Такие публикации производятся без специального разрешения судьи – председательствующего в судебном заседании, поскольку не являются прямыми трансляциями с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Хотя и такого запрета без разрешения суда в уголовном судопроизводстве ст. 241 УПК РФ не предусматривает. Однако в аналогичной норме, содержащейся в ст. 11 Кодекса административного судопроизводства РФ, указано, что трансляция с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» также допускается с разрешения суда. Вероятно, законодатель будет последовательным, поэтому следует ожидать изменений в ст. 241 УПК РФ такого же содержания – трансляция с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» в гражданском судопроизводстве станет возможной только с разрешения суда.

Согласно п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2012 г. N 35 г. «Об открытости и гласности

судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов»[5] злоупотребление лицами, присутствующими в открытом судебном заседании, представителями редакций средств массовой информации (журналистами) правом на присутствие в судебном заседании и правом на фиксацию его хода, а равно осуществление фиксации хода судебного разбирательства без разрешения суда, когда такое разрешение необходимо в силу закона, являются нарушением порядка в судебном заседании. В этом случае суд вправе применить в судебном заседании меры воздействия, предусмотренные процессуальным законодательством Российской Федерации.

Таким образом, можно констатировать, что в уголовном процессе правовой режим фиксации хода открытого судебного разбирательства присутствующими гражданами в целом соответствует конституционным принципам открытости и гласности судопроизводства.

Библиографический список:

1. Подняков М.Л. Практическая реализация принципа открытости правосудия в Российской Федерации. СПб.: Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2013. С.2.

2. Аносова Л.С. Конституционный принцип гласности судопроизводства: правовое регулирование и практика реализации. Автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 2012.

3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2010 г. № 16 «О практике применения судами Закона Российской Федерации «О средствах массовой информации»», (дата обращения 25.11.2021 г.).

4. Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» (в ред. от 08.12.2020 г.) (дата обращения 25.11.2021 г.).

5. Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2012 г. N35 г. «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» (дата обращения 25.11.2021 г.)

© А.Ф. Зотова, 2021

Зотова Анна Федоровна.,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса

УНК по ПС в ОВД ВА МВД России
Григорьева К.В.,
курсант 2 курса Факультета подготовки следователей
Волгоградской академии МВД России

ЗАКОННОСТЬ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ПРИНЦИП УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Законность, как нам известно, является общеправовым принципом, который означает неуклонное соблюдение Конституции РФ, Федеральных конституционных и Федеральных законов всеми органами государственной власти, местного самоуправления, должностными лицами и гражданами (ч. 2 ст. 15 Конституции РФ). Установление порядка производства по уголовным делам должно конкретизироваться на основе данного принципа, согласно ст. 7 УПК РФ. Хочется отметить, что законность в уголовном судопроизводстве предполагает, в первую очередь, неуклонное исполнение и соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ, а также законов всеми участниками, вовлечённых в уголовный процесс

Итак, законность является основополагающим началом для всех принципов уголовного процесса, которые расположены во 2 главе УПК РФ. Материальные и процессуальные нормы должны строго соблюдать субъекты уголовного судопроизводства, осуществляющие правосудие, в ходе предварительного расследования, возбуждения уголовного дела, судебного разбирательства и проверки судебных решений в соответствии с действующим законодательством. Известно, что состояние законности при регулировании общественных отношений должно быть обусловлено наличием правовой базы в виде упорядоченных законов. Если суд в ходе производства по уголовному делу устанавливает несоответствие применения федерального закона или иного нормативного правового акта Уголовно-процессуальному кодексу, то он принимает решение в соответствии с ч. 2 ст. 7 УПК РФ). Все доказательства, полученные с нарушениями требований УПК РФ являются недопустимыми. Действительно, в соответствии с ч. 1 ст. 75 УПК РФ те или иные доказательства, которые не имеют юридической силы, не могут быть положены в основу обвинения в ходе уголовного судопроизводства.

Обеспечение быстрого и полного раскрытия и расследования преступлений, для дознавателя и следователя, означает прежде всего проведение всех необходимых мероприятий по собиранию доказательств в соответствии с законом. Для этого в УПК РФ детально упорядочено производство процессуальных действий и процессуальных решений, но при этом в них должны быть точно соблюдены требования не только уголовно-процессуального, но и уголовного закона. Требование точного соблюдения и исполнения законов при производстве предварительного расследования, как и в других стадиях уголовного процесса, обращено не только субъектам, которые осуществляют производство по делу, а то есть к суду, следователю, дознавателю, прокурору, но и другим участникам уголовного судопроизводства: гражданам, их защитникам и представителям, экспертам, специалистам. Стоит отметить, что требования законности, обоснованности и мотивированности постановлений суда, прокурора, следователя и дознавателя входят в содержание данного принципа уголовного судопроизводства. Все решения должны иметь обоснованные выводы, ссылаясь на те доказательства, которые были собраны в ходе дела, и в порядке, предусмотренном законом. В свою очередь, мотивированность позволяет проверить обоснованность решений.

Процесс уголовного судопроизводства обеспечивается, таким образом, при котором в каждой стадии проверяется законность. В случае обнаружения нарушения закона принимаются меры по их устранению. В процессуальной деятельности соблюдение норм является обязанностью не только субъектов, ведущих уголовное производство по делу, но и других участников. Если обратить внимание на ч.2 ст.1 УПК РФ, где указано, что порядок уголовного судопроизводства, установленный УПК, является обязательным для судов, органов прокуратуры, органов предварительного следствия и органов дознания, а также иных участников уголовного судопроизводства, можно сделать вывод, что перечисленные субъекты при производстве уголовно-процессуальной деятельности должны применять закон, который регулирует возникшие правоотношения. Итак, вопрос о том, соответствует ли Конституции примененный по конкретному делу закон, решается только судом. Происходит приостановление производства по данному уголовному делу, и обращение в Конституционный Суд для установления правильного применения того или иного закона, который должен соответствовать и не нарушать Конституцию

РФ. Важно отметить, что для вовлечения граждан в уголовно-процессуальные отношения суд, следователь, прокурор, дознаватель обязаны:

1) вынести постановление о привлечении лица в качестве, например, обвиняемого, а также о признании лица потерпевшим;

2) разъяснить принадлежащие им права и обязанности в соответствии с УПК РФ и Конституцией РФ, и обеспечить полную реализации этих прав.

Обращаясь к мнению М. С. Строговича, можно проследить затем, как он трактует понятие одного из принципов судопроизводства: «принцип законности в уголовном процессе – это совокупность всех принципов процесса в их взаимной связи, а не отдельный принцип наряду с другими, это основа всех принципов процесса и каждого принципа в отдельности, а не нечто отличное от них, это то, что выражено во всех принципах процесса и в каждом отдельном принципе, а не одно лишь звено системы принципов»[1]. Однако, объяснение принципа законности стало непризнанием ее автором в качестве самостоятельного и отдельного, и невключение его в систему принципов уголовного процесса, что представляется ошибочным. Многие авторы, доктора юридических наук, философы дают разные представления о принципах уголовного судопроизводства, выражая так своё мнение. Кто-то считает, что именно законность соединяет все остальные принципы. Но и есть те, которые считают, что существование взаимосвязи не отрицает наличия у каждого из них собственного содержания, своей основы.

Хочется привести пример нарушения положений УПК РФ и Конституции РФ в ходе производства уголовного дела. В рамках проведения порядка рассмотрения по заявлению гражданина Самойлова Н.А в связи с подозрением в преступлении Петрова П.П., Следователем Ивановым И.И был проведён осмотр места происшествия. Несмотря на то, что Петров П.П ходатайствовал о предоставлении ему адвоката, который в данный момент находился на месте, где проводились следственные мероприятия, Иванов И.И не допустил его, пояснив это тем, что гражданин Петров П. П. на момент обыска не обладал процессуальным статусом участника уголовного судопроизводства. Следователь не посчитал того, что допустил нарушения, не предоставив возможности адвокату принимать участие в следственных мероприятиях, то есть, можно отметить, что было нарушено право Петрова П. П. на защиту. Суд также не увидел существенных нарушений, рассматривая жалобу гражданина Петрова на действия следователя, ссылаясь на ст. 125 (Судебный порядок на

рассмотрение жалоб) УПК РФ и отказывая в её удовлетворении. Итак, была нарушена ст. 48 Конституции РФ, где прописано, что каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи. Следовательно не должен был отказывать участвовать адвокату Петрова П. П. при проведении следственных мероприятий. Что же касается суда, то жалобу он должен был принять и рассмотреть, так как были нарушены конституционные права. Если бы дело приобрело публичный характер, то началась проверка, в первую очередь, с заявления о противоправном действии, согласно ст. 144 УПК РФ, и тогда Петров был бы обеспечен квалифицированной юридической помощью в лице адвоката [2]. Многие нарушения происходят по вине должностных лиц, и причины совсем просты. Они заключаются в отсутствии опыта, низком профессионализме. Очень интересна мысль Канифатова А. А. о том, что «невозможно сочетать две противоположные стороны в уголовном судопроизводстве, а именно законность и быстроту». Ведь для обеспечения быстроты уголовного производства нужна достаточно простая процессуальная форма, а для законности данной деятельности требуется её усложнение (точнее создание правовых мер). Нарушение принципа законности имеет место в неправильном понимании законодательных положений и предписаний. Хочется отметить, что реализация данного принципа осуществляется на низком уровне. Условием эффективного действия законности является наличие в уголовно-процессуальном праве достаточного количества норм, их системность и доступность участникам уголовного процесса.

Рассматривая мнение В. Т. Томина [3], где говорится о том, что эффективностью принципа является наличие таких норм, которые были бы доступны всем участникам уголовного судопроизводства, то можно сделать вывод, что закон должен быть понятен и разъяснён не только для субъектов, ведущих производство по уголовному делу, но и для остальных участников так как каждый должен отстаивать свои права и бороться за справедливость. Главное понимать то, что для одних субъектов принцип законности означает, чтобы никто не допускал нарушений и требований, которые прописаны в УПК РФ, а для других участников – неукоснительное соблюдение этих требований и выполнении своих обязанностей.

При производстве по уголовным делам распространяется требование законности на действия и решения, которые прослеживают ход данного дела. При выявлении ошибок, допущенных при собирании доказательств, являются

недопустимыми и не приобщаются к уголовному делу. Правильное применение закона обеспечивает успешное производство по данному конкретному делу, и тем самым предупреждает об ошибках, которые могут оказаться грубыми. Процессуальные документы должны соответствовать требованиям, которые предъявляются к содержанию и форме, опираться на законы. На различных этапах производства по уголовному делу, принцип законности проявляется по-разному. Существует целая система гарантий обеспечения данного принципа. Во-первых, гарантии осуществления правосудия в соответствии с законом. Итак, известно, что присутствует:

- 1) возможность обжалования и опротестования действий и решений суда;
- 2) право заявлять отводы судьям в случае сомнения в их справедливого вмешательства в уголовное дело;
- 3) надзор вышестоящих судов в порядке апелляционного, кассационного и надзорного производства.

Во-вторых, соблюдение гарантий, предписаний является судебный контроль и прокурорский надзор, от которого зависит процесс построения правового государства, а также соблюдением Конституции РФ и законов при производстве предварительного расследования. Реализация полномочий прокурора направлена на то, чтобы:

- 1) не были нарушены права и законные интересы участников уголовного процесса и других граждан;
- 2) ни одно преступление не осталось нераскрытым и ни одно лицо, совершившее преступление, не избежало уголовной ответственности;
- 3) задержание граждан по подозрению в совершении преступлений производилось только в порядке и по основаниям, которые установлены законом;
- 4) чтобы никто не подвергался не обоснованному привлечению к уголовной ответственности.

В заключении хочется сказать, что принцип законности охватывает все начала уголовного судопроизводства, а также является общим по отношению к остальным принципам уголовного процесса.

Библиографический список:

1. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М.: Наука, 1968, Т. 1. С. 175.

2. Материалы уголовного дела № 10876512 2017 г. Архив Центрального районного суда г. Волгограда.

3. Томин В.Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. Москва, Юрайт, 2009. С. 187.

© А.Ф. Зотова, 2021

Звонимир Иванович,
доктор юридических наук,
профессор Криминалистического полицейского Университета
Республика Сербия

ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ПОЛИЦЕЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

Аннотация: Эта статья посвящена тому как пополнялся перечень конкретных курсов Криминалистического полицейского Университета (далее КПУ) и их описанию. Автор пытается объяснить развитие самого КПУ от появления Полицейского колледжа и Полицейской академии и его превращения в университет. На этом пути было преодолено множество проблем, и опыт перехода по этой дороге свидетельствует о его зрелости и достижении этого уровня. Из перечисленных курсов можно увидеть, сколько разнообразных тем охватывает обучение и какое количество слушателей желает пройти курсы, предлагаемые Криминалистическим полицейским Университетом. Особое внимание уделяется курсам досудебного разбирательства, которые охватываются различными курсами. Один из них является частью проекта ANITA Horizont 2020. Его результат - программное обеспечение, платформа, инструменты и тренинги для правоохранительных органов, и он полностью включает в себя курсы OSINT (разведка по открытым источникам) и досудебного разбирательства, но также дает особые результаты – позволяет использовать в качестве инструмента получения доказательств выводные данные файлов json (JavaScript Object Notation).

Ключевые слова: досудебное разбирательство, тренинги, курсы, образование, ANITA H2020.

Вступление

Криминалистическая полицейская академия была создана как правопреемник Высшей школы внутренних дел, образованной в 1972 году, и Полицейской академии, образованной в 1993 году. Момент начала работы Университета в 2018 году знаменует начало новой эпохи учреждения, наследующего активы всех предыдущих заведений. Университет – единственное учебное заведение в стране, которое осуществляет деятельность в сфере высшего образования и другие формы профессионального образования и обучения, важные для работы полиции и безопасности.

Кафедры в составе университета: кафедра криминалистики, кафедра информационных технологий и кафедра судебной инженерии.

История

До конца XIX века в Сербии не было специального учебного заведения для сотрудников министерства внутренних дел. Первая школа жандармерии была основана в 1899 году на Дорчоле и проработала всего год, а знаменитая школа жандармерии унтер-офицеров в Сремска-Каменице была основана после Первой мировой войны, 1 февраля 1920 года.

В том же году была опубликована книга «Вклад в реорганизацию полиции», написанная доктором Родольфом Арчибальдом Рейссом, ведущим криминалистом и основателем Института полицейской науки и криминологии в Лозанне. Министерство внутренних дел наняло Рейсса для улучшения и реформирования полиции, и его вклад предсказал создание полицейских школ в Белграде и других городах Сербии. Благодаря его усилиям в период между двумя мировыми войнами полиция Белграда приобрела профессиональные кадры и современную организацию.

После Второй мировой войны снова возникла проблема подготовки руководящих кадров, и в 1947 году во Врбасе начала работать Школа унтер-офицеров народного ополчения. В этот период были основаны Школа народного ополчения в Панчево и Школа начальников участков народного ополчения в Земуне. Решением Скупщины Социалистической Республики Сербия Высшая школа полиции «Пане Жукич» в Сремска-Каменице начала свою работу 1 сентября 1967 года и стала главным центром обучения и подготовки кадров в целях общественной безопасности.

В 1972 году был принят Закон о высшей школе внутренних дел в Земуне, и в том же году школа начала работать. Первое поколение студентов состояло из 160 обычных и 207 нерегулярных студентов. Обучение длилось четыре семестра, а с 1977 года – пять семестров; выпускники получили звание легистов. Спустя два десятилетия, 30 июня 1993 г., с принятием Закона о Полицейской академии, было создано первое учебно-научное высшее учебное заведение для полицейских специальностей. Таким образом, идея создания высшего учебного заведения, которое завершило бы систему полицейского образования, была наконец реализована, и Полицейская академия вскоре вошла в ряд с некоторыми европейскими и мировыми высшими учебными заведениями с более давними традициями.

В соответствии с современными требованиями и потребностями профессии, 27 июля 2006 года решением правительства Республики Сербия была создана Криминалистическая полицейская академия. Это независимое высшее учебное заведение, которое предлагает академические и профессиональные учебные программы всех уровней с целью полицейского образования, полиции и безопасности.

Криминалистическая полицейская академия (ACPS, КПА) возникла путем слияния Высшей школы внутренних дел (полицейский колледж) и Полицейской академии – двух наиболее важных учреждений, специализирующихся на проведении образовательной и научной деятельности с целью полицейского образования, и Криминалистическая полицейская академия является их правопреемницей.

Академия обучает, осуществляет специальную подготовку и повышает квалификацию сотрудников для выполнения высших руководящих должностей в полиции. Базовая учебная программа является результатом полной реформы полицейского образования. Акцент делается на учебные предметы, которые больше связаны с криминалистической, полицейской и другой деятельностью по обеспечению безопасности и которые позволяют студентам развивать и применять научные, профессиональные и другие достижения.

В дополнение к основной деятельности Академии научно-исследовательская работа, наставническая работа со студентами и внеклассная деятельность, а вспомогательная деятельность - это стандартные дела студентов, ИТ-центр, издательская деятельность и административные и технические услуги.

С момента основания, когда были выражены потребности учредителей, до момента выполнения всех условий, необходимых для начала функционирования Университета, прошло почти пять лет. Наконец, после аккредитации всех образовательных программ, аккредитации как образовательной, так и научно-исследовательской организации, получения лицензии на работу были сформированы органы Университета. При выполнении этих условий решением Хозяйственного суда Белграда 2 FI 860/2018 24 декабря 2018 года был учрежден университет. В состав университета входят: кафедра криминалистики, кафедра информационных технологий и кафедра судебной экспертизы. Момент начала работы Университета знаменует начало новой эпохи учреждения, которое наследует активы всех предыдущих учреждений и является единственным учреждением в стране, которое осуществляет деятельность в сфере высшего образования и другие формы профессионального образования и обучения, имеющие значение для работы полиции и безопасности.

Составляющие

Создание университета (2018 г.) знаменует начало новой эры в развитии полицейского образования. Криминалистический полицейский Университет – единственное высшее учебное заведение в Сербии, аккредитованное для обучения сотрудников требованиям полицейской профессии.

Университет состоит из следующих подразделений:

- Кафедра криминалистики
- ИТ-подразделение
- Кафедра судебной экспертизы.

Для аккредитации Университета необходимы исследования в трех различных областях науки, поэтому по согласованию и по запросу Министерства внутренних дел Республики Сербия были созданы ранее перечисленные подразделения. В связи с этой необходимостью, которая в основном требовалась законами и условиями аккредитации, возникла потребность, созданная из базы – МВД в этих областях. Не хватало экспертов в областях, определенных МВД, и это была попытка собрать знания и опыт Полицейского колледжа и Полицейской академии МВД под эгидой ОБСЕ. Этот процесс начался в 2005 году и привел к определению областей потребностей в профессии полицейского, полномочий полиции и обучения, необходимых для этих целей. Навыки, знания и образование, необходимые для этих уровней в указанных заказах, были созданы экспертами из экспертной группы,

созданной ОБСЕ. После этого были созданы Полицейский колледж и Полицейская академия, на базе которых был основан университет, но это произойдет не раньше 2018 года. Этого было очень трудно добиться, поскольку не были охвачены три различных области науки и не было людских ресурсов для этого. Из-за этого и из-за изменений в законах, связанных с высшим образованием, потребовались изменения, которые продлились почти 12 лет. Тем не менее, это произошло - это началось примерно в 2012 году, после чего шаг за шагом были созданы два разных дополнительных факультета. Судебная инженерия и Информационные и коммуникационные технологии были созданы как выполнение двух различных областей науки.

Тренинги

С 2016 по 2021 год 2147 сотрудников Министерства внутренних дел прошли различные курсы и тренинги в Криминалистическом полицейском Университете:

- Обучение в соответствии с Законом о предотвращении домашнего насилия;
- Учебный курс по расследованию места преступления и дорожно-транспортных происшествий.
- Обучение технических специалистов по расследованию преступлений.
- Тренинг для управления на стратегическом уровне
- Специализированные учебные курсы за последний год: методы OSINT, нелегальные лаборатории, криптовалюта)

Все перечисленные тренинги были созданы экспертами Криминалистического полицейского Университета и востребованы рынком, что может быть преимуществом как для коммерческих, так и для запросов со стороны МВД.

Закон о предотвращении домашнего насилия (Закон PDV, официальный вестник Сербии, № 94/2016), запретил определенные взаимоотношения внутри МВД, полномочия полиции и необходимость обучения сотрудников полиции, отвечающих за правоохранительные полномочия в этой области. Естественно, у Криминалистического полицейского Университета была возможность освоить эту образовательную область и предложить своих экспертов для обучения в этой области. Многие из инструкторов – люди с большим опытом в этой области – для обеспечения соблюдения полицейских полномочий и чувствительности к особым психологическим ситуациям, которые возможны в области обеспечения правопорядка.

Учебный курс по осмотру мест совершения преступлений и дорожно-транспортных происшествий организован сотрудниками дорожной полиции МВД. Образовательные услуги, предоставляемые Криминалистическим полицейским Университетом, в некоторых областях знаний окзываются профессорами Криминалистического полицейского Университета наряду с действующими сотрудниками полиции.

Обучение технических специалистов по расследованию преступлений является растущей потребностью в силовых структурах, и эксперты МВД и Криминалистического полицейского Университета уже много лет участвуют в преподавании уроков слушателям курса. Поскольку курс является *conditio sine qua non* в работе Национального центра криминалистической экспертизы при МВД. На этом курсе освещаются и проходят практическое обучение различные практические аспекты предварительного расследования.

Обучение управлению на стратегическом уровне стало необходимостью для МВД, поскольку внутренние действия требуют разных уровней образования для продвижения по направлениям работы и необходимости постоянного обучения сотрудников полиции. Этот уровень образования в первую очередь относится к более высоким уровням обучения - второму уровню обучения, магистратуре и специальности (240 и 180 баллов ESPB).

Некоторыми из специализированных учебных курсов в прошлом году были: методы OSINT, нелегальные лаборатории, криптовалюта). Все они были выполнены экспертами из разных подразделений полиции из-за границы. Многие из них были профинансированы и инициированы Международной программой помощи в обучении уголовным расследованиям – ICITAP, которая находится в Министерстве юстиции, а некоторые из экспертов были из ФБР, Агентства по борьбе с наркотиками (DEA) и аналогичных федеральных агентств США.

Технологии OSINT были рассмотрены с нуля, а также были представлены представителям МВД, работающим в различных областях, где требуется такой сбор данных и разведка. Противодействие деятельности незаконных лабораторий охватывались в основном сотрудниками DEA, имеющими опыт работы на местах, и в конечном итоге охватывали все аспекты работы с различными лабораториями по производству наркотиков, поиска, планирования задержания и захвата лабораторий и сбора, фиксации и хранения доказательств, средств и способов защиты лиц, осуществляющих деятельность по поиску, изъятию,

сохранению, упаковке и транспортировке изъятого материала. Основное обучение борьбы с криптовалютами и киберпреступностью было проведено с агентами ФБР и охватывало различные темы, включая TOR, сети, интернет-протоколы, средства расследования в Интернете, атаки и мошенничество с деловой почтой, способы использования ошибок в киберпреступности и нулевые эксплойты, основы криптовалют, средства захвата криптовалюты преступников, анализ рынков даркнета и анализ биткойн-транзакций, возможности использования недостатков блокчейна в криптовалютах.

Помимо обучения сотрудников МВД, КПУ проводит обучение по запросу различных государственных органов. В этой роли образование и обучение других государственных органов проводилось для:

- Налоговая полиция (ТР);
- Таможенная администрация (СА).

Оба эти агентства обладают некоторыми полномочиями, характерными для полиции, и ни одно из них не имело никакого курса или образования по обеспечению соблюдения полномочий полиции до контакта с Криминалистическим полицейским Университетом. Оценка каждого из 12 курсов ТР и 6 СА проводилась по требованию Deutsche Gesellschaft für International Zusammenarbeit (GIZ, Немецкое общество международного сотрудничества) – как финансиста, и они были превосходны. Курс охватывал многие темы, от обеспечения полицейских полномочий и конституционных оснований до практических примеров и практических тактических ситуаций, которые должны решать сотрудники Таможенной администрации и Налоговой полиции.

По этому направлению также проводилась подготовка специалистов, в частности, по направлению – «Предварительное расследование». В этой области постоянно проводится обучение:

- Налоговая полиция;
- Таможенное управление;
- Магистр – 2 степени образования;
- Докторантура – 3 степени образования.

Обучение для всех вышеупомянутых уровней различается и охватывает компетенции, необходимые для каждого из них. Например, для ТР и СА охватывается базовый уровень предварительного расследования роли обоих. Тем не менее, это обучение, хотя и обозначено как основы, является очень интенсивным и охватывает различные аспекты применения полицейских

полномочий, такие как: личный досмотр людей и изъятие вещей, обнаруженных в их владении, а также обыск таких объектов, как дома и квартиры, магазины и производственные помещения со всеми особенностями, которые могут быть созданы для этих специально созданных тактических ситуаций.

На уровне Мастера исследуются более сложные ситуации и исследуются сложные примеры. Студентам-магистрантам предлагается проводить собственные исследования и создавать свои примеры, которые затем разрабатываются и анализируются группами. Их индивидуальная исследовательская деятельность включает индивидуальные исследования с предоставленными данными и создание анализов, а также конкретных вопросов и проблем в качестве гипотез, которые необходимо доказать и научно проверить.

В докторантуре, помимо докторских экзаменов, которые проводятся комиссией профессоров (как минимум, трех), есть индивидуальная работа, которая сложнее, чем уровень магистра, но очень похожа.

В дальнейшей аналитической и обучающей деятельности наши учителя участвуют в обучении поиску и изъятию особых вещей:

- компьютеры;
- телефоны;
- криптовалюты.

Некоторые сотрудники полиции, студенты Криминалистического полицейского университета и другие участники курсов нуждаются в специальной подготовке для выполнения определенных действий в рамках процедуры предварительного судебного разбирательства. Закон об уголовном процессе от 2011 года ввел особый статус устройств автоматической обработки данных – компьютеров, смартфонов и аналогичных устройств. Введен особый порядок обыска и выемки таких объектов, более требовательный, чем конституционно охраняемая квартира (дом). Он требует выполнения всех условий для проведения обыска и выемки квартиры, но только при наличии ордера (постановления) суда. Это представляет собой парадокс *sui generis* (единственный в своём роде), особенно потому, что в конституционно охраняемых квартирах предусмотрены исключения для обыска и выемки без санкции при определенных условиях, которые соблюдаются и запрещаются законом. Тем не менее, студентам предоставляется материал обучения, охватывающий изучение таких устройств с использованием коммерческого и некоммерческого программного и аппаратного обеспечения с открытым

исходным кодом для таких целей, а также процедур из отрасли ИКТ для визуализации захваченных объектов, инструменты оперативной экспертизы без возможности изменения содержимого изъятого объекта. В этой линии изымаются и обыскиваются компьютеры, планшеты, другие устройства и телефоны. Слушатели курса обучаются способам обеспечения безопасности на месте преступления для конкретного устройства, правильным действиям и их порядку, а также процедурам, которые необходимо соблюдать при возникновении конкретных проблем. Криптовалюты также охватываются поиском и изъятием, конкретные проблемы поиска криптовалют, кошельков, их фразы для восстановления и возможные пароли рассматриваются инструкторами. Особо освещаются последние проблемы бумажных кошельков, их обнаружение и изъятие, проводится анализ транзакций блокчейна биткойнов и тому подобное.

В Криминалистическом полицейском университете проводится специальное обучение, основанное на результатах исследовательской и инновационной программы Horizont 2020 в рамках грантового соглашения № 787061 под названием ANITA, которое предоставило платформу со специальными инструментами.

ANITA стремится улучшить возможности расследования правоохранительных органов путем предоставления набора инструментов и методов для эффективного решения проблемы незаконного оборота запрещенных наркотиков, новых психоактивных веществ (НПВ) и лекарств (вариант использования 1) огнестрельного оружия и оружия (вариант использования 2) и финансирование терроризма (вариант использования 3). Это достигается с помощью соответствующих служб моделирования знаний и рассуждений; обнаружение и мониторинг новых и существующих онлайн-торговых площадок; раскрытие личности преступников в социальных сетях и в Интернете и идентификация авторов интернет-контента; сведения о преступных группах, имеющих отношение к незаконному обороту товаров и связанных с ним; обнаружение и понимание тенденций и моделей поведения; выявление, отслеживание и мониторинг платежей и транзакций в криптовалютных сетях; совместимость с доступными соответствующими системами расследования, уже используемыми правоохранительными органами. Это поможет правоохранительным органам в более эффективных действиях по расследованию за счет использования онлайн-контента и информации, полученных в соответствии с законным ордером.

По сути, ANITA нацелена на создание и разработку новой, основанной на знаниях и ориентированной на пользователя платформы расследования для решения проблем незаконного оборота в Интернете, предоставляя операционные инструменты для поиска источников данных и анализа цепочки блоков, аналитики больших данных, моделирования и использования знаний, включая когнитивные функции человека в конвейер анализа и предоставление ориентированных на пользователя интеллектуальных приложений для поддержки сотрудников правоохранительных органов.

Основой проекта является платформа ANITA для применения нескольких различных инструментов, которые модульно включены в систему, использующую последние научные достижения и передовые технологии для достижения эффективных аналитических и сборочных действий в «поверхностной», «глубокой» и «темной» сети. Эти инструменты независимы, хотя они интегрированы в платформу, которая, помимо феноменологического анализа, выполняет другие анализы и предоставляет пользователю системы исчерпывающий результат с возможностью его взаимодействия, чтобы направлять аналитические инструменты и результаты, которые предлагает система после применения аналитических и других инструментов. Смысл системы и ее устойчивость, а также ее применимость определяются в трех основных сценариях: новые психоактивные вещества, поддельные лекарства и наркотики, оружие (огнестрельное оружие) и боеприпасы, а также финансирование терроризма, в основном за счет криптовалют. Незаконная торговля имеет место на всех трех уровнях – «поверхностной», «глубокой» и «темной» Интернет-сети. Предпосылка платформы ANITA и используемых ею инструментов основана на всестороннем анализе членов консорциума (особенно в WP2). В результате анализа предлагаются различные формы выводов об отношениях преступных группировок, занимающихся распространением наркотиков, способах их распространения, создании новых способов и средств распространения и профилировании продавцов на рынках «даркнета», происхождении наркотиков, географические особенности наркотрафика, общие отличия классических наркотиков от новых психоактивных веществ. С точки зрения дополнительного анализа, можно провести параллель со вторым сценарием, касающимся оружия и боеприпасов, где наркотики, оружие и боеприпасы очень часто импортируются. Криминологическая, а также научно-профессиональная основа платформы и ее функциональности – это анализ незаконных онлайн-

форм торговли и изучение стратегий и мер по противодействию таким явлениям. В частности, анализ охватывает действия, процессы, тенденции и человеческие факторы, которые влияют на торговлю людьми в Интернете, и все это с целью повышения осведомленности ключевых участников (например, правоохранительных органов) о потенциальных рисках, а также предоставления информации из первых рук с наборами рекомендаций по эффективным контрмерам, которые должны быть приняты в борьбе с такими явлениями.

Цель состоит в том, чтобы платформа была живым организмом, который получает руководство по предпринимаемым действиям, обучению и настройке от участников строительства проекта, членов полицейских подразделений, участвующих в проекте, и консультативного совета по безопасности. Это включает в себя как эволюцию наблюдаемых явлений, так и обновление действий органов прокуратуры посредством оперативных рекомендаций и указаний со стороны полицейских подразделений.

Процессы, лежащие в основе системы, являются, с одной стороны, реальными явлениями, у которых есть момент эволюции, и, с другой стороны, методические рекомендации, которые являются технической частью проекта, призванного стать операционно-функциональной платформой с адекватными и полностью интегрированными инструментами. Наблюдение за развитием проблемы включает в себя анализ участников на всех трех уровнях сети, их меры по сокрытию своей личности и действий на рынках, в то время как оперативные руководства содержат следующий анализ. В области поверхностной сети - псевдонимы продавцов в поверхностной сети, «магазины», которые продают и рекламируют определенные новые психоактивные вещества (НПВ), онлайн-страницы врачей и аптек (фармацевтических компаний), прямая реклама в социальных сетях, обмен видео с наркотиками, Сделай сам видео о наркотиках, ролики, продвигающие наркотики. В области глубокой сети – deep net (веб), никнеймы продавцов, прямая реклама, инструкции о том, как связаться с продавцами, получить доступ к определенным рынкам, форумы, посвященные незаконному обороту наркотиков, обмен видео с темами о наркотиках, форумы, посвященные оценке качества лекарственных средств и другим формам услуг, связанных с наркотиками. В домене темной сети – даркнет, ники продавцов, названия улиц и названий, а также известные бренды, отзывы пользователей – отзывы, поисковые системы – граммы, факелы,

дискуссионные форумы (DREAD / HUB FORUM). В ходе анализа, проведенного в рамках проекта ANITA, была проведена классификация рынков незаконных продуктов в даркнете на две группы: криптовалютные рынки и дилерские магазины. На основе анализа, классификации и методов оплаты – через основные виртуальные валюты на криптовалютных рынках – до недавнего времени чаще всего использовались биткойны и все чаще Monero и Ethereum, а также традиционные валюты, которые недавно появились в даркнете. Каналы связи, предоставленные анализом, представлены в следующих формах – зашифрованные приложения – наиболее часто используемые продавцами, дилерами и покупателями во избежание слежки, использования мессенджеров с автоматически сгенерированными и временными идентификаторами с использованием приложения Surespot, Wickr, KIK, Tails и тому подобное. Анализ также дал результаты, согласно которым чрезвычайно важно влияние социальных сетей в рекламе (Facebook), а также зарегистрированная роль поисковых служб и спама в продвижении коммерциализации лекарств в Интернете. Криминальные стратегии, которые следует использовать для предотвращения и пресечения, соответствуют криминальным стратегиям, определяются посредством анализа последних. На рынках «даркнета» были выявлены стратегии мошенничества, такие как фишинг (с помощью которого продавцы и производители, предлагающие свои продукты, предупреждают пользователей, которым не нужно переходить по ссылкам, размещенным в рейтингах и на страницах для оценки приобретенных незаконных продуктов), случаи недоставки товаров и др. Отдельно для каждого из сценариев, описанных в более ранней части текста, разрабатываются эволюционные циклы и оперативные инструкции. Каждый из описанных сценариев реализуется чаще всего через формы криптовалют, а анализ криптокошельков и реализованных транзакций предоставляет исключительные возможности в идентификации участников транзакций. Важно отметить, что каждый из уровней сети имеет свою собственную форму связи с предыдущим, и что субъекты, идентификация которых ищется, оставляют свою информацию в виде следов на них, и их можно отслеживать. Что касается передачи сообщений с рекламным контентом, следует также понимать концепцию, представленную Брайаном Солисом еще в 2008 году в форме разговорной призмы - теперь на уровне 5.0, в котором он попытался показать наблюдателям более подробно, чтобы лучше понять, оценить и понять «статусную сферу» и ее эволюцию с помощью все еще

продолжающегося исследования цифровой этнографии, которое отслеживает доминирующие и многообещающие социальные сети и организует их в соответствии с тем, как они используются на повседневной основе. В основе этого лежит учение, которое рассматривает повседневный дискурс рекламы во всех трех сферах незаконной онлайн-продукции. Для каждой из конкретных категорий, которые мы обрабатываем на платформе ANITA, необходимо оценить и оценить следующие основные элементы, чтобы более полно и подробно изучить способы, которыми Интернет трансформирует преступные способы действий – *modi operandi*.

Это:

- Особая роль поверхностной, глубокой и темной сети.
- Изменения в типологиях веществ и продуктов.
- Правовой статус веществ или продуктов, а также правовая среда, которая регулирует (неправильное) использование медицинских веществ – наркотиков, прекурсоров, новых психоактивных веществ – НПВ.
- Риск применения нормативных актов
- Доступность и цена народных лекарств.
- Важный географический район и соответствующие маршруты для контрабанды
- Роль организованных преступных групп и соответствующих криминальных сетей

Анализируя эти действия, каждый из сценариев может дать нам определенные выводы и возможность реализовать их на платформе с помощью встроенных в нее инструментов. Технически они включают в себя несколько различных элементов системы, о которых будет сказано позже. Некоторые из них представляют собой социальную модель сырья или самих продуктов, модели распространения и сокрытия всего рекламного процесса – рекламы, предоставления незаконных материалов, пользовательской оценки качества, функциональности и чистоты незаконных продуктов, а также продаж или всего сделки между продавцом (производителем) и покупателем. Роль партнерских организаций проекта ANITA заключалась, среди прочего, в более полном определении пунктов отправления и назначения в соответствии с оперативными знаниями активных продавцов и покупателей на территориях стран, из которых прибыли полицейские подразделения в рамках проекта ANITA. Благодаря этой вспомогательной ориентации инструмента на платформе

ANITA происходит корректировка и точная настройка датчика в ANITA. Обучение проводится по внедрению поисков и использованию инструментов платформы ANINTA.

Помимо предоставления учебных программ для целей полицейского образования, Криминалистическая полицейская академия также выполняет научные и исследовательские работы в области криминалистики (расследование преступлений), полиции и безопасности. Академия была аккредитована Министерством науки Республики Сербия как научно-исследовательская организация.

Научно-исследовательская деятельность в Академии осуществляется через Научно-исследовательский центр и включает в себя следующие виды деятельности:

- Научные исследования;
- Издание научного журнала, материалов конференций и других научных публикаций;
- Организация научных конференций.

Академия проводит фундаментальные, прикладные и развивающие исследования, а также исследования, направленные на развитие полицейского образования и работы. Научно-исследовательский коллектив Академии проводит исследование «Предупреждение и пресечение современных форм преступности», финансируемое Министерством науки и технологического развития. Кроме того, научно-исследовательская деятельность направлена на следующие направления:

- школьное насилие;
- борьба с коррупцией;
- злоупотребление наркотиками и правонарушения;
- преступление в сфере высоких технологий;
- права человека;
- международное сотрудничество полиции.

Заключение

Все представленные тренинги и курсы направлены на создание реальной и устойчивой среды для желающих учиться, чтобы преуспеть в своих усилиях по получению образования. Разработка различных курсов и их анализ показывают разнообразие областей знаний, которыми занимаются преподаватели Криминалистического полицейского университета. Благодаря расшире-

нию и включению большего количества новых и интересных курсов и модулей, таких как модули из линейки программ «Борьба с преступностью и терроризмом» Н2020, курсам предоставляется больше навыков и знаний. Стажеры, студенты и правоохранительные органы обеспечиваются лучшими курсами, применимыми навыками и ремеслами. Это также подтверждается их оценками учителей и курсов. Конечно, есть больше возможностей для улучшения курсов, методов обучения, средств и техник, и с каждым днем и каждым новым курсом становится все больше и больше сил на пути к успеху и процветанию. В этом направлении есть возможности включить даже другие подходы и средства обучения даже с востока, для которого открыт Криминалистический полицейский университет. С этой точки зрения можно сказать, что, например, с помощью российских образовательных технологий Волгоградской академии на некоторых курсах мы могли бы быть еще сильнее, а с помощью сочетания методов разных культур мы могли бы достичь еще большего успеха.

© Звонимир Иванович, 2021

Иванусенко Юлия Борисовна,
преподаватель кафедры предварительного расследования
УНК по ПС в ОВД ВА МВД России

ТАКТИКА ЗАДЕРЖАНИЯ И ИЗБРАНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ

Необходимо признать, что задержание подозреваемого является значимым средством в достижении задач уголовного судопроизводства, применение такой меры процессуального принуждения обусловлено потребностями расследования преступления, поскольку оно является вынужденной мерой, дабы исключить возможность использования авторитета, служебного положения, любых способов воздействия на свидетелей, иных лиц, или сокрытия следов преступления. Поскольку указанные меры по своей сущности предполагают вторжение в сферу прав и свобод человека, необходимо предоставление процессуальных гарантий лицам, в отношении которых возможно их применение. Например, четкая, не оставляющая двусмысленностей, регламентация в законе непосредственно порядка и тактики проведения таких мер.

Совокупность специфических приемов и средств, обеспечивающих наиболее рациональное производство задержания в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, это и есть понятие тактики задержания. Чтобы задержание было успешным, необходимо соблюсти ряд факторов, таких как внезапность, конспиративность, когда речь идет об оперативном задержании. Кроме того, необходима четкая организация.

Оперативные сотрудники в частых случаях приближаются к объекту задержания скрытно, иногда под видом прохожего вступают в непосредственный контакт, ну а затем следует решительный, и главное внезапный захват, последствием чего является ограниченная свобода действий, попытки оказать сопротивление блокируются. В некоторых случаях производство задержания требует заблаговременного оцепления территории, выставления нарядов. Значительно сложнее задерживать подозреваемого в каком-либо помещении. Если говорить о тяжких преступлениях, то нередко и привлечение группы захвата. Нередко при задержании приходится проводить мероприятия отвлекающего характера, это в основном в тех случаях, когда необходимо обеспечить эффективное проникновение участников следственного действия на место, где может укрываться подозреваемый. Стоит и пояснить о мероприятиях, цель которых это подавление воли подозреваемого. К такому мероприятию можно отнести применение специальных средств. Для нейтрализации физической силы подозреваемого используются не только огнестрельное оружие, но и специальные средства, например, устройство ограничения подвижности биологических объектов «Невод»¹.

Само по себе задержание не может ограничиваться скованностью свободы передвижения, как следствие необходимо и проведение личного обыска задержанного, в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации. То есть после физического захвата сразу же производится личный обыск задержанного на предмет обнаружения у него оружия, предметов и средств оказания сопротивления. Это мероприятие направлено на обеспечение безопасности участников следственного действия. В практике имели место быть случаи, когда сотрудники полиции игнорировали проведение личного обыска, либо поверхностно его производили, что приводило к применению преступниками оружия против сотрудников органов внутренних

¹ Эксархопуло, А. А. Криминалистическая техника. Учебник и Практикум / А.А. Эксархопуло. - М.: Юрайт, 2016. - 102 с.

дел. После тактических операций по задержанию, наступает черед процессуальных действий, производимых следователем. При наличии законных оснований, следователь не позднее трех часов с момента фактического задержания составляет протокол в порядке ст. 91 УПК РФ. Как правило, далее следует принятие решение об избрании меры пресечения, такой как заключение под стражу. Следователь с согласия руководителя следственного органа либо дознаватель с согласия прокурора возбуждают перед судом ходатайство об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. В постановлении о возбуждении перед судом ходатайства об избрании меры пресечения следователь должен в обязательном порядке обосновать необходимость избрания данной меры пресечения, с указанием оснований и мотивов, и по какой причине невозможно избрать иную более мягкую меру пресечения¹. С ходатайством об избрании меры пресечения в суд направляются материалы, обосновывающие данное ходатайство, которое суд либо удовлетворяет, либо оставляет без удовлетворения.

Подводя итог, можно утверждать, что применение выше предложенных тактических приемов задержания позволит законным способом ограничить возможности общения подозреваемого с другими людьми, распоряжаться имуществом, ограничить его физическую и нравственную неприкосновенность, так как это необходимо в целях обеспечения беспрепятственной проверки причастности лица к совершенному преступлению.

Библиографический список:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // Собрание законодательства РФ. - 24.12.2001. № 52 (ч. I). - Ст. 4921; 27.10.2020. № 352 (часть I). - Ст. 8478.

2. Федеральный закон от 28 декабря 2013 г. N 432-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве»// – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. с экрана.

3. Федеральный закон "О полиции" от 07.02.2011 N 3-ФЗ (последняя редакция) – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – Загл. С экрана.

© Ю.Б. Иванусенко, 2021

¹ Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / под ред. Томина В.Т., Полякова М.П.-М.: Издательство Юрайт, 2015. – 93 с.

Иголина Елена Олеговна,
следователь Следственного управления
Следственного комитета РФ по ХМАО-Югре,
аспирант Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской Федерации

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕОСТОРОЖНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕНАДЛЕЖАЩИМ ОКАЗАНИЕМ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Проблема квалификации действий медицинских работников, совершивших неосторожные преступления, повлекшие тяжкие последствия, в том числе смерть, остается актуальной на протяжении последних лет. Как показывает анализ судебно-следственной практики верная юридическая оценка действий (бездействий) врачей вызывает значительные затруднения в практической деятельности следователей. Наряду с проблемой квалификации, остро стоит вопрос, касающийся установления причинно-следственной связи между дефектами медицинской помощи и наступившими негативными последствиями для пациента, в том числе определения характера причинной связи. Изучение материалов судебных решений позволяет констатировать, что наибольшие затруднения при квалификации действий медицинских работников вызывает разграничение смежных составов, а именно ч. 2 ст. 124 УК РФ с ч. 2 ст. 109 УК РФ и ч. 2 ст. 293 УК РФ.

В случае рассмотрения уголовных дел в судах в особом порядке, практических сложностей не возникает в виду согласия подсудимого с предъявленным ему обвинением. В некоторых случаях в приговоре вообще не упоминается о причинно-следственной связи, как обязательном элементе составов вышеуказанных преступлений. Так, приговором Лиманского районного суда Астраханской области 11.08.2017 медицинская сестра неотложной медицинской помощи Алексеева Н.Г. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 124 УК РФ [1]. В приговоре отсутствует упоминание о причинной связи между дефектами медицинской помощи и смертью пациента.

В частности, приговором Задонского районного суда Липецкой области 08.06.2017 фельдшер скорой медицинской помощи Горбунов А.П. признан

виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 124 УК РФ. Горбунов А.П. прибыл по вызову на детскую площадку, где на земле в состоянии алкогольного опьянения лежал мужчина. Горбунов А.П. не оказал больному без уважительных причин медицинскую помощь, не выполнил в экстренном порядке транспортировку больного в лечебное учреждение для обследования. В результате этого, от алкогольной интоксикации, наступила смерть Ф. Недооценка тяжести состояния больного и оставление его на месте фельдшером Горбуновым А.П. находятся в причинно-следственной связи со смертью Ф [2]. При этом обращаем внимание, что характер причинной связи не указан.

Как отмечает М.В. Бавсун, собственно случаи неоказания помощи в практической деятельности встречаются не столь часто, а более характерными являются ситуации некачественного медицинского обслуживания, повлекшего последствия, имеющие уголовно-правовое значение[3]. В контексте анализа рассматриваемого состава преступления необходимо акцентировать внимание на его разграничении от причинения смерти по неосторожности. Рассмотрим примеры из судебно-следственной практики, в которых действия медицинских работников квалифицированы неверно.

В частности, приговором Кировского районного суда г. Казани Республики Татарстан медицинская сестра процедурного отделения восстановительной медицины и реабилитации Валишина С.В. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ. Согласно материалам уголовного дела Валишиной С.В. предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 124 УК РФ. В ходе судебного разбирательства установлено, что Богданов М.М. поскользнулся и упал с последующим соударением головой о асфальтобетонное покрытие, им была получена закрытая черепно-мозговая травма. Богданов М.М. обратился за медицинской помощью к Валишиной С.В., которая должным образом не оценила тяжесть состояния его здоровья и выставила ошибочный диагноз – «ссадина волосистой части головы». Через некоторое время пациент скончался в своей комнате от закрытой черепно-мозговой травмы. Согласно заключению экспертизы, Валишина С.В. недооценила тяжесть состояния потерпевшего, не вызвала бригаду скорой медицинской помощи, что не позволило своевременно доставить последнего в специализированное нейрохирургическое отделение для соответствующего обследования, своевременного и правильного

установления диагноза, проведения адекватного лечения, что не исключало бы благоприятного исхода. В ходе судебного заседания действия врача переквалифицированы с ч. 2 ст. 124 УК РФ на ч. 2 ст. 109 УК РФ. В обосновании своего решения, судья указал: субъективной стороной преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 124 УК РФ, является прямой умысел, направленный на неоказание помощи, и неосторожная вина по отношению к последствиям своих действий. Вместе с тем, у Валишиной С.В. отсутствовали как умысел на игнорирование своих обязанностей, так и намерение не оказывать помощь пациенту, поскольку объем предоставленной Богданову М.М. помощи соответствовал постановленному ею диагнозу, как оказалось впоследствии – неверному. Судом установлена причинно-следственная связь между дефектами медицинской помощи, допущенными Валишиной С.В., и наступлением смерти пациента [4].

Безусловный интерес представляет приговор Моздокского районного суда Республики Северная Осетия-Алания от 02.08.2019. Прахт Л.В. признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 109 УК РФ. Согласно материалам уголовного дела фельдшеру отделения скорой помощи Прахт Л.В. предъявлено обвинение в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 124 УК РФ. В ходе судебного разбирательства установлено, что Прахт Л.В. в составе бригады скорой медицинской помощи выехала на вызов, где провела поверхностное обследование Ф., по результатам которых, неверно оценила его состояние как удовлетворительное вместо тяжелое, неверно установила ему диагноз: «Химические ожоги II степени», вместо термические ожоги кожных покровов II-III-й А-Б степени. Непроведение своевременной госпитализации в стационар привело к ухудшению состояния здоровья Ф., который в дальнейшем в крайне тяжелом состоянии, поступил в реанимационное отделение, где скончался. Согласно заключению судебно-медицинской экспертизы необходимо было госпитализировать Ф. для оказания лечения. Между фактом несвоевременной госпитализации и ухудшением состояния здоровья ребенка, имеется прямая причинно-следственная связь. Своевременная госпитализация сохраняла высокую вероятность для благоприятного исхода – сохранение жизни Ф. [5]. Суд пришел к выводу о переквалификации действий врача с ч. 2 ст. 124 на ч. 2 ст. 109 УК РФ, что по нашему мнению является обоснованным. Прахт Л.В. оказывала малолетнему Ф. скорую медицинскую помощь, однако неправильно оценила тяжесть состояния больного, неверно

установила диагноз и не приняла решение о госпитализации, что привело к его смерти.

Для правоприменителя сложность ситуации обусловлена тем, что при минимально оказанной медицинской помощи исключается квалификация по признакам ст. 124 УК РФ в силу законодательной конструкции статьи. В случае оказания медицинской помощи не в полном объеме, некачественно, несвоевременно, с нарушением требований нормативных предписаний, действия виновных лиц, при наличии всех признаков состава преступления, необходимо квалифицировать по ч. 2 ст. 109 УК РФ.

Сложности квалификаций служебных преступлений, совершенных медицинскими работниками во многом обусловлены выполнением ими как должностных, так как профессиональных (функциональных) обязанностей. Наибольшую трудность для квалификации халатности представляет тот случай, когда реализация лицом своей должностной функции основана на ошибочной оценке, которое само это лицо даёт фактическим обстоятельствам, требующим согласно закону выбора вариантов должного поведения [6].

Постановлением Советского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан от 05.07.2019 года уголовное дело в отношении заведующей пульмонологического отделения стационара ГБУ РД «Республиканская клиническая больница» Умахановой У.К. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 124 УК РФ, прекращено в связи с назначением судебного штрафа.

В ходе предварительного следствия установлено, что заведующая пульмонологического отделения стационара Умаханова У.К. отказала в госпитализации без уважительных причин больному Г.В., несмотря на имеющийся установленный диагноз «двухсторонняя полисегментарная пневмония, ДН 2-3 степени, интоксикационный синдром». При этом пациент был осмотрен врачом – пульмонологом ГБУ РД «Республиканской клинической поликлиники», который установил вышеуказанный диагноз и направил на экстренную госпитализацию в ГБУ РД «Республиканскую клиническую больницу». Дежурный врач приемного покоя Республиканской клинической больницы ознакомился с направлением, оформил медицинскую карту и направил пациента к заведующей Умахановой У.К. для экстренной госпитализации, которая в госпитализации отказала. Пациент скончался от острой дыхательной недостаточности на почве двусторонней бронхопневмонии.

Согласно заключению служебной проверки Министерства здравоохранения Республики Дагестан отказ заведующей пульмонологическим отделением Умахановой У.К. в госпитализации Г.Р. является грубой диагностической и тактической ошибкой. По мнению обвинения, Умаханова У.К. совершила преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 124 УК РФ. В обосновании применяемой к действиям врача квалификации, сторона обвинения указала, что Умаханова У.К. имела возможность оказать пациенту медицинскую помощь, которая могла привести к положительному исходу, однако не оказала ее (отказав в госпитализации без уважительных причин). Отказ в госпитализации пациента (преступное бездействие) и смерть состоят в прямой причинной связи [7].

По нашему мнению данная квалификация является недопустимой, считаем, что действия заведующей Умахановой У.К. необходимо квалифицировать по ч. 2 ст. 293 УК РФ, поскольку она властным распоряжением отказала в госпитализации пациенту в ходе выполнения ей организационно-распорядительных функций. Однако вопрос сейчас не в оценке вынесенного решения, а в отсутствии определенности у правоприменителя в связи с проблемным характером нормы.

При халатности должностное лицо допускает нарушения (в том числе дефекты оказания медицинской помощи) в организационно-распорядительной и административно-хозяйственной деятельности, а не профильной медицинской как врач-специалист. Примерами дефектов оказания медицинской помощи в деятельности должностных лиц в медицине могут служить, например, ненаправление или несвоевременное направление пациента в другое медицинское учреждение для оказания специализированной профильной медицинской помощи или невызов санитарной авиации в экстренных случаях, решение о чем принимает главный врач, его заместитель по лечебной работе (начмед) или в ночное время дежурный администратор ЛПУ, или деятельность врача-дежуранта (дежурного врача) по организации оказания медицинской помощи и при принятии организационно-распорядительных решений, например, о переводе пациента в другое отделение или о помещении в стационар своего отделения [8].

Аналогичное нарушение – отказ в госпитализации пациента, повлекшие его смерть, установлен в действиях заведующего приемно-диагностического отделения Городской клинической больницы г. Москвы. Приговором Лефортовского районного суда г. Москвы от 20.05.2011 заведующий приемно-

диагностического отделения Городской клинической больницы г. Москвы Громенко В.В. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 293 УК РФ. В ходе предварительного следствия установлено, что 17.09.2009 в приемно-диагностическое отделение бригадой скорой медицинской помощи в медицинское учреждение была доставлена гражданка Таджикистана Ф. с диагнозом: «Беременность 8 недель, угроза прерывания (I половины), острый гастрит», для решения вопроса об оказании скорой медицинской помощи и госпитализации ее в указанную больницу. Врачом приемно-диагностического отделения и врачом-хирургом принято решение о госпитализации Ф. в гастроэнтерологическое отделение. Однако, в связи с распоряжением главного врача о необходимости направления иностранных граждан, поступающих в больницу, к заведующему приемно-диагностического отделения для принятия окончательного решения о госпитализации, больная направлена к заведующему Громенко В.В., который не назначил и не обеспечил дополнительные лабораторные и инструментальные исследования, не обеспечил оказание больной экстренной медицинской помощи и отказал больной в экстренной госпитализации по имеющимся у нее медицинским показаниям, поскольку последняя являлась гражданкой Таджикистана, предложив ей платные медицинские услуги. Больная вынужденно покинула медицинское учреждение.

22.09.2009 пациентка с резким ухудшением состояния здоровья самостоятельно повторно обратилась за медицинской помощью в ГКБ г. Москвы, где ей выполнена лапаротомия. Однако в 04 час. 20 мин. 23.09.2009 от острой спаечной тонкокишечной странгуляционной непроходимости наступила ее смерть. Согласно заключению комиссионной судебной медицинской экспертизы определяющим в наступлении смерти явилась несвоевременная госпитализация и связанная с этим задержка адекватного консервативного и хирургического лечения пациентки. При наличии показаний для госпитализации 17.09.2009, пациентка не была госпитализирована. Согласно выводам экспертизы смерть Ф. находится в прямой причинно-следственной связи с не госпитализацией ее в стационар ГКБ г. Москвы.

В предъявленном заведующему обвинении указано, что в результате допущенной Громенко В.В. преступной халатности, выразившейся в неисполнении и ненадлежащем исполнении им своих должностных обязанностей, вследствие небрежного отношения к работе и легкомыслия, больная не была

госпитализирована, ей не был проведен должный медицинский осмотр, не было назначено необходимое обследование и лечение, что привело к поздней диагностике основного заболевания, к несвоевременному проведению адекватного лечения, и, как следствие к наступлению смерти [9].

Между тем ситуацию, когда итоговая квалификация однотипных ситуаций, связанных с принятием медицинскими работниками очевидно неверных решений, оказалась принципиально различной, нельзя признать допустимой. К сожалению, типичность подобной ситуации подтверждается достаточно обширным массивом судебной-следственной практики. Подобное нарушение стало возможным в виду отсутствия у правоприменителей понимания критериев разграничения профессиональных и должностных полномочий медицинских работников при квалификации халатности.

П.С. Яни, разграничивая профессиональные и должностные полномочия медицинского работника отмечает: «подобная квалификация будет верной лишь в случае, когда врач, поставив правильный диагноз, требующий заведомо для него госпитализации, идет, тем не менее, на осознаваемое им самим нарушение адресованных ему как лицу, наделенному указанными организационно-распорядительными функциями... и отправляет гражданина домой... При этом дежурный врач понимает опасность развития заболевания для жизни пациента...»[6]. В случае отказа в госпитализации пациента дежурным врачом профильного отделения медицинского учреждения, его действия возможно квалифицировать по ч. 2 ст. 109 УК РФ, когда он добросовестно заблуждался относительно тяжести заболевания, постановки диагноза.

Халатность относится к категории должностных преступлений и состоит в неисполнении или ненадлежащем исполнении должностным лицом своих обязанностей, т.е. обязанностей, связанных и с исполняемой должностью. Это обстоятельство отличает халатность от неисполнения или ненадлежащего исполнения профессиональных обязанностей, не относящихся к должностным функциям.

Библиографический список:

1. Приговор Лиманского районного суда Астраханской области от 11.08.2017. по делу № 1-128/2017 // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 17.10.2021).
2. Приговор Задонского районного суда Липецкой области от 08.06.2017 по делу № 1-А20/2017 // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 17.10.2021).

3. Бавсун М. В. Спорные вопросы квалификации ненадлежащего оказания помощи больному // Российский следователь. – 2017. – № 16. – С. 24-27.

4. Приговор Кировского районного суда г. Казани Республики Татарстан от 18.12.2017 по делу № 1-359/2017 // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 18.10.2021).

5. Приговор Моздокского районного суда Республики Северная Осетия-Алания от 02.08.2019 №1-164/2019 // sudact.ru (дата обращения: 18.10.2021).

6. Яни П.С. Разграничение должностных и профессиональных функций при квалификации халатности // Законность. 2012. № 4. С. 41-46.

7. Постановление Советского районного суда г. Махачкалы Республики Дагестан от 05.07.2019 по делу № 1-489/2019 // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 20.10.2021).

8. Проведение процессуальных проверок и расследование ятрогенных преступлений: сборник методических рекомендаций / под ред. А.М. Багмета. – М.: Московская академия СК России, 2017. - 169 с.

9. Приговор Лефортовского районного суда г. Москвы от 20.05.2011 по делу № 1-74/2011 // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 18.10.2021).

© Е.О. Иголина, 2021

Ищенко Дмитрий Петрович,
доцент кафедры уголовного процесса Ростовского филиала
ФГКОУ ВО «Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской Федерации»,
кандидат юридических наук

Ищенко Галина Константиновна,
доцент кафедры уголовного права и криминалистики
Донского государственного технического университета,
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Актуальность выбранной темы связана с необходимостью принимать меры для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска,

взыскания штрафа, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества. Этот правовой институт регламентирован процессуальным законом как обязательная мера обеспечения имущественных вопросов приговора суда, как для обеспечения гражданского иска, так и взыскания процессуальных издержек уголовного преследования и судопроизводства[1].

Конституцией Российской Федерации в статье 52 закреплено право каждого потерпевшего на компенсацию причиненного ущерба. В тоже время основным законом государства также закреплено право частной собственности и недопустимость лишения данного имущества иначе как по решению суда [2].

Уголовно-процессуальный закон предусматривает право следователя применить к подозреваемому или обвиняемому меру процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество в целях обеспечения уголовного судопроизводства и надлежащего исполнения приговора. Наложение ареста на имущество регламентировано требованиями статьи 115 УПК РФ, в которой указан порядок применения указанной меры процессуального принуждения [3].

Несмотря на нормативную урегулированность данного правового института, возникают проблемы при его реализации. Например, при принятии решения о наложении ареста на автомобиль, иную специальную технику, недвижимое имущество, следователь может в течении суток получить необходимые сведения и предоставить суду мотивированное ходатайство, с целью наложения ареста, с соблюдением всех требований уголовно-процессуального закона. В тоже время, при принятии решения о наложении ареста на денежные средства, находящиеся на счетах в банках, на практике органы следствия зачастую сталкиваются с рядом проблем, затрудняющих реализацию указанной нормы. Соответственно, при расследовании уголовных дел по которым, имеются все основания принимать меры по возмещению вреда, а следовательно и необходимость в наложении ареста, возникают соответствующие трудности.

Другая проблема, возникающая при реализации данной нормы – это соразмерность арестовываемого имущества. Согласно судебной практике, а именно п. 13 Постановления Пленума Верховного суда РФ №19 от 01.06.2017 «О практике рассмотрения ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан» в случае заявления ходатайства о наложении ареста на имущество для обеспечения исполнения

приговора в части исполнения наказания в виде штрафа или для обеспечения гражданского иска судам следует учитывать, что стоимость имущества, на которое налагается арест, не должна превышать максимального размера штрафа, установленного санкцией статьи Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации, либо должна быть соразмерна причиненному преступлением ущербу. В связи с этим судья вправе принять решение об удовлетворении ходатайства о наложении ареста на соответствующую по стоимости часть имущества [4].

Исходя из практики расследования конкретного уголовного дела – следователь при расследовании уголовного дела возбужденного части 1 статьи 318 УК РФ с целью обеспечения приговора суда, и обеспечения гражданского иска, установил имущество подозреваемого на которое возможно наложить арест – автомобиль стоимостью четыре миллиона рублей. При рассмотрении ходатайства следователя, судом отказано в наложении ареста на указанное имущество, мотивируя несоразмерностью суммы имущества, на которое возможно наложить арест и возможной сумме штрафа. Причина в том, что сумма имущества, на которое следствие ходатайствовало наложить арест многократно превышает максимальный размер штрафа, предусмотренного диспозицией части 1 статьи 318 УК РФ, а именно 200 тысяч рублей и сумму гражданского иска в размере 100 тысяч рублей.

Указанная проблема известна на федеральном уровне, однако эффективных мер, направленных на изменение ситуации, до настоящего времени не принято.

Согласно п. 4 обзора практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 115 УПК РФ, утвержденного Президиумом Верховного суда Российской Федерации «Обобщение судебной практики показало, что суды руководствуются п. 13 постановления Пленума от 1 июня 2017 года № 19 и признают ходатайства обоснованными лишь в том случае, когда стоимость имущества, указанного в ходатайстве, соразмерна имущественным взысканиям, для обеспечения которых налагается арест. Согласно разъяснениям, в случае заявления ходатайства о наложении ареста на имущество для обеспечения исполнения приговора в части наказания в виде штрафа или гражданского иска стоимость имущества, на которое налагается арест, не должна превышать максимального размера штрафа, установленного санкцией статьи Особенной

части УК РФ, либо должна быть соразмерна причиненному преступлением ущербу. В связи с этим ходатайство о наложении ареста может быть удовлетворено частично, арест наложен на соответствующую по стоимости часть имущества» [5].

При этом следует учесть, что наложить арест на часть автомобиля невозможно, в виду чего суд лишен возможности удовлетворить частично ходатайство следователя и отказывает в его удовлетворении полностью. В тоже время, учитывая, что иного имущества, на которое можно наложить арест у привлекаемого к уголовной ответственности лица не имеется, следственные органы не могут реализовать возможность наложения ареста на имущество по уголовному делу.

Соответственно, указанный подход судебной системы ставит под сомнение принцип неотвратимости наказания. Зачастую, еще до вынесения приговора, подозреваемый (обвиняемый) с целью уклонения от уплаты штрафа, имеет возможность продать имеющееся у него имущество, а вырученные деньги сокрыть.

Таким образом, перед следователем встает вопрос о целесообразности в будущем ходатайствовать перед судом о наложении ареста в аналогичных ситуациях. С одной стороны, следователь обязан принять меры по аресту имущества, а с другой стороны понимая, что результат будет отрицательный, следователь фактически тратит свое рабочее время в ущерб остальным следственным действиям. В данном случае мы видим, что теория на практике не реализуется должным образом.

Указанные пробелы в законодательстве зачастую используются стороной защиты для противодействия следствию. Указанная ситуация создает дисбаланс между законными интересами и правами участников уголовного судопроизводства.

Фактически мы видим, что в описанной ситуации суд встает на сторону лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления и защищает его право личной (частной) собственности, при этом не учитывается, что с другой стороны игнорируются права потерпевшей стороны, а также интересы общества и государства.

Видится, что законодатель мог избрать иную модель поведения в указанной ситуации. Целесообразно на законодательном уровне предусмотреть возможность наложения ареста на имущество, стоимость которого

кратно превышает причиненный ущерб, до момента пока подозреваемый или обвиняемый самостоятельно не предложит иное имущество или денежный эквивалент указанной суммы на которое возможно наложить арест и соответственно снять арест. Возможно, указанная процедура доставит подозреваемому или обвиняемому определённые неудобства, но в данном случае указанный порядок дает возможность подозреваемому самостоятельно принять решение о том, каким имуществом он готов пожертвовать с целью искупления своей вины, за совершенное преступление.

Библиографический список:

1. Ищенко Д.П., Ищенко Г.К. К вопросу наложения ареста на имущество. В сборнике: Актуальные проблемы теории и практики уголовного процесса. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Ростов-на-Дону: ФГКОУ ВО РЮИ МВД России, 2021.

2. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС Консультант Плюс.

3. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // СПС Консультант Плюс.

4. Постановление Пленума Верховного суда РФ № 19 от 01.06.2017 «О практике рассмотрения ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан» // СПС Консультант плюс.

5. «Обзор практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.03.2019) // СПС Консультант плюс.

© Д.П. Ищенко, Г.К. Ищенко, 2021

Канубриков Виталий Алексеевич,
заместитель начальника кафедры уголовного права
УНК по ПС в ОВД
Волгоградской академии МВД России, к.ю.н.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ АНТИОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Одной из основных задач государства была и остается уголовно-правовая охрана несовершеннолетних от преступных посягательств. Безусловно, социально-экономические и идеологические меры очень важны для поддержки подрастающего поколения, однако задача охраны несовершеннолетних от общественно опасных посягательств должна, прежде всего, решаться средствами уголовно-правового характера. К числу весьма значимых нововведений следует отнести выделение в УК РФ самостоятельной главы, описывающей признаки преступных деяний, нарушающих права и интересы несовершеннолетних, а также интересы семьи (глава 20 «Преступления против семьи и несовершеннолетних»). Включение указанной главы в УК РФ, а также принятие ряда федеральных законов, вносящих изменения в УК РФ с целью усиления уголовной ответственности за преступные посягательства на несовершеннолетних подчеркивает, что борьба с преступлениями против несовершеннолетних – это приоритетное направление современной уголовно-правовой политики российского государства.

Однако при квалификации преступлений, признаки которых описаны в главе 20 УК РФ, возникают вопросы, неоднозначно решаемые в судебной и следственной практике, а также теории уголовного права, например, вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления и иных антиобщественных действий (ст.ст. 150, 151 УК РФ).

Так, диспозиция ч. 1 ст. 151 УК сформулирована таким образом, что содержит исчерпывающий перечень видов антиобщественных действий, занятие которыми, по мнению законодателя, потенциально способно оказать негативное влияние на формирование личности несовершеннолетнего, развить у него антисоциальные наклонности и свойства. Каждый из этих видов характеризуется собственными количественными и качественными признаками,

поэтому нуждаются в самостоятельном рассмотрении. Но прежде отметим, что два первых названных в ст. 151 УК действия характеризуются обязательным для них признаком – систематичностью, сущность которого в уголовном законе не раскрывается.

В теории уголовного права под систематичностью понимается совершение лицом трех и более юридически тождественных противоправных актов, ни за одно из которых оно не подвергалось мерам уголовно-правового воздействия [1, с. 89]. В УК РСФСР 1960 г. «систематичность» выполняла двоякую роль: входила в основной состав преступления и являлась квалифицирующим признаком. Там, где признак систематичности включался в основной состав преступления, то лишь многократное (не менее трех раз) повторение одного и того же аналогичного противоправного акта могло образовать самостоятельное преступление. В таких случаях содеянное признавалось одним (единичным) преступлением, получившим в теории уголовного права наименование продолжаемого преступления [2, с. 81-91]. В случае же включения признака систематичности в квалифицированные составы, каждый составляющий систематичность противоправный акт сам по себе являлся самостоятельным преступлением.

В действующем уголовном законодательстве систематичность – это конструктивный признак преступлений против жизни (ст. 107 УК, ст. 110 УК), против здоровья (ст. 113 УК, ст. 117 УК), против семьи и несовершеннолетних (ст. 151 УК). В перечисленных статьях УК признак систематичности означает, что однократное или даже двукратное повторение совершения одного и того же (аналогичного) противоправного акта, в силу его низкой степени общественной опасности, не может быть признан преступлением и, следовательно, виновное лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности. Такое лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности и в случае истечения между эпизодами противоправного поведения относительно значительного промежутка времени. Вопрос о том, каким конкретно временным промежутком должен характеризоваться этот срок до сих пор остается открытым. Применительно к составу вовлечения несовершеннолетнего в систематическое употребление спиртных напитков и одурманивающих веществ этот вопрос должен решаться, на наш взгляд, или на законодательном уровне путем разъяснения признака систематичности в примечании к ст. 151 УК, или путем судебного толкования, но в любом случае на основе специальных, прежде всего

медицинских, знаний о механизме формирования в организме несовершеннолетнего зависимости от спиртных напитков и одурманивающих веществ. Так, по результатам медицинских исследований в случае ежедневного употребления одурманивающих веществ хроническая интоксикация у несовершеннолетнего возникает в течение нескольких (2-3) недель; однако развитие хронической интоксикации ускоряется, если употребление одурманивающих веществ происходит в течение нескольких часов или повторяется несколько раз в течение одного дня [3]. Поэтому, этот срок, на наш взгляд, должен исчисляться днями в течение одного месяца. Мнение это основывается на том, что виновный, вовлекая несовершеннолетнего в систематическое употребление спиртных напитков или одурманивающих веществ, по сути, формирует у потерпевшего установку (привычку) на постоянное употребление спиртных напитков или одурманивающих веществ. Сформировать же такую установку можно лишь в результате совершения многократных противоправных актов, направленных на приобщение несовершеннолетнего к употреблению спиртных напитков или одурманивающих веществ, не отдаленных друг от друга длительным периодом времени.

Систематичность, таким образом, является критерием отграничения преступления от непроступного поведения. Установление ее признаков влияет на решение вопроса об уголовной ответственности.

Так, определением Судебной коллегии Верховного Суда РФ по делу Гараничевой приговор в части осуждения ее по ст. 210 УК РСФСР (ст. 151 УК РФ) с учетом требования ст. 10 УК РФ об обратной силе уголовного закона был отменен и дело производством прекращено по следующим обстоятельствам. Действия осужденной квалифицированы судом по ст. 210 УК РСФСР (ст. 151 УК РФ) как вовлечение несовершеннолетних в пьянство. Между тем, ст. 151 УК РФ предусматривает ответственность за вовлечение несовершеннолетних в систематическое употребление спиртных напитков. Системы в действиях виновной судом установлено не было [4, с. 16].

Вовлечение несовершеннолетнего в систематическое употребление спиртных напитков. Вовлечение в систематическое употребление спиртных напитков предполагает употребление несовершеннолетним напитков, содержащих этиловый спирт.

Вовлечение несовершеннолетнего в занятие бродяжничеством. Во второй части диспозиции ст. 151 УК вместо систематичности законодатель использует

понятие «занятие», распространяя его значение и на попрошайничество, придавая ему, таким образом, обобщающий смысл. В русском языке понятие «занятие» означает труд, дело, работу [5, с. 551]. В теории уголовного права данное понятие использовалось для раскрытия понятия «промысел», обязательным свойством которого признавался материальный результат, обеспечивающий виновного основным или дополнительным источником средств существования [6, с. 55]. В судебной практике советского периода времени под промыслом понималась систематическая деятельность, хотя «деятельность» по своему определению уже предполагает систему каких-либо действий. Таким образом, понятие «занятие», вовлечение в «занятие» по смыслу и фактически соответствует понятию деятельности, являющейся в реальной действительности источником средств существования бродяг и попрошаек, а также и лиц, вовлекающих их в это занятие.

Вовлечением в бродяжничество признаются такие действия взрослого лица, которые направлены на приобщение несовершеннолетнего к систематическому, постоянному перемещению из одного населенного пункта в другой, из одной местности в другую либо к скитанию в пределах одной местности (города, района, округа) с существованием за счет случайных заработков, хищений или попрошайничества [7, с. 89]. Занятие бродяжничеством характеризуется рядом специфических признаков. К ним относятся: 1) скитальческий образ жизни (перемещение в течение более или менее продолжительного периода времени из одного населенного пункта в другой либо в пределах одной местности, например, города); 2) отсутствие во время скитания постоянного места жительства и обитание в местах, не предназначенных для проживания людей; 3) отсутствие постоянного места работы. Для уголовной ответственности необходимо установление всех этих трех признаков в совокупности, причем процессуально фиксированных.

Таким образом, эффективность уголовно-правовой борьбы, как известно, во многом зависит от правильной квалификации преступления, в том числе единообразного понимания и точного применения норм уголовного законодательства.

Библиографический список:

1. Трайнин А.Н. Уголовное право РСФСР. Особенная часть. – Л., 1925. С. 158; Кривошеин П.К. Повторность в советском уголовном праве. Теоретические и практические проблемы. – Киев, 1990.

2. Кривошеин П.К. Практика применения уголовного законодательства по делам о продолжаемых преступлениях. – Киев, 1990.
3. <http://add.net.ru/articles/20010319114936.html> (дата общ.: 18.04.2021).
4. Бюллетень Верховного Суда РФ, 1998, № 4. 21.
5. Словарь русского языка в 4-х томах. Т. 1. - М, 1985. 1.
6. Кривошеина С.Ш., Канубриков В.А. Преступления против семьи и несовершеннолетних. 2-е изд., перераб. и доп.: Учебное пособие. – Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2020.
7. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть/ под ред. Б.Т. Разгильдиева и А.Н. Красикова. – Саратов, 1999.

© В.А. Канубриков, 2021

Касаев Ильяс Хамзатович,
доцент кафедры уголовного права УНК по ПС в ОВД
Волгоградской академии МВД России, к.ю.н., доцент

НЕЗАКОННЫЕ ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ АЗАРТНЫХ ИГР: КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ

Смена социально-экономического строя в Российской Федерации от государственной централизованной к рыночной, обусловленная развалом СССР, происходило в сложных экономических и правовых условиях, что вызвало рост преступлений экономической направленности [1, С.66].

В современной России по данным официальной статистики наблюдается устойчивое снижение количества зарегистрированных преступлений (см. рис.1).

Однако данная тенденция не находит свое отражение по преступлениям, предусмотренным ст. 171.2 УК РФ «Незаконные организация и проведение азартных игр» (см. рис.2).

Отсутствие показателей зарегистрированных преступлений по ст. 171.2 УК РФ в 2011 году обусловлено тем, что уголовная ответственность за организацию и проведение азартных игр с нарушением установленных правил осуществления подобной деятельности была введена Федеральным законом от 26 июля 2011 г. № 250-ФЗ (ст. 171.2 УК). До этого времени такие деяния подпадали под действие ст. 171 УК РФ, будучи разновидностью незаконного предпринимательства [2].

Сравнительный анализ данных количества выявленных уголовно-наказуемых деяний по ст. 171.2 УК РФ и лиц их совершивших показывает (см. рис. 3), что, несмотря на снижение числа совершенных преступлений после 2017 года (см. рис.2), темп прироста выявленных лиц их совершивших, по сравнению с аналогичным периодом прошлого года составляет 10,5%.

С учетом того, что, к примеру, в 2020 году на 924 зарегистрированных преступлений выявлено 1653 лиц их совершивших, необходимо констатировать тот факт, что, в большинстве случаев, преступления, предусмотренные ст. 171.2 УК РФ совершаются участниками организованных преступных группировок.

Игорный бизнес как отдельный вид деятельности, направленный на систематическое получение прибыли от предоставления услуг по организации и проведению азартных игр, стал активно развиваться в нашей стране в конце XX века, получив широкую популярность во всех слоях российского общества [3, С. 68].

Азартные игры являются достаточно распространенным социальным и в отдельных случаях негативным явлением, так как чаще всего проводятся вне закона, вызывают у людей зависимость и способны наносить вред охраняемым общественным отношениям. Основной целью организатора подобных игр является получение сверхприбыли от их проведения. Для достижения указанной цели в процесс игры вовлекается как можно большее количество людей [4]. Данное обстоятельство привело к тому, что в начале XXI в. в нашей стране казино, игровые клубы и автоматы встречались, образно говоря, на каждом шагу. По оценкам исследователей в 2005 г. на территории Российской Федерации функционировало около 5 000 игровых столов и 400 000 игровых автоматов. Число занятых в игровой индустрии людей, согласно экспертным оценкам, в 2005-2006 гг. приблизительно равнялось 550 тыс. человек [5].

Столь бурное развитие и процветание игорного бизнеса породило целый спектр социальных и экономических проблем, потребовавших незамедлительных властных решений. Чтобы уберечь население Российской Федерации от пагубного влияния азартных игр, в целях защиты нравственного здоровья людей, обеспечения и защиты прав и законных интересов несовершеннолетних граждан остро встал вопрос принятия законодательства, регулирующего деятельность по организации и проведению на территории нашей страны азартных игр.

Результатом стало принятие Федерального закона [6], который определил правовые основы регулирования на государственном уровне деятельности по проведению и организации азартных игр на территории государства и установил запреты и ограничения на осуществление данного вида деятельности. Принятый закон существенно ограничивает азартную деятельность, разрешая ее исключительно в рамках шести игорных зон, а также исключает возможность посещения игорного заведения лицами несовершеннолетнего возраста.

Данное обстоятельство «заставило» организаторов игорного бизнеса обратить внимание на возможность использования информационно-телекоммуникационных сетей.

Безусловно, повсеместное развитие глобальной телекоммуникационной сети «Интернет» в России в последние десятилетия привело к распространению преступлений, ответственность за совершение которых установлена ст. 171.2 УК РФ [7, С. 47].

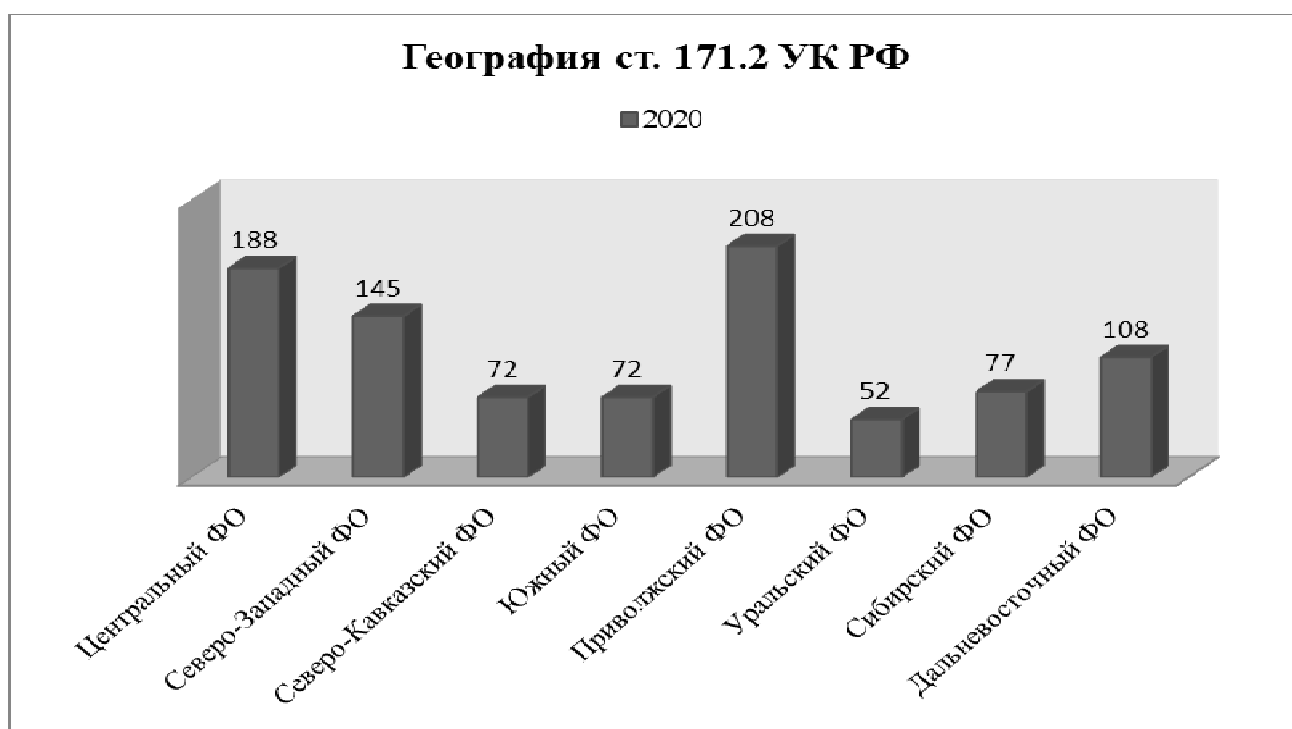
В условиях постоянного реформирования органов государственной власти, правоохранительных органов в современной России стала чрезвычайно актуальной проблема противодействия незаконной организации и проведению азартных игр с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Природа и специфичность вышеуказанной проблемы позволяет сделать вывод о сложности данного явления и необходимости детального изучения его внутренней сути, причин и условий (детерминант) возникновения в целях эффективного противодействия.

Для рассмотрения криминогенных детерминант преступлений, предусмотренных ст. 171.2 УК РФ, их можно разделить на две основные группы: социально-экономические и организационно-управленческие.

Социально-экономические. Охватив наиболее обеспеченные слои общества, игорный бизнес сегодня привлекает и менее обеспеченных граждан.

И это несмотря на то, что вследствие непродуманной, а зачастую просто преступной политики в процессе изменения социально-экономического уклада жизни общества основная масса населения страны и так вынуждена владеть жалкое, нищенское существование. Как показывает опыт, человек подвержен азарту независимо от уровня своего благосостояния. Для тех, кто не может себе позволить поход в казино, игровой бизнес предлагает «испытать удачу» на игровых автоматах. В мире они больше известны под названием «однорукие бандиты». В конце 90-х прошлого столетия – вначале 2000-х размещались эти игровые автоматы в местах наибольшего скопления людей, в магазинах, на остановках общественного транспорта, вблизи или внутри учреждений культуры [8], а в современной России – в информационно-телекоммуникационных сетях.

С учетом приведенных статистических данных особый интерес вызывает география преступности, т. е. распространение преступности на определенной территории за определенный промежуток времени. Анализ зарегистрированных преступлений, предусмотренных ст. 171.2 УК РФ, показывает, что их интенсивность неоднородна. Наибольшее число таких преступлений в 2020 году (70,4%) было зарегистрировано в Приволжском, Центральном, Северо-Западном и Дальневосточном федеральных округах (рис. 4)

На сегодняшний день в глобальной сети «Интернет» появилось большое количество интернет-сайтов, которые позволяют осуществлять ставки,

принимать участие в азартной игре и выводить выигранные денежные средства, находясь перед монитором компьютера. Указанные серверы быстро набрали популярность среди желающих участвовать в азартных действиях [9].

В азартных играх зачастую теряют контроль над собой и разоряются даже те люди, которые устояли перед массовым увлечением алкоголем. Мечтая о крупных выигрышах, граждане проигрывают пенсии, зарплаты, последние сбережения, дети тратят деньги своих родителей. Иногда это приводит к трагедиям. Разорившийся родитель ставит под удар благополучие своих детей. Чувство вины за проигранные семейные деньги может толкнуть ребенка из малообеспеченной семьи даже на самоубийство, такие случаи уже бывали [8].

Организационно-управленческие. Резкий рост киберпреступлений в России, часть из которых предусмотрена и ст. 171.2 УК РФ, отмечал и Министр внутренних дел РФ генерал полиции Владимир Колокольцев на заседании Совета Федерации в октябре 2020 года. С точки зрения министра «на общую раскрываемость негативно повлияло резкое увеличение количества посягательств, совершенных с использованием IT-технологий, и объективные сложности в установлении причастных к совершению таких преступлений лиц. Доля киберпреступлений в общем массиве повышается и достигла 23 процентов» [10].

Игорный бизнес в большинстве случаев является «детищем» организованных преступных группировок, имеющих транснациональную окраску и органы внутренних дел, да и вся правоохранительная система государства не может в полной мере эффективно и адекватно реагировать на их проявления в информационно-телекоммуникационных сетях.

Обусловлено это тем, что сайты, предоставляющие доступ к онлайн-играм, как правило, физически находятся за пределами Российской Федерации и зарегистрированы вне зоны «.ru» или «.rf», однако получать к ним доступ можно из любой точки России. Организаторы предлагают большой ассортимент азартных развлечений: от привычной всем игрокам рулетки до домино. Для привлечения игроков на тот или иной сервер новичку предлагается пробное участие в азартной интернет-игре без реальных денежных ставок. Здесь важно отметить, что прямого запрета для участников азартных интернет-игр в сети «Интернет» в законодательстве РФ не содержится, а все имеющиеся в законе запреты направлены только в отношении организаторов. При этом стать участником игры в интернет-казино может любой лицо, вне зависимости

от возраста, местонахождения и гражданства [9].

Эффективность противодействия преступлениям, предусмотренным ст. 171.2 УК РФ зависит от участия большого количества субъектов. Все они должны выступать в единой системе с общими целями и задачами, практикой сотрудничества и взаимодействия [11, С.133].

Переходя к мерам противодействия социально-экономического характера, следует понимать, что в обществе назрела необходимость пересмотра некоторых аспектов в этой сфере. Безусловно, деятельность государства может нести в себе значительный профилактический потенциал, если она будет направлена на разрешение противоречий в области экономики. Исходя из анализа причин и условий, в качестве социально-экономических мер предлагается:

- разработать программы на федеральном и региональном уровнях, направленные на обеспечение работоспособного населения вакансиями для реализации трудовой деятельности. Необходимо на федеральном уровне принимать меры по снижению степени «поляризации» населения по уровню доходов;

- усилить виктимологическую профилактику лиц, склонных к азартным играм;

- проводить беседы с населением, особенно с молодежью, о последствиях участия в азартных играх, так и в их незаконной организации.

Меры противодействия организационно-управленческого характера, заключаются в необходимости подготовить специалистов в области информационно-телекоммуникационных технологий. С учетом сложившейся ситуации заместитель министра внутренних дел России объявил о создании в структуре МВД России киберполиции. В ведомстве планируют сформировать структуры для борьбы с киберпреступлениями, собрав квалифицированных сотрудников по борьбе с IT-преступлениями [12].

В современной России в рамках противодействия размещению запрещенной информации в сети «Интернет» разработан механизм блокировки, который изложен в Постановлении Правительства РФ от 26 октября 2012 г. № 1101 «О единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской

Федерации запрещено» [13]. Основаниями для включения в единый реестр доменных имен и (или) указателей страниц сайтов в сети «Интернет», а также сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети, содержащие запрещенную информацию, являются: решения уполномоченных федеральных органов исполнительной власти или вступившее в законную силу решение суда о признании информации, распространяемой посредством сети «Интернет», запрещенной.

Уполномоченным федеральным органом исполнительной власти в отношении распространяемой посредством сети «Интернет» информации, нарушающей требования действующего законодательства о запрете деятельности по организации и проведению азартных игр с использованием сети «Интернет» и иных средств связи является Федеральная налоговая служба (далее ФНС).

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (далее Роскомнадзор) систематически осуществляет блокировку сайтов, которые связаны с проведением азартных игр, однако эта деятельность имеет ряд сложностей. Главная проблема заключается в том, что серверы, на которых размещены ресурсы с запрещенной законодательством Российской Федерации информацией, размещены в основном на территории других государств. Такие сервера, к сожалению, находятся вне зоны досягаемости Роскомнадзора.

Отдельного внимания требуют сайты для онлайн-просмотра фильмов и файлообменные ресурсы, пользующиеся широким спросом у населения страны, которые рекламируют и активно вовлекают новых игроков в игровой бизнес. Сложность противодействия заключается в способах обхода блокировки, широко известные ее пользователям, которые обусловлены устройством сети «Интернет». Прямые блокировки игорных сайтов и их зеркал российские игроки, к примеру, обходят при помощи интернет-плагинов, турборежимов, настройки DNS-адресов, VPN и браузера Tor.

Роскомнадзор часто оказывается бессилён в борьбе с этими средствами. Несмотря на то, что данная служба блокирует десятки тысяч доменов, IP-адресов и отдельных страниц, операторы онлайн-казино обходят запреты и российские пользователи продолжают играть.

Стратегия противодействия, основанная на решении законодателя уполномочить государственные органы России, такие как ФНС, Роскомнадзор и Генеральная прокуратура принимать решения о блокировании игорного сайта

(его доменного имени, адреса или IP-адреса сервера) без судебного решения позволяет на современном этапе лишь сдерживать «на социальном терпимом уровне» рассматриваемое социальное негативное явление.

Процедура блокировки игорного сайта, как и любого ресурса, содержащего запрещенный законодательством контент, проходит в следующем порядке: владелец или хостинг-провайдер соответствующего ресурса получает уведомление контролирующего органа о необходимости удаления запрещенного контента в течение трех суток. После удаления информации сайт исключается из реестра, в противном случае оператор связи ограничивает доступ пользователей к данному ресурсу [9].

Библиографический список:

1. Буров В.Ю., Атанов Н.И., Андриянов В.Н., Судакова Т.М. Теневая экономика и коррупция как формы проявления экономической преступности // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. №4. С.65-74.

2. Устинова Т.Д. Проблемы квалификации незаконных организации и проведения азартных игр [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Лихолетов А.А. Объективная сторона организации и проведения азартных игр с использованием игрового оборудования вне игорной зоны // Вестник Волгоградской академии МВД России. Выпуск 4 (23) 2012 : научно-методический журнал. – Волгоград : ВА МВД России, 2012. С. 68 - 73.

4. Иванова О.А. Азартные игры как угроза общественной нравственности // Молодой ученый. 2013. № 9. С. 299 - 302.

5. Ковтун Е. Как это было... взлет и... игорного бизнеса. Азартные игры и пари в современной России / Сайт «Ассоциация деятелей игорного бизнеса». URL: <http://vib.adib92.ru/main.mhtml?PubID=4084&Part=12> (дата обращения: 15.04.2019).

6. О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // СЗ РФ. 2007. № 1 (ч. 1). Ст. 7.

7. Лихолетов А.А. О криминализации отдельных деяний, связанных с азартными играми // Вестник Волгоградской академии МВД России. Выпуск

2 (29). 2014 : научно-методический журнал. – Волгоград : ВА МВД России, 2014. С. 47 – 54.

8. Медведев Ю.Г. Проблемы правового регулирования игорного бизнеса в России [Электронный ресурс]. URL: <http://federalbook.ru/files/FS/Soderjanie/FS-19/IV/Medvedev.pdf>. (дата обращения: 20.04.2021).

9. Степанов-Егиянц В.Г., Абазехова З.И. Борьба с онлайн-казино: правовые проблемы и перспективы [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Петров И. МВД: в РФ выросло число преступлений в интернете и в лесной сфере [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/10/07/mvd-v-rf-vyroslo-chislo-prestuplenij-v-internete-i-v-lesnoj-sfere.html> (дата обращения: 20.04.2021).

11. Репьева А.М., Шаганова О.М. Криминологическая характеристика преступности несовершеннолетних: детерминанты и меры предупреждения (на материалах Алтайского края) // Ученые записки Крымского федерального университета В.И. Вернадского. Юридические науки. 2018. Т.4 (70), №1. С.127-140.

12. Петров И. В структуре МВД создается киберполиция [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2020/12/18/v-strukture-mvd-sozdaetsia-kiberpoliciia.html> (дата обращения: 20.04.2021).

13. О единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено»: Постановление Правительства РФ от 26 октября 2012 г. № 1101 (ред. от 16.05.2020) // СЗ РФ. 2012. № 44. Ст. 6044.

© И.Х. Касаев, 2021

Клементьева Екатерина Сергеевна,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Эффективность в уголовном судопроизводстве является важным условием для достижения его назначения. Понятие эффективности уголовного судопроизводства является достаточно актуальным применительно как к предварительному расследованию, так и судебному разбирательству. Несмотря на то, что сущность этого понятия не является процессуальной, в научных работах процессуалистов как советского, так и настоящего времени интерес к проблеме эффективности той или иной деятельности, особенно с точки зрения ее совершенствования, остается неизменным.

Отметим, что термин «эффективность» не встречается в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 года, в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – УПК РФ) 2001 года первоначально он также не был закреплён. Появлению термина «эффективность» в УПК РФ мы обязаны Федеральному закону от 30.04.2010 года № 69-ФЗ, который дополнил систему принципов уголовного судопроизводства статьей 6.1 «Разумный срок уголовного судопроизводства». В данной норме эффективность рассматривается как одно из обстоятельств, влияющих на определение разумного срока уголовного судопроизводства, в связи с достаточностью и эффективностью действий суда, прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания, дознавателя (части 3, 3.1 и 3.3 ст. 6.1 УПК РФ). Далее, в часть 8 ст. 109 УПК РФ Федеральным законом от 02.09.2019 г. № 315-ФЗ были внесены изменения, которые включали в себя термин «эффективность» применительно к деятельности должностных лиц предварительного расследования. Таким образом, можно резюмировать, что термин «эффективность» в уголовном судопроизводстве появился в связи с включением нового принципа и тесно связан со необходимостью соблюдения сроков уголовного судопроизводства.

Происхождение слова «эффективность» латинское – от effectus – исполнение, действие; понятие эффективности связывают с результативностью процесса, степенью соизмерения результатов с затратами¹.

Мы видим постоянный интерес ученых к проблеме эффективности уголовного судопроизводства, которые предлагают свое понимание его сущности, разрабатывают различные подходы к его определению, видам эффективности применительно к конкретному процессуальному институту или исследуемой теме. Наряду с этим, единого подхода в определении эффективности нет, не выработаны критерии и сущностные характеристики понятия эффективности.

Заслуживает внимание определение, предложенное В.К. Зникиным, который предлагает под эффективностью предварительного расследования понимать уровень достижения цели и задач стадии предварительного расследования в результате законных, надежных, экономичных, оптимальных и рациональных организационных и процессуальных действий дознавателя и следователя, прокурора, начальника следственного отдела и начальника органа дознания².

А.Л. Стефанский конкретизирует эту дефиницию, связывая степень достижения целей и задач с необходимым учетом количественных и качественных показателей работы следователя или дознавателя, а также установлением истинных обстоятельств конкретного преступного события с минимальными затратами сил и средств³.

Мы полагаем, что критериями эффективности предварительного расследования, являются такие характеристики, которые повышают его результативность при условии соблюдения законности, сроков, прав и свобод участников уголовного судопроизводства, экономии сил и средств (разного качества, как физических, так и материальных). Таким образом, быстрота предварительного расследования, его экономичность не должны быть в ущерб его качеству, законности, обоснованности, справедливости.

¹ Словари. Толковый словарь русского языка/ URL: <https://ozhegov.slovaronline.com/search?s>. Дата обращения 28.10.2021 г.

² Зникин В.К. Понятие эффективности и качества предварительного расследования / Вестник Томского государственного университета. Право. - 2014. - № 1 (11). С. 26.

³ Стефанский А.Л. Понятие и сущность эффективности досудебного производства по уголовному делу // Вестник Воронежского института МВД России. - 2015. - № 3. С. 221.

С позиции оценки деятельности следователя, дознавателя по уголовному делу можно говорить о факторах, которые повышают ее эффективность и, наоборот, снижают. Под факторами эффективности в контексте рассматриваемой проблемы предлагаем понимать обстоятельства правового, материального, организационного, кадрового, финансового, информационного характера, которые способны оказывать влияние (положительное или негативное) на процессуальную деятельность следователя, дознавателя при производстве предварительного расследования.

Поскольку в объеме научной статьи все факторы эффективности рассмотреть не представляется возможным, попробуем на примере практической деятельности следственных подразделений рассмотреть некоторые факторы, повышающие эффективность их работы.

В первую очередь следует отметить факторы, затрагивающие процессуальную форму. Что нам поможет оптимизировать предварительное расследование? Такая форма предварительного расследования, как сокращенная форма дознания, в полной мере отвечает его эффективности. Не менее эффективным представляется процессуальный институт досудебного соглашения о сотрудничестве. Рационализации и целесообразности способствуют такие общие условия предварительного расследования, как соединение уголовных дел, выделение уголовного дела. Об экономии сил и средств в уголовном судопроизводстве можно говорить при принятии решения об окончании предварительного расследования в виде прекращения уголовного дела, особенно по таким основаниям, как примирение сторон, назначение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, в связи с деятельным раскаянием, в связи с возмещением ущерба.

Оптимизации и качеству предварительного расследования способствуют также процессуальные и организационные формы взаимодействия следователя с оперативными подразделениями, в частности, совместный план оперативных и следственных действий по уголовному делу, оперативное сопровождение расследования. К подобным обстоятельствам, способствующим повышению эффективности, следует отнести создание следственных групп по сложным, многоэпизодным уголовным делам.

Ведомственный и судебный контроль, прокурорский надзор за деятельностью органов предварительного расследования являются важными средствами повышения эффективности деятельности указанных органов.

Вопрос эффективности предварительного расследования в настоящее время приобретает новое качество в связи с активной цифровизацией общества, вводом новых технологий, электронного документооборота.

Как положительный фактор следует рассматривать использование телекоммуникационной сети «Интернет». Особенно в этой связи следует отметить создание в МВД России единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности (ИСОД). С помощью сервисов ИСОД – СЭП (сервиса электронной почты) и СЭД (сервиса электронного документооборота) следователи осуществляют пересылку, отправку, документов, что существенно сокращает время направления и получения ответов. Использование следователями электронной цифровой подписи также служит упрощению документооборота и пересылки документов. С помощью информационных баз данных (региональных и федеральных) упрощается получение необходимых сведений по уголовному делу, например, о судимости лица.

К перспективным направлениям совершенствования правового регулирования в области повышения эффективности предварительного расследования следует отнести необходимость распространить с соответствующим информационным обеспечением действие положений части 1 статьи 474.1 УПК РФ «Порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве» на сферу досудебного производства, создать условия для подачи ходатайства, заявления, жалобы в форме электронного документа, подписанного лицом, направившим такой документ, электронной подписью в соответствии с законодательством Российской Федерации, посредством заполнения формы, размещенной на официальном сайте органа предварительного расследования в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Сокращению сроков расследования, экономии сил и средств будет способствовать законодательное закрепление возможности использования видеоконференц-связи для допроса участников уголовного судопроизводства в случае невозможности их явки, нахождения вне места предварительного расследования, подобно правилам, установленным для рассмотрения дела в суде.

Также перспективным направлением совершенствования формы предварительного расследования в этом плане представляется перевод материалов уголовных дел в электронную форму или оцифровка уголовных дел, примером может служить зарубежный опыт Казахстана, Азербайджанской республики, Молдовы, Армении.

Наряду с позитивными факторами следует назвать ряд факторов, снижающих эффективность предварительного расследования, они могут быть как внутренние (зависящие от субъектов расследования), так и внешние (соответственно не зависящие от субъектов расследования).

К внутренним факторам относятся нарушение процессуальных сроков, незаконные и необоснованные решения о приостановлении или прекращении предварительного расследования, неполнота расследования, несвоевременное или неграмотное применение мер процессуального принуждения. Большой объем технической работы, не требующей высокой квалификации, но занимающей достаточный объем времени, связанной с заполнением статистических карточек и внесением их в ГАС (государственную автоматизированную систему) «Правосудие», ксерокопированием документов, (например, копии обвинительного заключения для вручения обвиняемому (обвиняемым)). Положительным шагом в этом направлении могло бы стать введение в штат следственных подразделений должности помощника следователя, в идеале – для каждого следователя.

Из внешних факторов отметим, что сроки производства экспертиз по уголовным делам необоснованно затягиваются, в связи с чем необходимо на законодательном уровне установить четкие сроки производства экспертиз.

Возникают сложности при получении сведений или выемки предметов, документов на основании судебного решения в кредитных (банки) и коммерческих организациях, предоставляющих услуги связи (сотовые операторы), в связи с чем имеется необходимость наладить взаимодействие с этими организациями.

Таким образом, отмечаем несомненную важность для предварительного расследования определенных обстоятельств, которые повышают его эффективность. При этом обязательным условием должны оставаться соблюдение законности, сроков, прав и свобод участников уголовного судопроизводства, экономии сил и средств. В деятельности органов предварительного расследования необходимо развивать факторы, способствующие его эффективности, и минимизировать влияние факторов, снижающих его эффективность.

Библиографический список:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. // Собрание законодательства Российской Федерации – 2001. - № 52. – ст. 4921 (с посл. изм. и доп.).

2. Зникин, В.К. Понятие эффективности и качества предварительного расследования /В.К. Зникин // Вестник Томского государственного университета. Право. - 2014. - № 1 (11). - С. 25-31.

3. Словари. Толковый словарь русского языка / URL: <https://ozhegov.slovaronline.com/search?s>. Дата обращения 28.10.2021 г.

4. Стефанский, А.Л. Понятие и сущность эффективности досудебного производства по уголовному делу / А. Л. Стефанский // Вестник Воронежского института МВД России. - 2015. - № 3. - С. 220-224.

© Е.С. Клементьева, 2021

Колосович Марина Сергеевна,
профессор кафедры уголовного права УНК по ПС в ОВД
Волгоградская академия МВД России,
доктор юридических наук, доцент

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ НЕГЛАСНОГО ХАРАКТЕРА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

В 2015 г. представители нижегородской школы права, под руководством доктора юридических наук, профессора А.С. Александрова, предложили научному сообществу для обсуждения, по сути, революционную «Доктринальную модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации» [2, с. 17-81].

В соответствии с названной моделью следователь должен по сути превратиться в оперуполномоченного, а уголовная федеральная полиция стать неким аналог ФБР, наделенная правом производства гласных и тайных следственных действий, «обслуживающая» процессуальные интересы прокурора. Для этого следователя предлагается наделить правом производства не только гласных, но и тайных следственных действий, называемых в документе также негласными. По замыслу авторов, производство тайных следственных действий должно осуществляться на любой стадии уголовного судопроизводства (кроме

зала судебного заседания) и без информирования лиц, чьи интересы будут затронуты их производством.

Природа такой новации понятна. Определенным катализатором интереса отечественных ученых к рассматриваемому вопросу стало придание процессуального статуса негласной деятельности по уголовному делу во многих странах мира. Б.Б. Булатов и В.В. Николюк обратили внимание на растущее в мире значение результатов негласных мероприятий в доказывании при раскрытии и расследовании сложных, тщательно замаскированных и подготовленных преступлений. С одной стороны государства стремятся закрепить в уголовно-процессуальном законодательстве общие правила использования в доказывании негласной информации о преступлении и преступнике, а с другой – сформировать в судебском корпусе терпимое и лояльное к ней отношение [1, с. 116].

В частности, в 1992 г. УПК ФРГ был дополнен правом применения лицом, осуществляющим расследование, негласных методов и средств, по своей сути аналогичных ОРМ. Изменения УПК немецкие ученые сначала связали с необходимостью повышения эффективности борьбы с террористической преступностью, а позже и с организованной (рис. 1).

Система следственных действий по УПК ФРГ	
Следственные действия	Негласные следственные действия
1. Осмотр 2. Освидетельствование 3. Экспертиза 4. Допрос 5. Очная ставка 6. Опознание 7. Обыск 8. Выемка	1. Автоматическое сравнение и передача личных данных 2. Выемка почтово-телеграфных отправок 3. Контроль телекоммуникации 4. Прослушивание и запись при помощи технических средств разговоров или высказываний в жилище или за его пределами 5. Получение информации о связи в рамках телекоммуникации, иные меры, применяемые без ведома лиц, интересы которых они затрагивают 6. Установление номера прибора мобильного телефона и его местонахождения, номера его карты 8. Скрытое расследование, осуществляемое штатным негласным сотрудником полиции 9. Всеобщая розыскная полицейская проверка 10. Наблюдение через контрольные посты полиции за обвиняемым и лицом его сопровождающим 11. Долгосрочное наблюдение за лицом совершившим преступное деяние, имеющее важное значение

Названные изменения обусловили появление в ФРГ новой системы следственных действий, дифференцированной на две группы: это традиционные для нас следственные действия и негласные следственные действия.

О сущности негласных следственных действий во многом «говорит» тот факт, что свое нормативное выражение они получили не только в УПК, но и в законах, регламентирующих деятельность оперативных подразделений полиции, однако называемых там тайными действиями, производство которых уполномочены осуществлять лишь частные детективы или разведывательные службы Германии. Двойная нормативная регламентация положений разной отраслевой принадлежности, казалось бы идентичных действий, назвать дублированием нельзя. К основным отличиям негласных следственных действий от тайных действий можно отнести запрет использования последних в уголовном судопроизводстве в качестве доказательств и наличие дополнительных процессуальных механизмов обеспечения прав участников негласных следственных действий.

Обновление УПК было подвергнуто критике со стороны населения и, даже, высших чинов Германии и 23-х стран Европейского Союза. Основным недостатком новшеств было названо несовершенство норм, не способных исключить злоупотребления со стороны исполнителей негласных следственных действий и отсутствие требований уведомления заинтересованных лиц о том, какие сведения о них собираются и, что немаловажно, как потом используются.

В целях устранения названных несоответствий, комментируемые положения корректировались 4 раза. В итоге, положения не просто сохранились, но и проявили свою эффективность. Со слов немецких ученых не менее 30% доказательств, на которые ссылаются суды в своих решениях, были получены именно в результате применения негласных методов расследования. Отметим и еще один немаловажный факт – в год на 100 тысяч населения Германии в среднем приходится менее 1-го убийства. Для сравнения – в России данный показатель равен 9,2.

В 2005 г. по сути аналогичная классификация следственных действий закрепляется Уголовно-процессуальным законом Латвийской Республики (гл. 11), в 2012 г. УПК сразу 4 стран дополнились положениями о негласной деятельности по уголовному делу – Китайская Народная Республика (раздел VIII гл. 2), Республика Молдова (ст. 132.1-132.17), Украина (гл. 21) и Эстонская Республика (гл. 3¹). В 2014 г. рассматриваемые положения появились в УПК

Грузии (гл. XVI¹), в 2015 г. в УПК Республики Казахстан (гл. 30), в 2019 г. в УПК Киргизской Республики (гл. 31).

Необходимо отметить, что процессуальная регламентация негласных методов и средств расследования можно встретить в уголовно-процессуальном законодательстве многих стран мира (Армения, Бельгия, Болгария, Государства Латинской Америки и Карибского бассейна, Греция, Литва, Франция, Швейцария и др.).

Таким образом, в последние десятилетия в мире сложилась практика интегрирования в УПК норм оперативно-розыскного законодательства, предоставивших право производства, в рамках осуществляемого расследования, ранее несвойственных уголовному судопроизводству негласных методов и средств оперативной работы.

Анализ уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства названных стран позволило сделать следующие выводы.

Во-первых, выявлено три основные модели интегрирования норм оперативно-розыскного законодательства в уголовно-процессуальное: 1) фактическое дублирование норм оперативно-розыскного законодательства (как в Молдове); 2) полное перемещение норм оперативно-розыскного законодательства в УПК (как в Эстонии); 3) переадресация в положениях УПК к нормам оперативно-розыскного законодательства (как в Армении).

Второй вывод. Процессуальное закрепление принципиально новых следственных действий (называемых негласными, тайными или специальными): 1) производимых с применением познавательных приемов оперативно-розыскного характера; 2) инициированных лицом, уполномоченным осуществлять расследование, но производимых сотрудниками оперативных и оперативно-розыскных подразделений (как в Грузии, Китае, Латвии и ФРГ) и/или самим следователем (как на Украине, в Казахстане и Киргизии).

Третий вывод. Особенностью рассматриваемой негласной деятельности стало временное сохранение в тайне от участников процесса самого факта ее производства и полученных результатов (рассматриваемых в качестве полноценных доказательств), а также создание в качестве компенсационных мер дополнительных процессуальных гарантий обеспечения их прав, базирующихся на принципах уголовного судопроизводства, в том числе на принципе гласности.

Четвертый вывод. Несмотря на незначительные, но все-таки различия в предложенных законодателями определениях негласных действий, а также на наличие некоторых особенностей национального законодательства (наложивших свой отпечаток на содержание и порядок их производства), очевидна схожесть уголовно-процессуального законодательства Армении, Грузии, Казахстана, Китая, Киргизии, Латвии, Молдовы, Украины, ФРГ и Эстонии, закрепившего двуединую систему процессуального инструментария должностного лица, уполномоченного осуществлять расследование по делу, выделившего гласные следственные действия и негласные действия в виде негласных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий.

В пятых, выделено 11 признаков, присущих комментируемым негласным следственным действиям:

1) при их производстве применяются негласные методы и средства, по своей сути фактически идентичных ОРМ;

2) их производство ограничивает признанные мировой общественностью фундаментальные права и свободы человека и гражданина;

3) как правило, они применяются при расследований тяжких и особо тяжких преступлений;

4) их производство направленно на выяснение обстоятельств подлежащих доказыванию в уголовном судопроизводстве, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, когда другими следственными действиями их установление не возможно, существенно затруднено или связано с непропорциональным расходом сил и средств;

5) их производство инициируется лицом, осуществляющим предварительное расследование;

6) как правило, их производство возможно только после разрешения следственного судьи и/или прокурора, при этом их производство осуществляется уполномоченными оперативными подразделениями, а в некоторых случаях и лицом осуществляющего расследование;

7) они производятся в отношении участников уголовного судопроизводства;

8) лица, чьи права и свободы были затронуты их производством, информируются о факте их производства, знакомятся с результатами, приобщенными к материалам уголовного дела после завершения производства этих действий или по окончании расследования;

9) результаты их производства оформляются протоколом и рассматриваются как полноценное доказательство по делу, не требующее дополнительных или специализированных процедур легализации;

10) их производство сопряжено с сохранением тайны частной жизни лиц и иной охраняемой законом информации ограниченной доступности;

11) факт применения, а также не приобщения их результатов к материалам уголовного дела может быть обжалован в судебном порядке лицами, права и свободы которых были затронуты их производством.

По мнению представителей как оперативно-розыскного, так и уголовно-процессуального права, в отечественном уголовном судопроизводстве, также имеется положения, регламентирующие производство негласных следственных действий.

Поддерживая данную позицию, предлагаем своё видение процессуальной регламентации в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве деятельности следователя, затрагивающей аспекты негласности.

В зависимости от наделения следователя правом или обязанностью сохранения в тайне факта производства действий, характера применяемых тактических приемов, методов и средств, а также необходимости привлечения сотрудников оперативных и оперативно-технических подразделений, действия следователя негласного характера классифицированы нами на три группы.

К первой группе, названной нами, негласные следственные действия, отнесены следственные действия, имеющие ярко выраженный оперативно-розыскной характер, сущность и порядок производства которых максимально приближен к ОРМ, закрепленных в оперативно-розыскном законодательстве и получивших свое нормативное выражение в УПК многих стран мира.

Это:

1) наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка (ст. 185 УПК РФ);

2) контроль и запись переговоров (ст. 186 УПК РФ);

3) получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ).

Во вторую группу, названную относительно негласные действия следователя, включено:

- сохранение в тайне факта задержания подозреваемого (ч. 4 ст. 96 УПК РФ);

- наложение ареста на имущество (ст. 115 УПК РФ);
- обыск (ст. 182 УПК РФ);
- выемка (ст. 183 УПК РФ);
- запрет на predание гласности данных предварительного расследования (ст. 161 УПК РФ);

В третью группу отнесена деятельность следователя, осуществляемой на основе конфиденциальности, а именно производство негласных процессуальных действий, связанных с применением мер по обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства, в том числе при реализации норм института досудебного соглашения о сотрудничестве. Правовая природа этих действий имеет существенное отличие от ранее рассмотренной нами негласной деятельности по уголовному делу. В понятии конфиденциальности, как и в понятии негласности, присутствует «роднящий» их элемент, а именно «тайна» или «секретность». Между тем вряд ли можно ставить знак равенства между ними, поскольку конфиденциальность буквально означает сообщаемое в виде тайны, по доверию.

В отличие от ранее перечисленных НСД факт применения мер обеспечения безопасности для непосредственных участников этой деятельности осуществляется для них открыто на условиях доверия к следователю. Более того, их производство возможно только при наличии согласия защищаемых лиц.

Данная деятельность предполагает следующие элементы сокрытия от других участников процесса действий:

1) в протоколе следственного действия указывается псевдоним, а не фактические данные о личности потерпевшего или свидетеля (ч. 9 ст. 166 УПК РФ);

2) по письменному заявлению потерпевшего, свидетеля или их близких родственников, родственников, близких лиц, без судебного разрешения, производится контроль и запись переговоров (ч. 2 ст. 186 УПК РФ);

3) производство опознания лица осуществляется в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым (ч. 8 ст. 193 УПК РФ);

В ходе судебного разбирательства осуществляется

4) допрос в судебном заседании без оглашения подлинных данных о личности свидетеля, а также в условиях, исключающих его визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства (ч. 5 ст. 278 УПК РФ);

5) указание в приговоре не реальных данных потерпевшего и свидетеля, а их псевдонима (ст. 303 УПК РФ);

б) производство закрытого судебного разбирательства (п. 4 ч. 2 ст. 241 УПК РФ).

Библиографический список:

1. Булатов Б. Б., Николюк В. В. Меры уголовно-процессуального принуждения (по главе 14 УПК России). М.: Спарк, 2003.

2. Доктринальная модель уголовно-процессуального доказательственного права Российской Федерации и комментарии к ней / А. С. Александров [и др.]. М., 2015.

© М.С. Колосович, 2021

Колосович Марина Сергеевна,
профессор кафедры уголовного права УНК по ПС в ОВД
Волгоградская академия МВД России,
доктор юридических наук, доцент

ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ В ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

В научной литературе разной отраслевой принадлежности транспарентность, как правило, отождествляется с доступностью информации и информационной открытостью органов государственной власти, органов местного самоуправления и их должностных лиц (далее – органы государственной власти), позволяющей обществу контролировать ее публичную деятельность.

Имея латинские корни происхождения, термин «транспарентность» встречается практически во всех языках Европы, как правило, означая прозрачность, ясность и понятность.

Анализ нормативной регламентации вопросов транспарентности в странах Европы, Азии и Америки позволил сделать вывод, что независимо от правовой семьи или отраслевой принадлежности, в законодательстве разных стран мира уделено значительное внимание вопросам транспарентности деятельности органов государственной власти, а в некоторых случаях закреплено требование о создании транспарентной среды, т.е. среды, в которой

гражданскому обществу доступна общественно значимая информация ст. 3 и 7 Кодекса надлежащей практики по обеспечению прозрачности в денежно-кредитной и финансовой политике [6].

Если говорить о нормативном закреплении соответствующих положений в российском законодательстве отмечу их наличие в Конституции, соглашениях и законах Российской Федерации [4], а также в законах субъектов Российской Федерации [5]. Так, части 4 и 5 ст. 29 Конституции Российской Федерации закрепили право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом и гарантировали свободу массовой информации. В ч. 2 ст. 24 Конституции Российской Федерации закреплена обязанность органов государственной власти обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом.

При этом к общественно значимой информации законодатели отнесли данные: 1) о принятых нормативных правовых актах, процедуре и целях их принятия, порядке и пределах их действия; 2) о нормативной регламентации деятельности органов государственной власти, порядке их формирования и структуре; 3) о прошлой, текущей и прогнозируемой публичной деятельности органов государственной власти, порядке и процедуре этой деятельности; 4) о наступивших и прогнозируемых результатах деятельности органов государственной власти; 5) о процедуре принятия решений должностными лицами, о самих решениях, мотивах и аргументах их принятия, порядке реализации и обжалования; 6) о функциях и задачах органов государственной власти, полномочиях и ответственности их должностных лиц; 7) о правах, обязанностях, ответственности и рисках лиц, являющихся участниками общественных отношений, или лиц, интересы которых затрагиваются или могут быть затронуты этой деятельностью.

Указанная информация должна предоставляться на основе принципов полноты, понятности, доступности и своевременности. При этом, четкость нормативной регламентации функций, полномочий, самой деятельности органов государственной власти рассматривается отечественным законодателем и законодателями других стран, как средство, способствующее проверке правомерности их деятельности, обеспечивая ее стабильность, ясность

и понятность, а значит, недвусмысленность и предсказуемость.

Здесь отметим, что в проанализированном законодательстве к адресату транспарентности, как правило, применяются термины «общество», «общественность», «широкая общественность», «представители общественности», «люди», а также «граждане и организации», имея в виду а priori существующую потребность всех и каждого иметь адекватное представление о легитимности функционирования органов государственной власти, т.е. неограниченный круг лиц.

В ходе исследования нами выявлена еще одна группа получателей информации – это физические или юридические лица, являющиеся участниками общественных отношений, т.е. лица, чьи интересы непосредственно затрагиваются деятельностью органов государственной власти, в связи с чем наделенных правом получения указанной информации.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что комментируемое информирование имеет две направленности – внешнюю и внутреннюю, обусловив дифференциацию транспарентности на два вида.

Соответственно, к первому виду транспарентности, названной нами транспарентностью для неограниченного круга лиц, отнесена реализация права получения информации о деятельности органов государственной власти каждым лицом без исключения, независимо от того, является он участником общественных отношений или нет.

Ко второму виду транспарентности, названной нами транспарентностью для участников общественных отношений, отнесена реализация права получения информации о деятельности органов государственной власти лишь определенной группой лиц, только лиц являющихся участниками общественных отношений, лиц, чьи непосредственные интересы затрагиваются или могут быть затронуты этой деятельностью и в связи с этим наделенных правами и обремененных обязанностями, а также несущих риски и ответственность за нарушение прав или невыполнение обязанностей, обязательств или договоренностей.

Целью рассматриваемой деятельности является обеспечение названных лиц информацией, необходимой для осуществления ими контроля за деятельностью органов государственной власти, оценки ее результатов и эффективности, а также для обеспечения высокого уровня ответственности ее исполнителей, создавая условия обеспечения прав участников общественных отношений.

Изучив содержание транспарентности деятельности органов государственной власти, возникает вопрос – имеются ли соответствующие положения в уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации? Анализ положений отечественного УПК через призму положений о транспарентности позволяет на поставленный вопрос можно ответить только да.

Более того, транспарентность (и внешняя, и внутренняя) свойственна всем стадиям уголовного судопроизводства, в рамках которого и общество, и его участники должны быть информированы о действиях государственных правоохранительных и судебных органов, их должностных лиц в связи с осуществляемым расследованием, рассмотрением уголовного дела в суде и исполнением приговора, поскольку в сфере уголовно-процессуальных отношений они являются не только участниками процесса, но и частью системы органов государственной власти. Соответственно озвученные характеристики транспарентности должны быть распространены и на деятельность названных органов.

На сегодняшний день, интенсивное развитие общественных отношений и демократических институтов страны воспитало у гражданского общества потребность в получении достоверной информации о деятельности государственных судебных и правоохранительных органов. Федеральные законы и ведомственные нормативные предписания обязывают обеспечить свободный доступ населению до данных:

- о функциях, задачах, структуре, кадровом обеспечении, руководителях, полномочиях, месте расположения, госпрограммах, проектах и планах работы;
- о правовых актах, регламентирующих их деятельность, статистических данных и аналитике, об уровне преступности и степени защищенности населения от противоправных посягательств, результатах и эффективности этой деятельности;
- о фактах совершения конкретных преступлений, в производстве какого территориального органа находится уголовное дело, какое должностное лицо осуществляет расследование или судебное разбирательство, поддерживает государственное обвинение, кто подсудимый и потерпевший, дата и место судебного разбирательства, адрес его онлайн трансляция;
- о вынесенных судом решений и данных об их обжаловании;
- и другое.

Приведенная информация дифференцирована нами:

1) на общую информацию о государственных судебных и правоохранительных органах как органах государственной власти;

2) на информацию о деятельности государственных судебных и правоохранительных органов по конкретному уголовному делу.

Благодаря транспарентности для неограниченного круга лиц потребность общества в такой информации удовлетворяется посредством:

1) размещения в открытом доступе нормативных правовых актов (проектов), регламентирующих деятельность названных органов;

2) систематического и оперативного обнародование данных в официальных печатных изданиях, на официальных веб-сайтах в сети «Интернет»;

3) отчетов (очных выступлений) в законодательных (представительных) органах, перед собранием граждан;

4) ответов на запросы граждан, организаций и СМИ, во время личного приема, при проведении мероприятий с участием граждан, по телефонам справочной службы;

5) проведения информационно-разъяснительной работы в СМИ;

6) обеспечения доступа к архивным фондам и электронным базам текстов судебных актов;

7) размещения в помещениях указанных органов и других общедоступных местах информационных памяток, буклетов, писем, плакатов, баннеров.

Значение предоставления указанной информации трудно переоценить. Например, о легитимности деятельности государственных судебных и правоохранительных органов позволяет судить информация о том каким правоохранительным органом возбуждено уголовное дело и кем осуществляется расследование или судебное разбирательство, в производстве какого должностного лица оно находится, каков порядок судопроизводства и каковы итоги этой деятельности?

Данные об образовании судьи, стаже работы, возрасте, биографии, отчеты о деятельности органов дисциплинарного типа и т.д. позволяют оценить его профессиональную квалификацию и деловой опыт, соответствие квалификационным требованиям, предъявляемым к занимаемой должности, объективность и беспристрастность осуществляемой деятельности по уголовному делу.

Примером важности названной информированности является уголовное дело, возбужденное несколько лет назад в отношении, теперь, экс-начальника Судебного департамента Волгоградской области Владимира Безродного,

которое вызвало в СМИ [3] много споров относительно возможности обеспечения объективности и беспристрастности предстоящего судебного разбирательства. В целях купирования возможных сомнений в справедливости правосудия уголовное дело было передано на рассмотрение в один из районных судов Астраханской области.

Еще один пример. В 2019 году возникли сомнения относительно безупречности проведения доследственной проверки достоверности подписей избирателей, предоставленных для регистрации кандидатами в депутаты Мосгордумы. Для устранения возникших сомнений в СМИ было распространено интервью [7] главного почерковеда ГУ МВД России по Москве, разъяснившей основания, порядок и методику производства почерковедческой экспертизы, критерии оценки предоставленных для исследования образцов. Кроме того, было сообщено о соответствии членов экспертной комиссии квалификационным требованиям, о предупреждении их об уголовной ответственности за предоставление заведомо ложного заключения, озвучены факты выявления подделок подписей, дана оценка объективности и достоверности сделанных выводов.

Приведенные примеры позволяют утверждать, что организационная и уголовно-процессуальная деятельность правоохранительных органов представляют собой определенное единство, поскольку любое нарушение принципов организации их деятельности неминуемо влечет нарушение принципов уголовного судопроизводства.

Представляется, что рассмотренное информирование также может осуществляться следователем в рамках п. 2 ч. 4 ст. 161 УПК РФ. Более того, проведенное нами анкетирование показало, что 47% опрошенных следователей и 89% их руководителей отметили систематичность информирования ими населения через СМИ не только о ходе расследования, но и о нормативных правовых актах, регламентирующих деятельность по уголовному делу, квалификации содеянного, об уровне профессионализма привлеченных к расследованию специалистов и экспертов и т.д.

К сожалению, транспарентность для неограниченного круга лиц в отечественном УПК регламентации фактически не получила. Исключением стала ст. 8.1, где в качестве принципа уголовного судопроизводства закреплена обязанность суда размещать на официальном сайте в сети «Интернет»

информацию о поступивших внепроцессуальных обращениях по уголовным делам, находящихся в его производстве.

Между тем, например, в УПК ФРГ закреплена обязанность Федеральных земель и Федерального Генерального прокурора ФРГ ежегодно предоставлять обзор о количестве уголовных производств, в рамках которых был осуществлен негласный контроль телекоммуникаций, о количестве вынесенных соответствующих постановлений и совершенных преступлений, для расследования которых была применена названная мера (абз. 1 и 2 §100a и абз. 5 §100b УПК ФРГ).

В УПК Украины, в качестве принципа уголовного судопроизводства закреплено право на получение в суде информации о дате, времени и месте судебного разбирательства, а также о принятых судебных решениях. В США и Украине получила процессуальное закрепление обязательность размещения на официальном сайте в сети "Интернет" данных о лицах, осужденных за преступления против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних, где предоставляются как количественные, так и персональные данные о лицах, совершивших преступления указанной направленности (п. 2 ч. 4 ст. 374 УПК Украины и п. 12f ст. 1170 части 2 Уголовного производства, ст. 290-294 части 1 О преступлениях и наказаниях Уголовного кодекса США).

Несколько иная ситуация складывается с транспарентностью для участников уголовного судопроизводства. Хотя, прямого закрепления данный вид транспарентности в УПК не получил, в его положениях четко прослеживаются требования законодателя о понятности, своевременности и доступности информации для участников процесса о деятельности должностных лиц государственных судебных и правоохранительных органов по уголовному делу, непосредственно затрагивающей их прав и свобод.

В целях исполнения названных положений участники уголовного судопроизводства информируются посредством разъяснения, уведомления, извещения и объявления.

В качестве примера можно привести ч. 1 ст. 11 УПК РФ, обязывающую следователя разъяснять права, обязанности и ответственность каждому участнику предварительного расследования или ч. 3 ст. 124 УПК РФ, регламентирующую уведомление о порядке обжалования принятых процессуальных решений.

О дате, времени и месте производства процессуальных действий извещаются участники следственных действий (п. 1 ч. 3 ст. 166, ч. 1 ст. 188 УПК РФ), о дне предъявления обвинения – обвиняемый (ч. 2-4 ст. 172 УПК РФ).

Подозреваемому, обвиняемому и потерпевшему следователь объявляет состав следственной группы (ч. 2 ст. 163 УПК РФ), а участникам следственного действия представляется других его участников (по смыслу п. 3 ч. 3 и ч. 6 ст. 166 УПК РФ).

Между тем, указанные разъяснения, уведомления, извещения и объявления неспособны в полной мере реализовать право участников предварительного расследования и всего уголовного судопроизводства на получение информации, поскольку в ней нет смысла, если она написана непонятным для них языком и из их содержания не очевидна правомерность принятого решения. В связи с этим еще одним важным средством реализации транспарентности для участников уголовного судопроизводства является обязанность не только донести информацию, но и сделать ее доступной для восприятия, т.е. понятной.

Так, следователь, в производстве которого находится уголовное дело, должен выяснить у обвиняемого, понятно ли для него сформулировано обвинение (ч. 2 ст. 273 УПК РФ), понятны ли нормы права, относящиеся к уголовному делу и порядок их реализации (п. 2 ч. 1 ст. 333, ч. 5 ст. 338, ч. 2 ст. 243, ст. 344 УПК РФ).

Реализация принципа понятности усматривается и в требовании законодателя о разъяснении в постановлении или определении оснований и мотивов принятого решения, их обоснованности (ч. 4 ст. 7, ч. 6 ст. 35, ч. 6 ст. 108 УПК РФ).

К средству обеспечения транспарентности для участников уголовного судопроизводства также относится своевременность информирования, например участника следственного действия о характере предстоящего мероприятия, дате, времени и месте производства, процессуальном статусе самого участника, а также о последствиях неявки (чч. 2-4 ст. 172, ч. 1 ст. 188 УПК РФ).

Судебная практика свидетельствует о недекларативности требования о рассматриваемой своевременности. Так, судьей Дзержинского суда г. Волгограда в порядке ст. 125 УПК РФ была рассмотрена жалоба заявителя, присутствие которого стало невозможным из-за получения повестки

о судебном заседании только на следующий день после того, как оно состоялось. Принятое судом решение в связи с изложенным было отменено, а материалы переданы на новое рассмотрение [1].

Особое место в системе правообеспечительных мер уголовного судопроизводства занимает требование законодателя об информировании участников процесса о должности, фамилии и инициалах лица, производящего процессуальное действие (например, лица, принявшего заявление о правонарушении, составившего протокол, принявшего процессуальное решение или осуществляющего производство судебной экспертизы).

Предоставление указанной информации способствует реализации права участников процесса на обжалование действий и решений следователя, заявление ему отвода.

В завершении, в качестве выводов хотелось бы отметить научную дальновидность М. Т. Аширбековой, указавшей на основополагающую идею транспарентности как на сущностную черту, способную, дозрев до правового оформления, пополнить собой систему принципов уголовного процесса [2, с. 69-74].

Библиографический список:

1. Апелляционное постановление № 22к-4406/2016 от 14 ноября 2016 г. URL: <http://oblsud.vol.sudrf.ru> (дата обращения: 30.08.2021).

2. Аширбекова М. Т. Принципы уголовного судопроизводства: их сущностные черты, свойства и система // Уголовное судопроизводство: современное состояние и основные направления совершенствования: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф., посвященной 50-летию юбилею д-ра юрид. наук, проф. А. В. Гриненко. М.: Московский гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) Министерства иностранных дел Российской Федерации, 2016.

3. Голубева Е. Как глава облсуда Николай Подкопаев покрывает шефа суддепартамента Безроднова, арестованного за взяточничество. URL: http://www.compromat.ru/page_36853.htm (дата обращения: 13.08.2021).

4. Например, Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31 июля 1998 г. № 145-ФЗ // Рос. газ. 12.08.1998. № 153–154.

5. Например, О Стратегии социально-экономического развития Волгоградской области до 2025 года: Закон Волгоградской области от 21 ноября 2008 г. № 1778-ОД // Волгоградская правда. 03.12.2008. № 225–226.

6. Руководство по обеспечению прозрачности в бюджетно-налоговой сфере 2007 г. URL: <http://www.imf.org/external> (дата обращения: 30.09.2021).

7. «Неужели трудно честно собрать подписи?». URL: <https://radiovesti.ru/brand/60948/episode/2194814> (дата обращения: 20.08.2021).

© М.С. Колосович, 2021

Колосович Оксана Сергеевна,
заместитель начальника кафедры уголовного процесса
УНК по ПС в ОВД Волгоградская академия МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

ПРАКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ НЕСКОЛЬКИХ ГОСУДАРСТВ, В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Современные правоведы неоднократно указывали на негативно высокое количество регистрируемых в России преступлений и при этом недостаточно высокое качество осуществляемого расследования [3, с. 77-83; 4, с. 74-81; 6, с. 329]. Вызывает беспокойство и качественное изменение преступности. По мнению ученых ее особыми приметами стала не только организованность, информированность, вооруженность и техническая оснащенность [5, с. 122-128; 9, с. 181-189; 9, с. 4]. За последние несколько десятилетий преступность приобрела еще одно качество – транснациональность.

Действительно, уровень преступности в стране остается достаточно высоким (рис. 1). Приведенные данные были охарактеризованы Президентом Российской Федерации В. В. Путиным как «явный, очевидный факт, свидетельствующий о недостаточно эффективно выстроенной работе органов внутренних дел» [11]. С учетом изложенного особый смысл приобретает требование В. В. Путина о гибкости реагирования ОВД на изменение ситуации в стране и обществе и о применении соответствующих вызовам времени новых, более эффективных форм борьбы с преступностью.

Представляется, что в качестве новых мер повышения эффективности предварительного расследования и противодействия преступности могут стать новые для нашей страны, но уже давно апробированные за рубежом, формы международного взаимодействия.

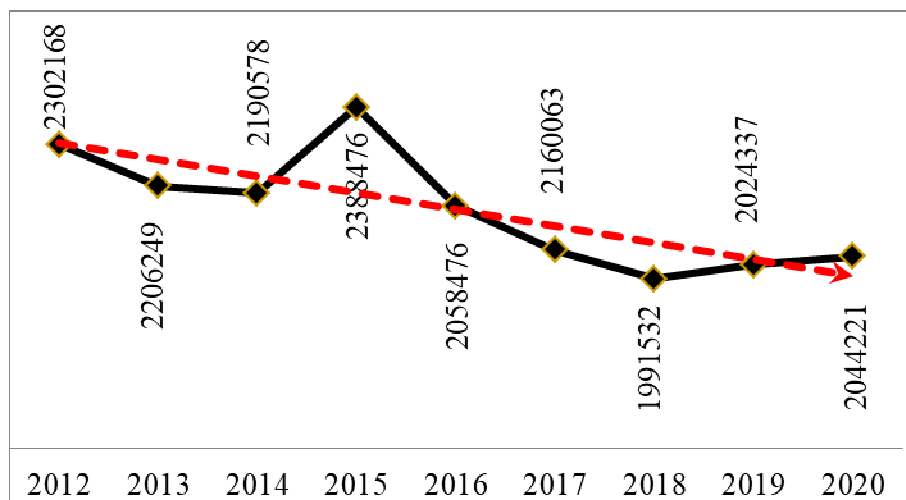

Рис. 1. Уровень преступности в России за период с 2012 по 2020 гг.

Так, в соответствии со ст. 49 Конвенции ООН против коррупции 2003 г. правоохранительные органы государств ее подписавших (Россия ратифицировала данный документ в 2006 г.), вправе создавать органы по проведению совместных расследований. В 2009 г., в решении о создании Европола [8], было предусмотрено право обращения к правоохранительным органам государств – членов Европола с запросом об учреждении совместных следственных бригад по определенным делам (п. d ст. 5 Решения). Ранее, создание международных следственных бригад было предусмотрено Рамочным решением 2002/465/ПВД Совета 2002 г. о совместных следственных бригадах (ст. 1) [2], Конвенцией о взаимной правовой помощи по уголовным делам между членом Государства Европейского Союза (ЕС) (ст. 13) [7].

Более того, Совет Европейского Союза [1], указав на важность рассматриваемого взаимодействия отметил, что обеспечение граждан высоким уровнем безопасности в области свободы, безопасности и справедливости может быть достигнуто путем противодействия преступности путем более тесного сотрудничества между полицейскими силами, таможенными органами и другими компетентными органами в государствах-членах, соблюдая при этом принципы прав человека и основных свобод и верховенства закона. По мнению Европейского Совета совместные следственные группы должны создаваться

без задержки, в качестве первого шага, по борьбе с торговлей наркотиками и людьми, а также терроризмом.

Реализация намеченного связывается с обязательным принятием документа, закрепляющего состав международных следственных групп, цели их создания и продолжительность функционирования (продление сроков расследования), ответственности лиц, распространения юрисдикции государств на территории которых ведется расследование. В состав названной группы рекомендовано включать представителей Европола или органов власти государств, не являющихся государствами-членами Европейского Союза, в частности, представители правоохранительных органов США. При этом состав группы предлагается изложить в совместном документе этой группы, одновременно установив в расследовании какой категории преступлений возможно ведение совместного расследования.

Осуществлять свою деятельность на территории другого государства международная следственная группа может при соблюдении следующих требований:

- возглавлять группу должен представитель следственного органа того государства на территории которого осуществляется расследование;
- руководитель группы должен действовать в пределах своей компетенции в соответствии с национальным законодательством;
- группа осуществляет свою деятельность в соответствии с законодательством государства в котором осуществляется расследование;
- участники группы должны выполнять свои задачи под руководством лица возглавляющего группу.

При этом, данные полученные сотрудниками международной группы могут быть использованы:

- для достижения целей создания этой группы;
- при наличии предварительного согласия государства, где были получены данные, о проведении расследования;
- для предотвращения непосредственной и серьезной угрозы общественной безопасности, а также без ущерба для других государств, представители которых приняли участие в расследовании;
- для достижения других целей, о которых согласовано между государствами.

Возможна ли интеграция приведенных положений в уголовно-процессуальное законодательство стран, не имеющих таких мощных межгосударственных механизмов взаимодействия как у членов Европейского Союза?

В свете рассматриваемых вопросов интересен опыт правоохранительных органов Республики Молдова, УПК которой предусматривает при осуществлении международного взаимодействия создание совместных розыскных групп, осуществляющих уголовное преследование (ст. 540.2 УПК Республики Молдова [12]). Отметим, что в национальном законодательстве суверенного государства были закреплены требования выше рассмотренного рамочного соглашения Европейского Союза.

Так, в соответствии с УПК Республики Молдова компетентные органы по меньшей мере двух государств могут по взаимному согласию создать совместную розыскную группу, имеющую четкую цель и ограниченный срок деятельности, который может быть продлен с согласия всех сторон. При этом состав совместной розыскной группы определяется по взаимному согласию, а сама группа создается только в случаях:

- если в ходе уголовного преследования, осуществляемого в государстве-заявителе, возникает необходимость проведения сложного уголовного преследования, требующего мобилизации значительных ресурсов нескольких государств;

- если несколько государств осуществляют уголовные преследования, при которых необходимы согласованные и координируемые действия со стороны данных государств.

В запросе о создании совместной розыскной группы указываются орган, подавший запрос, предмет и мотив запроса, сведения о преследуемом лице и его национальность, фамилия и адрес адресата и при необходимости предложения относительно состава группы.

Правила деятельности группы, также во многом повторяют требования рамочного соглашения Европейского Союза. Деятельность совместной розыскной группы на территории Республики Молдова осуществляется по следующим правилам:

- руководителем группы является представитель органа, участвующего в уголовном преследовании, страны-участницы, на территории которой дейст-

вует группа и он совершает действия в пределах полномочий, предоставленных национальным правом;

- действия группы осуществляются в соответствии с законодательством Республики Молдова;

- члены и откомандированные члены группы исполняют свои обязанности под руководством лица, возглавляющего группу;

- откомандированные члены совместной розыскной группы уполномочены присутствовать при проведении любых процессуальных действий, за исключением случаев, когда руководитель группы, исходя из особых мотивов, решает иначе.

- откомандированный член совместной розыскной группы может в соответствии со своим национальным правом и в пределах своих полномочий предоставлять группе сведения, которыми располагает откомандировавшее его государство, с целью содействия осуществляемому группой уголовному преследованию.

Сведения, полученные в ходе расследования членами совместной розыскной группе могут быть использованы на тех же условиях, что указаны в рамочном соглашении Европейского Союза.

К сожалению отечественное уголовно-процессуальное законодательство приведенные механизмы не содержит. Некоторый оптимизм и надежду на приближение к Европейским стандартам международного взаимодействия придает Постановление Правительства РФ от 21 марта 2015 г. № 258 «О представлении Президенту Российской Федерации предложения о подписании Соглашения о порядке создания и деятельности совместных следственно-оперативных групп на территориях государств – участников Содружества Независимых Государств», содержащее положения, регламентирующие порядок создания, координации и деятельности национальных следственных и совместных следственно-оперативных групп.

Вышеизложенное позволяет констатировать необходимость переосмысления форм взаимодействия следственных и оперативных подразделений на национальном и международном уровне. В этой связи предлагается внести в УПК РФ и подзаконные нормативные акты изменения, регламентирующие порядок создания и деятельности, международных следственно-оперативных групп, полномочия их руководителей и участников, как на этапе выявления преступления, так и в досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Библиографический список:

1. Council Framework Decision of 13 June 2002 on joint investigation teams // Official Journal L 162 , 20/06/2002 P. 0001 – 0003. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32002F0465> (дата обращения: 21.09.2021).
2. Framework Decision of 13 joint investigation teams Official Journal L 162, 20/06/2002 P. 0001-0003. URL: <http://www.legislationline.org/documents/action/popup/id/8684> (дата обращения: 21.09.2021).
3. Алексеева А.П. Перспективы дальнейшего реформирования российских органов внутренних дел и повышение качества работы по борьбе с преступностью // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 1.
4. Гаврилов Б. Я., Божьев В. П. Концепция совершенствования досудебного производства в XXI веке: мнение науки и практика // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2 (38).
5. Деришев Ю. В., Орумбаев Н. Е. Конфиденциальные процессуальные действия в континентальном уголовно-процессуальном законодательстве: поиск компромисса // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 2 (32).
6. Колосович М.С. Процессуальные средства обеспечения гласности и тайны в уголовном судопроизводстве: концептуальные основы: дис. на соискание ученой степени д-ра юрид. наук. Волгоград, 2019.
7. Конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам между членом Государства Европейского Союза от 29.05.2000 г. URL: <http://uchebnikonline.com> (дата обращения: 21.09.2021).
8. О создании Европейского полицейского ведомства (Европол): Решение № 2009/371/ПВД Совета Европейского Союза (принято в г. Люксембурге 06.04.2009). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Осипенко А.Л. Организованная преступная деятельность в киберпространстве: тенденции и противодействие // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40).
10. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002.
11. Расширенное заседание коллегии МВД России. 08.02.2013. URL: <http://www.kremlin.ru/news/17461> (дата обращения: 30.08.2021).

12. Уголовно-процессуальный кодекс Республика Молдова от 14 марта 2003 г. № 122. URL: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?id=326970&lang=2> (дата обращения: 21.09.2021).

© О.С. Колосович, 2021

Кравец Евгений Григорьевич,
доцент кафедры предварительного расследования
УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

**РАБОТА СЛЕДОВАТЕЛЯ С ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫМИ
ОБЪЕКТАМИ В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА ОБЫСКА
ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ОРУЖИЯ**

Всё чаще преступления рассматриваемой категории совершаются с использованием информационно-коммуникационных технологий (далее по тексту – ИКТ) и средств компьютерной техники (далее по тексту – СКТ). В таких случаях обыск является неотложным следственным действием и требует тщательной подготовки.

На подготовительном этапе обыска следователю необходимо осуществить следующие мероприятия [1, с.150]:

- выяснить, какие СКТ находятся в помещении, намеченном для проведения обыска (по возможности установить их тактико-технические характеристики);
- установить, какие средства защиты информации и СКТ от несанкционированного доступа находятся по месту обыска (по возможности – выяснить ключи доступа и тактико-технические характеристики средств защиты);
- определить режим и технические системы охраны объекта, СКТ и категорию обрабатываемой информации (общедоступная или конфиденциальная);
- выяснить, какие средства связи и телекоммуникаций используются для работы СКТ и информационного обмена – установить их тип, тактико-

технические характеристики, категорию (общедоступные или конфиденциальные), абонентские номера, позывные, ключи (коды) доступа и т. п.;

- установить тип источников электропитания вышеперечисленных технических средств (электросеть, автономные, бесперебойные, комбинированные) и расположение пунктов обесточивания помещения и аппаратуры, подлежащих обыску;

- пригласить соответствующих специалистов для подготовки и участия в следственном действии;

- подготовить соответствующие СКТ, специальную аппаратуру и материалы для поиска, просмотра, распаковки, расшифровки, изъятия и последующего хранения компьютерной информации, СКТ и специальных технических устройств;

- определить дату, время и границы проведения обыска, время поиска и меры, обеспечивающие его конфиденциальность (важно, чтобы пользователь, владелец или оператор СКТ не подозревал о предстоящем следственном действии и не работал в момент проведения обыска на СКТ);

- проинструктировать оперативных сотрудников и видеооператора о специфике проводимого следственного действия;

- по возможности изучить личность обыскиваемого, пользователя (владельца) СКТ, вид его деятельности, профессиональные навыки по владению СКТ;

- пригласить понятых, обладающих минимальными пользовательскими представлениями в области автоматизированной обработки информации.

По прибытии к месту проведения обыска необходимо вести себя следующим образом:

- быстро и внезапно войти в обыскиваемый объект (или одновременно в несколько помещений);

- при оказании сопротивления со стороны лиц, находящихся на объекте обыска (обыскиваемого, его родственников, охранников, сторожей, сотрудников организации и т. п.) принять срочные меры по нейтрализации противодействия и скорейшему проникновению в обыскиваемое помещение;

- организовать охрану места обыска и наблюдение за ним. Охране подлежат: периметр обыскиваемых площадей; СКТ; хранилища цифровой информации; все пункты (пульты) связи, охраны и электропитания, находящиеся на объекте обыска (в здании, помещении, на производственной

площади); специальные средства защиты от несанкционированного доступа; хранилища ключей аварийного и регламентного доступа к СКТ, помещения и другим объектам (пульты, пункты, стенды, сейфы и т. п.).

Следовательно необходимо знать, что к изменению или уничтожению компьютерной информации, ее носителей и СКТ, которые впоследствии могут выступать в качестве доказательств по делу, приводят не только манипуляции с самими СКТ, но и включение или выключение их электропитания, а также разрыв соединения между ними. Поэтому все электротехническое оборудование и средства электротехнических систем, имеющиеся на месте обыска, должны находиться до момента их осмотра специалистом в том пространственном положении и техническом состоянии, в котором они были в момент начала обыска [2, с.533]. Для этого необходимо соблюдать следующие условия:

- не разрешать находящимся на объекте обыска лицам (за исключением приглашенных специалистов), прикасаться к СКТ и источникам питания электрооборудования с любой целью, даже в случае согласия обыскиваемого добровольно выдать искомый предмет, документ или информацию;

- не разрешать кому бы то ни было выключать-включать электроснабжение объекта (указанные действия проводить только с согласия специалиста);

- в случае если на момент начала обыска электроснабжение объекта выключено, то до его восстановления следует отключить от электросети все СКТ, предварительно зафиксировав в протоколе схему их подключения к источникам электропитания, расположение, тактико-технические характеристики и порядок отсоединения от них СКТ;

- не производить самостоятельно никаких манипуляций с электрооборудованием и СКТ, если результат их заранее неизвестен;

- при настойчивых попытках обыскиваемого или других лиц, находящихся на месте обыска, получить доступ к СКТ, пунктам связи, управления и энергоснабжения, к другим техническим средствам и оборудованию, следует принять меры для удаления этих лиц в другое помещение (не подлежащее обыску) с одновременной фиксацией в протоколе данного события.

На обзорной стадии обыска необходимо:

1. Определить и отключить специальные средства защиты информации и СКТ от несанкционированного доступа, особенно те, которые автоматически уничтожают информацию и внешние электронные носители информации

(далее по тексту – ЭНИ) при нарушении процедуры доступа к СКТ и компьютерной информации, порядка их использования и (или) установленных правил работы с ними; принять меры к установлению пароля, ключа санкционированного доступа и шифрования-дешифрования информации.

2. Установить наличие телекоммуникационной связи между СКТ, СКТ и каналами электросвязи по схемам: «компьютер – компьютер»; «компьютер – управляющий компьютер»; «компьютер – периферийное устройство»; «компьютер – средство электросвязи»; «компьютер – канал электросвязи»; «периферийное устройство – периферийное устройство»; «периферийное устройство – канал электросвязи»; «канал электросвязи – периферийное устройство».

При наличии компьютерной сети любого уровня технической организации в первую очередь должен быть осмотрен и подвергнут обыску центральный управляющий компьютер (сервер сети, компьютер процессингового центра, узла связи, охранной системы и т. п.). Данное СКТ хранит в своей оперативной и постоянной памяти наибольшую часть компьютерной информации, управляет другими СКТ, имеет с ними прямую и обратную связь и, как правило, имеет программу автоматической фиксации доступа СКТ друг к другу (своеобразный «электронный журнал» учета работы всех СКТ сети – их индивидуальные номера (позывные, абонентские и т. п.), точные даты и время каждого соединения при обмене информацией, длительность и вид сеанса связи, характеристику передаваемой и получаемой информации, аварийные ситуации, сбои в работе отдельных СКТ (рабочих станций, периферийного оборудования), идентификационные коды и пароли операторов, попытки несанкционированного или нештатного доступа и т. д.).

Следователь должен знать, что при наличии соединения СКТ с другим оборудованием и электронно-вычислительной техникой, находящимися вне периметра обыскиваемой зоны (в другом помещении, здании, населенном пункте и т. д.), существует реальная возможность непосредственного доступа к компьютерной информации и совершения любых действий с ней и СКТ (стирание, уничтожение, модификация, копирование, блокирование, нарушение работы). Для предотвращения этого необходимо, в зависимости от ситуации и рекомендаций специалиста, временно или на длительный срок, частично или полностью отключить СКТ или локальную вычислительную сеть от технических устройств, находящихся за периметром обыскиваемой зоны. Отключение

может быть произведено как на программном, так и аппаратном уровне. Если СКТ работает в режиме «электронной почты», то предпочтительнее оставить его до конца обыска в работающем состоянии в режиме «приема почты», исключив возможность какой-либо обработки и передачи информации. Эту работу может сделать только квалифицированный специалист. Все выполняемые им действия должны быть зафиксированы с помощью видеозаписи и отражены в протоколе обыска.

3. Определить СКТ, находящиеся во включенном состоянии, и характер выполняемых ими операций и (или) программ. Особое внимание необходимо уделить терминальным печатающим и видеоотображающим устройствам (принтерам и мониторам). Распечатки информации (листинги) при необходимости должны быть изъяты и приобщены к протоколу следственного действия; изображение на экране монитора изучено и детально описано в протоколе (можно также зафиксировать его на видеопленку, либо сделать распечатку на бумаге с использованием специальных сканирующих программ).

Если специалист установит, что на момент обыска на каком-либо СКТ происходит уничтожение информации, либо уничтожается электронный носитель информации, необходимо всеми возможными способами приостановить этот процесс и начать обследование с данного места или СКТ.

4. При обследовании персонального компьютера необходимо:

- установить активные программы, снять дампы памяти и скопировать информацию из открытых криптоконтейнеров;
- произвести экспресс-анализ компьютерной информации, содержащейся на жестком диске и в оперативной памяти компьютера с целью получения информации, имеющей значение для следствия (интерес могут представлять файлы с текстовой и графической информацией).

Детальный этап обыска является очень трудоемким и требует высокой квалификации как специалиста в области СКТ, так и всей следственно-оперативной группы [3, с.80].

Необходимо четко организовать поисковые мероприятия, направленные на поиск тайников, в которых могут находиться предметы, устройства и документы. Ими могут быть и сами СКТ – аппаратные и программные оболочки модулей, их составляющих.

Определить наиболее вероятные места сокрытия электронных носителей достаточно сложно, однако их свойства предъявляют ряд требований к усло-

виям хранения. Практически все носители не выдерживают высокие (свыше 60°C) температуру и влажность. Носители с ферромагнитным слоем (жесткие и гибкие магнитные диски, магнитные ленты) могут повредиться при отрицательных температурах. Еще большую опасность для них представляют резкие перепады температур. К неблагоприятным факторам относятся агрессивные химические среды, пыль и сильная вибрация (особенно для жестких магнитных дисков), а также электромагнитное излучение, в том числе прямые солнечные лучи.

Следовательно стоит придерживаться следующих рекомендаций:

- при невозможности вскрытия корпуса СКТ (если это может привести к утрате информации, физическому повреждению ее носителя либо приведению к неисправному состоянию) необходимо изъять СКТ для лабораторного исследования;

- все обнаруженные электронные носители информации (USB-флэш-накопители, карты памяти, магнитные и оптические диски, пластиковые карточки и др.) следует изъять для последующего анализа содержащихся на них данных. Осмотр и анализ информации проводится только на аттестованном исследовательском оборудовании;

- не рекомендуется использовать специальную поисковую и досмотровую технику, один из элементов которой – источник электромагнитных или магнитных излучений (металлодетекторы, магниты, электронные стетоскопы, рентгеновские установки и т. п.). Однако допускается применение современной поисковой аппаратуры, например, нелинейных локаторов, не вносящей изменения в информацию, расположенную на твердотельных носителях (USB-флэш-накопители, карты памяти) и на накопителях на жестких магнитных дисках;

- при необходимости изъятия жесткого диска персонального компьютера целесообразно изымать системный блок целиком;

- в случае изъятия печатающего устройства (принтера) необходимо помнить, что идентификация печатной продукции возможна лишь для изготовленной на матричном (игольчатом) принтере (из-за низкой производительности и повышенного уровня шума в настоящее время практически вышли из употребления, но иногда используются в специализированном оборудовании, например, как чекопечатающее устройство). Для лазерного (электрографичес-

кого) и струйного типов принтеров может быть установлена только групповая принадлежность, а идентификация – в исключительных случаях [4, с.112].

На заключительном этапе обыска составляются: протокол следственного действия и описи к нему; вычерчиваются планы обыскиваемых помещений, схемы расположения СКТ относительно друг друга, строительных проемов, инженерно-технических коммуникаций, оконечных устройств электронесущей арматуры, а также принципиальная схема соединения СКТ между собой и с другими техническими устройствами; проводятся дополнительная фотосъемка и видеозапись.

Библиографический список:

1. Тарасова М. Ю., Контемирова Ю. В. О некоторых проблемах взаимодействия следственных и оперативных подразделений органов внутренних дел при направлении и исполнении поручений / Вестник Волгоградской академии МВД России / Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia. Выпуск 2 (57) 2021 : научно-методический журнал. — Волгоград : ВА МВД России, 2021. — с.146-153.

2. Аверьянова, Т. В. Криминалистика : учебник / Т. В. Аверьянова [и др.]. – 4-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2014. – 928 с.

3. Мыскина К. М. Понятие и основные категории судебно-экспертной этики / Судебная экспертиза / Forensic examination. Выпуск 2 (66) 2021 : научно-практический журнал. – Волгоград : ВА МВД России, 2021. – с. 77-84

4. Багмет А.М., Волочай С.Н., Колотушкин С.М., Расчётов В.А., Розовская Т.И., Стаценко В.Г., Устов В.Х., Федоренко В.А. Расследование преступлений, совершенных с использованием взрывчатых веществ и взрывных устройств. Учебно-практическое пособие // под редакцией З.И. Брижак. – М.: Изд-во «КРЕДО», 2012. – 234 с.

© Е.Г. Кравец, 2021

Лихолетов Александр Александрович,
доцент кафедры уголовного права УНК по ПС в ОВД
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
БЕЗ АККРЕДИТАЦИИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ
АККРЕДИТАЦИИ**

Проблемам квалификации незаконного предпринимательства посвящено достаточное количество исследований, в связи с чем, в настоящей статье целесообразно остановиться именно на анализе признаков преступления, которыми анализируемая норма была дополнена в июле 2019 года [1], а именно осуществления предпринимательской деятельности без аккредитации в национальной системе аккредитации, в случаях, когда такая аккредитация обязательна.

После внесенных изменений ст. 171 УК РФ призвана обеспечить не только соблюдение законодательных требований о необходимости государственной регистрации субъектов предпринимательской деятельности, получения разрешительного документа на виды деятельности, осуществление которых возможно лишь при наличии лицензии, но и обеспечение запрета на оформление «диагностических карт без реального проведения процедуры технического осмотра транспортных средств, а также сертификатов соответствия и деклараций о соответствии без проведения обязательных процедур» [2] со стороны неаккредитованных лиц.

Таким образом, основным непосредственным объектом незаконного предпринимательства в настоящее время можно считать общественные отношения, возникающие между регистрирующими органами, органами лицензирования и аккредитации с одной стороны и физическими и юридическими лицами с другой стороны в связи с организацией и осуществлением отдельных видов предпринимательской деятельности, обеспечивающие соблюдение требований необходимости постановки на учет в качестве субъекта такой деятельности или получения лицензии или прохождения аккредитации на определенные законом виды предпринимательства, за исключением аналогич-

ных общественных отношений, охраняемых специальными нормами уголовного закона, выделенными по признаку вида хозяйственной деятельности.

В настоящее время отношения, возникающие между лицами в связи с организацией системы аккредитации в соответствующей национальной системе и прохождением данной процедуры заинтересованными лицами (за отдельными исключениями), регламентирован Федеральным законом от 28.12.2013 г. № 412-ФЗ (далее – ФЗ № 412) [4].

В сфере регулирования данного закона находятся вопросы аккредитации:

1) индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, осуществляющих деятельность по оценке соответствия (за исключением аналогичных работ, выполняемых органами государственной власти по определению соответствия, а также деятельности, осуществляемой органами по сертификации и испытательными лабораториями (центрами) по подтверждению соответствия морских судов и речных судов (за исключением маломерных), авиатехники и объектов гражданской авиации);

2) индивидуальных предпринимателей или организаций, привлекаемых органами, уполномоченными на осуществление государственного контроля (надзора), органами муниципального контроля, к проведению контрольных мероприятий;

3) экспертов, экспертных организаций (индивидуальных предпринимателей или организаций), привлекаемых федеральными органами исполнительной власти, выполняющих работы или оказывающих услуги по обеспечению единства измерений, а также действующих в рамках федерального законодательства¹.

Между тем, необходимо заметить, что за пределами регламентации ФЗ № 412 находятся, например, образовательная деятельность [5], деятельность медицинских специалистов [6], организаций, оказывающих услуги в области охраны труда [7], осуществление закупок на электронной площадке [8] и др., что позволяет прийти к выводу о невозможности привлечения к ответственности по ст. 171 УК РФ, лиц, не прошедших обязательную процедуру

¹ Полномочия указанных юридических лиц или индивидуальных предпринимателей реализуются на основании: Федерального закона от 30.03.1999 № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» // Российская газета, № 64-65, 06.04.1999; Федерального закона от 17.12.1997 № 149-ФЗ «О семеноводстве» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 51, 22.12.1997; Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // Российская газета, № 290, 30.12.2004.

аккредитации и осуществляющих деятельность, которая входит в приведенный выше перечень.

Ограничение законодателем круга деяний, подлежащих криминализации, только предпринимательской деятельностью без прохождения соответствующей процедуры в национальной системе аккредитации или аккредитации в сфере технического осмотра транспортных средств, представляется не совсем оправданным и последовательным решением, поскольку исключает из области уголовно-правового регулирования аналогичные по содержанию действия, но отличающиеся по сферам правовой регламентации. Обоснование подобного решения характером общественной опасности таких деяний неубедительно, поскольку деятельность тех же медицинских специалистов или организаций, оказывающих услуги в области охраны труда, без подтверждения соответствия определенным требованиям, может причинить не меньший вред охраняемым общественным отношениям.

Следует отметить, что при первоначальном конструировании диспозиции ст. 171 УК РФ, правотворцы установили ответственность за осуществление любого вида лицензируемого предпринимательства без разрешительного документа, без сужения круга такой деятельности какими-либо формами.

ФЗ № 412 определен порядок аккредитации в национальной системе. Для прохождения указанной процедуры заинтересованное лицо подает в национальный орган по аккредитации (Росаккредитация) заявление и пакет документов с указанием области аккредитации¹. После чего представленные документы проверяются на предмет объективности содержащихся в них сведений, в том числе о наличии регистрации заявителя в качестве индивидуального предпринимателя или записи в соответствующем реестре о создании юридического лица, информации, подтверждающей факт постановки на учет в налоговом органе и т.д.

Если данные, содержащиеся в представленных документах, были подтверждены, органы Росаккредитации переходят к оценке соответствия заявителя критериям аккредитации. В противном случае – документы возвращаются заинтересованному лицу без рассмотрения.

¹ Область аккредитации – сфера деятельности юридического лица или индивидуального предпринимателя, на осуществление которой подано заявление и (или) которая определена при их аккредитации либо расширена, сокращена или актуализирована (ст. 4 Федерального закона от 28.12.2013 № 412-ФЗ «Об аккредитации в национальной системе аккредитации»).

Оценка соответствия состоит из двух этапов:

- 1) документарная оценка;
- 2) выездная оценка, проводимая по месту осуществления аккредитуемой деятельности.

Общий срок проведения процедуры оценки соответствия заявителя критериям аккредитации составляет 100 рабочих дней [9] с момента приема заявления и соответствующих документов от заинтересованного лица и до дня принятия одного из следующих решений по результатам оценки:

- 1) об аккредитации заявителя;
- 2) об отказе в аккредитации;
- 3) о приостановлении осуществления аккредитации (принимается в случае выявления в ходе оценки несоответствий критериям аккредитации, которые могут быть устранены заявителем в течение 2 месяцев).

Решение об аккредитации оформляется приказом, после подписания которого, в течение 3 рабочих дней соответствующие сведения вносятся в реестр аккредитованных лиц с присвоением уникального номера [4].

ФЗ № 412 предусмотрен ряд оснований для отказа в аккредитации, в том числе: наличие в представленных заявителем документах недостоверной или искаженной информации; несоответствие заявителя критериям аккредитации; отказ или уклонение заявителя от прохождения мероприятий по оценке соответствия критериям аккредитации и др. [4].

Кроме того, действие аккредитации может быть прекращено в установленных законом случаях, например: заявление лица о прекращении деятельности в области аккредитации; прекращение деятельности организации или индивидуального предпринимателя; реорганизация юридического лица в форме выделения; выявление в течение года более 2 фактов нарушений аккредитованным лицом требований законодательства, повлекших за собой приостановление действия аккредитации и т.д. [4].

ФЗ № 412 предусмотрен исчерпывающий перечень оснований для приостановления аккредитации, к которым относятся, в частности, случаи выявления несоответствий, влекущих за собой приостановление действия аккредитации¹; неоднократное в течение одного года непредставления

¹ Перечень несоответствий, влекущих за собой приостановление определяется Приказом Министерства экономического развития РФ от 18.01.2019 г. № 14 «Об утверждении Перечня несоответствий заявителя критериям аккредитации, которые при

в национальный орган по аккредитации в установленный срок сведений о результатах своей деятельности или неоднократного в течение одного года представления недостоверных сведений о результатах своей деятельности; неполучения национальным органом по аккредитации в установленный срок отчета аккредитованного лица об устранении выявленных в ходе процедуры подтверждения компетентности несоответствий критериям аккредитации и др. [5].

Согласно ФЗ № 412 область аккредитации может быть сокращена или расширена по заявлению аккредитованного лица или в иных, предусмотренных законом случаях. При этом осуществление деятельности в области аккредитации, которая была сокращена, по сути, следует признавать неаккредитованной деятельностью.

С учетом вышеизложенного, можно прийти к выводу, что без аккредитации в национальной системе аккредитации предпринимательская деятельность будет иметь место в случаях, когда она осуществляется:

- 1) без обращения в уполномоченные органы для прохождения процедуры аккредитации;
- 2) после обращения в компетентные органы с заявлением об аккредитации, но до получения положительного решения и внесения записи в реестр аккредитованных лиц;
- 3) после получения отказа в аккредитации со стороны уполномоченного органа;
- 4) после приостановления действия аккредитации;
- 5) после прекращения действия аккредитации.

Ответственность за перечисленные выше деяния наступает в случае извлечения дохода в крупном размере или причинения крупного ущерба гражданам, организациям, государству¹.

Субъект преступления – общий.

Субъективная сторона характеризуется умышленной формой вины. При этом в случае причинения крупного ущерба умысел может быть как прямым, так и косвенным [10].

осуществлении аккредитации влекут за собой отказ в аккредитации, и Перечня несоответствий аккредитованного лица требованиям законодательства Российской Федерации к деятельности аккредитованных лиц, влекущих за собой приостановление действия аккредитации».

¹ В соответствии с примечанием к ст. 170.2 УК РФ таковыми признаются сумма дохода или ущерба, превышающая 2 250 000 рублей.

Библиографический список:

1. Федеральный закон от 26.07.2019 г. № 207-ФЗ «О внесении изменения в статью 171 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Российская газета от 31.07.2019 г. № 166.
2. Пояснительная записка к проекту федерального закона № 684667-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/684667-7> (дата обращения: 15.10.2021).
3. См. подробнее: Лихолетов А.А. Уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации преступлений в сфере осуществления специальных видов предпринимательской деятельности / под ред. докт. юрид. наук, доц. Н.А. Егоровой. — М.: Юрлитинформ, 2020. — 288 с.
4. Федеральный закон от 28.12.2013 № 412-ФЗ (ред. от 29.07.2018) «Об аккредитации в национальной системе аккредитации» // Российская газета, № 296, 31.12.2013/
5. Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета, № 303, 31.12.2012.
6. Приказ Министерства здравоохранения РФ от 02.06.2016 № 334н «Об утверждении Положения об аккредитации специалистов» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти, № 30, 25.07.2016.
7. Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 01.04.2010 № 205н «Об утверждении перечня услуг в области охраны труда, для оказания которых необходима аккредитация, и Правил аккредитации организаций, оказывающих услуги в области охраны труда» // Российская газета, № 147, 07.07.2010.
8. Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Российская газета, № 80, 12.04.2013.
9. Постановление Правительства РФ от 05.06.2014 № 519 «Об утверждении общих сроков осуществления аккредитации и процедуры подтверждения компетентности аккредитованного лица, в том числе общих сроков проведения документарной оценки соответствия заявителя, аккредитованного лица критериям аккредитации и общих сроков проведения выездной оценки соответствия заявителя, аккредитованного лица критериям аккредитации,

а также сроков отдельных административных процедур при осуществлении аккредитации и процедуры подтверждения компетентности аккредитованного лица» // Собрание законодательства Российской Федерации, № 24, 16.06.2014.

10. См., подробнее: Лихолетов А.А. Квалификация незаконного предпринимательства : учеб. пособие / А.А. Лихолетов ; под ред. д-ра юрид. наук, доц. Н.А. Егоровой. – Волгоград : ВА МВД России, 2019. – 100 с.

© А.А. Лихолетов, 2021

Лугинец Евгений Александрович,
преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности
и специальной техники Волгоградской академии МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВА, СОВЕРШАЕМОГО ОРГАНИЗОВАННЫМИ ЭТНИЧЕСКИМИ ГРУППАМИ

Безусловно, преступления, связанные с изготовлением, хранением, перевозкой и сбытом поддельных денег и ценных бумаг, занимают особое место не только в структуре преступлений, совершаемых в кредитно-финансовой системе, но и в структуре экономической преступности в целом, а опасность вреда, причиняемого фальшивомонетничеством денежной системе, признается всеми государствами на всех этапах развития. Поэтому с незапамятных времен в уголовном праве всех стран содержались законы, карающие подделку денежных знаков.

На современном этапе борьбы с преступностью, особенно с ее организованными формами, все большее число ученых и практиков приходят к выводу о том, что актуальной задачей органов внутренних дел в борьбе с преступностью является постоянное сдерживание ее роста [1].

Предупреждение преступности в широком понимании – задача всех государственных органов, общественных организаций и объединений. В общем виде меры предупреждения преступности могут носить экономический, социальный, политический, организационный, правовой и воспитательный

характер, поэтому в предупреждении преступлений принимают участие многие государственные органы и общественные объединения.

История данного направления социальной практики уходит вглубь веков: с появлением первых уголовно-правовых запретов и преступлений как деяний, совершаемых вопреки им, стали действовать меры не только карательного, но и предупредительного противодействия им [5, с. 113].

В контексте настоящей статьи предупреждение преступлений можно определить как деятельность сотрудников подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (далее по тексту – ЭБиПК) по выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений в сфере фальшивомонетничества, а также по установлению причастных лиц и оказанию на них оперативно-профилактического воздействия [3]. Иными словами, предупреждение преступлений оперативными подразделениями – это недопущение совершения преступлений путем применения сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности.

Подразделения ЭБиПК, как субъекты оперативно-розыскной деятельности, имеют в своем арсенале набор специфических сил, средств и методов, который позволяет им выявлять лиц замышляющих, подготавливающих или совершающих преступления на более ранней стадии, нежели другим подразделениям органов внутренних дел. Поэтому важной составляющей предупреждения преступлений оперативными подразделениями является профилактика преступности, в связи с чем оперативно-розыскная профилактика традиционно является самостоятельной формой оперативно-розыскной деятельности.

Социально-криминологические меры, как и общесоциальные, намеренно применяются для обнаружения и устранения (нейтрализации) факторов, детерминирующих преступления и иные правонарушения – это их профилирующий основной признак [6, с. 17].

В криминологии в отношении определения профилактики существует несколько трактовок: некоторые исследователи считают, что профилактика и предупреждение преступлений – это равнозначные понятия с одинаковой смысловой нагрузкой [7, с. 156], другие – рассматривают профилактику как отдельную составляющую предупреждения преступлений, наряду с предотвращением и пресечением [8, с. 221].

Например, Г.А. Аванесов, определяя соотношение понятий «предупреждение преступности» и «профилактика преступлений», отмечает: «Если поня-

тие «предупреждение преступности» используется для обозначения как объективных предпосылок ликвидации этого явления, так и субъективных факторов его искоренения, то понятие «профилактика преступлений» выражает лишь особую деятельность. Во всей своей полноте, однако, такая деятельность характеризуется как сознательный, целенаправленный процесс недопущения любых нарушений социальных норм (в том числе и моральных, правовых, уголовно-правовых). Поэтому мы и говорим о профилактике отклоняющегося (в том числе противоправного, преступного) поведения. Предупреждение преступности, таким образом, нужно рассматривать, с одной стороны, в связи с общим процессом ликвидации данного деяния, а с другой – в связи с необходимостью осуществления профилактической деятельности. Именно в понятии «профилактика» и выражается предупредительная сущность этой деятельности. Анализ ее (деятельности) содержания позволяет рассматривать категорию «профилактика» как важнейший компонент процесса предупреждения преступности» [9].

Следует отметить также точку зрения других авторов, согласно которой основные отличия рассматриваемых видов предупредительной деятельности (имеются в виду профилактика, предотвращение, пресечение) заключаются «в их временной дистанции от совершения преступлений и в степени интенсивности, динамичности. Профилактика реализуется в период, достаточно отдаленный от преступлений, то есть значительно раньше, чем требуется «вмешательство» в виде предотвращения и тем более пресечения. Объектами профилактического воздействия могут быть не только конкретные лица, явления и процессы, но и социальные общности, широкий круг криминогенных факторов. Объектами же двух других видов предупредительной деятельности (предотвращения и пресечения) обычно являются только определенные лица и события. Меры по профилактике должны быть систематическими, планомерными, непрерывными в отличие от предотвращения и особенно пресечения, которые реализуются, как правило, в жесткой зависимости от ситуации, а потому обычно кратковременны и быстротечны» [10].

Считаем, что в контексте нашей статьи предпочтительной является точка зрения, согласно которой профилактика входит в систему мер предупреждения преступности.

Непосредственно рассматривая действия сотрудников подразделений ЭБиПК по предупреждению фальшивомонетничества отметим, что они могут

быть многоаспектны, разносторонни и, как правило, имеют комплексный характер. Оперативно-розыскное предупреждение преступлений включает в себя как ряд мер общего характера, так и индивидуальную профилактику. В совокупности эти меры охватывают предотвращение замышляемых и подготавливаемых преступлений, а пресечение – уже совершаемых преступлений [11, с. 20].

Таким образом, можно сделать вывод, что для предупреждения преступлений в сфере фальшивомонетничества необходимо сосредоточение усилий по следующим направлениям:

1) консолидация совместных действий государственных, контролирующих органов, бизнес-сообщества и правоохранительного блока;

2) использование помощи специалистов в области защиты национальной валюты, а также лиц, владеющих иностранными языками;

3) взаимодействие со службами безопасности кредитных организаций, коммерческих и общественных организаций для своевременного выявления лиц, причастных к преступлениям.

Вместе с тем, должный уровень профессиональной подготовки сотрудников подразделений ЭБиПК, обслуживающих линию борьбы с фальшивомонетничеством, осмысленный подход к сбору, накоплению и анализу информации, принятие на ее основе обоснованных и последовательных управленческих решений, расширенное внедрение и использование сил, средств и методов оперативно-розыскной деятельности, по нашему мнению, создает предпосылки для ощутимых положительных изменений в данной сфере деятельности правоохранительных органов.

Библиографический список:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.04.1994 № 2 «О судебной практике по делам об изготовлении или сбыте поддельных денег или ценных бумаг» (ред. от 06.02.2007) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

3. О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений: приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19 (ред. от 28.11.2017) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс» (см. напр. п. 1 Инструкции).

4. Гаврилов Б.Я. Организованная преступность и ее предупреждение в наиболее криминализированных отраслях российской экономики // Проблемы социальной и криминологической профилактики в современной России. Вып. 1 М.: Моск. ин-т МВД России, 2002. С. 124-133.

5. Алексеев А.И. Криминология: курс лекций. М.: Щит, 2001.

6. Литвинов А.Н. Предупреждение преступлений и правонарушений. Профилактическая работа с населением. М., 2004.

7. Литвинов А.Н., Гавриш Т.С. Профилактика преступлений. От теории к практике. М., 2003. С. 6; Криминология / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М., 1998.

8. Криминология и профилактика преступлений / под ред. А.И. Алексеева. М., 1989.

9. Аванесов Г.А. Криминология. Москва, 1984. С. 339-340.

10. Организация деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений / под ред. В.Д. Малкова, А.Ф. Токарева. М., 2000. С. 13-14.

11. Гусев С.И. Координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью // Советское государство и право. 1979. № 6.

© Е.А. Лугинец, 2021

Лугинец Эльвира Фаильевна,
доцент кафедры уголовного процесса УНК по ПС в ОВД
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Институт гражданского иска известен отечественному уголовному судопроизводству более 150 лет - со времен Судебной реформы 1864 года [1]. Однако, до сих пор до конца не разрешены все законодательные и правоприменительные проблемы, оказывающие влияние на его эффективное функционирование в уголовном процессе.

Проблемы гражданского иска интересуют автора давно, еще со времени службы в следственных подразделениях ГУ МВД России по Нижегородской области. В дежурной папке всегда были бланки искового заявления (разработанного самостоятельно), постановления о признании гражданским истцом.

Анализ правоприменительной практики, анкетирование и интервьюирование практических сотрудников и лиц, пострадавших от преступлений, демонстрируют, к глубокому сожалению, крайне негативные тенденции возмещения причиненного преступлением вреда и как следствие – нарушение прав потерпевших и лиц, совершивших преступления (ответственных за них лиц), игнорирование назначения уголовного судопроизводства (п. 1 ч. 1 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса РФ¹) [2], превращение его в пустую декларацию.

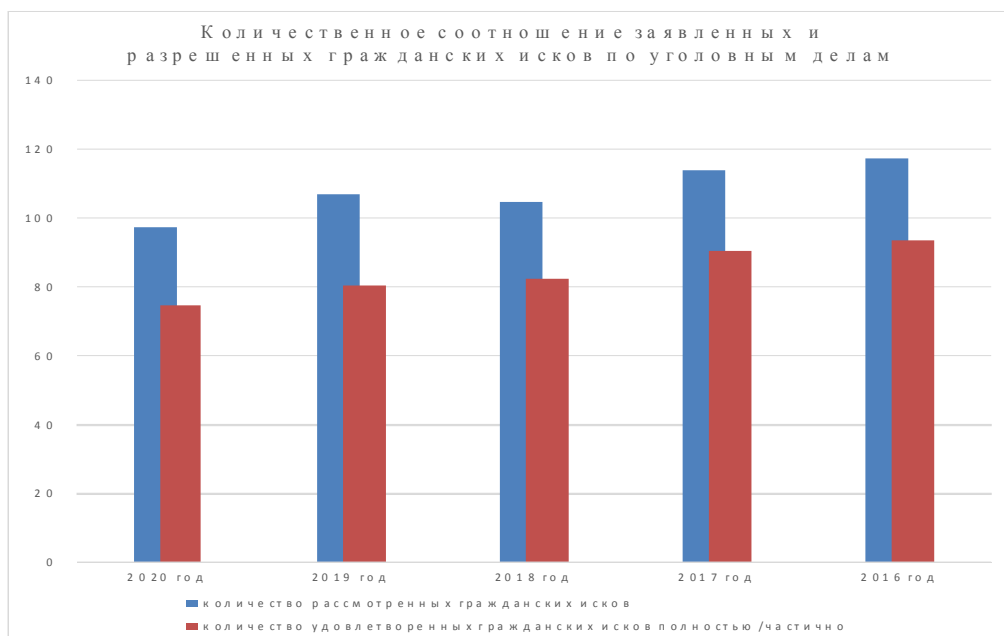
Актуальность проблем, связанных с возмещением потерпевшим вреда, причиненного преступлениями, наглядно подтверждается данными статистики.

Так, анализ статистической отчетности деятельности судов в Российской Федерации за последние пять лет – с 2016 по 2020 годы свидетельствует о достаточно заметном уменьшении общего числа гражданских исков, предъявляемых в уголовном судопроизводстве, а также гражданских исков, рассмотренных судами вместе с уголовными делами. При этом судами гражданские иски разрешены всего по 6-10 % рассмотренных уголовных дел [6].

Согласно данным МВД России сотрудниками правоохранительных органов (органов внутренних дел, Следственного комитета РФ, службы судебных приставов, органов Федеральной службы безопасности, органов государственного пожарного надзора, таможенных органов) за 2019 год предварительно расследовано 1 052 441 преступлений, из них направлено в суд с обвинительным заключением (актом, постановлением) 812 735. При этом ущерб, причиненный данными преступлениями, составил 627,7 млрд. руб. В 2020 году эти показатели составили 1 031 987 и 795 423 соответственно, ущерб от совершенных преступлений - 512,8 млрд. руб. Тогда как за первые 10 месяцев 2021 года предварительно расследовано 622 587 преступлений, 511 509 из которых направлено в суд, ущерб от которых составил 724,3 млрд. рублей [7]. За истекшие 10 месяцев 2021 года гражданские иски предъявлены только по 6,4% расследуемых уголовных дел, то есть лишь по каждому 6 уголовному

¹ Далее по тексту – УПК РФ.

делу. Из данных цифр видно насколько мало гражданских исков реально разрешается судами по уголовным делам, при этом больше половины из «мизерного» числа предъявленных гражданских исков оставлено без рассмотрения или передано для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства [8].

Данные обстоятельства побудили автора проанализировать суть этого правового явления в соответствии с реалиями современного состояния уголовного процесса, переосмыслить с учетом вышеизложенного ряд положений, составляющих теоретическую основу института гражданского иска в уголовном судопроизводстве и предложить пути оптимизации деятельности следователей по обеспечению права лица на предъявление гражданского иска по уголовному делу.

В уголовном процессе обязанность государства обеспечить надлежащую защиту гражданских прав потерпевших реализуется путем разрешения гражданских исков о возмещении физического, имущественного и морального вреда.

Под гражданским иском в уголовном процессе понимается требование физического или юридического лица о возмещении причиненного непосредственно преступлением физического, имущественного вреда или об имущественной компенсации морального вреда к подозреваемому, обвиняемому, подсудимому либо лицам, которые в соответствии с законодательством РФ

несут ответственность за причиненный ими вред, заявленное при производстве по уголовному делу (ч. 1 ст. 42, ч. 1 ст. 44 УПК РФ) [2].

Институт гражданского иска в уголовном судопроизводстве призван обеспечивать эффективную защиту потерпевших от преступлений и реализацию назначения уголовного судопроизводства. Здесь он является «льготным» и может быть реализован пострадавшим намного быстрее, дешевле, качественнее (поскольку доказательства собирает не сам гражданский истец, а следователь). К сожалению, в настоящее время правоприменители часто игнорируют данный институт, поэтому возмещение причиненного преступлением вреда остается крайне низким.

Таким образом, анализ статистических данных, следственной и судебной практики деятельности правоприменителей по обеспечению права лица на предъявление гражданского иска по уголовному делу позволил сформулировать некоторые выводы и предложения:

1. Необходимо выделить несколько предпосылок для формирования выявленной тенденции – уменьшения общего числа гражданских исков, предъявляемых в уголовном процессе, а также гражданских исков, рассмотренных судами вместе с уголовными делами. В большинстве своём они комплексные и обусловлены недостаточным уровнем профессиональной подготовки правоприменителей (сложность вызывает необходимость обращения к гражданскому и гражданско-процессуальному законодательству), а также некоторыми пробелами в нормативных правовых актах.

2. В соответствии со ст. 160¹ УПК РФ «Меры по обеспечению гражданского иска, конфискации имущества и иных имущественных взысканий» следователь должен незамедлительно принять меры по обеспечению гражданского иска [2]. При этом арсенал данных средств в распоряжении следователя обширен: направлении запросов о получении информации об имуществе и имущественных правах обвиняемого (подозреваемого); проведение следственных действий, направленных на обнаружение и изъятие имущества (осмотры, допросы, выемки, обыски и др.); иные процессуальные действия (наложение ареста на имущество и на ценные бумаги); поручение оперативно-розыскных мероприятий оперативным подразделениям. Однако правоприменители не торопятся его применять, а нередко перекладывают на суды возмещение причиненного преступлением вреда.

3. В ходе анкетирования и интервьюирования следователей было установлено, что большинство из них в своей деятельности по обеспечению права лица на предъявление гражданского иска по уголовному делу: разъяснении потерпевшему, другим заинтересованным лицам права на заявление гражданского иска, последующее признание данного лица гражданским истцом по уголовному делу, привлечение виновного в качестве гражданского ответчика, принятие мер по обеспечению гражданского иска, последующее ознакомление данных лиц с материалами уголовного дела, видит дополнительную и затратную по времени работу, поэтому любыми способами пытается ее избежать. Логика в данном случае понятная: загруженность уголовными делами, кадровый голод не способствуют инициативности со стороны следователя. При этом наложение ареста на имущество также требует значительной подготовительной и последующей, связанной с хранением изъятых имущества и ответственностью за него, работы. Однако, это является слабым оправданием для правоприменителей.

4. Полагаем, что процессуальную регламентацию данного направления процессуальной деятельности возможно усовершенствовать. В частности, обязать следователя разъяснять потерпевшему право на гражданский иск, осуществлять помощь в его подготовке и принятии мер по его обеспечению по каждому уголовному делу. При этом осуществлять в данном направлении, как ведомственный контроль со стороны руководителя следственного органа, так и прокурорский надзор.

5. Алгоритм действий следователя по обеспечению реализации права лица на предъявление гражданского иска по уголовному делу представляется нам универсальным и ему должен последовательно следовать каждый правоприменитель.

6. В целях обеспечения единообразного применения закона о гражданском иске по уголовному делу в уголовном судопроизводстве востребованы разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации [5] по спорным вопросам, по основаниям предоставления отсрочки исполнения приговора в части присужденных возмещения имущественного ущерба и компенсации морального вреда.

7. Помимо сугубо правовых мер, для повышения эффективности деятельности следователей при применении института гражданского иска в уголовном процессе представляется целесообразным в системе профессиональной подго-

товки следователей ОВД уделять должное внимание правовой грамотности сотрудников, применительно к данному направлению деятельности.

Таким образом, с учетом вышеизложенного, очевидно, что гражданский иск в уголовном процессе является своеобразным «льготным», но действительно эффективным механизмом обеспечения возмещения вреда, причиненного потерпевшим, восстановления их нарушенных прав и справедливости. Однако проблема непрофессионализма следователей в вопросах предъявления гражданского иска и его обеспечения в уголовном процессе существенно затрудняет успешное функционирование данного института в уголовном судопроизводстве. Решать обозначенную проблему необходимо комплексно: совершенствуя уголовно-процессуальное законодательство по данному направлению и повышая правовую грамотность лиц, осуществляющих предварительное расследование по уголовным делам.

Библиографический список:

1. См.: Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Российское законодательство X – XX вв.: в 9 т. Т. 8: Судебная реформа. М., 1991.
2. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. 23.09.2021) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 51-ФЗ (изм. от 26.10.2021). // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021). // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2020 № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».
6. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <http://cdep.ru/index.php?id=80> (дата обращения 10.10.2021).
7. Состояние преступности в России [Электронный ресурс] Режим доступа: URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/dejatelnost/statistics> (дата обращения 25.10.2021).

8. Данные получены на сайте Судебного Департамента при Верховном Суде РФ в разделе «Судебная статистика». URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 11.10.2021).

9. Лугинец Э.Ф. О некоторых «наболевших» проблемах предъявления гражданского иска в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы предварительного следствия: сб. материалов всероссийской научно-практической конференции. Нижний Новгород: НА МВД России, 2020. С. 226 – 232.

10. Лугинец Э.Ф. Непрофессионализм правоприменителей как одна из важных причин неэффективности института гражданского иска в уголовном процессе // Научный альманах: сборник научных трудов. – Выпуск 4. М., 2019. С. 210 – 214.

© Э.Ф. Лугинец, 2021

Лугинец Эльвира Фаильевна,
доцент кафедры уголовного процесса УНК по ПС в ОВД
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТАХ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Институт гражданского иска в уголовном судопроизводстве призван обеспечивать эффективную защиту потерпевших от преступлений и реализацию назначения уголовного судопроизводства. Не случайно его называют «льготным». Ведь в уголовном процессе, в отличие от гражданского, право на гражданский иск может быть реализовано пострадавшим намного эффективнее: быстрее, дешевле, качественнее (так как доказательства собирает не сам гражданский истец, а следователь). Однако, не смотря на все явные плюсы и преимущества, правоприменители (следователи, дознаватели, судьи) зачастую игнорируют данный институт и не желают обременять себя лишними обязанностями, поэтому возмещение причиненного преступлением вреда

остается крайне низким, как и разрешение гражданских исков по уголовным делам (всего 6-10 % рассмотренных уголовных дел).

Гражданский иск в уголовном процессе представляет собой требование физического или юридического лица о возмещении причиненного непосредственно преступлением физического, имущественного вреда или об имущественной компенсации морального вреда к подозреваемому, обвиняемому, подсудимому либо лицам, которые в соответствии с законодательством РФ несут ответственность за причиненный ими вред, заявленное при производстве по уголовному делу (ч. 1 ст. 42, ч. 1 ст. 44 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации)¹ [1].

Гражданский иск в уголовном судопроизводстве имеет смешанную материально-правовую природу и сугубо уголовно-процессуальный порядок разрешения. Его материальную основу составляет право потерпевшего на возмещение имущественного вреда, причиненного преступлением, и на компенсацию в денежном выражении морального вреда при рассмотрении уголовного дела (ч. ч. 3, 4 ст. 42 УПК РФ [1]; положения ст. 151 и гл. 59 Гражданского кодекса Российской Федерации² [2]). При этом именно уголовно-процессуальное законодательство закрепляет обязательное условие реализации права на возмещение имущественного вреда и на имущественную компенсацию морального вреда в рамках рассмотрения уголовного дела – непосредственную взаимосвязь между причиненным вредом, преступлением и лицом, претендующим на возмещение (компенсацию). Только при наличии такой взаимосвязи физическое или юридическое лицо приобретает статус гражданского истца как участника уголовного судопроизводства [4] и, соответственно, получает право на рассмотрение своих исковых требований в уголовно-процессуальном порядке. В соответствии с ГК РФ определяется правомочность представителей гражданского истца и гражданского ответчика (ч. 1 ст. 45, ч.1 ст. 55 УПК РФ [1]).

Перед учеными и правоприменителями давно стоит вопрос: Возможно ли разрешение гражданского иска, заявленного в рамках производства по уголовному делу, с применением норм гражданского процессуального законодательства? Есть мнения, что возможно: поскольку данный вопрос законодательно не урегулирован, то необходимо официально закрепить правило конку-

¹ Далее по тексту – УПК РФ.

² Далее по тексту – ГК РФ.

ренции уголовного и гражданского процессуальных законов, то есть допустить возможность применения норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации¹ [3] при наличии пробела в УПК РФ [5].

Однако порядок уголовного судопроизводства на территории РФ устанавливается только УПК РФ, основанном на Конституции Российской Федерации (ч. 1 ст. 1 УПК РФ) [1]. При этом кодекс четко разграничивает процедуры разрешения требований о возмещении (компенсации) вреда, причиненного преступлением: либо сугубо в соответствии с УПК РФ, либо в порядке гражданского судопроизводства. Так, в рамках уголовного процесса невозможно разрешение споров о принадлежности вещественных доказательств (п. 6 ч. 3 ст. 81 УПК РФ); рассмотрение гражданского иска, предъявленного в рамках прекращенного уголовного дела (ч. 4 ст. 213, ч. 10 ст. 246, ч. 3 ст. 250, ч. 2 ст. 306 УПК РФ); предъявленного к причинителю вреда, в отношении которого применены меры медицинского характера [6].

Кроме того, в уголовном процессе неприменимы процессуальные инструменты, присущие гражданскому судопроизводству, например: предъявление встречного иска, увеличение суммы компенсации (возмещения) причиненного вреда с учетом индексации в порядке исполнения приговора, процессуальное правопреемство гражданского истца и др. [7].

Таким образом, считаем необходимым привести нормативно-правовые акты, к которым необходимо обращаться правоприменителю при обеспечении в уголовном процессе права лица на предъявление гражданского иска:

- Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью, в ней под жертвами преступлений понимаются лица, которым индивидуально или коллективно был причинен вред, включая телесные повреждения или моральный ущерб, эмоциональные страдания, материальный ущерб или существенное ущемление их основных прав в результате действия или бездействия, нарушающего действующие национальные уголовные законы государств, включая законы, запрещающие преступное злоупотребление властью.

- Конвенция о защите прав человека и основных свобод ETS № 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изменениями и дополнениями).

¹ Далее по тексту – ГПК РФ.

- Конституция Российской Федерации. В соответствии с ч. 1 ст. 1 основного закона Россия является правовым государством, в котором соблюдаются, охраняются и гарантируются права граждан и юридических лиц. Права потерпевших от преступлений охраняются законом, им обеспечивается доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба (ст. ст. 35, 46, 52).

- УПК РФ:

ст. 6 «Назначение уголовного судопроизводства»,

ст. 31 «Подсудность уголовных дел»,

ст. 42 «Потерпевший»,

ст. 44 «Гражданский истец»,

ст. 45 «Представители потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя»,

ст. 54 «Гражданский ответчик»,

ст. 55 «Представитель гражданского ответчика»,

ст. 250 «Участие гражданского истца и гражданского ответчика»,

ст. 115 «Наложение ареста на имущество»,

ст. 115¹ «Порядок продления срока применения меры процессуального принуждения в виде наложение ареста на имущество»,

ст. 116 «Особенности порядка наложение ареста на ценные бумаги»,

ст. 160¹ «Меры по обеспечению гражданского иска, конфискации имущества и иных имущественных взысканий»,

ст. 213 «Постановление о прекращении уголовного дела и уголовного преследования»,

ст. 309 «Иные вопросы, подлежащие решению в резолютивной части приговора».

- УК РФ:

гл. 15¹ «Конфискация имущества»

- ГПК РФ:

ст. 31 «Подсудность нескольких связанных между собой дел» (гражданский иск, вытекающий из уголовного дела в случаях, когда он не был предъявлен или разрешен в рамках уголовного дела, предъявляется для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства),

гл. 3 «Подсудность»,

ст. 61 «Основания для освобождения от доказывания».

- ГК РФ:

ст. 15 «Возмещение убытков»,
гл. 8 «Нематериальные блага и их защита»,
ст. 53 «Органы юридического лица»,
ст. 125 «Порядок участия Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований в отношениях, регулируемых гражданским законодательством»,
ст. 151 «Компенсация морального вреда»,
ст. 152 «Защита чести, достоинства и деловой репутации»,
ст. 185 «Общие положения о доверенности»,
ст. 185¹ «Удостоверение доверенности»
ст. 186 «Срок доверенности»,
ст. 196 «Общий срок исковой давности»,
ст. 200 «Начало течения срока исковой давности»
ст. 214 «Право государственной собственности»,
ст. 215 «Право муниципальной собственности»,
ст. 395 «Ответственность за неисполнение денежного обязательства»,
ст. 1064 «Общие основания ответственности за причинение вреда»,
ст. 1080 «Ответственность за совместно причиненный вред»,
ст. 1101 «Способ и размер компенсации морального вреда».

Для обеспечения единства правоприменительной практики при разрешении и рассмотрении гражданских исков по уголовным делам и для разрешения возникающих в связи этим вопросов также необходимо обращаться к разъяснениям Пленума Верховного Суда Российской Федерации, нашедшим свое отражение в соответствующих постановлениях:

- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.1994 г. № 10 (ред. от 06.02.2007) «Некоторые вопросы применения законодательства о компенсации морального вреда»;

- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 г. № 17 (ред. от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»;

- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»;

- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»;

- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре»;

- Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 19.12.2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции (общий порядок судопроизводства);

- Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 26 ноября 2019 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления»;

- Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 13.10.2020 г. № 23 «О практике рассмотрения судами гражданского иска по уголовному делу».

На основании изложенного, можно подытожить, что компетентность правоприменителей в нормативно-правовой базе, регламентирующей институт гражданского иска, позволит им реализовывать все его возможности и преимущества в уголовном судопроизводстве и соответственно надлежащим образом обеспечить права потерпевших, гражданских истцов, гражданских ответчиков по уголовному делу.

Библиографический список:

1. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. 23.09.2021) // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 51-ФЗ (изм. от 26.10.2021). // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.07.2021). // Справочно-правовая система «КонсультанПлюс».

4. См.: определение КС РФ от 17.07.2012 г. № 1318-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Хабуре Юрия Валентиновича на нарушение его конституционных прав статьями 42 и 44 УПК РФ».

5. См. Сойников М.А. Гражданский иск в уголовном процессе: история, современность, перспективы // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 10. С. 60-64.

6. См.: п. 25 Постановления Пленума ВС РФ от 29.06.2010 № 17 (ред. от 16.05.2017) «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

7. Матейкович М.С. Гражданский иск в уголовном судопроизводстве: закон, доктрина, судебная практика // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 103-118.

© Э.Ф. Лугинец, 2021

Макогон Ирина Викторовна,
доцент кафедры предварительного расследования
УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России
кандидат юридических наук, доцент

ИНТЕРЕСНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

В настоящее время большое число юристов, ученых, практиков отмечают важность предварительного следствия, правильность его проведения приводит к законному и обоснованно вынесенному итоговому акту по уголовному делу.

От объективного, всестороннего проведения следствия зависят судьбы людей. А основная роль в этом процессе отведена следователю.

Следователем (статья 5 УПК РФ) является должностное лицо, уполномоченное осуществлять предварительное следствие по уголовному делу, а также иные полномочия, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. Следователь – самостоятельный субъект уголовного процесса, который направляет ход расследования уголовного дела и выполняет необходимые процессуальные действия.

Статьей 38 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации установлено правовое положение следователя.

Следователь уполномочен возбуждать уголовное дело, принимать уголовное дело к своему производству, передавать его руководителю следственного органа для направления по подследственности, как уже было выше сказано, самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда требуется получение судебного решения или согласия руководителя следственного органа, давать органу дознания обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении, обжаловать с согласия руководителя следственного органа решение прокурора об отмене постановления о возбуждении уголовного дела, о возвращении уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков, осуществлять иные полномочия, предусмотренные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации [1, с. 15].

Несмотря на ряд полномочий, предоставленных следователю, согласно Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, для реализации своей процессуальной самостоятельности, следователь все же ограничен в своих действиях определенным контролем со стороны руководителя следственного органа.

Совокупность специальных организационно-правовых средств, которые целенаправленно и поэтапно используются для реализации процессуальной самостоятельности следователя, представляет собой единый механизм [2, с. 122].

В законодательство были внесены изменения, которые позволили повысить правовой статус должностного лица органа следствия, тем самым предоставив ему возможность исполнять руководящие функции на стадии предварительного следствия.

Основным изменением реформы следственного аппарата 2007 года является отделение его от органов прокуратуры, соответственно распределение полномочий прокурора и руководителя следственного органа, образование Следственного комитета Российской Федерации.

Процессуальную самостоятельность следователя можно рассматривать с разных сторон. С одной стороны, процессуальная самостоятельность следователя реализуется внутри ведомства, при этом следователь зависим в принятии решений от руководителя следственного органа. С другой стороны, процессуальная самостоятельность следователя реализуется в его отношениях с другими участниками уголовного процесса, например, прокурором,

В соответствии со взглядами А.И. Александрова [3, с. 39], в настоящее время широкое обсуждение ведется вокруг вопроса объединения всего следствия в «одних руках», в также рассматриваются различные формы контроля руководителя следственного органа за подчиненными сотрудниками. В то же время, недостаточно внимания уделяется принципу законности, проблемам её соблюдения, мерам по предотвращению нарушений. Ученый делает акцент на том, что соблюдение законности закреплено в Основном законе Российской Федерации как форма обеспечения прав человека и гражданина, следовательно, роль надзора прокурора за состоянием законности в нашем государстве в целом и за органами предварительного расследования в частности следует усилить, расширив соответствующие процессуальные полномочия работников прокуратуры.

Процессуальная независимость или другими словами самостоятельность следователя приводит к возникновению и персональной ответственности. УК РФ присутствует 9 статей, устанавливающих наказание за преступления, субъектом которых может выступать в том числе и работник следственных органов (ст. 285, 286, 292, 293, 299, 301-303, 312 УК РФ). В то же время, в Уголовно-процессуальном кодексе РФ перечислены формы процессуальной ответственности данного должностного лица: незаконные и необоснованные решения следователя могут быть отменены прокурором, признание доказательства недопустимым и возвращение уголовного дела следователю для производства дополнительного следствия, изменения объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или пересоставления обвинительного заключения и устранения выявленных недостатков и т. д.

Переосмысливая вышеизложенное, нельзя полностью признать абсолютно верным высказывание В.М. Корнукова, о том, что «сплошное попечительство начальником, а также безукоризненное исполнение его предписаний – фундамент для действий следователя. Несмотря на это, многие следственные работники согласны с таким положением дел, так как допускает безответствен-

ность. Следователь несет ответ - формально – за все, а на самом деле – нет. Ну, а, если следователя подвергают наказанию, то уж «колотят» от души» [4, с. 39].

Следователь подвергается еще и дисциплинарной ответственности. При таких обстоятельствах нами предлагается создание квалификационных комиссий, в следственных органах, и им могли бы предоставить право рассматривать случаи, связанные с дисциплинарной ответственностью следователей. Предполагается, что состав подобных комиссий будет из руководителей органов следствия, их заместителей, следователей с большим опытом работы, прокуроров.

Процессуальную самостоятельность следователя нам хотелось бы видеть в следующем варианте: следователь получает данные о свидетеле, он обязан допросить свидетеля, принимается решение о допросе, а вот время исполнения данной обязанности (сейчас или через несколько дней), выбор в этом вопросе хотелось бы оставить за следователем, так как он более осведомлен о том, когда провести это следственное действие будет более эффективно. При неэффективных действиях следственного работника в момент исполнения принятого решения, (примером может служить: принуждение обвиняемого к даче показаний) – служит основанием для наступления юридической ответственности.

Таким образом, напрашивается вывод, что при наличии в настоящее время разных взглядов, мнений на существующую проблему процессуальной самостоятельности следователя, единого мнения по данному вопросу не выработано.

Достижение назначения уголовного судопроизводства следователем возможно только при реализации им своей процессуальной самостоятельности, под которой мы понимаем гарантированную государством и реализуемую в установленном законом порядке обязанность следователя самостоятельно и эффективно направлять ход расследования, принимать и осуществлять решения, предусмотренные уголовно-процессуальным законом.

Библиографический список:

1. Рытькова В.Ю. Правовое регулирование процессуального статуса следователя в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2007. С. 51.

2. Зотов А.Ю. Процессуальная самостоятельность следователя как его правовое состояние // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 1(27). С. 121-123.

3. Александров А. И. Проблемы организации предварительного следствия в Российской Федерации: направление реформирования // Российский следователь. 2011. № 1. С. 39.

4. Корнуков В. М. Процессуальные полномочия, профессиональное мастерство и ответственность следователя: взаимосвязь и перспективы совершенствования // Стратегии уголовного судопроизводства [Электронный ресурс]: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 160-летней годовщине со дня рожд. проф. И. Я. Фойницкого. 11-12 окт. 2007 г. (Санкт-Петербург). СПб., 2007. URL: <http://iuaj.net>.

© И.В. Макогон, 2021

Макогон Ирина Викторовна,
доцент кафедры предварительного расследования
УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России
кандидат юридических наук, доцент

СПЕЦИФИКА ПРИМЕНЕНИЯ ФОТОГРАФИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ФИКСАЦИИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Осмотр места происшествия – это следственное действие, которое относится к неотложным следственным действиям. По итогам выполнения осмотра, следователь (дознаватель) могут выдвигать и проверять версии о событии преступления, его механизме и участниках. Именно на этом этапе следователю удастся проанализировать и собрать множество информационных и доказательственных фактов, которые позволят в дальнейшем сделать вывод о том, что же произошло на месте преступления, является ли подозреваемый виновным и т.д. На этом этапе благодаря собранным данным следователем выстраиваются определенные следственные схемы произошедшего и делаются важные выводы относительно дальнейшего расследования.

Зачастую информации на месте происшествия бывает так много, что письменные данные, фиксирующие обстоятельства на месте происшествия, бывают мало эффективными и не так информативны. Именно поэтому вместе с

ведением протокола на месте происшествия следователем также используются и другие средства для фиксации данных, в том числе и фотографические.

В связи с тем, что современная фотография постоянно совершенствуется и изменяется, в последнее время следователи отдают предпочтение таким методам фотографии, как цифровая фотография. Именно цифровая фотография позволяет сделать максимальное количество снимков места происшествия, зафиксировав любые даже самые мелкие детали места происшествия, уточнить самые маленькие обстоятельства места преступления, чтобы ничего не упустить из вида.

Для фиксации хода и результатов осмотра места происшествия осуществляются ориентирующая, обзорная, узловая и детальная виды съемки [1, с. 46].

При осуществлении фотографирования места происшествия следуют обычной логики осмотра места происшествия, то есть фотографии на месте происшествия делаются параллельно ходу осмотра места происшествия.

Тем не менее, есть определенные правила фотофиксации места происшествия, связанные с особенностями цифровой фотокамеры, а также, например, тем, где присутствует место происшествия: на открытой местности, или в помещении.

При осуществлении фотографирования различных объектов в помещении необходимо следить за тем, чтобы сами необходимые объекты не сливались с той поверхностью, на которой они были найдены. Особенно это актуально для съемки в помещениях с недостаточным освещением. В этих условиях для повышения их четкости и контрастности подобные объекты помещают на контрастный фон, например, на белую бумагу. Предварительно нужно произвести детальную фотосъемку данных объектов на той поверхности, где они были найдены. И только после этого делают контрастную фотосъемку. При этом детальная фотосъемка осуществляется с помощью измерительной шкалы для повышения наглядности и информативности отмечаемых объектов для исследования.

Несмотря на то, что цифровая фотография является достаточно точным и удобным инструментом для фиксации объектов на месте преступления, тем не менее, зачастую цветовая гамма объектов, подлежащих фотографированию, и цветопередача цифровой фотокамеры могут в значительной степени отличаться. Это, кстати, свойственно и обычным пленочным фотоаппаратам.

При этом стоит помнить, что цветопередача будет в значительной степени различаться и в зависимости от марки фотоаппаратов, а также наличия или отсутствия освещения в помещении, вида освещения. Например, искусственное освещение сильно меняет цветопередачу, а некоторые марки фотоаппаратов «уходят» в желтый или зеленый цвет. Об этом необходимо помнить в процессе осуществления фотосъемки места происшествия.

Для коррекции цветовой гаммы в последующем можно использовать определенные свойства фотошопа, который корректирует цветовую гамму в соответствии с цветовой линейкой. Также следует применить и так называемый криминалистический определитель цвета. Все это делается для того, чтобы в будущем знать точно цветовую гамму тех или иных объектов. Это бывает важно для расследования преступления. Помимо мелких объектов на месте происшествия могут быть обнаружены объекты особо больших размеров, детальную фотосъемку которых невозможно провести.

В этих случаях используют фотографирование со всех сторон – круговую панорамную фотосъемку для получения максимально полной картины относительно изучаемого объекта. Здесь также важно использовать цифровую шкалу. Поскольку объект является слишком большим, целесообразно использовать в качестве измерительной шкалы какие-то крупные предметы. К ним можно отнести, например, криминалистический чемодан. На нем можно краской нанести шкалу делений с цифрами. Также в этих целях можно использовать и штатив от фотоаппарата. Стоит заметить, что такую измерительную шкалу не стоит ставить перед объектом для фотографирования.

Целесообразнее всего такую измерительную шкалу ставить либо справа, либо слева от фотографируемого объекта, так, чтобы измерительная шкала находилась в одной плоскости с фотографируемой стороной крупного объекта.

Только после этого можно приступать к фотографированию тех деталей крупного объекта, его отдельных элементов, которые следователем считаются важными для формирования полной картины обстоятельств дела. Здесь объектами для фотографии могут быть какие-то следы, царапины, номера, надписи, повреждения и т.д. Не стоит забывать, что здесь также важно использовать линейку со шкалой измерения.

Фотографирование следов рук на месте происшествия представляет некоторые сложности, поэтому обычно фотографируют предметы, на которых обнаружены эти следы. Очень часто бывают ситуации, когда зафиксированные

на дактилоскопическую пленку следы пальцев рук в дальнейшем стираются, теряют четкость. Проще говоря, портятся. В этой ситуации, как правило, следователь пишет, что снятые следы пальцев рук не пригодны для опознавания. Это является существенным недостатком в работе следователя, так как не позволяет ему определить полную картину всего происходящего. Именно поэтому в криминалистике и экспертной деятельности рекомендуется до изъятия дактилоскопической пленки со следами рук произвести макросъемку данных следов. Это позволит зафиксировать все обстоятельства дела, сохранить следы пальцев рук на цифровом снимке для их дальнейшего использования и опознавания.

Дело в том, что, исходя из логики криминалистического исследования, зафиксированные на дактилоскопическую пленку следы пальцев рук также подлежат оцифровке и перенесению на электронный носитель. Так что фактически, цифровая макросъемка в данном случае также является средством фиксации следов пальцев рук [2, с. 37].

Однако даже здесь при проведении цифровой макросъемки следов пальцев рук необходимо придерживаться определенных строгих правил при проведении подобного действия.

Рассмотрим эти основные правила:

1) На первом этапе проводимой фотосъемки необходимо провести узловую фотографию, то есть сфотографировать найденные следы с элементами местности или местом, участком территории, на котором были обнаружены данные следы; после этого данные фотографии необходимо оформить в виде фототаблицы и приложить ее к протоколу осмотра места происшествия.

2) На втором этапе проводят макросъемку следов пальцев рук, однако при этом необходимо сфотографировать методом макрофотосъемки следы пальцев рук, однако здесь необходимо следить, что фотография не получилась смазанной. Для этих целей рекомендуется в обязательном порядке пользоваться штативом и также применять функцию фотоаппарата – стабилизация изображения. При этом правилом макросъемки является то, что снимок следа должен максимально заполнять пространство объектива, а в дальнейшем, и фотоснимка. Не надо забывать о том, что здесь измерительная шкала также должна находиться в одной плоскости с фотографируемыми следами, а не перед объектом. Так максимально сохранится объект съемки. При этом стоит

установить максимальное разрешение экрана для выполнения данной съемки, чтобы максимально четко зафиксировать указанные следы.

Уже говорилось ранее, что светопередаче также уделяется большое значение. В этой связи рекомендуется использовать вспышку в количестве двух штук. Вспышки должны быть расположены по углом 45° к объекту съемки. Не стоит использовать фотовспышку, встроенную в фотоаппарат, она может сильно исказить объекты фотопередачи.

3) После проведения всех манипуляций эксперту или криминалисту необходимо провести контрольный осмотр произведенных фотоснимков, чтобы исключить снимки, на которых объекты будут выглядеть смазанными. Если такие фотографии все же присутствуют, то необходимо в срочном порядке произвести еще одну серию снимков взамен смазанных фотографий.

Некоторые особенности имеет фотографирование следов выстрела из гладкоствольного оружия. Перед съемкой площадь, занимаемую следами, целесообразно очертить мелом или карандашом, а в дробовые каналы вставить спички, надев на них маленькие кусочки бумаги (белой или черной – в зависимости от цвета преграды), что облегчит определение по масштабному снимку площадь разлета дроби, количество попавших дробинок и направление их полета. Рекомендуется подобрать освещение таким образом, чтобы не образовывались резкие тени от спичек с бумажками, а выделялись четко дробовые каналы [3, с. 214].

При фотографировании следов крови следует использовать светофильтры, подбирая их в зависимости от цвета поверхности, на которой они обнаружены. Так, например, часто подлежат фотофиксации следы крови на стене. В данном случае средствами письменной и устной речи довольно сложно охарактеризовать обстоятельства места происшествия, характер следов крови, их особенности. Поэтому в данном случае именно фотографии непосредственно передают картины следов крови.

Существуют определенные правила фотографирования следов крови в закрытом помещении. Фотографировать надо таким образом, чтобы все фотографии были максимально полезны и понятны судебному медику. В дальнейшем по фотографии ему предстоит определить механизм и источник образования подобных следов: брызги крови в результате взмаха окровавленной конечностью, падения с высоты, от удара, выстрела и т.д. [3, с. 156].

В общем случае фотофиксация следов крови на месте происшествия имеет схожие правила с фотофиксацией следов пальцев рук. Так, на первом этапе следует сделать узловую фотосъемку, то есть сфотографировать следы крови вместе с поверхностью или местом, на котором они были обнаружены.

Затем проводится макросъемка, как и в случае с фотофиксацией следов пальцев рук, то есть фиксируются следы крови с использованием измерительной линейки.

Часто в криминалистической и следственной практике присутствуют случаи, когда следов крови бывает слишком много. В данном случае вместо одного измерительного элемента – линейки используют несколько, поставленные друг относительно друга под прямым углом.

В случае, если производится фотоснимок следов крови на вертикальной стене, например, стене комнаты, то в данном случае необходимо заднюю стенку фотоаппарата выровнять перпендикулярно полу.

Все это делается для облегчения работы судебного медика, который лишь по фотографиям должен установить угол падения следов крови, и на основании этого сделать вывод относительно характера и причины появления следов крови, места и механизма их возникновения.

При обнаружении трупа на месте происшествия его в первую очередь фотографируют по методу узловой фотосъемки. При этом в обязательном порядке «захватывают» и место, где труп был обнаружен, элементы интерьера и т.д. Более четкая картина будет, если сделать фотографию трупа относительно, например, окон, дверей, мебели в помещении. В помещении принято фотографировать труп на входе в комнату, так картина происходящего будет более четкая и полная.

При фотофиксации положения трупа, делают несколько фотоснимков с разных ракурсов и точек обзора на высоте человеческого роста. При этом здесь также в обязательном порядке необходим измерительный инструмент. В данном случае растягивают измерительную ленту. А фотографии делают по типу панорамной фотосъемки. При этом фотоаппарат продвигают вдоль продольной оси положения трупа в комнате. В дальнейшем все снимки сделанные снимки можно объединить в общую панорамную фотографию при помощи специальных цифровых устройств. Это даст максимально полную и целостную картину относительно положения трупа в комнате, особенностей

его положения. И позволит сделать уже первые предположения относительно его положения, и характера всего произошедшего.

Важно, чтобы в процессе фотофиксации обнаруженного трупа на месте преступления присутствовал судебный эксперт-медик. Он будет контролировать процесс съемки. И это поможет в дальнейшем выявить наиболее точную и взаимосвязанную картину всего происходящего и облегчит работу судебного эксперта, который будет делать заключение относительно положения трупа, причины смерти, характера повреждений, времени смерти и т.д. Не редко данную рекомендацию следователи игнорируют и выезжают на осмотр места происшествия без судебного медика.

Часто бывают случаи, когда, части трупа, или сам труп и отдельные вещественные доказательства, свидетельствующие о месте происшествия, могут находиться на довольно сильно удаленном расстоянии друг от друга.

В этих случаях фотографирование производят с возвышенных мест или каких-либо возвышений. Это помогает захватить в кадр все события произошедшего на месте преступления. Также в снимок стараются включить и определенные ориентиры, неподвижные предметы, относительно которых можно ориентироваться при поиске и изучении отдельных вещественных доказательств.

Именно в результате такой ориентирующей фотосъемки иногда следователю становятся видны новые доказательственные элементы или новые обстоятельства дела, которые в дальнейшем повлияют на весь ход расследования.

Так, например, именно во время обзорной фотосъемки специалисты-криминалисты, следователи находят новые вещи: носовой платок, окурок, пачка от сигареты, вещи, принадлежащие жертве или преступнику, какие-либо следы, которые также принадлежат либо жертве, либо преступнику. Все это в дальнейшем будет собрано, и возможно использовано как улика или доказательство и может быть применено на последующих этапах проводимого расследования, но такое к сожалению, происходит не часто, это связано, в первую очередь с тем, что при первичном осмотре места происшествия, как правило, все улики и вещественные доказательства уже найдены и изъяты для дальнейшей экспертизы и приобщения к материалу доследственной проверки.

В тех случаях, если невозможно сделать качественные фотоснимки места происшествия и трупа в связи с тем, что место преступления скрыто особенностями местности и рельефа – складками местности, кустарника, деревьями и т.д., в таких случаях применяют так называемые вехи – указатели.

При выполнении узловой фотосъемки при этом в кадр обязательно должны попадать те ориентиры, которые использовались при фотографировании обзорного характера. Это нужно, для связи между узловыми и ориентирующими фотографиями. Только в этом случае у следователя воссоздастся полная картина [1, с. 35]

Часто случается так, что все указанные выше правила выполнения обзорной и узловой фотосъемки не всегда выполняются. Часто при осуществлении фотофиксации событий на месте происшествия такими правила пренебрегают.

Перечислим имеющиеся правила относительно оформления результатов цифровой фотосъемки осмотра места происшествия.

1. Цифровой вариант снимков должен быть сохранен на сменном носителе компьютерной информации.

2. К протоколу прилагаются две копии фотоизображений. Одна из них должна носить печатный вид, другая электронный. Однако, если говорить об изображении на бумажном носителе, то это должно быть качественное изображение сделанное на специально фотопринтере. Поскольку если распечатать изображение на обычном принтере, на обычной бумаге, то его качество не будет соответствовать необходимому, для того чтобы четко увидеть изображение.

В процессе расследования четкое изображение фотографии имеет практическое значение, так как речь идет о сохранении и достоверности информации, которую отображает фотоснимок. К сожалению, на практике часто следует нарушение, которое заключается в отсутствии цифрового варианта фотоснимков, прилагаемого к протоколу осмотра места происшествия.

Современная практика к таким цифровым носителям относит компакт-диск, поскольку это наиболее удобный вариант приложения к печатным материалам уголовного дела. Перенести цифровую информацию на компакт-диск необходимо сразу же после окончания фотосъемки. Компакт-диск является предпочтительной формы цифрового носителя еще по той причине, что на нем удобно делать рукописные записи, поскольку должны быть зафиксированы подпись следователя, специалиста и понятых, печать, а также индивидуальный серийный номер.

Безусловно в ходе осмотра места происшествия колоссальную помощь в проведении качественного осмотра места происшествия, обнаружении, фиксации и правильной упаковке объектов оказывает следователю специалист-криминалист, но не редки случаи, когда в состав следственно-оперативной

группы не входит данный участник по различным причинам и тогда следователю приходится самостоятельно осуществлять фиксацию обстановки на месте происшествия и приходится рассчитывать только на свои силы, умения, опыт. Поэтому знания в области правильного осуществления фотографирования, приведенные выше следователю жизненно необходимы.

Итак, в заключении необходимо отметить, что цифровая фотография в современной практике расследования уголовных дел является практически значимой. Цифровая фотокамера является доступной и легко используемой не только специалистом, ну и самим следователем. Однако в процессе применения цифровой фотокамеры должны соблюдаться правила цифровой фотосъемки, поскольку их нарушение приведет к невозможности приобщения фотоснимков в качестве доказательств.

Библиографический список:

1. Бытко, Ю.И. Лекции по уголовному праву России / Ю.И. Бытко. - М.: Юриздат, 2016. – 59 с.
2. Технологические основы судебно-экспертной деятельности. Участие специалиста в процессуальных и непроцессуальных действиях: учебно-методическое пособие / Под ред. В.А. Юматова. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2016.
3. Специальная техника органов внутренних дел: Часть 1. Учебник / под общ. Ред. Ю.А. Агафонова. – Краснодар: КрУ МВД России, 2011. – 245 с.: [Электронный ресурс] URL: <http://www.stavedu.ru>.

© И.В. Макогон, 2021

Митькова Юлия Сергеевна,
доцент кафедры уголовного процесса УНК по ПС в ОВД
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук

УПРОЩЕННОЕ ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Современные реалии состояния уголовной политики России обуславливают потребность поиска путей повышения эффективности уголовного

судопроизводства. Актуальной проблемой остается низкое качество материалов досудебного производства, направляемых органами предварительного расследования в суд, о чем красноречиво свидетельствует возрастающий объем возвращенных для производства дополнительного расследования уголовных дел.

Идея создания оптимальной модели досудебного уголовного судопроизводства на протяжении длительного периода занимает центральное место среди наиболее обсуждаемых в теории уголовно-процессуального права и правоприменительной деятельности.

В последнее время данный вопрос выведен на государственный уровень, о чем можно судить по находящимся на рассмотрении в Государственной Думе РФ законопроектам о новых моделях досудебного производства [1].

Изучение зарубежного опыта в данном направлении представляет определенную научную ценность, так как позволяет дифференцировать возможность его использования в отечественном уголовном судопроизводстве.

Обзор уголовно-процессуального законодательства некоторых иностранных государств показывает, что упрощенные процедуры досудебного производства по уголовным делам реализуются в рамках дознания либо ускоренного производства, проводимого полицией.

Так, в уголовно-процессуальном законодательстве Германии существует лишь одна форма досудебного производства – полицейское (прокурорское) дознание. Предварительное следствие как форма предварительного расследования было упразднено в 1974 году как не соответствующее ускоренной модели уголовного судопроизводства [2, с.16]. По своей сути, представляется, что такое дознание может считаться ускоренной формой досудебного производства. Примечательно, что немецкая прокуратура является органом дознания, тогда как на практике зачастую полиция самостоятельно проводит расследование и передает материалы прокурору для решения вопроса о возбуждении публичного обвинения. Дознание в Германии включает в себя производство полицией следственных действий и принятие процессуальных решений под руководством прокурора [3, с. 109].

В Германии отсутствует стадия возбуждения уголовного дела, производство начинается с момента проведения первых следственных действий. Вместе с тем, как и во Франции, но в отличие от России, дознание в германском уголовном процессе не имеет строго регламентированной законом формы и носит розыскной характер.

Для избрания меры пресечения в виде содержания под стражей прокурор или должностное лицо полиции обращается к участковому судье, который выдает соответствующий ордер [2, с. 17]. Германское полицейское дознание сроками не ограничено, лишь срок ареста не должен превышать шести месяцев. Дознание по УПК Германии оканчивается возбуждением обвинения и составлением прокурором обвинительного акта.

Ускоренное судебное производство по УПК ФРГ возможно по делам, рассматриваемым судьей единолично либо с участием заседателей при наличии письменного или устного ходатайства прокурора о вынесении решения в порядке ускоренного производства, если уголовное дело ввиду простоты обстоятельств преступления или ясности собранных доказательств пригодно для незамедлительного разбирательства [4].

УПК Чешской Республики допускает применение сокращенного предварительного производства по подсудным районному суду уголовным делам о преступлениях, за которые предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок не свыше 3 лет. Кроме этого, законодатель выделяет категории преступлений, по которым возможность сокращенного производства исключается. Например, о причинении смерти или тяжкого вреда здоровью по неосторожности или неосторожном создании угрозы пожара [4]. Выявление признаков преступления, а также первоначальное уголовное преследование осуществляется полицией под руководством прокурора.

Согласно УПК Республики Беларусь [5] (далее УПК РБ), ускоренное производство осуществляется наряду с предварительным следствием, и дознанием и является формой досудебного производства. Ускоренное производство в Беларуси допускается по делам о перечисленных в УПК конкретных составах преступлений, за совершение которых, как правило, может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок до 5 лет.

Процессуальный порядок ускоренного производства установлен главой 47 УПК РБ. Данная процедура расследования характеризуется тем, что собирание доказательств происходит до возбуждения уголовного дела путем получения объяснений лица, совершившего преступление, очевидцев и других лиц, истребования характеризующих данных о личности и другие материалы, что напоминает отечественную протокольную форму досудебной подготовки материалов дореформенной эпохи.

Изложенные положения законодательного регулирования упрощенных (ускоренных) досудебных процедур Германии, Чешской Республики, Республики Беларусь, в первую очередь объединяет отсутствие возбуждения уголовного дела как процессуального акта и стадии, знаменующей собой начало производства по уголовному делу. Субъектами реализации функции уголовного преследования в уголовно-процессуальных законах обозначенных государств выступают должностные лица органов полиции, руководство деятельностью которых осуществляет прокурор. Ускоренное производство по законодательству указанных государств, как правило, осуществляется по уголовным делам, которые обобщенно можно отнести к уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, которые не представляют правовой и фактической сложности в расследовании.

Библиографический список:

1. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части введения особого порядка досудебного производства)» [Электронный ресурс]. URL: https://mvd.ru/mvd/structure1/Departamenti/Dogovorno_pravovoj_departament/Publikacii_i_vistuplenija/item/3079668/?print=1 (дата обращения: 10.10.2021г.).

2. Калиновский К.Б. Уголовный процесс современных зарубежных государств: учеб. пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2000. 48 с.

3. Деришев Ю.В. Уголовное досудебное производство: концепция процедурного и функционально-правового построения: дисс. ...докт юрид. наук. Омск, 2005. 436 с.

4. Волеводз А.Г., Литвишко П.А. Упрощенное (ускоренное) уголовное судопроизводство в некоторых странах Европы // Российская юстиция. 2010. № 10. [Эл. ресурс]. Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс».

5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-З (с изменениями и дополнениями от 26.05.2021) [Электронный ресурс] URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958&pos=6;-108#pos=6;-108. (дата обращения: 10.10.2021г.).

© Ю.С. Митькова, 2021

Митькова Юлия Сергеевна,
доцент кафедры уголовного процесса УНК по ПС в ОВД
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ПРОКУРОРА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ

Прокурорский надзор в досудебном производстве выполняет важную роль инструмента обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Дознание, являясь упрощенной формой предварительного расследования по отношению к предварительному следствию, наделено специфическими свойствами: особенный процессуальный статус дознавателя, некоторые процедурные отличия, итоговые документы дознания, наличие двух видов данной формы производства.

В соответствии ч. 1 ст. 37 УПК РФ прокурор в ходе предварительного расследования уполномочен осуществлять надзор за уголовно-процессуальной деятельностью следователя и органов дознания. Положения данной нормы закона дают основание полагать, что законодателем создан единый режим надзорной деятельности на стадии предварительного расследования независимо от его формы.

Однако последующий анализ нормативного регулирования полномочий прокурора свидетельствует о дифференцированный подходе к характеру и содержанию полномочий прокурора при производстве дознания и предварительного следствия. При этом довольно сложно дать обоснование данному правовому явлению. Дознание проводится по уголовным делам о преступлениях небольшой и средней тяжести, которые, как правило, не представляют фактической сложности в расследовании. Тем не менее, прокурор наделен достаточно широкими процессуальными полномочиями в отношении дознавателя, которые можно охарактеризовать как руководящие, поскольку они позволяют определенным образом вмешиваться в деятельность субъекта расследования.

В силу положений ст. 37 УПК РФ прокурор при производстве дознания вправе:

1) вносить органу дознания требование об устранении нарушений федерального законодательства, допущенных как на стадии возбуждения уголовного дела, так и при производстве дознания;

2) давать дознавателю письменные указания о направлении расследования, производстве процессуальных действий;

3) давать согласие дознавателю на возбуждение ходатайства перед судом в случае необходимости производства следственного или иного процессуального действия, осуществляемого с санкции суда, а также при избрании мер пресечения, указанных в ч. 2 ст. 29 УПК РФ;

4) отменять в установленном порядке незаконные или необоснованные постановления органа дознания, начальника органа дознания, начальника подразделения дознания и дознавателя;

5) участвовать в судебном заседании, которое проводится на основании ходатайства дознавателя, заявленного в порядке ст. 165 УПК РФ по вопросам, указанным в ч. 2 ст. 29 УПК РФ (в рамках судебного контроля);

6) разрешать отводы, заявленные дознавателю, а также его самоотводы;

7) отстранять своим решением дознавателя, который допустил нарушение требований уголовно-процессуального законодательства от дальнейшего производства расследования,

8) изымать любое уголовное дело у органа дознания и передавать его следователю с обязательным указанием оснований такой передачи;

9) рассматривать жалобы дознавателя на указания начальника подразделения дознания и начальника органа дознания;

10) рассматривать в порядке ст. 124 УПК РФ жалобы на действия (бездействие), решения дознавателя;

11) передавать уголовное дело или материалы проверки сообщения о преступлении от одного органа предварительного расследования другому;

12) утверждать постановление дознавателя о прекращении производства по уголовному делу;

13) утверждать обвинительное заключение, обвинительный акт или обвинительное постановление по уголовному делу;

14) возвращать уголовное дело дознавателю для производства дополнительного дознания, об изменении объема обвинения либо квалификации действий обвиняемых или для пересоставления обвинительного заключения,

обвинительного акта или обвинительного постановления и устранения выявленных недостатков.

В силу ч. 4 ст. 150 УПК РФ прокурор вправе передавать своим письменным указанием уголовное дело, подследственное органу дознания в орган предварительного следствия для дальнейшего производства.

В.А. Чукреев, проводя анализ полномочий прокурора на предварительном следствии и при производстве дознания, справедливо отмечает, что «несмотря на столь большой объем применяемых в данном направлении средств прокурорского реагирования они недостаточно результативны»[1, с. 94].

Обозначенные выше полномочия свидетельствуют о том, что большинство процессуальных решений дознаватель принимает с письменного согласия прокурора, либо он косвенным образом принимает участие в производстве по «дознанческому» уголовному делу (разрешает отводы дознавателю, отстраняет его от производства дознания, дает указания о направлении расследования, изымает уголовное дело у дознавателя и передает его следователю и т.п.)

Дознаватель формально наделяется определенной процессуальной независимостью, ему, как и следователю, законом разрешено самостоятельно принимать процессуальные решения и производить следственные, процессуальные действия, если нет прямого указания на необходимость получения согласия прокурора или согласие начальника органа дознания, либо санкцию суда.

Однако, как показали результаты опроса сотрудников специализированных подразделений дознания территориальных органов внутренних дел, дознаватели не считают себя процессуально независимыми субъектами уголовного судопроизводства. Прокурор осуществляет повседневный контроль за предварительным расследованием. Без его участия не принимается ни одно процессуально значимое решение, с целью проверки прокурор может затребовать уголовное дело у дознавателя в любой момент производства по уголовному делу, дать по нему обязательные для исполнения письменные указания о производстве следственных и иных процессуальных действий.

Следует отметить, что проверке, как правило, подвергаются практически все уголовные дела: как на стадии предварительного расследования, так и после приостановления или прекращения дознания, и, безусловно, при поступлении уголовного дела прокурору с обвинительным актом (постановлением).

Дача письменных указаний дознавателю возможна как посредством составления отдельного документа, так и путем их изложения в постановлениях

об отмене тех или иных решений дознавателя. Например, в постановлении об отмене постановления о приостановлении дознания прокурор дает указания дознавателю об устранении нарушений требований уголовно-процессуального законодательства, производстве отдельных следственных, процессуальных действий, приобщении материалов.

В отношении следователя прокурор утратил аналогичное полномочие в 2007 году после принятых изменений в УПК РФ» [2], тем не менее, сохранив его при производстве дознания.

Утверждая итоговый документ дознания (обвинительный акт или обвинительное постановление), прокурор соглашается с выдвинутым дознавателем обвинением. Кроме того, он вправе переквалифицировать преступление на менее тяжкое либо исключить некоторые пункты обвинения (ч 2 ст. 226 УПК РФ).

По окончании предварительном следствия прокурор ограничен в подобных правах, так как, получая уголовное дело от следователя, не правомочен вносить изменения в содержание обвинения, отраженного в обвинительном заключении.

В данном вопросе прослеживается непоследовательность законодателя: полномочия прокурора при осуществлении схожих по содержанию видов деятельности содержат весьма значимые функциональные различия на предварительном расследовании в зависимости от его формы.

Представляется, что в приведенных примерах реализации полномочий в дознании, прокурор косвенно участвует в уголовном преследовании, осуществляемом органами дознания в рамках производства по уголовному делу.

Разрешение выделенной проблемы, на наш взгляд, возможно посредством разработки научной доктрины процессуального положения прокурора в уголовном судопроизводстве и внесения соответствующих изменений в положения УПК РФ, регулирующих рассматриваемые правоотношения. В результате прокурорский надзор на стадии предварительного расследования должен стать единым, независимо от его формы.

Библиографический список:

1. Чукреев В.А. О применении компенсаторных средств прокурора при осуществлении надзора за исполнением закона органами дознания и предварительного следствия // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2018. N 5. С. 93 - 99.

2. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации»: федер. закон от 05.06.2007 г. № 87-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 24. Ст. 2830.

© Ю.С. Митькова, 2021

Морозова Дарья Александровна,
преподаватель кафедры огневой подготовки
Волгоградской академии МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОБЫСКА И ВЫЕМКИ КАК СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ

К числу достаточных сложных следственных действий следует отнести обыск, под которым традиционно понимается состоящее в проведении визуально-поисковых мероприятий различных мест следственное действие, осуществляемое с целью отыскания предметов имеющих значение для уголовного дела. При этом в юридической литературе справедливо отмечается, что для производства обыска не требуется точных знаний об объекте, подлежащем изъятию, а необходимо лишь относительно конкретизированное знание.

В данной статье будут рассмотрены актуальные проблемы законодательной регламентации и пути совершенствования обыска и выемки как следственного действия.

Следует отметить первую из немаловажных проблем, это проведение обыска в доме в котором могут проживать несколько семей и они имеют беспрепятственный вход к друг другу. Так, проводя обыска у подозреваемого, он поможет перенести искомые объекты в другое помещение, которого нет в постановлении суда.

Важно отметить, о необходимости неразглашения выявленных в ходе обыска обстоятельств частной жизни лица, его личной и семейной тайны, а также обстоятельств частной жизни других лиц.

Так, следователь обязан принять меры к тому, чтобы не были оглашены выявленные в ходе обыска обстоятельства частной жизни, в помещении которого был произведен обыск, его личная и семейная тайна. Таким образом, гарантируется соблюдение ст. 23 Конституции РФ права граждан на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени.

В ст.182 УПК РФ не определен круг мер, которые должен принять следователь. Тем не менее, следует иметь ввиду, что данными мерами могут быть лишь действия, прямо предусмотренные законом. Основными из этих мер следует признать предупреждение лиц, участвующих в следственном действии, о недопустимости без разрешения разглашать ставшие им известными в связи с участием в обыске сведения, и отобрание у них подписки с предупреждением об ответственности по ст. 310 УК РФ.

Частная жизнь – это времяпрепровождение, которое гражданин осуществляет вне службы, вне производственной обстановки, а также вне общественной жизни и общественного окружения.

Под оглашением сведений в данном случае понимается любая форма их распространения, как с указанием источника осведомленности. Оглашение может быть устным, письменным и с применением технических средств. Следователь обязан принять все возможные меры, чтобы информация не была оглашена.

Существенной проблемой на наш взгляд является отсутствие четкого определения обыска, выемки в ст. 182, 183 УПК РФ. В данных статьях указаны лишь условия и основания проведения следственных действий обыск и выемка.

Хотелось бы так же поднять проблему обеспечения возмещения потерпевшим вреда причиненного преступлением. Как ни странно, обыск является достаточно действенным следственным действием для возмещения вреда. Государство обязано заботиться о своих гражданах и поэтому вопрос возмещения вред имеет правовое регулирование, как на международной арене, так и посредством Российского законодательства. Конституция Российской Федерации дает нам такое право в ст.52: «Права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба».

Обеспечение в ходе предварительного расследования возмещения убытков гражданину является трудной задачей для правоохранительных

органов. Низкие показатели могут свидетельствуют о работе в неполном объеме следственных подразделений территориальных органов. Стоит обратить внимание на низкий показатель возмещения вреда в территориальных органах полиции. Практика свидетельствует о том, что граждане обращаются в территориальные органы именно за возмещением своего материального вреда, не получив этого возрастает рост латентных преступлений, отсюда так же вытекает сомнения и недоверие в работе полиции и не в дальнейшем не обращение за помощью. Отсюда делается вывод, что права лиц пострадавших от преступления остаются нереализованными, а нормы Российского законодательства, а так же Конституция Российской Федерации носит декларативный характер. На наш взгляд следует придерживаться мнения кандидата юридических наук Иванова Д.А. о том, что предварительное следствие призвано не только, наказывать виновного, а так же принимать действенные меры по обеспечению возмещения вреда причиненного преступлением [1, с. 48]. Деятельность следователя направленная на розыск похищенного, занимает важное место в возмещении вреда гражданам.

Булатов В.А. важно подметил, что обыск не только хорош в роли поискового следственного действия, но и обозначил его как одно из лучших средств, реализуемых в деятельности следователя по возмещения вреда, причиненного преступлениями [2, с. 41].

Опрошенные сотрудники практических подразделений отметили обыск как действенное следственное действие, дающее хороший эффект для создания реального возмещения вреда.

Важное значение проведения обыска в целях отыскания похищенного имущества является возврат его в кратчайшие сроки потерпевшему.

Нам, как исследователям данной тематики может быть интересен опыт зарубежных коллег, на примере рассмотрим проведение обыска в США.

В США достаточным основанием для получения ордера судьи на производство обыска является ссылка полицейского на информацию, полученную от осведомителя, который ранее давал правдивую информацию. Поскольку осведомитель засекречен, его нельзя вызвать к судье, который на основании одного только утверждения полицейского должен подписать ордер.

Если личность преступника не установлена, в ордер вписывают общепринятый псевдоним «Джон Доу» и приметы разыскиваемого лица.

На основании такого ордера можно фактически обыскать любого гражданина, имеющего аналогичные внешние признаки.

Полиция широко использует правило «stop and frisk», т.е. «останови и обыщи». Суть этого правила в том, что полицейский, имеющий основание полагать, что у прохожего имеется оружие, может его остановить, опросить и обыскать. Основания, согласно прецеденту, установленному приговором Верховного суда США, заключается в следующем:

1. Гражданин ведет себя необычно.
2. Полицейский оценивает, исходя из своего опыта, такое поведение как действие по подготовке к совершению или сокрытию преступления.
3. Полицейский полагает, что у этого гражданина имеется оружие.
4. При опросе гражданина путанные объяснения.

На одном из своих совещаний по развитию инвестиционных проектов президент Российской Федерации Путин В.В. акцентировал свое внимание на проблеме проведения внеплановых проверок, обысков и изъятия у крупных организаций и компаний. В.В. Путин подметил, что методы борьбы правоохранительных органов с преступлениями экономической направленности оборачиваются для крупных компаний банкротством. Президент считает, что необходимо исключить меры приводящих к приостановлению деятельности организаций и предприятий, так как это может привести к неуплате налогов, включая изъятие жестких дисков с рабочих компьютеров и серверов. Если такая необходимость есть, а она есть, то необходимо снимать копии и заверить их, что бы в дальнейшем они послужили доказательством.

По нашему мнению нельзя оставить без внимания проблему изъятия предметов до возбуждения уголовного дела.

Органы прокуратуры при осуществлении надзора за деятельностью полиции заметили что при проверки сообщения о преступлении проводятся такие следственные действия обыск и выемка, что является грубым нарушением уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации.

Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ в УПК РФ были внесены изменения. Так, например в ст.144 УПК РФ при проверке сообщений о преступлениях следователь, дознаватель имеют право проводить ряд следственных действий, в ходе которых могут быть получены сведения дающие основания для возбуждения уголовного дела.

Одним из таких действия является изъятие предметов, документов. Получается следователь, дознаватель могут изымать предметы, которые, по их мнению, могут иметь значение для разрешения вопроса о наличии или отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела.

Актуальность законности изъятия предметов и документов до возбуждения уголовного дела обостряется еще одним новшеством указанной стадии. Так согласно ч. 1 и 2 ст. 144 УПК РФ «Полученные в ходе проверки сообщения о преступлении сведения могут быть использованы в качестве доказательств при условии соблюдения статей 75 и 89 настоящего Кодекса». А это значит, что информация, полученная с нарушением норм УПК РФ, будет признана недопустимым доказательством. Однако сложно соблюдать законодательство, если оно не раскрывает конкретных требований.

Так обнаружение и изъятие предметов и документов возможно при производстве осмотра, обыска и выемки. Однако закон допускает до возбуждения уголовного дела только осмотр. Спорным является вопрос об изъятии предметов и при освидетельствовании, производство которого так же возможно до возбуждения уголовного дела. Статья 179 УПК РФ, регламентирующая освидетельствование, ничего не говорит об изъятии каких-либо предметов при его производстве. Несмотря на это ч. 3 ст. 180 УПК РФ гласит «В протоколах перечисляются и описываются все предметы, изъятые при осмотре и (или) освидетельствовании». Поэтому не совсем понятно, будут ли признаны допустимыми доказательствами предметы и документы.

Таким образом, недостаточная регламентация изъятия предметов и документов на стадии возбуждения уголовного дела порождает массу противоречивых мнений как среди ученых процессуалистов и криминалистов, так и среди практических работников. Во многих ведомственных подразделениях регулярно производятся выемки до возбуждения уголовного дела. Кроме того, такие уголовные дела ряд прокуратур пропускает с обвинительным заключением или обвинительным актом, а суды выносят обвинительные приговоры.

Ряд авторов также полагают вполне легитимным производство выемки (обыска) до возбуждения уголовного дела. Так профессор А. Халиков указывает на то, что «так как в случае производства изъятия предметов и документов в порядке, установленном УПК РФ, нет какого-либо указания на поисковый характер, то речь идет о правилах, аналогичных производству выемки, которые изложены в ст. 183 УПК РФ». А. Каретников и С. Каретников утверждают, что

благодаря изменениям ч. 1 ст. 144 УПК РФ «обыск и выемка могут стать обыденными следственными действиями для стадии возбуждения уголовного дела». Кроме того, они считают, что указание законодателя «изымать, в порядке, установленном УПК РФ» «предполагает возможность производства выемки и обыска не только в тех местах, где не требуется судебное решение, но и в местах, где оно необходимо, либо без судебного решения в случаях. О.Л. Васильев считает, что под процессуальное действие «изъятие предметов и документов» законодатель замаскировал такие следственные действия, как осмотр, освидетельствование, обыск, личный обыск и выемку, т.е. напрашивается вывод о возможности производства этих следственных действий до возбуждения уголовного дела.

Из перечисленных следственных действий ч. 1 ст. 144 УПК РФ прямо указывает на возможность производства на стадии возбуждения уголовного дела лишь осмотра места происшествия, при составлении протокола которого должна быть отражена информация об изъятии предметов и документов. Поэтому, на наш взгляд, их изъятие при производстве иных следственных действий до возбуждения уголовного дела является незаконным. Такого же мнения придерживается Генеральная прокуратура Российской Федерации, которая рекомендует подчиненным прокурорам при осуществлении прокурорского надзора за законностью рассмотрения заявлений и сообщений о преступлении обращать особое внимание на недопустимость производства обысков и выемок до возбуждения уголовного дела.

Мы согласны с А.А. Суминым в том, что «не может идти речь об отождествлении законодателем следственного действия «выемка» и непонятного «изъятия»». Н.В. Карагодин также считает, что закон не позволяет проводить на стадии возбуждения уголовного дела обыски и выемки.

На данный момент законно изъять предметы и документы до возбуждения уголовного дела можно только путем производства осмотра места происшествия. Но нередко на доследственной проверке отсутствуют фактические основания проведения такого осмотра, однако, несмотря на это следователям и дознавателям приходится его проводить в связи с необходимостью изъятия предметов и документов с целью установления оснований для возбуждения уголовного дела. В связи с этим участились обращения граждан в суды в рамках ст. 125 УПК РФ с целью признать осмотры места происшествия незаконными. Вследствие подобных жалоб протокол осмотра места

происшествия признается недопустимым доказательством, что порой исключает и дальнейшее производство.

Представляет определенный интерес предложение некоторых авторов о внесении в закон истребования и предоставления предметов и документов как процессуальных действий. При этом предлагается регламентировать их производство с возможностью применения мер процессуального принуждения. Однако, на наш взгляд, это предложенное процессуальное действие практически аналогично выемке. Так следует ли нагромождать стадию возбуждения уголовного дела еще одной процедурой. Считаем, что проще разрешить производство уже привычной выемки до возбуждения уголовного дела. Такая регламентация устранила бы проблему правоприменителя при необходимости изъятия предметов и документов на доследственной проверке.

Библиографический список:

1. Иванов Д.А. Значение разработки механизма возмещения вреда, причиненного преступлением в досудебном производстве по уголовному делу // Вестник экономической безопасности. 2015. №7 с. 48

2. Булатов В.А. обеспечение следователем прав, законных интересов и безопасности потерпевших и свидетелей: Волгоградская академия МВД РФ 2002. С.41

© Д.А. Морозова, 2021

Морозова Дарья Александровна

преподаватель кафедры огневой подготовки

Волгоградской академии МВД России

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО (ЛЕГИТИМНОГО) ПРИМЕНЕНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ

Развитие современного общества в России характеризуется нестабильностью, осложненной увеличением криминогенной обстановки, которая отличается особой жестокостью в причинении вреда жизни и здоровью

человека. Государство выступает гарантом защиты граждан, их прав, жизни, здоровья и имущества [1, с. 322].

Государство наделило сотрудников полиции широкими правами по применению мер принуждения от противоправных посягательств. Федеральный закон «О полиции» предоставляет право сотруднику полиции лично или в составе подразделения (группы) применять огнестрельное оружие, в случаях установленных статьей 23 Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции».

Применение сотрудниками органов внутренних дел огнестрельного оружия рассматривается в юридической литературе как меры административного принуждения [2, с. 304]. Эти меры используются в процессе исполнительно-распорядительной деятельности уполномоченными субъектами административной власти (в том числе полицией). Это является результатом проявления их государственно – властных полномочий.

С одной стороны, применение огнестрельного оружия может поставить под угрозу жизнь и здоровье правонарушителя, но с другой, иногда является единственным способом предотвратить преступное посягательство. Именно поэтому, проблема правомерного использования сотрудником органов внутренних дел оружия при выполнении служебных обязанностей, играет первоочередную роль в правовой регламентации деятельности.

В последнее время сотрудники правоохранительных органов осуществляют свою служебную деятельность в обстановке, сопряженной с усилением агрессивности и жестокости преступников, поэтому участились случаи применения должностными лицами табельного огнестрельного оружия.

Применение оружия происходит в сложных психологических условиях, сопровождающихся опасностью. Поэтому трудно предугадать последствия, которые могут наступить после выстрела. Как отметил С. Донцов, важно «чтобы соблюдение условий правомерности применения оружия было реально достижимо в экстремальной ситуации» [3, с. 298].

Материалы служебных проверок по фактам применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции при задержании преступников обычно говорят о легитимности их действий. Но не всегда, как показывает статистика, применение оружия можно урегулировать посредством нормативно-правовых актов.

Двоякость оценки действий сотрудников при применении оружия говорит о том, что в нормах права существуют противоречия, из-за которых долж-

ностных лиц правоохранительных органов могут привлечь как к дисциплинарной, так и к уголовной ответственности. После применения оружия сотрудник полиции должен оправдать собственные действия, обосновать необходимость прибегнуть к крайней мере, а именно производству выстрела. Прочитав, что по поводу этой ситуации считает заместитель председателя Общественного совета ГУ МВД по г. Москве: «В законе «О полиции» есть весьма четкие критерии применения оружия. Казалось бы, строго соблюдай правила и можешь стрелять. Да только дело в том, что каждая критическая ситуация уникальна и не поддается описанию на бумаге. Всегда найдутся несостыковки между указанным в инструкции, и реальным применением оружия. Ну а дальше обычно следует долгое разбирательство, весьма часто увольнение, суд и тюрьма».

Отсутствие недоработок в законодательстве по вопросу легитимного применения огнестрельного оружия порождает чувство неуверенности в правомерности своих действий у сотрудников полиции, а их промедление в принятии решения по использованию оружия может привести к необратимым последствиям. Проблему также усиливает и то, что как бы ни был совершен закон в сфере применения оружия, он сопровождается ведомственными документами, которые способствуют боязни сотрудников использовать оружие, а также скрывать начальниками районных органов ОВД фактов применения оружия из-за волокиты разбирательства.

Участились случаи превышения сотрудниками своих служебных полномочий: превышение пределов крайней необходимости, применение оружия для удовлетворения собственных интересов. За период с 2010 по 2020гг. случаи превышения полномочий сотрудниками полиции возросло на 40% по сравнению с периодом 2000-2010гг [4].

На данный момент строгих критериев оценки действий сотрудников нет. Факт превышения должностных полномочий является оценочным на усмотрение судьи. Сотрудники правоохранительных органов по сравнению с преступниками находятся в невыгодном положении, так как судебные органы предпочитают принять сторону обвинения при решении вопроса о законности применения огнестрельного оружия.

Вопрос применения оружия регламентируется также нормами уголовного законодательства Российской Федерации. В главе 8 УК РФ говорится о необходимой обороне, крайней необходимости и причинении вреда при задержании

лица, совершившего преступление. На основании этого кодекса сотрудник освобождается от ответственности за причинение любого вида вреда, нанесенного с применением специальных мер принуждения, в случае не превышения пределов необходимой обороны, крайней необходимости или превышении мер, необходимых для задержания. Федеральный Закон «О полиции» не раскрывает критерии соизмеримости вреда, причиненного сотрудником правонарушителю. В связи с этим, хотелось бы отметить несовершенство вышеуказанного нормативного акта. Без совершенствования в законодательстве сферы применения огнестрельного оружия все разговоры по расширению полномочий правоохранительных органов или по их ограничению, не приведут к созданию должного результата.

Законодатель устанавливает правомерность причинения вреда при задержании правонарушителя, в связи, с чем прослеживается «забота» о преступнике, а не о государственном служащем в лице сотрудника полиции [5, с. 220].

Закон «О полиции» перечисляя перечень случаев применения огнестрельного оружия при выполнении оперативных задач, не исключает ответственности за последствия, наступающие в результате точного соблюдения его положений [6, с. 216].

В заключении хотелось бы отметить, что целесообразно разработать концепцию уголовно-правового обеспечения, направленную на совершенствование теории и практики правомерного применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции, на предотвращение активных противоправных и насильственных действий нарушителей закона, чтобы не стать жертвой криминального конфликта и при этом одновременно эффективно осуществлять свои служебные обязанности при выполнении оперативных задач.

Библиографический список:

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // СЗ РФ. – 04.08.2014. – N 31. – ст. 4398.

2. Конюхова Ю.М., Попова Л.Л. Административное право // Учебник Под ред. М.: Юрист. 2017. С. 304.

3. Петракова Л.В., Гааг И.А. // Проблемы Правового регулирования применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции. 2019. С. 298-303.

4. Волков П.А., Ченцова М.М. // Применение сотрудниками ОВД огнестрельного оружия: проблемы практики и возможные пути ее совершенствования. 2020. С. 220-225.

5. Д.В. Рузаева // Проблема превышения полномочий сотрудниками полиции при применении физической силы, специальных средств и оружия // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2019. №9. С. 216-219.

© Д.А. Морозова, 2021

Морозова Наталия Владимировна,
доцент кафедры криминалистики
и предварительного расследования в органах внутренних дел
Орловского юридического института МВД России
имени В.В. Лукьянова, кандидат юридических наук

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

На сегодняшний день научно-технический прогресс развивается с бешеной скоростью, охватывая собой все сферы жизни современного общества. В этом списке большое значение имеют рыночные и товарно-денежные отношения, так как помимо их развития, развивается и преступность в данной сфере, а именно различные виды мошенничества.

В данной статье мы рассмотрим не «классическое» мошенничество, а мошенничество, совершенное с использованием электронных средств платежа. На сегодняшний день очень высокую популярность набирает мошенничество при покупке авиабилетов через сеть Интернет. Рассмотрим его криминалистическую характеристику.

По мнению Р.С. Белкина, под криминалистической характеристикой следует понимать совокупность характеристик, результат научного анализа определенного вида преступлений, обобщение его типичных признаков и особенностей [1, с. 126].

Для начала рассмотрим понятие мошенничества с использованием электронных средств платежа – это хищение чужого имущества, совершенное с использованием поддельного или принадлежащего другому лицу электронного средства платежа, в том числе кредитной, расчетной или иной платежной карты, путем обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации. Этот вид мошенничества так же имеет место при совершении платежа в любом ином устройстве, предназначенном для выполнения финансовых операций с помощью платежных карт.

Мошенничество с использованием электронных средств платежа получает такую большую распространенность в связи с популярностью бесконтактной оплаты. На сегодняшний день возможность бесконтактной оплаты имеется везде, как в любом магазине, так и в сети Интернет, так как подтверждение транзакции идет без введения ПИН-кода, что значительно упрощает процедуру оплаты и тем самым облегчает реализацию преступного замысла. Например, на операционных системах IOS и Android имеется программное обеспечение, позволяющее с помощью поднесения мобильного телефона к терминалу совершить оплату товаров и услуг.

Способ совершения преступления в криминалистической характеристике мошенничества с электронными авиабилетами имеет основополагающее значение.

Касательно мошенничества при покупке авиабилетов, тут довольно сложная схема его совершения. В погоне за дешевыми авиабилетами чаще всего люди становятся жертвами фишинга. Фишинг – это один из видов сетевого мошенничества, когда с помощью вредоносных сайтов хакеры выманивают у пользователей конфиденциальную информацию, например номера банковских счетов или кредитных карт. Как это происходит: при введении запроса в поисковые системы типа «Google» или «Яндекс» в верхней части экрана демонстрируется баннер с одним из самых известных сайтов по продаже авиабилетов, например AVIASALLE.RU, TOPAVIASALES.RU, AVIATOP.RU и многие другие. Но переход по одной из этих ссылок осуществляется не на оригинальный сайт, а на сайт мошенников с похожим URL-адресом [2].

На данном сайте интерфейс, как правило, полностью соответствует оригиналу, а цены практически не отличаются от обычных. При выставлении цены фейковый сайт использует данные о рейсах и ценах

с нескольких оригинальных сайтов, умножая их на коэффициент 0,75. Данный коэффициент подобран специально для того, чтобы цена на авиабилеты не казалась слишком низкой, но при этом экономия выглядела достаточно существенно.

Сразу при оформлении авиабилета создается номер брони, по которому в любой момент имеется возможность посмотреть купленный билет на сайте. Перейдя к платежному шлюзу, покупатель на самом деле попадает на страницу для перевода денежных средств на счет или электронный кошелек мошенника, либо ему высылают фальшивые маршрутные квитанции, так называемые e-ticket.

Для подтверждения оплаты приходит SMS-сообщения, подтверждая оплату, покупатель своими руками переводит денежные средства мошенникам. При этом после оплаты у мошенников сохраняются все данные банковской карты покупателя, с которой впоследствии они выводят оставшиеся денежные средства через серверы, где не требуется подтверждение оплаты. Например, посредством покупки товаров на сайтах, не поддерживающих 3D-Secure – SMS-авторизацию.

Обстановка совершения преступления характеризуется относительно ряда факторов, которые находятся в прямой зависимости от конкретного способа мошеннических действий. Так, в случае с мошенничеством с электронными билетами, не всегда место совершения преступных действий и место, где наблюдаются преступные результаты, находятся рядом или совпадают или совершение преступных действий и наступление общественно опасных последствий распределены во времени и в пространстве и носят комбинированный характер [3, с.446].

Говоря о личности преступника, в этом случае необходимо отметить, что субъект совершения преступления, по сравнению с субъектом «классического» мошенничества будет отличаться наличием специальных познаний в области техники и компьютерной информации. Как правило, это молодые люди, имеющие среднее специальное или высшее образование по специальностям связанным с работой на электронно-вычислительных машинах, возможно ранее не судимые. В то время, как в простом мошенничестве субъектом чаще всего являются маргинальные, ранее судимые лица [4, с. 117].

Потерпевшим может быть любой человек, использующий при оплате через сеть «Интернет» электронные средства платежа.

Что касается особенностей механизма следообразования данного преступления, то для него будет характерно наличие наряду с материальными следами (фото, скриншоты экрана, электронные чеки и квитанции, так же различные реквизиты платежных карт), так называемых виртуальных следов (log-файлы и прочие следы взаимодействия с регистратором доменных имен; следы при настройке DNS-сервера, поддерживающего домен интернет-мошенников; следы взаимодействия (настройки) с хостинг-провайдером и т.д.) указанные следы возможно обнаружить как на персональном компьютере потерпевшего, так и самого преступника [5, с. 235].

Стоит отметить, что при оплате через сеть «Интернет», можно установить местонахождение устройства, с которого осуществлялась оплата товара и списание денежных средств. Это поможет в том случае, если оплату осуществлял мошенник по уже имеющимся у него реквизитам чужой карты.

Таким образом, криминалистическая характеристика мошенничества с использованием электронных средств платежа при покупке электронных авиабилетов имеет ряд отличительных признаков, таких как способ совершения преступления, особенности субъекта и механизма следообразования. Знание данных элементов криминалистической характеристики преступления и грамотное их использование, поможет следователю эффективно и быстро раскрыть преступление.

Библиографический список:

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики: Учебное пособие для вузов. – 3-е изд., дополненное. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2001. 837 с.
2. Как избежать мошенничества с авиабилетами [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.aviasales.ru/mag/kak-izbezhat-moshennichestva-s-aviabiletami> (дата обращения: 10.09.2021).
3. Ардабьева С.В. Криминалистическая характеристика мошенничеств, совершаемых с использованием компьютерных средств и систем // Актуальные проблемы российского права. – 2007. – № 2 (5). – С. 441-447.
4. Кривошапова С.В., Литвинов Е.А. Оценка и способы борьбы с мошенничеством с банковскими картами в России // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2015. – № 4-1. – С. 116-120.
5. Опшин В.В. Виртуальные следы преступлений, совершенных с помощью сети Интернет / В. В. Опшин. – Текст : непосредственный //

Намнясева Виктория Вячеславовна,
начальник кафедры уголовного права УНК по ПС в ОВД
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Высокая общественная опасность преступлений против собственности в целом и вымогательства в частности обусловлена тем, что данные посягательства направлены на один из наиболее ценных объектов уголовно-правовой охраны. Анализируемая категория преступлений отличается наибольшей распространенностью на территории Российской Федерации. В соответствии с данными статистической отчетности за последние пять лет количество зарегистрированных на территории Российской Федерации преступлений, предусмотренных ст. 163 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), постоянно возрастает. Так, в 2016 году было зарегистрировано 4561 преступление; в 2017 – 5159; в 2018 – 5100; в 2019 – 5384; а в 2020 – 6058.

Правильная уголовно-правовая оценка содеянного обеспечивает точное применение уголовного закона, является одной из гарантий соблюдения прав и законных интересов как потерпевшего, так и виновного лица. От правильного осуществления квалификации зависят многие важнейшие правовые последствия, и, в конечном итоге, эффективность уголовного судопроизводства. Однако, как показывает анализ правоприменительной практики, процент ошибок, допускаемых органами предварительного следствия или суда при квалификации вымогательства, достаточно высок.

При отграничении вымогательства от преступлений, предусмотренных ст. 161 и 162 УК РФ, следует учитывать, что при грабеже и разбое содержание

угрозы ограничивается только применением насилия и только в отношении потерпевшего, а при вымогательстве виновный может угрожать также уничтожением или повреждением имущества либо распространением сведений, позорящих потерпевшего, или иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких. В отличие от грабежа и разбоя незаконное проникновение в жилище при совершении вымогательства не охватывается составом данного преступления и дополнительно квалифицируется по ст. 139 УК РФ. В соответствии с п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «при решении вопроса об отграничении грабежа и разбоя от вымогательства, соединенного с насилием, судам следует учитывать, что при грабеже и разбое насилие является средством завладения имуществом или его удержания, тогда как при вымогательстве оно подкрепляет угрозу. Завладение имуществом при грабеже и разбое происходит одновременно с совершением насильственных действий либо сразу после их совершения, а при вымогательстве умысел виновного направлен на получение требуемого имущества в будущем. В случаях, когда вымогательство сопряжено с непосредственным изъятием имущества потерпевшего, при наличии реальной совокупности преступлений эти действия в зависимости от характера примененного насилия должны дополнительно квалифицироваться как грабеж или разбой» [1]. Вымогательство может составить совокупность с грабежом или разбоем, в частности в случаях, когда виновный определенную часть имущества потерпевшего изымает и обращает в свою пользу в процессе нападения, а часть имущества требует передать в будущем.

Отграничение вымогательства от самоуправства, совершенного с применением насилия или угрозой применения насилия, проводится по признаку правомерности или неправомерности предъявленных виновным лицом к потерпевшему требований. Самоуправство, в соответствии со ст. 330 УК РФ, предусматривающей ответственность за данное преступление, представляет собой самовольное, вопреки установленному законом или иным нормативным правовым актом порядку совершение каких-либо действий, правомерность которых оспаривается организацией или гражданином, если такими действиями причинен существенный вред. При вымогательстве предъявляемые к потерпевшему требования являются заведомо для виновного неправомерными, в то время как при самоуправстве виновный стремится противоправным способом

осуществить свое действительное или предполагаемое право.

Так, в обзоре судебной практики Верховного Суда РФ указано, что действия осужденных обоснованно переквалифицированы с п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ на ч. 2 ст. 330 УК РФ. Установлено, что директор ЗАО «Везге» обратился к своему знакомому З. с просьбой оказать помощь через арбитражный суд в получении задолженности с АО «Конпрок» за поставленную продукцию. Урегулированием этого вопроса занялся Волков.

Между З., как представителем ЗАО «Везге», и Волковым был заключен договор, согласно которому ЗАО «Везге» обязалось выплатить Волкову вознаграждение 30% от суммы задолженности АО «Конпрок», что составило 108 млн. рублей. После встречи Волкова с генеральным директором АО «Конпрок» последний перечислил на счет ЗАО «Везге» часть денег по задолженности. Во исполнение договора З. выплатил Волкову 23 млн. рублей. Волков стал требовать уплаты остальной части заявленной суммы.

После того, как З. заявил, что требуемой суммы у него нет, Волков и другие осужденные стали высказывать угрозы убийства и его похищения, применения к нему физического насилия, потребовали написать расписку о добровольной передаче принадлежащей ему автомашины. При этом применили насилие, в результате которого З. был причинен вред средней тяжести. Под угрозой физической расправы З. вынужден был написать расписку о передаче Волкову своей автомашины.

Суд первой инстанции квалифицировал действия Волкова и Углавы по п. «б» ч. 3 ст. 163 УК РФ. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ переквалифицировала действия Волкова и Углавы со ст. 163 ч. 3 п. «б» УК РФ на ст. 330 ч. 2 УК РФ.

Президиум Верховного Суда Российской Федерации согласился с решением кассационной инстанции, оставив без удовлетворения протест прокурора. Судебная коллегия обоснованно указала в своем определении, что для квалификации действий виновного как вымогательства необходимо, чтобы предъявляемое собственнику или иному законному владельцу имущества требование передать ему или указанным им лицам определенное имущество, право на имущество либо совершить в их пользу какие-то конкретные действия имущественного характера было заведомо незаконным. Таких обстоятельств указанного состава преступления по данному делу не установлено. Между З. и осужденными имелись имущественные отношения, поскольку за оказанную услугу по

возврату задолженности потерпевший, согласно договора, был должен Волкову и другим деньги в размере 30% от суммы задолженности АО «Конпрок».

При таких обстоятельствах Судебная коллегия обоснованно пришла к выводу о том, что осужденные самовольно, вопреки установленному законом порядку, с применением насилия и с угрозой применения насилия совершили действия, правомерность которых оспаривается потерпевшим, и этими действиями ему причинен существенный вред, поэтому правильно квалифицировала их по ст. 330 ч. 2 УК РФ как самоуправство[2].

Вымогательство отличается от преступления, предусмотренного ст. 179 УК РФ – принуждения к совершению сделки или к отказу от ее совершения под угрозой применения насилия, уничтожения или повреждения чужого имущества, а равно распространения сведений, которые могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких, тем, что при вымогательстве требование совершения сделки или отказа от его совершения предполагает безвозмездное его исполнение.

Так, Лапиков С.В., Ермаков В.В. и Распутин А.А. осуждены за принуждение К. С. и Б. к отказу от совершения сделки под угрозой применения насилия, уничтожения и повреждения чужого имущества, при отсутствии признаков вымогательства, совершенное организованной группой.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации установила, что всем представленным сторонами доказательствам, в том числе доказательствам стороны защиты: показаниям свидетелей А. Б., К., Ш. Г. Л., В., суд дал в приговоре надлежащую оценку, привел мотивы, в силу которых одни доказательства признаны допустимыми, а другие отвергнуты, правильно установив фактические обстоятельства дела.

Доводы жалоб о непричастности Лапикова, Ермакова, Распутина и Раднаева к принуждению сотрудников охранного агентства "<...>" к отказу от совершения сделки не основаны на материалах дела. Эти доводы жалоб опровергаются показаниями потерпевшего С., являющегося заместителем директора охранного агентства "<...>", оказывающего охранные услуги предпринимателям на <...> рынке, из которых следует, в апреле 2011 года к предпринимателям А., Ф., М., Б. стали подходить люди, говорили, что никакого охранного агентства здесь не будет. Ермаков предлагал им платить ему деньги по <...> рублей, не обещая никакие охранные услуги. При встрече с Ермаковым на его (С.) слова, о том, что предпринимателей защищает их

охранное агентство, Ермаков заявил, что теперь они будут рынок контролировать, никаких охранных агентств на рынке не будет. На следующей встрече присутствовали Ермаков, Распутин, Полищук, Раднаев. Ермаков и Распутин сказали, что их агентства не будет на рынке, что их поставил на рынок "положенец" города. На слова, что здесь охранное агентство стояло и будет стоять, Распутин высказал угрозы о том, что их могут у подъезда "запинать". Помимо этого они угрожали действиями: обливали бензином машину Б., рядом положили спички. На видеозаписи видели, что это сделал один из группы Ермакова. В разговоре по этому поводу сказали, что машина может сгореть. Разговор со стороны Ермакова, Распутина был напряженный, агрессивный. Угрожали охранникам. Также на рынок приезжал Лапиков, разговаривал с предпринимателем Ф. говорил, чтобы предприниматели больше никому и ничего не отдавали, чтобы деньги отдавали им. После этого угрожали предпринимателям физической расправой, Ф. порезали колеса автомашины. Их посещения продолжались в течение месяца, затем их задержали.

Показания потерпевшего С. соответствуют другим доказательствам: показаниям осужденного Полищука, который в судебном заседании дал подробные показания об обстоятельствах преступления в отношении сотрудников ОА "<...>", из которых следует, что весной 2011 года Лапиков, Ермаков и Распутин (Н.) решили собирать деньги с предпринимателей на <...> рынке г. <...>. Было известно, что предприниматели заключали договоры об оказании охранных услуг с охранным агентством "<...>", руководителями которого являлись К., С. и Б., поэтому решили убрать их с рынка, для чего Лапиков, Ермаков и Распутин пытались запугать К. С., Б. Высказывались угрозы применения физического насилия и повреждения их имущества, требовали, чтобы они ушли с рынка, отказались от охраны предпринимателей. На встречу с ними Лапиков привлекал около 15-20 человек. У него (Полищука) с Раднаевым с собой было два газовых пистолета "<...>", у других парней из группировок г. <...> также с собой были биты и оружие. Также продолжали требовать деньги у предпринимателей, поставили условие произвести оплату 25 мая 2011 года, конкретные суммы Ермаков оговаривал с каждым из предпринимателем, требовали отказаться от услуг "<...>", постоянно говорили предпринимателям, что <...> на рынке нет, в связи с чем у предпринимателей начиналась паника. С. и Б. отвечали, что не позволят требовать деньги у предпринимателей, которые находятся под их охраной. Ермаков говорил, что

их охранного агентства скоро не будет на рынке, а также вместе с Распутиным угрожали физической расправой работникам охранного агентства. Также Ермаков и Распутин инсценировали поджог автомобиля Б., для чего один из их группировки по указанию Ермакова и Распутина облил автомобиль Б. бензином, бросил рядом спички. 25 мая 2011 года они снова пришли на рынок, где Ермакова и Распутина задержали.

Исследованные судом доказательства свидетельствуют о том, что осужденные Лапиков, Ермаков, Распутин, Раднаев и Полищук, действуя совместно и согласованно, неоднократно встречались с сотрудниками охранного агентства "<...>" и, высказывая угрозы применения насилия, требовали прекратить деятельность по охране предпринимателей. Общество с ограниченной ответственностью Охранное агентство "<...>" осуществляет свою деятельность официально, поставлено на учет и действует с 23 января 2006 года в соответствии с лицензией, со сроком действия до 29.12.2016, в соответствии с компетенцией осуществляет услуги по защите жизни и здоровья граждан, охраны объектов и имущества, с указанием юридического адреса и учредителя - С., генерального директора - К., заместителями которого назначены С. и Б. Принуждая К. С. и Б. к отказу от оказания услуг предпринимателям, Лапиков, Ермаков, Распутин и Раднаев были осведомлены о том, что указанные лица осуществляют охранную деятельность на рынке на договорной основе с предпринимателями, о чем свидетельствует тот факт, что они высказывали угрозы не только в адрес С. и Б. но и встречались с предпринимателями, склоняя их отказаться от услуг охранного агентства. Доводы жалоб о том, что каких-либо действий в отношении лично К., направленных на принуждение к отказу от совершения сделки осужденные не совершили опровергается материалами дела, из которых следует и установлено судом, что Лапиков, Ермаков, Распутин поручили неустановленному лицу осуществить акт устрашения К. С. и Б. в виде возможного поджога автомобиля "<...>", стоимостью <...> рублей, принадлежащего Б. и с этой целью, другое (не установленное следствием) лицо, действуя в по их поручению, находясь на парковочной площадке рядом с МУП "<...>" бросил на капот указанного автомобиля пластиковую пятилитровую емкость с бензином, в результате чего бензин разлился по капоту, и положил рядом спички.

Судебная коллегия исходит из следующего: преступление, предусмотренное ст. 179 УК РФ, считается оконченным с момента выполнения указанных

в нем действий независимо от того, привели они к желаемому виновным результату в виде соответствующей сделки или к отказу от ее совершения или нет. Кроме того, не только юридическое расторжение договора, но и фактическое прекращение работы, предусмотренной условиями договора, С. и Б. и работниками охраны агентства, что требовали от них осужденные, также является отказом от совершения сделки. Действиям осужденных Лапикова, Ермакова, Распутина, Раднаева дана правильная юридическая оценка по п. «в» ч. 2 ст. 179 УК РФ, то есть принуждение к отказу от совершения сделки под угрозой применения насилия, уничтожения и повреждения чужого имущества, при отсутствии признаков вымогательства, совершенное организованной группой [3].

Проведенный анализ правоприменительной практики позволил выявить ряд проблемных моментов, на которые следует обращать внимание при квалификации вымогательства.

Библиографический список:

1. О судебной практике по делам о вымогательстве (ст. 163 Уголовного кодекса Российской Федерации) : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2015 г. № 56 // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

2. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2002 года, утвержденный Постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 17 июля 2002 года : определение N 67-Д01-7вт по делу Марышевой // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

3. Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 23 октября 2015 г. № 66-АПУ15-38 // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс». – Режим доступа: для зарегистрир. пользователей.

© В.В. Намнясева, 2021

Нифталиева И.А.,
преподаватель кафедры уголовного процесса
УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ

Принцип справедливости закреплен в статье 6 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ). Так, часть первая регламентирует положение о соответствии наказания и иных мер уголовно-правового характера, применяемых к лицу, совершившему преступление, характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного, а часть вторая устанавливает запрет на повторное привлечение лица к уголовной ответственности за одно и то же преступление.

В законодательной формулировке отражено только одно направление реализации справедливости – при назначении наказания. Вместе с тем абсолютно очевидно, что действительное содержание данной идеи гораздо шире, нежели текстуальное выражение [1, с. 9-14; 2, с. 55-61]. Принцип справедливости должен реализовываться на всех стадиях как законодательной, так и правоприменительной деятельности, в том числе при уголовно-правовой квалификации. Нельзя не поддержать позицию авторов, утверждающих, что это «важный этап применения уголовного закона» [3, с. 52], который «констатирует, очерчивает границы отношения ответственности» [4, с. 418].

Уголовно-правовая квалификация традиционно исчерпывалась квалификацией преступлений [5, с. 9], определяемой «как установление и юридическое закрепление точного соответствия между признаками совершенного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного уголовно-правовой нормой» [6, с. 5]. Однако в последнее время ученые объектом квалификации помимо преступлений называют, в частности, необходимую оборону, крайнюю необходимость и другие обстоятельства, исключающие преступность деяния, малозначительные деяния, общественно опасные действия невменяемых и т.д. [7, с. 7-9; 8, с. 95-96; 9, с. 14-86]. Данный подход следует поддержать, поскольку без квалификации как преступного, так и иного поведения, описанного в УК РФ, нельзя применить ту или иную норму. В свою очередь уголовно-правовая квалификация невозможна без соблюдения принципов уголовного права.

Принцип справедливости требует однократности вменения. В соответствии с данным требованием, вытекающим из положения о недопустимости повторной ответственности (ч. 2 ст. 6 УК РФ), одно деяние не может быть квалифицировано по двум и более статьям УК РФ при отсутствии на то соответствующих юридических оснований (например, идеальной совокупности преступлений). Помимо этого, при квалификации уголовно-правового деяния одно и то же юридически значимое обстоятельство учитывается только один раз.

На требовании однократности вменения основаны правила квалификации деяний при конкуренции уголовно-правовых норм. К примеру, при конкуренции общей и специальной норм совокупность преступлений отсутствует, а уголовная ответственность наступает по специальной норме (ч. 3 ст. 17 УК РФ). При конкуренции простого состава и состава с отягчающими (особо отягчающими) обстоятельствами совокупность преступлений также отсутствует, а приоритет отдается норме, предусматривающей квалифицированный (особо квалифицированный состав). При конкуренции норм по объекту посяательства применяется та статья уголовного закона, которая более полно охватывает объект преступления. Если в результате совершения деяния наступили последствия, предусмотренные различными частями одной и той же статьи, то это деяние квалифицируется только по той части статьи УК РФ, которая устанавливает ответственность за причинение более тяжкого последствия.

Требование однократности вменения находит отражение и в судебной практике. Так, в пункте 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» отмечено: «В случаях, когда захват и перемещение человека были направлены не на удержание потерпевшего в другом месте, а на его убийство, содеянное квалифицируется по соответствующей части статьи 105 УК РФ и дополнительной квалификации по статье 126 УК РФ не требует» [10].

Другим требованием принципа справедливости по рассматриваемому направлению является полнота квалификации. По мнению Р.А. Сабитова, содержание данного требования сводится к следующему: уголовно-правовой оценке должны подлежать все совершенные лицом деяния; эти деяния должны быть квалифицированы по всем статьям УК РФ, которыми они предусмотрены; квалификации должны подлежать действия всех лиц, причастных к соверше-

нию преступления исполнителем (организатора, подстрекателя, пособника, укрывателя, попустителя) [1, с. 56].

Требование полноты квалификации отражено в части 1 статьи 17 УК РФ, согласно которой «при совокупности преступлений лицо несет уголовную ответственность за каждое совершенное преступление по соответствующей статье или части статьи настоящего Кодекса». Тем самым полнота квалификации реализуется посредством юридической оценки каждого из совершенных деяний.

На важность соблюдения требования полноты квалификации содеянного указывает Верховный Суд Российской Федерации. Так, в пункте 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» отмечено, что «если при изнасиловании или совершении насильственных действий сексуального характера в целях преодоления сопротивления потерпевшего лица применялось насилие или выражалась угроза применения насилия в отношении других лиц (к примеру, близкого родственника потерпевшей), такие действия требуют дополнительной квалификации по иным статьям Особенной части УК РФ» [11].

Справедливость предполагает также точность квалификации деяний, которая означает «скрупулезное установление именно той уголовно-правовой нормы (или тех норм), в которой совершенное общественно опасное деяние описано с наибольшей полнотой и конкретностью» [12, с. 36]. На данном требовании базируется правило квалификации при конкуренции части и целого. При такой конкуренции применяется норма, более точно описывающая признаки состава преступления, то есть норма-целое. При квалификации преступления, проходящего сразу через несколько стадий, обозначенных в УК РФ, приоритет имеет та, которая наиболее точно и подробно характеризует содеянное, то есть последняя стадия совершения преступления.

Таким образом, реализация принципа справедливости при уголовно-правовой квалификации предполагает однократность вменения, полноту и точность. Соблюдение данных требований имеет первостепенное значение. Уголовно-правовая квалификация является не только важнейшей стадией применения уголовного закона, но и предпосылкой назначения справедливого наказания.

Библиографический список:

1. Третьяков В.И., Стрилец О.В. Реализация принципа справедливости на современном этапе развития российского уголовного законодательства / В.И. Третьяков, О.В. Стрилец // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2018. – № 4 (47). – С. 9-14.
2. Нифталиева И.А. Основные направления реализации принципа справедливости в уголовном праве / И.А. Нифталиева // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2020. – № 3 (54). – С. 55-61.
3. Сабитов Р.А. Принципы квалификации уголовно-правовых деяний / Р.А. Сабитов // Вестник Челябинского университета. – Серия 9: Право. – 2001. – № 1. – С. 52-58.
4. Мальцев В.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности / В.В. Мальцев. – Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2004. – 694 с.
5. Толкаченко А.А. Теоретические основы квалификации преступлений. Учебное пособие / А.А. Толкаченко. – Москва: Закон и право, ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 128 с.
6. Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений / В.Н. Кудрявцев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Юристъ, 2004. – 304 с.
7. Сабитов Р.А. Теория и практика квалификации уголовно-правовых деяний. Учебное пособие / Р.А. Сабитов. – Москва: Изд-во МГУ, 2003. – 144 с.
8. Благов Е.В. Общая теория применения уголовного права. Монография / Е.В. Благов. – Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 2003. – 260 с.
9. Колосовский В.В. Теоретические проблемы квалификации уголовно-правовых деяний. Монография / В.В. Колосовский. – Москва: Статут, 2011. – 398 с.
10. О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 г. № 58 // Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. – URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/own/28634/> (дата обращения: 14.10.2021).
11. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 //

Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. – URL: <https://www.vsrp.ru/documents/own/8400/> (дата обращения: 14.10.2021).

12. Рарог А.И. Квалификация преступлений по субъективным признакам / А.И. Рарог. – Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2002. – 304 с.

© И.А. Нифталиева, 2021

Павлов Руслан Юрьевич,
заместитель руководителя Шенталинского межрайонного
следственного отдела следственного управления
Следственного комитета России по Самарской области,
аспирант Московской академии Следственного комитета России

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ

Уголовно-процессуальная деятельность за последнее десятилетие пополнилась новыми знаниями философии, логики, психологии, статистики, криминологии, уголовного права и т.д., но значительное количество проблем остаётся дискуссионными и актуальными до сих пор, в том числе касающиеся определения понятия, сущности и содержания криминалистического мышления следователя, а также его места в криминалистике.

Как на заре становления криминалистической науки, так и на современном этапе её развития отмечалась необходимость совершенствования понимания того, какими характеристиками должен обладать следователь, как именно он должен воспринимать меняющиеся информационные структуры следственных ситуаций, что лежит в основе успешного раскрытия преступления, планирования расследования, построения следственных версий и т.д.

Одним из существенных качеств следователя являются его развитые интеллектуальные способности. Современные обобщения содержания анализируемого понятия сводятся к рациональному познанию и способности мыслить.

Многообразность стоящих перед следователем задач позволяет определить их в группы с целью дальнейшего комплексного подхода и облегчения изучения интеллектуальных особенностей в свете общей теории криминалис-

тики. В широком смысле среди них можно выделить – необходимость раскрытия преступления и доказывания причастности виновного к его совершению. Решение названных задач инициируется мышлением, а успешность данной работы зависит от степени развитости такого мышления.

Представляется разумным, что с учётом специфики развитое следственное мышление должно содержать три элемента:

- целенаправленность (осознание того, что и как нужно сделать для достижения поставленной цели);
- адаптивность (определение оптимальной стратегии для выполнения задачи, приспособляемость к изменению обстановки);
- самокритичность (способность критически относиться к своим мыслям и действиям).

Такой подход в связке с методами логики предоставляет возможность установить оптимальные формы алгоритмизации интеллектуальной деятельности следователя, определить структуру и механизм совершенного преступления, правовые нормы и методику производства необходимых следственных действий, корректно обличить полученные результаты в процессуальные формы, принять верное тактическое решение.

Следственная работа характеризуется как процессуальной регламентированностью её сроков, так и повышенной ответственностью за принимаемые решения. В контексте криминалистической деятельности принятие решений определяется как вид умственной (интеллектуальной) деятельности и волевой акт следователя, направленный на выбор рациональных (аргументированных) следственных (тактических, технических), организационных, процессуальных действий с целью формирования системы доказательств, позволяющих установить личность виновного и раскрыть механизм преступного деяния [1, с. 143].

Ряд утверждений о понятии, функции принятия решений и видах решений в криминалистической деятельности делает Л.Я. Драпкин: «Принятие решений – это базовая функция деятельности по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений ...функция принятия решений также играет роль связующего звена между этапами деятельности по раскрытию и расследованию преступлений... из череды принятия решений состоит структура и содержание отдельной криминалистической методики расследования преступлений» [2, с. 54].

Рассматривая «идеальную ситуацию» принимаемые следователем решения должны быть осознанными, тактически верными и минимально рискован-

ными. Однако добиться использования всех указанных свойств на практике одновременно является затруднительным особенно у начинающих следователей. Из возможных причин можно выделить нехватку времени, нагрузку, сложную следственную ситуацию, противодействие подозреваемых / обвиняемых, особенности психологического климата в коллективе и т.д.

Интеллектуальная деятельность по анализу данных даёт возможность следователю получить конкретные результаты ориентированного характера, которые он может использовать при принятии тактико-технических, организационных и процессуальных решений. Решение является результатом мыслительной деятельности человека, если выбор из множества альтернатив, ориентирован на сознательное достижение цели и основывается на установке к действию. Основной характеристикой решения является его эффективность, то есть степень, темп достижения цели и затраты ресурсов для принятия и реализации решения.

Основой эффективности решений является информационное обеспечение процесса их принятия. Под информационным обеспечением процесса принятия решений понимают совокупность информационных ресурсов и технологий, способствующих подготовке и реализации решений. Важной составляющей информационных ресурсов, используемых следователем в процессе принятия решений, выступает его интеллектуальный потенциал: знания, приобретённые в процессе обучения, практики, жизненного опыта, творческие способности и др.

Особое место в деятельности по расследованию преступлений должен занимать специфический мыслительный процесс приводящий к полезному итогу – установлению всех обстоятельств подлежащих доказыванию, что в криминалистике составляет определённую интеллектуальную форму следственной работы.

В практическом аспекте такая форма основывается на научных принципах методики расследования, на криминалистическом анализе исходной информации и следственной ситуации, оценке возможности раскрытия преступления по «горячим следам». В теоретическом аспекте она должна основываться на научных принципах криминалистической методики расследования, возможности использования тактических комплексов, технико-криминалистических средств, специальных знаний, эффективного взаимодействия служб и подразделений правоохранительных органов.

Необходимо заметить, что понимание раскрытия и расследования преступления как специфической деятельности вполне оправдано, потому что кроме процессуальной формы и средств, обеспечивающих достижение задач уголовного производства, она включает в себя использование методов, приёмов, средств и технологий, находящихся в плоскости информационно-познавательной, операционно-поисковой деятельности. В этом аспекте по успешно проведённому расследованию преступления можно анализировать, как, какими методами и средствами оно было осуществлено, то есть раскрыто, вкладывая опыт такой деятельности в общий объём криминалистических знаний методики и тактики расследования соответствующих категорий преступлений [3, с. 21-27].

Таким образом, применение интеллектуальных способностей, как составляющей части криминалистического мышления, в процессе раскрытия и расследования преступлений, позволяет эффективно и рационально решать задачи, стоящие перед следователями. Криминалистическое мышление как интеллектуальная деятельность представляет собой не только познание расследуемого события на основе имеющихся криминалистических знаний, но и навыки применения этих и даже более широкого круга знаний в практической деятельности, что предполагает уже необходимость организации этого мыслительного процесса.

Соответственно можно утверждать, что криминалистическое мышление следователя стоит в первую очередь рассматривать сквозь призму привлечения к непосредственной юридической деятельности, практике, то есть тому источнику, из которого он черпает необходимую информацию для решения конкретных профессиональных задач. Это, тем не менее, не означает, что в ходе раскрытия и расследования преступлений следователь применяет лишь практическое мышление, ведь значительная часть его действий в процессе его формирования будет основана на предварительно приобретённых теоретических знаниях: общей теории криминалистики, криминалистической техники, тактики и методики. В данном случае согласимся с мнением С.Л. Рубинштейна о том, что знания, лежащие в основе любой профессиональной деятельности, служат отправной предметно-чувственной основой, которая не требует внешнего действия, а сама является результатом развития мысли [4, с. 51].

Таким образом, в криминалистическое обеспечение расследования преступлений, как в одно из направлений криминалистики, стоит включить не

только применение навыков и технико-криминалистических средств при расследовании преступлений, но и умение следователя задействовать свои рефлексивные способности, критически отнестись к своим суждениям и выводам, оперативно оценить сложившуюся ситуацию и принять верное тактическое решение, минимизировав возможные риски. Указанные операции невозможны без развитых логико-эвристических процессов, а также понимания и осознания следователем своей работы.

Библиографический список:

1. Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики, Новое изд. перепеч. с изд. 1908 г. – М.: ЛексЭст. 2002. – С. 143.
2. Драпкин Л.Я. Логические, эвристические и интуитивные механизмы мышления следователя в процессе раскрытия и расследования преступлений: моногр. Екатеринбург: Изд. дом Урал. гос. юрид. ун-та, 2018. – С. 54.
3. Комаров И.М. Криминалистическая теория причинности: некоторые философские и теоретические основы / И.М. Комаров, Е.И. Ян // Проблемы правоохранительной деятельности. – 2017. – № 1. – С. 21–27.
4. Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования / С.Л. Рубинштейн. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 51.

© Павлов Р.Ю., 2021

Попов Владимир Анатольевич,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Рязанского филиала Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя, кандидат юридических наук
Кузнецов Максим Юрьевич,
курсант Рязанского филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОВД В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ
ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ С ПРИМЕНЕНИЕМ
ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ**

Современный период общественного развития характеризуется переходом к обществу нового типа, основанному на знаниях и информатизации. Однако новые информационные технологии, так активно входящие в жизнь каждого человека, оказывают не только положительное влияние на развитие общества, но и создают почву для использования глобального информационного пространства как инструмента совершения преступлений.

На сегодняшний день существует большое количество преступлений, совершаемых при помощи компьютерных технологий. К ним относятся: клевета, оскорбление, нарушение неприкосновенности частной жизни, преступления против жизни личности (например, склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства) и др. Проникновение Интернет-технологий в преступную среду также позволяет совершать преступления против собственности. Все чаще появляются киберпреступники, которые всевозможными способами обманывают население, получают их личные данные, с помощью которых в последующем списывают денежные средства с карт или банковских счетов.

Рассматривая статистику преступлений с использованием информационных технологий необходимо отметить тенденцию к значительному росту преступности в этой сфере. Так, в период до 1997 года в Российской Федерации не было зарегистрировано ни одного подобного преступления и даже после 1997 года на протяжении почти 10 лет регистрировали по несколько преступлений в год [1, с.18, 56]. В последние же годы ситуация резко измени-

лась. Так, к 2020 году количество IT-преступлений резко возросло. Преступных деяний с использованием информационно-телекоммуникационных технологий стало больше на 73,4%, в том числе с использованием сети Интернет – на 91,3%, при помощи средств мобильной связи — на 88,3% [2].

Согласно статистических данных МВД РФ, в январе – мае 2021 года количество таких преступлений выросло на 25,7% в сравнении с аналогичным периодом 2020 года. Увеличивается и доля киберпреступлений в общем объеме преступлений – год назад она составлял 21,7%, а в 2021 году – уже 26,8%, то есть более четверти от их общего количества [3].

В 2021 году активизировались киберпреступники и преступления с использованием информационных технологий в Московской, Владимирской, Рязанской, Тамбовской и других областях. Только в Тамбовской области, сотрудниками полиции было зарегистрировано в 2019 году 1002 преступления данной направленности, в 2020 году данные цифры на порядок превысили прежние показатели и составили уже 1644 зарегистрированных преступления. В 2021 году только за 8 месяцев сотрудниками полиции было зарегистрировано 1152 преступления (по данным ИЦ УМВД России по Тамбовской области).

С использованием возможностей сети Интернет способы совершения преступлений стали изощреннее и разнообразнее, а ущерб от преступной деятельности киберпреступников насчитывает огромные суммы.

Кроме того, преступления данной категории, как правило, носят групповой характер, что существенно повышает их общественную опасность и усложняет процесс расследования.

В складывающихся условиях в значительной мере возрастает роль органов внутренних дел в профилактике и пресечении преступлений, совершенных с использованием IT-технологий. Однако в данной сфере деятельности ОВД имеется ряд проблем, связанных прежде всего с тем, что данная категория преступлений сопряжена с использованием преступниками высоких технических навыков и знанием новейших компьютерных разработок. Компетентность же большинства следователей, дознавателей, оперативных работников, занимающихся раскрытием и расследованием киберпреступлений, значительно уступает в этой части компетентности преступников. Объясняется это прежде всего тем, что большая часть сотрудников правоохранительных органов обучались в юридических ВУЗах и владеют навыками работы на

компьютере и знаниями IT-технологий, в лучшем случае, на уровне уверенного пользователя.

Так, Н.Р.Шевко отмечает, что результаты опроса следователей, проведенного в ряде регионов России в 2015 году показали, что у 95% респондентов имеется только юридическое образование, другая дополнительная подготовка ими получена не была, что не может не влиять на качество расследования. Только 5% из числа опрошенных имели еще и образование по специальности «Информатика и вычислительная техника». Из числа опрошенных 63% оценивают свой уровень владения персональным компьютером как уровень «среднего пользователя», 37% считают, что они обладают знаниями «продвинутого пользователя». При этом 79% опрошенных следователей назвали источником знаний компьютерных технологий самообразование, 21% – курсы повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов [4, с. 13-16]. К сожалению, как показывает практика, такое положение дел практически не изменилось и в настоящее время.

Техническая оснащенность злоумышленников также превосходит оснащенность правоохранительных органов, что, безусловно, влияет на возможность оперативного сбора необходимой доказательственной базы по уголовному делу.

Трудности в расследовании преступлений, связанных с использованием компьютерных технологий, возникают и в связи с несвоевременностью их выявления. Так, по данным опроса следователей, заявления о преступлениях данной категории поступили орган внутренних дел более чем через 10 дней после совершения преступления в 53% случаев, когда многие доказательства были безвозвратно утрачены [5].

Как показывает практика, наибольшие трудности в расследовании киберпреступлений возникают при проведении осмотра места происшествия. Во многих случаях при расследовании преступлений данной категории осмотр места происшествия не проводится в силу того, что этого места происшествия просто не существует. Это значит, что распознавание места совершения преступления в киберпространстве невозможно без установления обстановки совершения преступления. При этом уголовно-процессуальное законодательство определения киберпространства не содержит, в связи с чем возникает необходимость дополнения ст. 5 УПК РФ пунктом 14.2 соответствующим понятием.

Важной частью расследования данных преступлений является осмотр Интернет-ресурса, используемого для совершения преступления. Вопрос о способах проведения данного осмотра на сегодняшний день также является дискуссионным, так как отсутствует единая практика фиксации следов преступления в сети Интернет.

Как указывает И.А.Архипова, «не следует ограничиваться поиском информации только в компьютере; необходимо внимательно осмотреть имеющуюся документацию, поэтому любые обнаруженные носители информации должны быть изъяты и изучены»[6].

Одним из важнейших следственных действий при расследовании киберпреступлений можно назвать назначение судебной компьютерно-технической экспертизы, так как заключение эксперта является прямым доказательством виновности лица в совершенном преступлении.

При назначении экспертиз немаловажной проблемой для многих следователей является постановка грамотных вопросов эксперту. Трудности связаны, прежде всего, с отсутствием у следователей практики расследования данной категории дел, сложностью технических терминов и отсутствием специальных знаний в этой сфере.

Проблема усугубляется из-за отсутствия системных обобщений материалов следственной и судебной практики, нехватки методических рекомендаций по организации расследования данного вида преступлений, небольшим опытом работы конкретных следователей и работников органов дознания со специфическими источниками доказательственной информации, находящейся в электронной цифровой форме в виде электронных сообщений, страниц, сайтов, а также недостаточно высоким уровнем подготовки следователей по соответствующей специализации в высших учебных заведениях.

По мнению А.М. Хлус, существующие методики расследования преступлений в сфере IT-технологий не совершенны. Связано это с рядом специфических признаков данных преступлений. Во-первых, во многих случаях они имеют международный характер (выходят за пределы одного государства). Во-вторых, существуют проблемы в определении места совершения преступления. В-третьих, наличествуют слабые связи между уровнями и звеньями в системе доказательств. В-четвертых, не воспринимаемая визуально следовая картина преступления, совершенного в киберпространстве. Все это создает проблему при формировании информационной основы для разработки частной

криминалистической методики раскрытия и расследования преступлений в сфере IT-технологий [7].

В связи с этим возникает насущная необходимость в разработке программ повышения квалификации следователей по расследованию данной категории дел, а также в увеличении объема научно-методической литературы, посвященной прикладным аспектам расследования преступлений в киберпространстве.

Не можем не согласиться и с мнением А.В.Аносова, считающего, что «реализация мер по предупреждению высокотехнологичной преступности представляет собой совершенствование подзаконных актов и различного рода инструктивно-регламентирующей документации, которые в силу своей специфики способны оказать оперативное воздействие на ситуацию в случаях, когда законодательное решение проблемы затруднено в силу разных причин»[8].

Библиографический список:

1. Волеводз, А.Г. Противодействие компьютерным преступлениям: правовые основы международного сотрудничества – М.: ООО «Издательство «Юрлитинформ», 2001. – 496 с.

2. Число интернет-преступлений в России выросло на 91% [Электронный ресурс]//URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4654110> (дата обращения 01.10.2021).

3. Киберпреступность в 2021 году выросла на 25% [Электронный ресурс] // URL: <https://pravo.ru/news/232676/> (дата обращения 02.10.2021).

4. Шевко, Н.Р. Особенности раскрытия и расследования киберпреступлений: проблемы и пути решения// Ученые записки Казанского юридического института МВД России 2016 Том 1, с.13-16.

5. Киберпреступления: основные проблемы расследований [Электронный ресурс] // URL: <https://www.klerk.ru/law/articles/431376/> (дата обращения 01.10.2021).

6. Архипова И. А. Актуальные проблемы расследования, Криминалистика в условиях развития информационного общества (59-е ежегодные криминалистические чтения): сборник статей Международной научно-практической конференции // Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации – М., 2018. – С. 29-33.

7. Хлус А.М. Проблемы методического обеспечения противодействия киберпреступлениям// Научный журнал Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы №2 (14) 2019. – С.15-20.

8. Деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступлениями, совершенными с использованием информационных, коммуникационных и высоких технологий : учебное пособие : в 2 ч. /[А. В. Аносов и др.]. – М.: Академия управления МВД России, 2019. – Ч. 1. – 208 с.

© В.А. Попов, М.Ю. Кузнецов, 2021

Попова Л.В.,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса
УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБОМ ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Сегодня весьма популярными стали дискуссии об уголовном преследовании за совершение преступлений в сфере предпринимательской деятельности. На особую важность этой темы неоднократно указывал Президент РФ В.В. Путин: «нужно тщательно отслеживать любые факты необоснованного вмешательства правоохранительных органов в хозяйственную жизнь и бизнес-конфликты. Также должны проверяться ситуации с немотивированными, или, проще сказать, заказными уголовными преследованиями в отношении бизнеса. Почеркну: эффективность защиты прав предпринимательских свобод – это важнейшее условие развития национальной экономики, всей страны» [5].

Окончание предварительного следствия – это заключительный этап в стадии досудебного производства по уголовному делу, сущностью которого является подведение следователем итогов проведенного расследования, проверка его полноты, всесторонности и объективности, а также обеспечение прав участников процесса в связи с принятием окончательного решения. Разрешив все заявленные ходатайства, следователь приступает к составлению обвинительного заключения, и это не формальная процедура. Значение обвинительного заключения исключительно велико. Как говорят практики это «венiec» уголовного дела. Публичное оглашение обвинительного заключения в суде это,

на наш взгляд, официальная оценка, даваемая преступлению и подсудимому. Особенно это актуально по делам экономической направленности в сфере предпринимательства, когда преступными действиями нанесен имущественный и моральный вред гражданам и юридическим лицам, а также затронута деловая репутация последних и компетентность государственных и муниципальных служащих.

И.А. Насонова и Б.Ю. Буров считают, что обвинительное заключение является особым процессуальным актом следователя, завершающим уголовное преследование на стадии предварительного расследования, представляющим собой решение следователя об установлении оснований для направления дела в суд, задающим пределы судебного разбирательства, имеющим правовое, общественное, воспитательное и справочно-техническое значение» [2, с. 95].

Законодатель в ст. 220 УПК РФ достаточно подробно описал необходимые сведения, которые должны быть указаны в обвинительном заключении. Такое положение активно поддерживается судом, особенно по экономическим преступлениям. Следователь обязан отразить перечень доказательств, подтверждающих обвинение, и краткое изложение их содержания, а также и перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты, и краткое изложение их содержания. Однако, на практике в обвинительном заключении нечасто можно увидеть оценку следователя по собранным стороной защиты доказательствам. Представляется, что такое ограничение содержания обвинительного заключения не оправданно. Расширение доказательств только отягчающих ответственность, за счет сужения объема позитивной информации об обвиняемом, исключение из обвинительного заключения доказательств, на которые ссылается сторона защиты, может являться существенным нарушением закона. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.05.2017 г. №17 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» указано, что перечень доказательств, подтверждающих обвинение, а также перечень доказательств, на которые ссылается сторона защиты, включают не только ссылку на источник доказательств в обвинительном заключении, но и приведении краткого содержания самих доказательств, поскольку в силу ч.1 ст. 74 УПК РФ доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь в порядке определяемым УПК РФ

устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу.

Однако, думается, что по рассматриваемой категории уголовных дел этого недостаточно, необходимо давать подробный анализ несостоятельности доводов защиты, показывать приоритет доказательств обвинения перед защитой. Позиция сторон – важнейшее обстоятельство в условиях состязательности. Если обвиняемый не признал себя виновным необходимо привести его версию и показать, что эти объяснения опровергаются имеющимися в деле доказательствами. Следовательно, наиболее глубоко разобравшийся во всех тонкостях уголовного дела, способен помочь государственному обвинителю противопоставить аргументы доводам защиты. И законно он может это сделать путем анализа доказательств в обвинительном заключении. Таким образом, напрашивается вывод, что основанием окончания предварительного следствия с обвинительным заключением по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательства является такая исследовательность каждого из установленных ст.73 УПК РФ обстоятельств, которые позволяют следователю, его руководителю, а главное прокурору окончательно убедиться в характере совершенного преступления и виновности привлеченного к уголовной ответственности лица, равно как и сделать вывод о возможности рассмотрения дела в суде по существу на основании собранных и проверенных с соблюдением процессуальных норм доказательств.

В связи с этим возможно дополнить ч. 1 ст. 220 УПК РФ п. 6.1. следующего содержания: «по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 159 частями первой - четвертой, 159.1 - 159.3, 159.5, 159.6, 160, 165 и 201 УК РФ, если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности, а также статьями 159 частями пятой – седьмой, 171, 171.1, 171.3 - 172.2, 173.1 - 174.1, 176 - 178, 180, 181, 183, 185-185.4 и 190-199.4 УК РФ приводит анализ доказательств, на которые ссылается сторона защиты, а также конкретные доказательства, мотивированно опровергающие эти доводы». Такое предложение вызвано и возросшим числом допущенных нарушений закона органами расследования. Так, Генеральный прокурор России Ю.Я. Чайка, выступая 21 февраля 2018 года на совещании по защите инвесторов в г. Туле и комментируя работу российских следственных органов, отметил снижение их профессионального уровня, и обратил внимание, на то, что, к сожалению, для многих наших следователей уголовно-процессуальное

законодательство, нормы материального права – это космос. 20-25 лет назад следователь и преступник – это борьба интеллектов, а сейчас все очень просто – СИЗО и особый порядок рассмотрения [3].

Он потребовал от подчиненных изменить отношение к субъектам предпринимательства, указав, что высшей степенью ответственности прокурора является изучение завершеного расследованием дела. Утверждение обвинительного заключения при наличии сомнений виновности обвиняемого, пусть даже согласившегося на особый порядок рассмотрения дела, считает признаком профессиональной несостоятельности [4]. На наш взгляд, основной задачей прокурора при изучении поступившего дела с обвинительным заключением является проверка его на готовность к рассмотрению в судебном заседании, то есть имеется ли достаточность доказательств для обоснованного вывода о событии преступления экономической направленности (нет ли гражданско-правовых отношений), характере и размере причиненного вреда, виновности лица и правильной квалификации действий обвиняемых. Нет ли существенных нарушений требований уголовно-процессуального законодательства, которые повлекли ущемление прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Думается, что указанное должно найти свое отражение в Главе 31 УПК РФ. Например, после ознакомления с материалами уголовного дела экономической направленности, совершенной в сфере предпринимательства, обвиняемый и его защитник заявили ходатайство, в удовлетворении которого следователь отказал, то сторона защиты должна иметь право обжаловать данный отказ прокурору. Если из смысла ходатайства защиты следует, что были ущемлены законные интересы, права, свободы участников уголовного судопроизводства, то обвинительное заключение не может быть утверждено до вынесения решения прокурором по ходатайству (обращению) участника уголовного производства по данному делу о нарушении его конституционных прав и свобод в ходе досудебного производства.

О.В. Гладышева, обращая внимания на справедливость и законность в уголовном судопроизводстве Российской Федерации, указала, что уголовное судопроизводство призвано обеспечить защиту интересов всего общества, что достигается путем охраны прав, свобод и защиты интересов частных лиц при производстве по конкретным уголовным делам. Соответствующей назначению уголовного судопроизводства является его цель: справедливый результат может

быть достигнут исключительно при соблюдении прав и надлежащей защите интересов частных лиц [1, с. 45].

На наш взгляд, указанные поправки необходимы как для усиления гарантий обвиняемых в обеспечении предоставленных им прав, так и для решения задач, стоящих перед государством по защите прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также осуществления уголовного судопроизводства в разумные сроки.

Библиографический список:

1. Гладышева Ольга Владимировна. Справедливость и законность в уголовном судопроизводстве Российской Федерации [Текст]: автореферат дис. ... доктора юридических наук : 12.00.09 / Гладышева Ольга Владимировна. – Краснодар, 2009. – 45 с.

2. Насонова, И.А. Обвинительное заключение как основание для защиты подсудимого в суде [Текст] / И.А. Насонова, Ю.В. Бурова // Вестник Воронежского института МВД России. – 2009. – № 1. – С. 94–98.

3. В. Инютин. Генпрокурор Юрий Чайка увидел «деградацию следователей» от 21.02.2018. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3557343> (дата доступа 10.10.2021).

4. Расширенное заседание коллегии Генпрокуратуры от 23 марта 2016 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51553> (дата доступа 10.10.2021).

5. Заседание коллегии Генпрокуратуры России от 15.02.2018 года. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56863> (дата доступа: 10.10.2021).

© Л.В. Попова Л.В., 2021

Рахимов Артем Ибрагимович,
старший специалист отдела криминалистики
Следственного управления Следственного комитета
Российской Федерации по Самарской области,
аспирант Московской академии
Следственного комитета Российской Федерации

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКЕ ЛЖИ

Как и много лет назад одной из насущных проблем органов следствия и дознания остается проблема получения достоверных сведений. В ходе экспертной, оперативной, следственной и судебной деятельности накоплен огромный опыт проверки достоверности сообщаемых различными участниками уголовного судопроизводства в своих показаниях сведений. В этих же целях, на службу правоохранителям, поставлен целый ряд специалистов, обладающих специальными познаниями в области новейших достижений психологии и психофизиологии.

Вместе с тем, прибегая к помощи специалиста или эксперта в той или иной области, следует помнить о том, что их выводы подвержены негативному влиянию факторов субъективного характера. Полагаем, что избежать подобного рода влияния удастся с помощью использования технологии искусственного интеллекта. В данной статье мы рассмотрим возможность использования технологии искусственного интеллекта применительно к вопросам криминалистической диагностики лжи.

Рассматривая данный вопрос невозможно обойтись без понимания феномена лжи.

В криминалистической деятельности феномен лжи интересует не сам по себе, как философская категория, а с позиции психологии, где имеется взаимосвязь человека и информации – связь несоответствия информации истине с её субъективным восприятием самим человеком и его намерением ввести в заблуждение лицо, принимающее эту информацию. Российский психолог В.В. Знаков определяет ложь как «умышленную передачу сведений, не соответствующих действительности» [4, с. 245]. Феномен лжи носит информационно-коммуникативный характер [5, с. 25]. Таким образом, основ-

ными характеристиками лжи являются: осознанность, намеренность, искажение истины, введение в заблуждение и коммуникативность. Именно коммуникативная составляющая лжи позволяет различать ложь вербальную, которая содержится в речевых сообщениях и невербальную, представляющую собой демонстрацию ложно переживаемых эмоций. Данная классификация имеет важное практическое значение для криминалистической диагностики лжи, поскольку указанные виды лжи имеют различные признаки неискренности и сокрытия информации, и как следствие, для их выявления применяются различные методы. Знание этих признаков, их особенностей проявления вовне, позволяет распознать ложь.

Признаки сокрытия криминалистически значимой информации могут проявляться в изменении паравербальных характеристик речи (эмоциональные проявления, интонация, темп речи, громкость, высота тона, наличие пауз и др.), пантомимики (поза, мимика, жесты, направление или фиксация взгляда и др.), физиологических процессов организма (процессы респирации, электродермальная активность кожного покрова, изменения в сердечно-сосудистой деятельности и др.), особенностей письменной речи – почерка (размещение текста на листе, наклон, размер, разреженность, расстановка переносов слов, пропуски или повторения слов, несвойственные для лица орфографические ошибки и др.). Все вышеперечисленные изменения протекают, как правило, без участия сознания, либо их контроль требует значительных усилий со стороны человека.

В целях фиксации указанных изменений и последующей их оценки используются различные методы психологии и психофизиологии, в том числе с применением различных технических средств – видеосъемка высокого разрешения, полиграф, айтрекер, термограф, инфракрасное сканирование головного мозга и др.

В основе всех этих методов лежит единый генеральный принцип, который заключается в аналитическом соединении скрытых процессов, протекающих в психике человека, с одновременно происходящими, быстротекущими изменениями в динамике физиологических процессов, регистрируемых с помощью специальных технических средств в условиях специально организованного наблюдения [7, с. 7].

Достоверность результатов, получаемых в ходе применения этих методов, колеблется в диапазоне от 60 до 95%. Так, например, достоверность результатов тестирования с применением полиграфа, при условии проведения проверки

опытным специалистом, составляет 80-95% [6, с. 37], айтрекера – более 80 % [3, с. 52-53], термографа – 81,25% [10, с. 118], эксперты корректно диагностируют ложь по выражению лица и жестам только в 60% случаев [9, с. 71].

В числе множества факторов, определяющих достоверность этих результатов, основным выступает «человеческий фактор», т.е. результат зависит от компетентности, опыта и моральных качеств самого специалиста.

Полагаем, что снизить негативное влияние на достоверность результатов криминалистической диагностики лжи возможно, заменив человека, на этой стадии исследования искусственным интеллектом.

Искусственный интеллект – комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека [1, с. 4].

В настоящее время активно разрабатываются системы искусственного интеллекта, предназначенные для диагностики лжи.

Так, группа российских ученых в составе Ясницкого Л.Н., Петрова А.М. и Сичинавы З.И. реализовали и проанализировали алгоритмы построения нейросетевого полиграфного аппарата, а также выявили наиболее перспективный алгоритм его построения [8, с. 64-72]. В свою очередь Величко А.Н., Будков В.Ю. и Карпов А.А. провели экспериментальное исследование методов обработки речевого сигнала для паралингвистического анализа ложных и истинных речевых высказываний, достоверность результатов которых достигла 71 % [2, с. 21-32].

Группа зарубежных исследователей Pérez-Rosas V., Abouelenien M., Mihalcea R., Burzo M. разработали автоматизированную систему диагностики лжи по видеозаписям, используя вербальные и невербальные признаки. Представленная ими модель в ходе экспериментов выявляла неискренних респондентов в 75 % случаев [11, с. 59-66].

Осмелимся предположить, что с развитием вычислительных возможностей программно-аппаратных комплексов, будет расти количество исследований, посвященных диагностике лжи с использованием алгоритмов искусственного интеллекта, что приведет к значительному повышению качества разрабатываемых технологических решений. Кроме того, построение алгоритмов, объеди-

няющих различные способы диагностики лжи в единую автоматизированную систему, возможно, позволит приблизить её результативность к 99,99%.

Резюмируя сказанное, можно отметить, что на сегодняшний день имеются предпосылки для разработки комплексного подхода в применении искусственного интеллекта для криминалистической диагностики лжи, что диктует необходимость постановки задачи, во-первых, обобщения разрозненных данных исследований этой проблемы, и, во-вторых, применения полученных данных в криминалистической практике, в том числе в форме общих рекомендаций по выявлению лжи с применением технологии искусственного интеллекта в ходе расследования преступлений.

Библиографический список:

1. Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации – URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения 01.10.2021)

2. Величко А.Н., Будков В.Ю., Карпов А.А. Исследование методов классификации для автоматического определения истинной или ложной информации в речевых сообщениях // Научный вестник НГТУ том 72, № 3, 2018, с. 21-32

3. Жбанкова О.В., Гусев В.Б. Опознавание лиц с применением айтрекера фирмы SMI // материалы конференции Нейронауки и благополучие общества: технологические, экономические, биомедицинские и гуманитарные аспекты. М: РИЦ МГТУ им. М.А. Шолохова, 2015. С.52-53.

4. Знаков В.В. «Западные и русские традиции в понимании лжи: размышления российского психолога над исследованиями Пола Экмана»/ П. Экман «Психология лжи». – М., 2000.

5. Молчанов А.Ю., Бабилов А.Ю. «Общая теория полиграфных проверок». Монография. Ярославль: ИПК «Индиго», 2012, 232с.

6. Холодный Ю.И. Прикладные возможности проверок на полиграфе / Полиграф в России: 1993-2008: Ретроспект. сб. статей // Авт.сост. Ю.И. Холодный. – М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2008. С.36-40

7. Холодный Ю.И., Орлов Ю.К. Типовая методика производства судебной психофизиологической экспертизы с применением полиграфа – М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации, 2013.

8. Ясницкий Л.Н., Петров А.М., Сичинава З.И. Системный анализ алгоритмов нейросетевого детектирования лжи // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Технические науки. - 2010. - № 1 (13). – С. 64-72.

9. Chris N. H. Street, Daniel C. Richardson. The Focal Account: Indirect Lie Detection Need Not Access Unconscious, Implicit Knowledge // Journal of Experimental Psychology: Applied, 2015, – URL: <http://www.sciencedaily.com/releases/2015/10/151030111556.htm> (дата обращения 01.10.2021)

10. Kamatchi A. Detecting Deception Using Thermal Imaging // Imperial Journal of Interdisciplinary Research (IJIR) Vol-3, Issue-2, 2017, – URL: <http://www.onlinejournal.in> (дата обращения 02.10.2021)

11. V. Pérez-Rosas, M. Abouelenien, R. Mihalcea, M. Burzo. Deception Detection using Real-life Trial Data // ICMI '15: Proceedings of the 2015 ACM on International Conference on Multimodal Interaction. November. 2015. P.59–66 – URL: <https://doi.org/10.1145/2818346.2820758> (дата доступа: 02.10.21)

© Рахимов А.И., 2021

Решняк Ольга Александровна,
доцент кафедры криминалистики УНК по ПС в ОВД
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук

ПРОБЛЕМЫ ПОЛУЧЕНИЯ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО РАССЛЕДУЕМОМУ ПРЕСТУПЛЕНИЮ ИЗ ИНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

В зависимости от вида деятельности правоохранительных органов определяется их место в системе органов власти и управления. Основная задача правоохранительных органов – это борьба с преступлениями и правонарушениями, а также предупреждение их совершения [1].

В современных условиях раскрытие преступления становится все больше коллективной деятельностью. Успех этой деятельности тесно связан с организацией взаимодействия между людьми, направляющими свои силы на осуществление этой важной задачи.

В органах внутренних дел раскрытие преступлений зависит от совместных и согласованных действий следствия, дознания, оперативно-разыскных и экспертно-криминалистических подразделений. Эти службы не делятся на главные и второстепенные. Каждая из этих служб несет равную ответственность за результат своей деятельности, направленной на раскрытие преступления [2].

Содержание взаимодействия можно определить его целями. В зависимости от ситуации цели взаимодействия могут быть различными: это может быть, как успешное проведение отдельного следственного действия, так и получение необходимой информации оперативным путем, поиск и обнаружение скрывшегося подозреваемого или обвиняемого, вещественных доказательств, документов ценностей и т. д. Из сказанного следует, что взаимодействие носит как разовый, краткосрочный характер, так может осуществляться и непрерывно в течение значительного времени.

Одним из важнейших условий успешного проведения расследования преступлений является правильно организованное взаимодействие между всеми подразделениями, принимающими участие в данном процессе.

Таким образом, можно сделать вывод, что взаимодействие – это основанная на законах и подзаконных нормативных правовых актах, согласованная по целям, задачам, месту и времени совместная деятельность следователя (дознателя) и органа дознания при расследовании преступлений, с использованием присущих им специальных методов, сил и средств борьбы с преступностью в соответствии с назначением уголовного судопроизводства.

Методы, которые используют службы и подразделения правоохранительных органов в борьбе с преступностью, разнообразны, но у каждого они свои. Сочетание этих методов обеспечивает успех деятельности органов внутренних дел в целом в ходе расследования преступлений. Эффективность взаимодействия раскрывает ее сущность – согласованность различных элементов совместной деятельности в целях повышения общей результативности.

Основная цель организации взаимодействия состоит в использовании явных преимуществ, грамотно спланированной совместной деятельности, способствующей успешному решению общих и наиболее важных задач раскрытия и расследования преступлений.

Следователю необходимо организовать работу по раскрытию и расследованию преступлений таким образом, чтобы наиболее активно и плодотворно

она осуществлялась не только в течение первых суток. Активная работа следователя не должна прекращаться до тех пор, пока виновные не будут установлены. При необходимости следует наращивать силы, делать продуманные замены участников взаимодействия, строго контролировать их работу.

Любая криминалистически значимая информация является источником познания определенных фактов, частью информационного поля расследуемого события преступления. Она способствует глубокому пониманию закономерностей между ее элементами, что эффективным образом отражается на результате раскрытия и расследования.

Криминалистическая информация, имеет свою специфику, исследования которой позволяет выдвинуть версии о произошедшем событии, составить план раскрытия и расследования преступления, установить истину по делу.

Собирание доказательств совершенного преступления, является основным направлением деятельности сотрудников следственных и оперативных подразделений, занимающихся расследованием уголовного дела. Но достаточно часто на предварительном следствии, следователи органов внутренних дел встречаются с проблемой получения необходимой информации по расследуемому преступлению, из иных организаций. Данная проблема существовала повсеместно и существует по сей день.

В условиях современного развития, общество в любой отрасли жизнедеятельности используют средства сотовой связи. Так и в своей преступной деятельности, злоумышленники для связи между членами группы, для связи с посредниками, в некоторых случаях с потерпевшими используют мобильные телефоны [3]. И одним из источников получения доказательственной информации является детализация связи между ними, а также сведения о месте положения в момент совершения преступления. Сотрудникам правоохранительных органов каждый раз для получения такой информации необходимо обращаться в абонентский отдел компании обслуживающей номер телефона клиента. Также перед этим, необходимо получить разрешение суда на получение указанных сведений, так как в соответствии с Конституцией Российской Федерации они затрагивают права гражданина на личную жизнь.

Кроме того, современная преступность в настоящее время перешла на дистанционные способы совершения преступлений, для целей которых используются информационно-телекоммуникационные технологии [4]. То есть через подключение к сети Интернет и выход в социальные сети, и различные сайты.

Злоумышленники в целях конспирации используют анонимайзеры, то есть, возможности скрытого выхода в информационное пространство, либо подключение к другим доменам или IP-адресам. Чтобы получить информацию о владельце IP-адреса или домена, следовательно необходимо обратиться к провайдеру связи.

На данные обращения и запросы требуется достаточно длительное время, чтобы сначала отправить запрос, потом дождаться ответ иногда уходит около месяца, что негативно влияет на раскрытие и расследование преступления. Даже незначительное промедление в получении информации может способствовать безвозвратному уничтожению следов преступления.

Получение сведений из налоговых организаций, пенсионных фондов, кредитных организаций, многофункциональных центров и т.д. также имеет большое значение для расследуемого преступления. Но на эти мероприятия затрачивается определенное время, которое влияет на ход расследования, то есть затягиваются сроки, в результате чего преступниками, либо их родственниками, друзьями, коллегами могут быть уничтожены следы преступления.

В связи с указанным на наш взгляд исключению таких проблем могло бы способствовать создание специальных информационных отделов или единой базы данных, содержащих всю указанную информацию, к которой бы следователи и сотрудники оперативных подразделений, в рамках расследуемого уголовного дела, могли бы иметь доступ по соответствующим паролям.

Библиографический список:

1. Скогорева Т. Ф. Правовые и информационно-коммуникационные основы организации взаимодействия следователя, специалиста и эксперта при расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2008. С. 15.

2. Россинская Е. Р. Судебная экспертиза в уголовном, гражданском, арбитражном процессе. М., 1996. С. 15.

3. Решняк О. А., Ковалев С. А. Организация расследования мошенничеств, совершенных с использованием сети «Интернет», на первоначальном и последующем этапах / О. А. Решняк, С. А. Ковалев // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2020. – № 2 (53). – С. 106-109.

4. Сычева А. В. К вопросу о некоторых способах дистанционного мошенничества / А. В. Сычева // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2020. – № 4 (55). – С. 167-172.

© О.А. Решняк О.А., 2021

Сафонова Юлия Сергеевна,
заместитель начальника кафедры предварительного расследования
УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

О ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА

Осуществляемые в России базисные общественно-политические и социально-экономические реформы сопровождаются обострением криминальной ситуации, ростом преступности. Анализ современной криминальной ситуации в России свидетельствует о том, что наряду с ростом общего уровня преступности происходит ее качественное перерождение.

Характерной чертой криминальной обстановки является увеличение числа преступлений, носящий ярко выраженный интеллектуальный характер, а экономические преступления получили такое распространение, что проблема приобрела характер угрозы национальной безопасности.

Отслеживая Уголовный кодекс, можно сказать, что диспозиция мошенничества практически не изменилась, то есть она в полной мере отражает сущность этого преступления, как 50 лет назад, так и на сегодняшний день. Мошенничество имеет длительную историю, в криминальной среде накоплен и продолжает накапливаться опыт совершения данного преступления, субкультура и оправдывающая их система взглядов. С мошенничеством связана деятельность профессионалов воровского мира, т.е. профессиональная преступность, а также многие проявления организованной преступности, что следует из анализа использования фальшивых банковских и финансовых документов, деятельности специально созданных для совершения мошеннических операций различных фондов, предприятий и компаний. Это объясняется прибылью указанного криминального промысла. Одна стремительно и умело проведенная операция приносит доход, который покрывает не только все затраты на ее подготовку, но и является неизмеримо большим по сравнению с доходами полученными, например, от кражи. Мошенничество и менее рискованно, чем другие преступления против собственности.

Однако, когда мы говорим о формах мошенничества, то здесь произошли серьезные подвижки. Если раньше у нас мошенничество, в основном, затраги-

вало интересы личности и было связано с шулерством, продажей фальсифицированных драгоценностей, использованием денежных и вещевых «кукол» и др., то сегодня это преступление сместилось в сферу экономической деятельности и наносит ущерб государству. Совершаемые преступления отличаются гибкой адаптацией к новым формам и методам предпринимательской деятельности, маскировкой под заключение и осуществление законных гражданско-правовых сделок, оперативным реагированием на конъюнктуру рынка, использованием технических новаций в хозяйственной деятельности.

Основное мошенничество теперь сосредоточено в сфере кредитно-финансовой и банковской деятельности. Это создание лжефирм для привлечения средств населения с последующим их присвоением и различные способы получения денежных средств незаконным путем. Например, фиктивные сделки с жильем, причем в определенное время такие преступления занимали очень большой процент. Использование чужих или поддельных кредитных карт, что в нашей стране явилось новым преступлением и способом совершения мошенничества. Данное преступление стало очень значимым. Люди приходят с кредитными картами получать денежные средства, совершенно не опасаясь за то, что они могут быть каким-то образом наказаны.

Можно привести массу примеров, когда по подложным документам создаются фирмы, заключаются договора на исполнение каких-либо услуг, перечисляются на расчетные счета очень крупные денежные средства, которые в последующем снимаются, а при дальнейшей проверке оказывается, что людей фактически нет (паспорта или утеряны, или просто подделаны), фирма создана буквально на день-два только с целью снять эти денежные средства.

Необходимо сказать, что существующая правовая ситуация способствует совершению мошеннических сделок. Порой лицу, заключающему договор, невозможно проверить законность и возможность исполнения контрагентом своих обязательств, по совершенно разным причинам. Это и невозможность обратиться в правоохранительные органы, поскольку они занимаются уже свершившимися фактами хищений или выявлением их, но тогда, когда состав преступления налицо. Необходимо доказывать умысел у человека, что он собирается совершить хищение. Порой это сделать просто невозможно. Поэтому с точки зрения правоприменительной и нормотворческой практики не мешало бы пересмотреть некоторые вопросы в сторону ужесточения получения доказательственной базы [1, с. 71].

Большое место занимает мошенничество, связанное с работой в Интернете. В нашей стране развитие Интернета занимает совершенно непродолжительное время, примерно 25 лет, в то время как весь мир давно с ним работал. Только в последнее время созданы более или менее полноценные структуры, имеющие возможность реально противостоять тем лицам, которые пытаются совершать мошенничество, используя компьютерные технологии.

Доказательство мошенничества с точки зрения уголовного права с позиции статьи УК и мошенничества в общепринятом понятии – разные вещи. При этом необходимо сказать, что достигнутый результат в борьбе с незаконным оборотом алкогольной продукции стал возможен только благодаря объединению усилий, как Правительства, так и правоохранительных органов. Была определена четкая задача – навести порядок, причем – больше с социальной точки зрения, чем чисто правовой. Объединение усилий, возможность финансирования действительно принесли определенные результаты.

Если говорить о борьбе с мошенничеством в широком понимании этого слова, то, прежде всего, необходимо говорить именно об объединении усилий, в том числе и с возможными ассоциациями, для того чтобы была возможность понять задачи друг друга и способствовать борьбе в этом направлении. В целях наведения порядка в сфере торговли, не мешало бы поговорить даже о введении ответственности (мы не будем говорить сейчас о виде ответственности – имущественной, уголовной, административной) непосредственно потребителя, того, кто покупает заведомо контрафактный продукт. Может быть, вначале следует говорить именно об объектах интеллектуальной собственности, поскольку это наиболее дорогостоящая продукция. Гораздо тяжелее, конечно, говорить об ответственности потребителя, приобретающего продукты питания, хотя действительно порядка 60%, если не больше, продуктов питания, в частности, кофе – это фальсификат.

Нужно говорить не только о защите потребителя, но и о защите интересов государства. Если не навести порядок в этом отношении, то наша промышленность никогда не будет развита. Ведь нет возможности конкурировать с производителем контрафактной продукции, когда у него продукция намного дешевле. Понятно, что ни один производитель на таком рынке честно работать не сможет. И, значит, государство недополучит налоги. Отсюда недостаток рабочих мест и все проблемы, которые у нас имеются.

И если мы думаем о реальном наведении порядка, то очевидна желательность нахождения таких способов действий, при которых действительно можно было объединить усилия всех заинтересованных сторон и лиц. Думаем, что иного способа реально воздействовать на мошеннический беспредел сегодня просто нет.

Конечно, должна быть соответствующая нормативная база и проведено соответствующее ужесточение законодательства в этой сфере. Здесь тоже есть один положительный пример, когда начала действовать эта система контроля качества алкогольной продукции. Законодательно, собственно говоря, у нас была закреплена только одна статья – это незаконное занятие коммерческой деятельностью, под которую практически подвести те деяния, которые имели место в алкогольной сфере, было невозможно. Теперь в законодательстве функционируют еще две статьи: 171.1 УК РФ и 327.1 УК РФ, которые хоть как-то помогли бороться с точки зрения именно нарушения норм уголовного права. Поэтому еще один путь борьбы – через законодательные инициативы, которые необходимо вносить для того, чтобы если не окончательно искоренить, то хотя бы обеспечить возможность реально и эффективно бороться с данным преступлением [2, с. 195].

Библиографический список:

1. Шавкарова Е.Е. Некоторые аспекты деятельности руководителя следственного органа на первоначальном этапе расследования // Служа Закону – служу народу! [Электронный ресурс]: сборник тезисов и статей Всероссийской научно-практической конференции (10.11.2018 г.) / ред. колл. С.Ю. Бирюков, Н.В. Шувалов. – Волгоград: ООО «Перископ-Волга», 2018.

2. Шавкарова Е.Е. Теоретические и правовые аспекты обеспечения безопасности свидетеля, участвующего в следственных действиях под псевдонимом. 2018. Евразийский юридический журнал № 11 (126). 2018.

© Ю.С. Сафонова, 2021

Свежинцев Евгений Иванович,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
УНК по ПС в ОВД
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАДЕРЖАНИЯ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Среди мер уголовно-процессуального принуждения особое место занимает задержание лица, подозреваемого в совершении преступления. Применение указанной меры, с одной стороны, необходимо для пресечения и раскрытия преступлений, но с другой – оно существенно ограничивает конституционное право граждан на свободу и личную неприкосновенность, являясь, по сути, лишением свободы, но допускаемым в отличие от заключения под стражу без судебного решения. Статья 22 Конституции РФ¹ предусматривает задержание как исключительную меру, указывая, что до судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов. Соответственно, законодатель предусмотрел ряд гарантий, направленных на обеспечение прав лица, задерживаемого по подозрению в совершении преступления, а также на недопущение необоснованного или незаконного задержания.

В тоже время, несмотря на довольно детальный процессуальный порядок его осуществления, существуют ряд пробелов, создающих возможности для злоупотреблений в правоприменительной практике.

Ранее в своих исследованиях, нами рассматривалась проблема правовой неопределенности процессуального статуса, лица, чьи интересы затрагиваются в ходе проводимой процессуальной проверки сообщения о преступлении. При этом, нами проводился анализ позиции Конституционного Суда РФ, по вопросу процессуального статуса лица, которому фактически ограничили конституционное право на передвижение.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

Так, в Постановлении от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова»¹ высший орган конституционного нормоконтроля указывает на широкое понимание понятия подозреваемого, что дает ему право немедленно воспользоваться помощью защитника, не дожидаясь формального признания за ним этого статуса какими-либо актами органов предварительного расследования, в случае, если в отношении гражданина происходит реальное ограничение его конституционных прав. Эта позиция без сомнения расширила понимание формулировки «иных мер процессуального принуждения или иных процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, подозреваемого в совершении преступления», которая содержится в п. 5 ч. 3 ст. 49 УПК РФ [1, с. 130].

Хотелось бы продолжить данные размышления, но уже в контексте имеющегося правового пробела в нормах уголовно-процессуального закона, который касается отсутствия исчерпывающей регламентации процедуры задержания от момента фактического задержания до момента составления протокола задержания.

Причем, вызывает негодование тот факт, что в научном сообществе уже большинство ученых пришли к единой позиции, затрагивающей момент фактического задержания. Так, в своем исследовании С.Б. Россинский, проводя анализ имеющихся точек зрения по данному вопросу, подмечает что первая из них соответствует постулатам национальной правовой доктрины, закономерностям существования и развития соответствующих публично-правовых общественных отношений и считает, что момент фактического задержания – это момент (временной миг) физического захвата человека (ограничения права на свободу и личную неприкосновенность) [2, с. 31].

В тоже время, вторая точка зрения по заверению автора не выдерживает никакой критики, так как не соответствует основополагающим конституционным ценностям, так как связывают момент фактического задержания со временем доставления человека в орган дознания или

¹ См.: По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова. Постановления Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П. [Электронный ресурс]. Доступ из СПС «Консультант плюс» (дата обращения: 10.11.2021).

к следователю, несмотря на то что его реальное (телесное) ограничение права на свободу и личную неприкосновенность осуществлено ранее.

В связи с чем, на сегодняшний день представляется странным существование правовой неопределенности в части нормативно-правовой регламентации между фактическим задержанием и началом процессуальной деятельности дознавателя или следователя, которая фактически урегулируется по собственному усмотрению тех или иных правоохранительных органов и их должностных лиц. Ведь, даже если идти по пути первого подхода, в правоприменительной практике остается открытым вопрос, каким образом фиксировать момент фактического задержания, либо рапортами, либо иными служебными документами, что позволяет говорить об отсутствии реальных средств, которые бы минимизировали возможность появления фактов злоупотребления должностными полномочиями сотрудниками правоохранительных органов.

В реальности мы видим, что срок фактического задержания в большинстве случаев исчисляются именно со времени доставления в орган дознания или к следователю, когда есть реальная возможность фиксации времени в протоколе задержания.

Также, сюда накрывается проблема проведения задержания, по такому основанию, когда лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения. Это обусловлено тем, что у части правоприменителей появляются соблазны не фиксировать, момент фактического задержания, дабы у них было больше времени для сбора сведений, служащих основаниями для возбуждения уголовного дела, а также доказательственной информации. Но в тоже время, исходя из диспозиции ст. 92 УПК РФ, вполне логично выстраивается алгоритм осуществления задержания по вышеуказанному основанию, а именно в период с фактического задержания лица до составления протокола задержания необходимо возбудить уголовное дело, так как указанный протокол должен содержать в себе сведения о квалификации деяния, что возможно только после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. При этом, указанные действия должны быть совершены в срок не более 22 часов с момента фактического задержания. Это обусловлено тем, что согласно части 2 статьи 46 УПК РФ установлен временной лимит в 24 часа с момента фактического задержания до необходимости производства допроса подозреваемого, а также подозреваемому предоставлено право на

свидание с защитником продолжительностью не менее 2 часов до начала допроса.

Однако напрямую законодатель данный алгоритм в единой норме уголовно-процессуального закона не отразил, что, по нашему мнению, как раз и вызывают двоякость ее понимания и порождает злоупотребления в правоприменительной практике.

Все вышесказанное, позволяет говорить о том, что уже назрела необходимость в создании унифицированного документа, который бы полностью регламентировал деятельность уполномоченных должностных лиц по процедуре самого задержания, его фиксации и требованиям к процессуальным документам, отражающих указанную деятельность.

Библиографический список:

1. Свежинцев Е.И. Реализация права на доступ к информации в досудебном производстве по уголовным делам: монография / Е.И. Свежинцев; под редакцией Е.А. Зайцевой. – Волгоград: ВА МВД России, 2020. – 200 с.

2. Россинский С.Б. Момент фактического задержания подозреваемого сквозь призму конституционного-межотраслевого подхода// Российский следователь. – 2018. – №8. – С. 29–33.

© Е.И. Свежинцев, 2021

Сенцов Александр Сергеевич,
профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС,
кандидат юридических наук, доцент
Волколупова Валентина Александровна,
доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ДЕЯТЕЛЬНЫМ РАСКАЯНИЕМ

Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, предусмотренное в ч. 1 ст. 75 УК РФ, является одним из его общих видов. Согласно этой норме «лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию этого преступления, возместило ущерб или иным образом загладило вред, причиненный этим преступлением и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным».

По смыслу этой нормы для ее применения необходимо установить наличие трех обязательных условий:

а) совершенное преступление относится к категории небольшой или средней тяжести (ч. 2 и ч. 3 ст. 15 УК РФ). Однако правоприменитель должен учитывать, что предусмотренное ч. 6 ст. 15 УК РФ право суда «при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию», может быть реализовано только в отношении осужденного, которому предварительно этим же судом уже назначено наказание. В таком случае освобождение от уголовной ответственности невозможно ни по ст. 75, ни по ст. 76 УК РФ (примирение с потерпевшим) даже

если совершенное лицом тяжкое преступление будет признано судом преступлением средней тяжести;

б) преступление небольшой или средней тяжести совершено впервые. В уголовно-правовом смысле преступление признается совершенным впервые, если: а) лицо ранее вообще не совершало преступлений; б) за ранее совершенное преступление оно было осуждено, но судимость на момент совершения нового преступления погашена или снята в установленном законом порядке; в) лицо совершало ранее преступление, но было освобождено от уголовной ответственности по любым нереабилитирующим основаниям; г) в случаях истечения сроков давности за ранее совершенное преступление (ч. 1 ст. 78 УК РФ); д) и наконец, если лицо после привлечения его к уголовной ответственности за совершенное в прошлом преступление было освобождено от наказания (ч. 2 ст. 86 УК РФ), поскольку и в этом случае оно считается несудимым.

Заслуживает внимания позиция авторов, согласно которой «вряд ли можно считать безупречным такое толкование, которое отождествляет разные понятия: «лицо, впервые совершившее преступление» и «лицо, впервые осужденное за совершение преступления» [1, с. 421]. Кроме того, И.Я. Козаченко и Г.П. Новоселов вполне обоснованно замечают и еще одну несогласованность в рассматриваемой уголовно-правовой норме: «согласно «букве закона», а не по смыслу ст. 75 УК РФ лицом, впервые совершившим преступление небольшой или средней тяжести, является в том числе и тот, кто ранее совершил и был осужден за тяжкое или особо тяжкое преступление. Парадоксальность ситуации состоит в том, что исключая возможность применения освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием для лиц уже осуждавшихся за совершение преступлений небольшой или средней тяжести (при наличии у них судимости – В.В., А.С.), ст. 75 УК РФ не делает такого исключения для лиц, ранее осуждавшихся за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления» [1, с. 421];

в) последнее условие носит оценочный характер и заключается в том, что «вследствие деятельного раскаяния лицо перестало быть общественно опасным». При этом утрата общественной опасности лицом, впервые совершившим преступление небольшой или средней тяжести, должна быть следствием именно его деятельного раскаяния, а не результатом воздействия каких-то иных независящих от субъекта внешних обстоятельств (изменение

обстановки, тяжелая болезнь и т.п.). Должно иметь место позитивное постпреступное поведение освобождаемого лица, выразившееся в добровольной явке с повинной, способствовании раскрытию и расследованию совершенного преступления, возмещении причиненного ущерба или иным образом заглаживании вреда, причиненного этим преступлением.

Явка с повинной в смысле проявления деятельного раскаяния заключается в официальном обращении лица, совершившего преступление, к компетентным органам государства (органам дознания, предварительного следствия, прокуратуры или в суд) и добровольном сообщении о том, что им было совершено преступление (или несколько преступлений).

Явка с повинной и сама по себе уже является обстоятельством, смягчающим наказание, как и последующее активное способствование раскрытию и расследованию преступления, розыску имущества, добытого в результате преступления (п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

При явке с повинной устанавливается личность явившегося субъекта и затем сделанное им сообщение оформляется в предусмотренном законом порядке, от лица принимается письменное заявление или составляется соответствующий протокол. Явка с повинной является одним из поводов для возбуждения уголовного дела (ст. 140 УПК РФ).

Лицо, совершившее преступление, может явиться с повинной и после возбуждения уголовного дела по факту совершенного им преступления, если оно к моменту явки еще не раскрыто и правоохрнительным органам не известно лицо, его совершившее. В практике встречаются случаи, когда лицо является с повинной уже после того, как правоохрнительным органам стало известно и о совершенном преступлении, и о его субъекте. Такая явка с повинной по общему правилу не является основанием для освобождения данного лица от уголовной ответственности, но может быть признана обстоятельством, смягчающим наказание [2, с. 133]. Но, если лицо, явившееся с повинной не знало об информированности правоохрнительных органов и вследствие добросовестного заблуждения полагало, что именно его заявление позволит раскрыть преступление и установить субъекта его совершения, то при такой фактической ошибке, на наш взгляд, явку с повинной можно признать добровольной и придать ей юридическое значение, в том числе и в качестве основания освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием.

Способствование раскрытию и расследованию совершенного (своего) преступления предполагает такое позитивное постпреступное поведение лица, совершившего преступление, которое проявляется в конкретных действиях по оказанию реальной помощи сотрудникам правоохранительных органов в проведении ими следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, направленных на установление места, времени, способа, мотива и иных юридически значимых обстоятельств, подлежащих доказыванию. Лицо, явившееся с повинной, добровольно выдает орудия или средства совершения преступления, называет своих соучастников, уточняет их роль, а также место их возможного нахождения после совершения преступления, конкретизирует характер и размер ущерба или иного вреда, причиненного преступлением, показывает местонахождение похищенных денег, ценных бумаг или иного имущества, добытого преступным путем, способствует выявлению иных юридически значимых обстоятельств, относящихся к совершенному преступлению.

Возмещение причиненного ущерба выражается в непосредственной добровольной компенсации самим лицом (или по его просьбе либо с его согласия другими лицами, заинтересованными в его судьбе) материального (имущественного) вреда, причиненного преступлением. Способы такой компенсации могут быть различными: выплата денежного эквивалента, возмещение ущерба в натуральной форме (передача потерпевшему такого же имущества, либо по согласованию с ним иного равноценного имущества), выполнение восстановительного ремонта поврежденного имущества и т.п.).

Заглаживание вреда иным образом выражается в нейтрализации вредных последствий в виде физического или морального вреда (оплата хирургической операции, произведенной потерпевшему, возмещение иных расходов на его лечение, последующую реабилитацию и восстановительный отдых потерпевших и т.п.). Заглаживание морального вреда возможно также и путем публичного извинения (например, при клевете), включая использование средств массовой информации, в том числе сети Интернет.

Можно отметить, что согласно нормам гражданского права предусмотрено денежное возмещение физического и морального вреда (ст. 1085, 1110 ГК РФ).

Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием допускается лишь при наличии всех названных оснований и условий в их совокупности: лицо совершило преступление небольшой или средней тяжести впервые, а после его совершения имело место добровольная явка

с повинной, способствование раскрытию и расследованию этого преступления, возмещение причиненного ущерба или иным образом заглаживание вреда, причиненного этим преступлением, вследствие чего лицо перестало быть общественно опасным.

При такой законодательной конструкции нормы, предусмотренной ч. 1 ст. 75 УК РФ, освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием допустимо лишь при наличии всех названных условий.

В ч. 2 ст. 75 УК РФ предусмотрена возможность освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего преступление более тяжкой категории (тяжкого или особо тяжкого), но только в случаях, если это предусмотрено соответствующими статьями Особенной части УК РФ (а точнее, специальными нормами, установленными в примечаниях к отдельным статьям Особенной части УК РФ).

Можно отметить, что при буквальном толковании этой нормы не исключается и парадоксальный вывод о том, что так называемые «специальные виды освобождения от уголовной ответственности» допустимы лишь при совершении преступлений иной категории, чем небольшой или средней тяжести, то есть только в случаях совершения тяжкого или особо тяжкого преступления, и при этом применение этих видов должно быть связано с деятельным раскаянием. Но даже беглый их анализ показывает, что в нормах Особенной части УК РФ основания и условия освобождения от уголовной ответственности по рассматриваемым специальным нормам далеко не всегда соответствуют этим требованиям.

Так, например, в примечании к ст. 122 УК РФ (заражение ВИЧ-инфекцией) определено, что «лицо, совершившее деяние, предусмотренные ч. 1 или ч. 2 настоящей статьи, освобождается от уголовной ответственности в случае, если другое лицо, поставленное в опасность заражения либо зараженное ВИЧ-инфекцией, было своевременно предупреждено о наличии у первого этой болезни и добровольно согласилось совершить действия, создавшие опасность заражения».

Преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 122 УК РФ, во-первых, являются преступлениями небольшой тяжести, а в ч. 2 ст. 122 УК РФ предусмотрено преступление средней тяжести, а во-вторых, примечание к ст. 122 УК РФ вообще не включает в качестве обязательного условия для освобождения от уголовной ответственности по данному основанию деятельное раскаяние

субъекта. Для применения этой нормы достаточно лишь факта добровольного согласия потерпевшего, своевременно предупрежденного о наличии у «партнера» ВИЧ-инфекции и поставившего себя в опасность заражения этой болезнью.

Некоторые специальные виды освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные в отдельных примечаниях к статьям Особенной части УК РФ, допускают их применение в том числе и к лицам, совершившим не только тяжкие или особо тяжкие преступления, но и преступления небольшой или средней тяжести (примечания к ст. 222, 228, 291, 291.1 УК РФ и др.). Более того, некоторые специальные виды освобождения от уголовной ответственности предусмотрены в примечаниях к статьям Особенной части УК РФ, устанавливающим ответственность только за преступления небольшой тяжести, например, за мелкий коммерческий подкуп или мелкое взяточничество (например, примечания к ст. 204.2, ст. 291.2 УК РФ). В этой связи целесообразно было бы изменить редакцию ч. 2 ст. 75 УК РФ и привести ее в соответствие с реальным содержанием специальных видов освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ.

Можно отметить, что по общему правилу в нормах Особенной части УК РФ, регламентирующих основания освобождения от уголовной ответственности, устанавливаются повышенные дополнительные требования, предъявляемые к поведению субъекта после совершения им преступления (к его позитивному постпреступному поведению). Так, лицо, совершившее похищение человека, должно добровольно освободить похищенного (примечание к ст. 126 УК РФ), при захвате заложника оно должно добровольно или по требованию властей освободить заложника (примечание к ст. 206 УК РФ). Лицо, участвующее в подготовке террористического акта должно своевременным предупреждением или иным способом способствовать предотвращению осуществления террористического акта (примечание к ст. 205 УК РФ) и т.п.

Таковы основные проблемы, относящиеся к правовой регламентации освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием.

Библиографический список:

1. Козаченко И. Я. Уголовное право. Общая часть: Учебник для бакалавров /И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. – М.: Изд-во Юрайт, 2014. – 719 с.
2. Чернова М. Б. Явка с повинной в системе деятельного раскаяния // Юридическая мысль. – 2006. – № 1(32). – С. 131-137.

Сенцов Александр Сергеевич,
профессор кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС,
кандидат юридических наук, доцент

Волколупова Валентина Александровна,
доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики
Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПРИНЦИПА ЭКОНОМИИ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РЕПРЕССИИ И НЕОТВРАТИМОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Большинство авторов, занимавшихся научной разработкой уголовно-правовых принципов, отмечают, что одним из относительно самостоятельных проявлений принципа гуманизма по отношению к лицу, совершившему преступление, является такой частный принцип, как экономия мер уголовно-правовой репрессии (далее, – в таком же значении – принцип экономии репрессии).

Так, Д.Ю. Фисенко соотносит этот принцип с положениями, закрепленными в ст. 60 УК РФ («Общие начала назначения наказания»), согласно которой «более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершенное преступление назначается только в том случае, если менее строгий вид наказания не может обеспечить достижение цели наказания». На этой основе автором формулируется вывод о том, что «соответственно, перечень наказаний в новом Кодексе... представлен от менее суровых к более суровым видам наказаний... также сконструированы санкции и в статьях о конкретных преступлениях» [1, с.120].

Другие авторы полагают, что «экономия репрессии достигается на законодательном уровне – когда решается вопрос как о круге деяний, включаемых в уголовный закон (криминализация), так и о мерах наказания за них (пенализация)...., экономия репрессии – это гуманизм, проявляемый

законодателем» [2, с. 154]. Согласно суждениям других авторов, к принципу экономии репрессии относятся «институты освобождения от уголовной ответственности и наказания, сужение объема и выставление специальных ограничений для применения смертной казни» [3, с. 47]. Однако этим не ограничивается объем понятия «экономия репрессии», так как, на наш взгляд, экономия мер уголовно-правовой репрессии проявляется, в том числе и в особенностях правового воздействия на совершивших преступление несовершеннолетних, беременных женщин и лиц, имеющих малолетних детей.

В соответствии с принципом экономии репрессии, выбирая оптимальные средства уголовно-правового воздействия, следует исходить, прежде всего, из их достаточности для реализации основных задач уголовного права и достижения целей наказания или иных мер уголовно-правового характера.

Иными словами, реализация этого принципа предполагает, что назначаемое лицу, признанному виновным в совершении преступления, наказание или иная мера уголовно-правового характера должны быть минимальными из всех возможных, но в то же время достаточными для достижения своих целей (ст. 43 УК РФ), а следовательно, применяемая «доза» уголовно-правовой репрессии должна быть оптимальной. И данное основополагающее начало отнюдь не исключает наличие в уголовном праве и другой руководящей идеи – принципа неотвратимости уголовной ответственности.

И поэтому на современном этапе интерес представляет вопрос о соотношении принципа экономии мер уголовно-правовой репрессии с принципом неотвратимости уголовной ответственности. Рассмотрим эту проблему более подробно.

Относительно вопроса о включении принципа неотвратимости уголовной ответственности в систему принципов уголовного права наблюдается разброс мнений. Так, одни специалисты определяют неотвратимость ответственности как положение, вытекающее из требования принципа законности. «Неотвратимость ответственности обеспечивается и правоохранительными органами... однако от правильности криминализации деяний, от обоснованности видов и размеров санкций за них, беспробельности УК РФ во многом зависит, будет ли закон применяться на практике или нет» [4, с. 22].

По мнению других авторов, положение о неотвратимости ответственности выступает не принципом права, а является лишь одной из задач правоприменительных органов, оно означает, что каждое преступление не

должно оставаться нераскрытым, т.е. безответным со стороны государства и общества [5, с. 40]. И при таком подходе неотвратимость уголовной ответственности, как полагают эти авторы имеет не уголовно-правовой, а уголовно-процессуальный характер.

Однако А.В. Наумов справедливо утверждает, что принцип неотвратимости не получил закрепления в УК РФ без достаточных оснований. Причины отказа от правового закрепления этого принципа в уголовном законе, по его мнению, «в современных реалиях нашего общества, в частности, в низком проценте раскрываемости преступлений, в некритическом отношении к своей деятельности работников правоохранительных органов, которые объясняют слабую раскрываемость преступлений, в том числе коррупционных, не недостатками своей работы, а отсутствием достаточной законодательной базы, а также в отсутствии достаточной политической воли первых лиц государства, направленной на решительную борьбу с коррупцией» [6, с. 323].

В.В. Мальцев указывает, что рассматриваемый принцип «выступает как бы проекцией социального бытия равенства граждан перед законом и тесно связан с понятием преступления. Ведь такое равенство воплощается в действительность лишь в ситуации, когда подавляющее большинство преступлений раскрыто (о всех можно говорить лишь в идеале), а лица, их совершившие, в строгом соответствии с законом привлечены к уголовной ответственности... Определив преступление как «виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания» (ст. 14 нового УК) и посчитав тем самым наказуемость одним из его признаков, по меньшей мере, нелогично не признавать неотвратимость ответственности принципом Уголовного кодекса, поскольку в основании наказуемости преступления находится не что иное, как неотвратимость ответственности. Констатация данного принципа была бы полезной и в плане обозначения одного из путей реализации задач Уголовного кодекса (ст. 2 УК)» [7, с. 312].

Таким образом, в юридической литературе вопрос о существовании в уголовном праве принципа неотвратимости уголовной ответственности относится к числу наиболее спорных и дискуссионных.

Попытаемся обобщить приведенные выше высказывания. На наш взгляд, исследуемый принцип не охватывается содержанием никаких других принципов уголовного права. Принцип неотвратимости уголовной ответственности

в известной степени детализирует, конкретизирует более широкие по своему содержанию принципы законности и равенства граждан перед законом. Но, несмотря на это, эти принципы «не поглощают принципа неотвратимости, так как отказ от привлечения к уголовной ответственности может осуществляться на законном основании при соблюдении равного подхода к лицам, независимо от пола, расы, национальности, имущественного, должностного положения и других обстоятельств» [8, с. 113].

Еще в советский период неоднократно поднимался вопрос о том, что принцип неотвратимости уголовной ответственности в большей степени носит не уголовно-правовой, а уголовно-процессуальный характер, поскольку он исходит из решения только одной из задач, стоящих перед правоприменительными органами. В настоящее время специалистами все чаще отмечается двойственный характер этого принципа (он одновременно имеет как уголовно-правовое, так и уголовно-процессуальное содержание).

Так, В.Д. Филимонов отмечает, что «задача быстрого и полного раскрытия преступлений, изобличения виновных и обеспечения правильного применения закона может рассматриваться как достижимая только в том случае, если она соответствует нормам уголовного нрава» [8, с. 34].

На наш взгляд, хотя этот принцип является межотраслевым, но безусловно имеет и уголовно-правовой характер, поскольку, в первую очередь, направлен на реализацию общей и частной превенции с использованием уголовно-правовых мер противодействия преступным посягательствам.

Он адресован не только органам, осуществляющим уголовное преследование, но и является обязательным для всех субъектов уголовной ответственности. Однако его реализация, действительно, зависит, в первую очередь, от результативности деятельности правоприменительных органов, от ее эффективности, от того, насколько быстро и полно будет раскрыто каждое совершенное преступление.

Часто используемые в действующем уголовном законодательстве формулировки «лицо подлежит уголовной ответственности», «лицо несет уголовную ответственность» отражают в значительной степени и содержание данного принципа. Такие словосочетания (в их различных вариантах) встречаются во многих нормах Общей части УК РФ (например, ч. 3 ст. 11, ч. 2 ст. 12, ч. 1 ст. 17 УК РФ и др.).

Находит свое отражение принцип неотвратимости наказания и в нормах Особенной части УК РФ, прежде всего, в санкциях, предусматривающих вид и размер наказания за описанные в диспозициях деяния. Начинается каждая санкция словом «наказывается», означающим, что при совершении описанного в диспозиции деяния, правоохранительные органы обязаны привлечь виновное лицо к уголовной ответственности и назначить соответствующее наказание. Например, ч. 1 ст. 105 УК РФ гласит: «Убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, – наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет...». Следовательно, такое построение статей Особенной части УК РФ выражает непреложное требование законодателя о наказуемости за каждое противоправное деяние.

Актуальным в настоящее время является вопрос о целесообразности нормативного закрепления принципа неотвратимости ответственности в тексте уголовного закона. Для того чтобы осветить на данный вопрос, важно выяснить, каково значение данного принципа в сфере реализации задач уголовно-правового регулирования.

Как уже отмечалось, принцип неотвратимости ответственности для уголовного права имеет в большей степени предупредительное, сдерживающее воздействие, и в этом направлении с его помощью уголовный закон регулирует поведение людей. Так, знание лица, способного на совершение преступления, о неизбежности уголовной ответственности за преступные действия позволяет уже на законодательном уровне удержать его от совершения преступления. Еще Чезаре Беккариа писал, «одно из самых действенных средств сдерживания преступления заключается не в жестокости наказания, а в его неизбежности... Уверенность в неизбежности хотя бы и умеренного наказания производит всегда большее впечатление, чем страх перед другим хотя и более жестоким, но сопровождаемым надеждой на безнаказанность» [10, с. 308-309].

Таким образом, принцип неотвратимости ответственности вполне логично было бы нормативно закрепить в УК РФ как одно из эффективных средств решения задачи УК РФ, по предупреждению преступлений (ч. 1 ст. 2 УК РФ).

В заключение можно обратить внимание на проблему, относящуюся к законодательному определению понятия «принцип неотвратимости уголовной ответственности».

Достаточно точно данный принцип был в свое время сформулирован в Модельном УК для государств-участников СНГ [11]. Он был изложен в следующей редакции:

«(1) Лицо, совершившее преступление, подлежит наказанию или иным мерам воздействия, предусмотренным Уголовным кодексом.

(2) Освобождение от уголовной ответственности и наказания возможно только при наличии оснований и условий, предусмотренных законом».

С незначительными отличиями в тексте законодательного определения принцип неотвратимости ответственности закреплён в п. 4 ст. 3 УК Республики Беларусь [12]: «Каждое лицо, признанное виновным в совершении преступления, подлежит наказанию или иным мерам уголовной ответственности. Освобождение от уголовной ответственности или наказания допускается лишь в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом».

На наш взгляд, целесообразно «скомбинировать» приведенные определения принципа неотвратимости уголовной ответственности и на этой основе уточнить его формулировку, выделив в ней два конститутивных положения, согласно которым: а) «каждое лицо, признанное виновным в совершении преступления, подлежит уголовной ответственности с назначением наказания или применением иных мер уголовно-правового характера, в пределах, предусмотренных уголовным законом; б) освобождение от уголовной ответственности или от наказания допускается лишь в исключительных случаях и только по таким основаниям, которые предусмотрены в уголовном законе.

Резюмируя изложенное, можно сформулировать итоговый вывод о том, что наряду с закреплёнными в ст. 3-7 УК РФ принципами уголовного права целесообразно нормативно закрепить ещё один принцип, присущий данной области права, – принцип неотвратимости уголовной ответственности. По нашему мнению, став самостоятельным и нормативно установленным в УК РФ, этот принцип в значительной мере будет способствовать формированию в Российской Федерации правового государства. Мы предлагаем нормативно закрепить этот принцип в УК РФ и изложить его в следующей редакции:

«Статья 7.1. Принцип неотвратимости уголовной ответственности

1. Каждое лицо, признанное виновным в совершении преступления, подлежит уголовной ответственности с назначением наказания или применением иных мер уголовно-правового характера в пределах, предусмотренных настоящим Кодексом.

2. Освобождение от уголовной ответственности или от наказания допускается лишь в исключительных случаях и только по таким основаниям, которые предусмотрены настоящим Кодексом».

Библиографический список:

1. Фисенко Д.Ю. Классификация специальных принципов уголовного права // Казанская наука. – 2015. – № 7. – С. 120-126.
2. Келина С. Г., Кудрявцев В. Н. Принципы советского уголовного права. – М., 1988. – 176 с.
3. Мальцев В.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. – СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. – 692 с.
4. Курс уголовного права: В 5-ти т. / Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. Юрид. фак.; Под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – М. : Зерцало-М, 2002. – 611 с.
5. Звечаровский И.Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. – СПб., 2001. – 100 с.
6. Наумов А. В. Российское уголовное право. Курс лекций. – М.: Федеральная палата адвокатов РФ, 2016. – 742 с.
7. Мальцев В.В. Принципы уголовного права и их реализация в правоприменительной деятельности. – СПб., 2004. – 692 с.
8. Пушкова В. Д. Анощенкова С. В. К дискуссии о принципе неотвратимости уголовной ответственности // Проблемы и перспективы юриспруденции в современных условиях: сборник науч. трудов по итогам международ. науч.-практич. конф. – Казань, 2017. – С. 113-115.
9. Филимонов В.Д. Принципы уголовного права. – М., 2002. – 138 с.
10. Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях. – М., 1939. – 464 с.
11. Модельный Уголовный кодекс для государств-участников Содружества Независимых Государств (принят Постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников Содружества Независимых Государств, Санкт-Петербург, 17 февраля 1996 года) [Электронный ресурс] // Юрист – Параграф Online: официальный сайт. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30074120#pos=3;-55 (дата обращения: 17.10.2021).
12. Уголовный кодекс Республики Беларусь от 9 июля 1999 года № 275-З (по состоянию на 11.11.2019) [Электронный ресурс] // Законодательство стран СНГ: официальный сайт. URL: http://base.spininform.ru/show_doc.fwx?rgn=1977 (дата обращения: 17.10.2021).

Синкевич Вероника Викторовна,
доцент кафедры уголовного процесса
УНК по ПС в ОВД ВА МВД России
кандидат юридических наук

ОСОБЕННОСТИ ПРОДЛЕНИЯ СРОКА ЗАДЕРЖАНИЯ ПРИ ВВЕДЕНИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Уголовно-процессуальный закон не закрепляет особенностей осуществления процессуальной деятельности в условиях объявленного чрезвычайного положения и иных специфических правовых режимов.

Вместе с тем законодательство, регулирующее порядок действия чрезвычайного положения в России, содержит определенные нормы, предполагающие дифференцирование процессуального порядка задержания в части длительности содержания задержанного под стражей. Так Федеральный конституционный закон «О чрезвычайном положении» устанавливает меры и временные ограничения, применяемые в условиях чрезвычайного положения [1]. В пункте «ж» ст. 12 названного закона закреплено: «продление срока содержания под стражей лиц, задержанных в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации по подозрению в совершении актов терроризма и других особо тяжких преступлений, на весь период действия чрезвычайного положения, но не более чем на три месяца.

На основании положений Конституции РФ, норм УПК РФ, регламентирующих порядок освобождения подозреваемого, последний должен быть немедленно освобожден по истечении 48-часового срока. Дальнейшее содержание подозреваемого под стражей законно в случае принятия судом решения о применении меры пресечения заключения под стражу либо при продлении такого срока. Срок задержания, как указано в ч. 2 ст. 94 УПК РФ, может быть продлен судом в порядке, установленном п. 3 ч. 7 ст. 108 УПК РФ.

В отсутствие соответственно либо постановления суда об избрании заключения под стражу, либо его решения о продлении срока задержания подозреваемый по прошествии с момента задержания 48 часов немедленно освобождается.

Следует отметить, что инициирование продления срока задержания лицом, осуществляющим производство по уголовному делу, законом не

предусмотрено. Следователь (дознатель) не уполномочен возбуждать ходатайство перед судом о продлении срока задержания подозреваемого в совершении преступления.

Решение о продлении срока задержания на основании п. 3 ч. 7 ст. 109 УПК РФ может быть принято судом при разрешении ходатайства следователя (дознателя) об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. Основанием для вынесения постановления о продлении срока задержания являются заявленные суду ходатайства, принесенные стороной обвинения или защиты с просьбой продлить срок задержания на определенный период времени (но не более чем на 72 часа) для представления дополнительных доказательств обоснованности или необоснованности избрания меры пресечения в виде заключения под стражу.

Максимальный срок такого продления составляет 72 часа с момента вынесения судом постановления о продлении срока задержания.

Дальнейшее продление судом срока задержания не предусмотрено.

Увеличение такого срока еще на 72 часа возможно лишь при избрании в отношении задержанного в порядке ст. ст. 91, 92 УПК РФ лица залога при разрешении ходатайства следователя (дознателя) об избрании меры пресечения - заключения под стражу. Время предоставляется подозреваемому для внесения залога (7 ст. 106 УПК РФ). То есть максимальный срок задержания - 120 часов может быть увеличен до 192 часов.

Других положений о возможном продлении срока задержания уголовно-процессуальный закон не содержит.

В других своих работах мы обращали внимание на неоднозначность толкования п. «ж» ст. 12 ФКЗ «О чрезвычайном положении» [2, 3]. Отсутствие единообразия употребляемой в обоих анализируемых законах терминологии может повлечь трудности у правоприменителя в случае объявления чрезвычайного положения, проблемы обеспечения прав участников уголовного судопроизводства. В статьях УПК РФ, где речь идет о продлении 48-часового срока, законодатель употребляет формулировку «продление срока задержания». В соответствующих нормах (ст. 92, ст. 109 УПК РФ) не содержится контекста «продление срока содержания под стражей задержанному лицу». Однако, исходя из смысла п. 42 ст. 5 УПК РФ, под содержанием под стражей понимается не только пребывание обвиняемого, к которому применена мера пресечения в виде заключения под стражу, в следственном изоляторе либо

ином месте, но и лица, задержанного по подозрению в совершении преступления в таких местах. И в случае если лицу, задержанному по подозрению в совершении преступления, продлевается 48-часовой срок, то можно говорить о том, что продлевается именно срок содержания его под стражей.

О «содержания под стражей лиц, задержанных по подозрению в совершении преступлений» говорится и в Федеральном законе «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления». Основанием такого содержания является протокол задержания, составленный в порядке, установленном УПК РФ.

Проводя сравнительный анализ положений Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении», УПК РФ, Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления», можно сделать следующий вывод: п. «ж» ст. 12 ФКЗ «О чрезвычайном положении» предусматривает возможность продления 48-часового срока содержания под стражей лиц, задержанных в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации по подозрению в совершении актов терроризма и других особо тяжких преступлений, на весь период действия чрезвычайного положения, но не более чем на три месяца.

Чрезвычайное положение вводится указом Президента РФ, в котором устанавливаются меры и ограничения на время его действия. В случае, если чрезвычайное положение введено в связи с попытками насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации, захвата или присвоения власти, вооруженного мятежа, массовых беспорядков, террористических актов и т.д. (п. «а» ст. 3 ФКЗ «О чрезвычайном положении») Указ Президента РФ о введении чрезвычайного положения может устанавливать продление срока содержания под стражей лиц, задержанных в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации по подозрению в совершении подобных преступлений. Максимальный срок продления содержания под стражей таких лиц составляет три месяца. Промежуточные сроки обусловлены установленными законодательством сроками действия чрезвычайного положения: на всей территории Российской Федерации, - не более 30 суток, в ее отдельных местностях, – 60 суток. По истечении этого времени основанием для продолжения действия мер и ограничений, предусмотренных п. «ж» ст. 12 ФКЗ «О чрезвычайном

положении» является указ Президента РФ о продлении чрезвычайного положения.

ФКЗ «О чрезвычайном положении» не содержит положений о самом порядке продления сроков содержания под стражей лиц, задержанных в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации по подозрению в совершении отдельных особо тяжких преступлений. Такой порядок осуществления процессуальной деятельности закреплен в УПК РФ.

На основании положений Конституции РФ и УПК РФ продление срока задержания свыше 48 часов законно лишь по решению суда.

Таким образом, следователь за 8 часов до истечения 48 часов должен направить в суд материалы об избрании в отношении подозреваемых меры пресечения в виде заключения под стражу, а суд, рассматривая соответствующие ходатайства, имеет право в числе выносимых решений, постановить (определить) продлить срок задержания на время действия чрезвычайного положения (30 или 60 суток соответственно с момента вынесения такого решения). В случае невозможности по истечении этого времени принять решение об избрании заключения под стражу, суд вновь, рассматривая ходатайство следователя, может продлить срок задержания до трех месяцев. Основанием такого продления является, в том числе, указ Президента РФ о продлении действия чрезвычайного положения. По истечении предельного срока судом по ходатайству следователя принимается решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или отказе в удовлетворении ходатайства.

В настоящей работе положение п. «ж» ст. 12 ФКЗ «О чрезвычайном положении» не анализируется на предмет его конституционности, соответствия нормам международного права в контексте установления трехмесячного срока продления срока задержания, а лишь констатируется факт, что если в ФКЗ «О чрезвычайном положении» речь все же идет о продлении срока задержания, то такая процессуальная деятельность будет осуществляться в порядке, обозначенном выше. Также считаем, что особенности применения отдельных мер процессуального принуждения в условиях действия особых правовых режимов следует закрепить в соответствующих нормах уголовно-процессуального закона.

Библиографический список:

1. Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 N 3-ФКЗ (ред. от 03.07.2016) «О чрезвычайном положении». СПС Консультант Плюс.
2. Синкевич В.В. Неоднозначность толкования норм о применении мер процессуального принуждения в условиях чрезвычайного положения // Вестник Волгоградской академии МВД России. Выпуск 3 (58): научно-методический журнал. – Волгоград: ВА МВД России, 2021. – С. 188-194;
3. Синкевич В.В. Сроки содержания под стражей лиц, задержанных по подозрению в совершении актов терроризма и других особо тяжких преступлений // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2020 №2 (39). С. 28-30.

© В.В. Синкевич, 2021

Смирнов Максим Александрович,
аспирант Санкт-Петербургской академии
Следственного комитета Российской Федерации,
старший инспектор первого контрольно-следственного отдела
Следственного управления Следственного комитета
Российской Федерации по Чувашской Республике

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОЗНАНИЙ ПСИХОЛОГА И ПЕДАГОГА В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Расследование уголовных дел с участием несовершеннолетних имеет существенную специфику и усложнённый процессуальный порядок, призванный обеспечить соблюдение их гарантированных прав и свобод, как наиболее социально незащищенной категории граждан.

Важной задачей уголовного судопроизводства является совершенствование механизмов защиты гарантированных прав несовершеннолетних, вовлечённых в уголовный процесс.

Одной из таких гарантий является участие психолога и педагога в следственных действиях с несовершеннолетними.

Анализ уголовно-процессуального законодательства свидетельствует об отсутствии должной правовой регламентации деятельности педагога и психолога при производстве по уголовным делам.

Споры по определению процессуального статуса педагога и психолога, их роли и функций в уголовном судопроизводстве, продолжается не один десяток лет. Не вдаваясь в подробности этой дискуссии, лишь отметим, что одни исследователи отождествляют их со специалистами и исключают необходимость дополнительной регламентации их статуса. Другие, которых, по всей видимости, в настоящее время большинство, считают, что психолог и педагог являются самостоятельными участниками уголовного процесса. Некоторые из авторов, не вдаваясь в обсуждение этой полемики, справедливо отмечают, что психолог (педагог) наряду с экспертом, специалистом, переводчиком относятся к сведущим лицам, поскольку обладают специальными знаниями.

По нашему мнению, психологи и педагоги относятся к числу особых специалистов, на которых возложены специальные задачи. Участвуя в уголовном процессе, они используют ранее приобретенные специальные познания для решения задач уголовного судопроизводства. Их особенность заключается в том, что в зависимости от формы использования профессиональных знаний они могут выступать в разных статусах: специалиста, «сведущего свидетеля», эксперта.

Неразрешенные проблемы с правовым статусом этих участников уголовного судопроизводства с одной стороны снижают возможности использования профессиональных знаний для оказания содействия лицам производящим расследование, суду в получение полной и достоверной информации от несовершеннолетнего для объективного установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, а с другой – способны отрицательно повлиять на соблюдение прав и законных интересов несовершеннолетних, то есть свести их роль к формальному участию.

Об этой проблеме широко известно в юридической литературе, имеются многочисленные споры среди научных деятелей и предлагаются пути их решения в практической деятельности. Однако законодателем до настоящего времени они оставлены без должного внимания.

В практической деятельности у органов предварительного расследования возникают значительные сложности в своевременном обеспечении участия психологов и педагогов в следственных действиях с участием несовершенно-

летних. Это обусловлено, в первую очередь, служебной занятостью этих специалистов.

Для урегулирования этого вопроса следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации по Чувашской Республике (далее – следственное управление), сотрудником которого является автор, заключен ряд соглашений с профильными министерствами и учреждениями [4; 5]. Этими соглашениями определен порядок привлечения следователями педагогов-психологов, психологов, социальных педагогов, медицинских психологов к участию в следственных действиях с несовершеннолетними участниками уголовного судопроизводства оказания психолого-педагогической, медико-психологической помощи, а также проведение иных реабилитационных мероприятий в отношении несовершеннолетних.

В одном из соглашений предпринята попытка устранить неурегулированный законодательством вопрос возмещения расходов педагога, психолога, социального педагога в связи с участием в следственном действии.

Так, в соответствии с п. 4.2.4 Соглашения [4] при исполнении педагогом-психологом, психологом, социальным педагогом обязанностей специалиста в уголовном судопроизводстве по поручению следственного органа (следователя) в нерабочее, ночное время, выходные и праздничные дни последние вправе обратиться в следственный орган (к следователю) с письменным заявлением о выплате ему вознаграждения за исполнение обязанностей специалиста, заключить соответствующий договор со следственным управлением и получить оплату за счет средств федерального бюджета в порядке, установленном действующим законодательством.

В практической деятельности подобных заявлений в следственное управление не поступало, участие указанных субъектов фактически происходит на общественных началах в рамках межведомственного взаимодействия.

Сложность в возмещении указанных расходов в случае поступления подобных обращений может возникнуть в связи с тем, что законодательством данный вопрос не урегулирован. Так, в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 131 УПК РФ процессуальными издержками признается вознаграждение, выплачиваемое эксперту, переводчику, специалисту за исполнение ими своих служебных обязанностей в ходе уголовного судопроизводства, за исключением случаев, когда эти обязанности исполнялись в порядке служебного задания [6].

С учетом того, что законодателем не определена позиция по отношению

к процессуальному статусу педагога и психолога, а анализ норм уголовно-процессуального закона позволяет сделать вывод, что они не относятся к специалистам в процессуальном смысле, возмещение таких расходов последним может быть признано нецелевым расходованием бюджетных средств.

Вместе с тем, постулат о том, что каждый труд должен быть оплачиваем, несомненно, не должен стать исключением для педагога и психолога в уголовном судопроизводстве. Полагаем, что материальное стимулирование указанных лиц либо предоставление иных льгот в соответствии с трудовым законодательством, положительным образом сказалось бы на активизации их профессионального участия в уголовном судопроизводстве.

В связи с этим, видится правильным мнение отдельных авторов о том, что участие педагога, психолога при производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетних должно производиться наравне с оплатой труда специалистов. Поэтому видится целесообразным их предложение о дополнении ст. 131 УПК РФ дополнением в части включения в перечень лиц, кому выплачивается вознаграждение за исполнение своих обязанностей, педагога и психолога [7; с. 98].

Как справедливо отмечено коллективом авторов, являющимися сотрудниками Главного управления криминалистики (Криминалистического центра) Следственного комитета Российской Федерации, наибольшая потребность в психологическом сопровождении расследования преступлений, связанных с психологическим анализом показаний несовершеннолетних свидетелей и потерпевших с позиций их качества, надежности и достоверности возникает в двух случаях: при необходимости быстрой оценки показаний несовершеннолетнего для принятия неотложных процессуальных решений и при расследовании преступлений против половой неприкосновенности, когда показания ребенка являются ключевым доказательством [1. с. 174].

Поскольку в штате следственного управления не имеется психологов, в рамках межведомственного взаимодействия по уголовным делам и сообщениям о преступлениях с участием несовершеннолетних, по которым возникают сложности в объективном установлении обстоятельств произошедшего в связи с дефицитом доказательной информации (как правило, по сообщениям и уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы малолетних), привлекаются преимущественно медицинские психологи БУ «Республиканская психиатрическая больница» Минздрава Чувашии, как наиболее подготовленные специалисты. Эта совместная деятель-

ность обусловлена востребованностью у следствия специальных познаний в возрастной психологии в целях получения наиболее полных и достоверных сведений от несовершеннолетнего, оказания содействия следователю в оценке правдивости или ложности показаний (пояснений) несовершеннолетнего, наличия либо отсутствия оговора.

Использование специальных познаний психолога в допросе и других следственных действиях, а на стадии доследственной проверки в получении объяснений несовершеннолетнего лица, по нашему мнению, может оказать существенное содействие в установлении достоверности сообщаемых им сведений и, в конечном итоге, в законности и обоснованности принимаемого процессуального решения.

Например, в 2019 году в следственное управление поступило сообщение от матери 9-летней девочки о совершении в 2018 году в отношении дочери отцом насильственных действий сексуального характера. В ходе проверки сообщения установлено, что родители девочки находятся в разводе, между бывшими супругами имелся неразрешенный судебный спор по определению местожительства ребенка. Отец факт совершения уголовно-наказуемого деяния отрицал, указывая, что в это время находился за пределами региона. В первоначальном объяснении, полученным сотрудником полиции без участия психолога, ребенок настаивал на совершенных в отношении нее неправомерных действий отцом, в то же время причины, по которым данный факт скрывался на протяжении более года назвать затруднился.

В этой связи было принято решение о проведении повторного опроса малолетней с приглашением медицинского психолога для определения её эмоционального состояния, наблюдения за её реакциями с целью выявления улик поведения. В ходе ознакомительной беседы психолога с малолетней до начала опроса, ребенок сообщил о ложности её первоначальных объяснений, которые дала по просьбе матери.

Неурегулированность процессуального статуса психолога и педагога создает неопределенность в возможности использования в качестве доказательств их специальных познаний при наличии соответствующей практической потребности.

Не разрешен вопрос участия психолога и педагога на стадии процессуальной проверки в порядке ст. 144-145 УПК РФ. Полагаем разумным распространение требований обеспечения участия педагога и психолога

с момента производства проверочных мероприятий сообщения о преступлении.

Следует обратить внимание, что Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.06.2021 № 22 внесены изменения в Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.12.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (далее – Пленум) именно в части регламентации деятельности специалиста [2].

Так, в редакции Пленума от 29.06.2021 в п. 1 наряду с сохранением положения о том, что специалисты в уголовном судопроизводстве в отличие от экспертов исследования с использованием специальных знаний не проводят, исключено указание о том, что при отсутствии необходимости в проведении такого исследования возможно проведение допроса специалиста [3]. Кроме этого, в ныне действующей редакции Пленума исключен п. 20, в котором ранее, указывалось, о том, что поскольку заключение и показания специалиста даются на основе использования специальных знаний они, также как заключение и показания эксперта в суде, являются доказательствами по делу.

Также примечательно, что в соответствии с указанными изменениями п. 4 Пленума дополнен положением о том, что перед экспертом не могут быть поставлены вопросы по оценке достоверности показаний допрошенных лиц, в том числе с применением аудио- или видеозаписи и такое доказательство не может быть признано допустимым, поскольку в соответствии со статьей 88 УПК РФ такая оценка относится к исключительной компетенции лиц, осуществляющих производство по уголовному делу.

Причины, по которым Верховным Судом России внесены эти изменения, еще предстоит детально проанализировать. Сейчас уже можно предположить, что это обусловлено желанием ограничить возможность привлечения органами расследования и судами экспертов, а соответственно и специалистов, для оценки объективности показаний, подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или свидетеля, полученных в ходе производства допроса, очной ставки и иных следственных действий.

Обозначенная высшим судебным органом страны позиция в рассматриваемом вопросе, по всей видимости, потребует внесение корректив в сложившуюся практику деятельности специалистов-психологов Следственного комитета Российской Федерации, приведённую ранее указанным коллективом авторов, согласно которой, проводимый ими психологический анализ показаний несовершеннолетних осуществляется в рамках исследования.

Его результаты оформляются в форме справки, содержание которой отражает ключевые признаки надежности или ненадежности показаний и носит для следствия ориентирующий характер. Процессуальное закрепление сформированных выводов предложено в форме допроса специалиста [1; с.184].

С учетом изложенного одними из направлений совершенствования института участия психолога и педагога в уголовном процессе видится:

1. В более детальной юридической регламентации прав, обязанностей психолога и педагога, задействованных в уголовном процессе.

2. С учетом специфики профессиональных познаний психолога и педагога подлежит дальнейшему исследованию возможность использования их специальных познаний в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве. С учетом результатов научных разработок необходимо закрепить в уголовно-процессуальном законе положения о возможности использования показаний психолога (педагога), а также их заключений (письменных суждений), данных в роли специалистов, в качестве доказательств.

Библиографический список:

1. Карпова А.В., Михайлова Ю.А., Чижова Д.С. Возможности психологического анализа показаний несовершеннолетних свидетелей и потерпевших в уголовном судопроизводстве // Электронный журнал «Психология и право». – 2019. – Т. 9. – № 4. – С. 174-186.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 22 от 29.06.2021 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам». Доступ из информ.–правовой системы «ГАРАНТ» (дата обращения: 28.10.2021).

3. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 28 от 21.12.2010 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (ред. от 29.06.2021) Доступ из информ.–правовой системы «ГАРАНТ» (дата обращения: 28.10.2021).

4. Соглашение о сотрудничестве между Следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации по Чувашской Республике, Министерством труда и социальной защиты Чувашской Республики, Министерством образования и молодежной политики Чувашской Республики, Уполномоченным по правам ребенка в Чувашской Республике от 11.07.2016.

5. Соглашение о сотрудничестве Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации и бюджетного учреждения

Чувашской Республики «Республиканская психиатрическая больница» Министерства здравоохранения Чувашской Республики от 11.01.2016.

6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001 № 52 (ч.1) Ст. 4921.

7. Фомина И.А., Горбачева Е.В. Отдельные аспекты участия педагога и психолога в тактике допроса несовершеннолетнего // Сибирский юридический вестник. – 2018. – № 3 (82). – С. 94-99.

© М.А. Смирнов, 2021

Соколова Татьяна Сергеевна,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Уфимского юридического института МВД России

К ВОПРОСУ СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЫ ДОЗНАНИЯ.

Федеральным законом от 04.03.2013 №23-ФЗ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации дополнен главой 32.1, предусматривающей производство дознания в сокращенной форме.

Сокращенная форма дознания призвана для расследования уголовных дел в случаях, очевидности причастности того или иного лица к совершению преступления, обстоятельства содеянного данным лицом не оспариваются и им не оспариваются установленные обстоятельства содеянного.

Законодателями данная форма дознания рассматривалась как способ исключения нерационального расходования сил и средств органов предварительного расследования, попытки сократить сроки производства, при расследовании уголовных дел, не представляющих фактическую сложность, а также с целью достижения существенной процессуальной экономии.

На сегодняшний день, с момента введения данной главы в уголовно-процессуальный кодекс сложилась достаточно широкая следственная и судебная практика, изучив которую мы можем сказать, что применение сокращенной формы дознания имеет ряд факторов, которые не позволяют использовать ее в полной мере при расследовании уголовных дел.

К примеру, в 2020 году почти к каждому шестому уголовному делу, оконченному дознавателями, применялась сокращенная форма дознания (73409 из 429163). [¹]

Так, проанализировав следственную практику к основным недостаткам применения сокращенной формы дознания можно отнести следующее:

1) применение сокращенной формы дознания только по уголовным делам, возбужденным по преступлениям, совершенным в условиях очевидности;

2) обязательное согласие потерпевшего на проведение дознания в сокращенной форме;

3) определенные сроки подачи подозреваемым ходатайства о проведении дознания в сокращенной форме;

4) составление обвинительного постановления за 5 суток до окончания срока дознания;

5) более сокращающиеся сроки дознания при применении данной формы;

Рассматривая проблемный вопрос об обязательном согласии потерпевшего на применение сокращенной формы дознания, на дознавателя ложится не простая задача доходчиво разъяснить лицам, не имеющим юридического образования, что применение данной формы никак не усугубит их законные права и интересы и не освободит подозреваемого от наказания. С точки зрения практических работников органов внутренних дел именно эта проблема является до настоящего времени актуальной и каждый дознаватель с ней сталкивается. Многие потерпевшие считают, что применение этой формы дознания не просто сокращение срока расследования уголовного дела, и скорейшего его направления в суд для рассмотрения, а улучшение положения подозреваемого, то есть того лица, которое совершило в отношении них преступление. К примеру, рассматривая город Уфу Республики Башкортостан можно отметить, что сокращенная форма дознания дознавателями применяется к определенным категориям преступлений, как ст.ст. 119, 116.1, 115 ч. 2 п. «б», ч. 1 ст. 158, ст. 158.1, ч. 1 ст. 322 УК РФ. [2]

Выполнив все необходимые процессуальные действия у дознавателя, сохраняется беспокойство о том, что имеется «опасность» возвращения дела прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ, а также основного момента как право

¹ Генеральная прокуратура «Основные статистические показатели о работе МВД РФ» <https://genproc.gov.ru/stat/data/>

подсудимого заявить в суде ходатайство о переходе на общий порядок рассмотрения уголовного дела.

В соответствии приказом Генеральной прокуратуры РФ от 20.02.2015 № 83 сведения об уголовных делах, возвращенных судом прокурору по инициативе подсудимого или потерпевшего, не учитываются как нарушения законности. Данный приказ как раз и привел к тому, что сокращенная форма дознания стала применяться значительно чаще. Однако данная проблема остается все еще актуальной, так как многие подсудимые отказ от сокращенной формы дознания считают одной из форм своей защиты.

Обращаясь к позиции судов относительно рассмотрения уголовных дел в сокращенной форме дознания можно отметить, что имеют место возвраты уголовных дел прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ не только в результате отказа от нее подсудимого, но и при наличии любых противоречий в их позиции, несмотря на то, что свою виновность он не оспаривает. Исходя из вышесказанного вытекает проблемный вопрос сбора дознавателем доказательственной базы. Несмотря на то, что производство по уголовному делу в сокращенной форме позволяет дознавателю сократить предмет доказывания, как к примеру, не допрашивать свидетелей, которые были опрошены в ходе сбора первоначального материала доследственной проверки и содержат все необходимые сведения, не проводить повторно ряд экспертиз, как судебно-медицинская, дактилоскопическая, выстраивая обвинение только на тех, которые обеспечивают процессуальные действия, без которых возможна невозполнимая утрата следов преступления или иных доказательств, все же дознаватель вынужден проводить полноценный сбор доказательств. Данная вынужденная мера дознавателю необходима на случай, если в суде, вдруг возникнут проблемы с оценкой доказательств, что как указано выше может послужить основанием для вынесения оправдательного приговора либо возвращения уголовного дела прокурору. Однако, при полноценном сборе доказательств дознаватель все же рискует не уложиться в установленный законом 15 суточный срок. В части доказательственного статуса сведений, полученных в ходе первоначального сбора доказательств, дознавателями, с целью избегания проведения допросов, что по своей сути является дублированием одних и тех же действий, при поступлении материалов доследственной проверки в производство, проводится повторный более тщательный опрос участвующих лиц, что в свою очередь дает дознавателю

какую то гарантию того, что уголовное дело судом прокурору в порядке ст. 237 УПК РФ возвращено не будет. Все же, несмотря на это, вопрос уравнивания способов собирания доказательств до после возбуждения уголовного дела остается открытым до настоящего времени.

Также, обращаясь к вопросу о сроках составления обвинительного постановления можно отнести собирание характеризующего материала на подозреваемого, ведь не всегда подозреваемый зарегистрирован в том регионе или городе, где совершил преступление. Имеет место и то, что в ходе сбора характеризующего материала устанавливается факт того, что подозреваемый состоит на учете у психиатра или нарколога, что в свою очередь не позволяет окончить дознание по уголовному делу в установленный срок, так как возникает необходимость в проведении судебной психиатрической или судебной наркологической экспертизы, не проведение которых по своей сути нарушает права подозреваемого. В данном случае дознаватель вынужден проводить дальнейшее дознание в общем порядке.

Несмотря на то, что институт дознания в сокращенной форме существует 7 лет, правоприменительная практика показывает, что она насыщена процедурами, которые противоречат духу и букве упрощенного судопроизводства. Эти процедуры во многом являются тем сдерживающим фактором, который препятствует полноценной реализации замысла законодателя.

Библиографический список:

1. Василенко Л.А., Науменко О.А. Дознание в сокращенной форме и его и его эффективность в досудебном производстве // Общество и право. 2019 №2 (44).
2. Официальный сайт МВД РФ «Краткая характеристика состояния преступности» <https://мвд.рф/reports/item/22678184/> (дата обращения 10.11.2021).
3. Генеральная прокуратура «Основные статистические показатели о работе МВД РФ» <https://genproc.gov.ru/stat/data/> (дата обращения 10.11.21).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. Закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 22 ноября 2001 г.: одобр. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 декабря 2001 г. //Собр. Законодательства Рос. Федерации. // 2001. № 52, ст. 4921.

© Соколова Т.С., 2021

Стрилец Олег Валентинович,
профессор кафедры уголовного права УНК по ПС в ОВД
Волгоградской академии МВД России, к.ю.н., доцент

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ

В современной уголовно-правовой доктрине дискуссии о системе наказаний, закрепленной в уголовном законодательстве, ведутся с момента принятия Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ). На протяжении двадцатипятилетнего действия к этому нормативному акту возникали вопросы, как со стороны представителей научного сообщества, так и правоприменителей. Многочисленные нарекания вызывала и вызывает система наказаний, регламентированная российским уголовным законом.

По состоянию на 1 января 1997 года ст. 44 УК РФ включала в себя 13 видов наказаний: «а) штраф; б) лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; в) лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград; г) обязательные работы; д) исправительные работы; е) ограничение по военной службе; ж) конфискация имущества; з) ограничение свободы; и) арест; к) содержание в дисциплинарной воинской части; л) лишение свободы на определенный срок; м) пожизненное лишение свободы; н) смертная казнь». За время существования в нормы УК РФ, регламентирующие систему и отдельные виды наказания, было внесено свыше двадцати изменений.

Уголовное наказание является исключительно важной мерой борьбы с преступностью, вместе с тем возможно ли рассматривать систему наказаний эффективным инструментом этой борьбы после такого количества модификаций.

Противодействие со стороны государства преступности, заключается не только в установке, какие деяния опасны для личности, общества или государства, но и в установлении наказания за их совершение. Наказание важнейший институт уголовного права. Именно оно выступает основной формой реализации уголовной ответственности. Это вынужденное, но необходимое в современных условиях средство сдерживания преступности [1, с. 273].

Однако сегодня все чаще возникает вопрос о действенности применения отдельных видов наказаний. Так такой вид наказания как ограничение свободы

в новейшей истории уголовного законодательства прошел довольно тернистый путь.

В первоначальной редакции в ст. 53 УК РФ закреплялась сущность ограничения свободы – в содержании осужденного, достигшего к моменту вынесения судом приговора восемнадцатилетнего возраста, в специальном учреждении без изоляции от общества в условиях осуществления за ним надзора.

Федеральный закон от 27.12.1996 г. № 161-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации» в статье 4 предлагал отсрочить применение наказаний в виде ограничения свободы.

В начале XXI века законодателем был взят курс на либерализацию уголовной политики. Реализация данного направления, прежде всего, предусматривает сокращение применения наказаний связанных с изоляцией от общества и увеличение объема назначения наказаний не связанных с изоляцией от общества. Однако эти инициативы не всегда соответствовали реалиям времени и имели достаточную научную обоснованность. В первоначальном виде ограничение свободы так и не назначалось в нашей стране.

В 2009 году произошла правотворческая метаморфоза. Федеральным законом от 27.12.2009 г. № 377-ФЗ в УК РФ было внесено изменение, сохранив прежнее название – ограничение свободы, уголовное право получило новое, по своей сущности, наказание, содержание которого основано на компиляции известных в истории норм закона.

Вместе с тем система наказаний УК РФ, закрепляющая исчерпывающий перечень видов наказания, должна соответствовать определенным критериям ее построения. Как правило, в основу построения этого перечня положен, принятый в теории уголовного права критерий сравнительной тяжести видов наказаний [2, с. 90]. В Уголовном кодексе РСФСР 1960 года отражался принцип построения системы «от более строгого к менее строгому». Российское уголовное законодательство, формируя систему наказаний, применяет принцип «от менее строгого к более строгому наказанию». Соответствуя этому постулату, система наказаний ориентирована на то, чтобы более тяжкие из них могли применяться только в случаях, когда исправление осужденных и предупреждение совершения новых преступлений невозможно при применении более мягких видов наказаний, подтверждение этому требованию находится в ч. 1 ст. 60 УК РФ.

Однако, основываясь на нынешнем понимании сути ограничения свободы, как вида наказания, которая раскрыта в ст. 53 УК РФ, довольно сложно согласится, что данное наказание должно располагаться в системе наказаний после обязательных и исправительных работ.

Итак, в соответствии с действующей редакцией ч. 1 ст. 53 УК РФ ограничение свободы заключается в установлении судом осужденному следующих ограничений: не уходить из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток, не посещать определенные места, расположенные в пределах территории соответствующего муниципального образования, не выезжать за пределы территории соответствующего муниципального образования, не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях, не изменять место жительства или пребывания, место работы и (или) учебы без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации. При этом суд возлагает на осужденного обязанность являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, от одного до четырех раз в месяц для регистрации. Установление судом осужденному ограничений на изменение места жительства или пребывания без согласия указанного специализированного государственного органа, а также на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования является обязательным.

Предоставленная законодательная формула исследуемого наказания активизирует ряд проблем связанных с его применением.

Во-первых, в соответствии с требованиями УК РФ и рекомендациям Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 г. № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» в приговоре осужденному к наказанию в виде ограничения свободы должны быть обязательно установлены ограничение на изменение места жительства или пребывания и ограничение на выезд за пределы территории соответствующего муниципального образования без согласия уголовно-исполнительной инспекции, а также должна быть возложена на него обязанность являться в уголовно-исполнительную инспекцию для регистрации. Количественный и качественный состав остальных ограничений это исключительная прерогатива суда.

Во-вторых, первым из ограничений установлено – не уходить из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток. Однако в законе не сказано, какое это время и его длительность. Это обстоятельство порождает трудности в применении ограничения свободы. Законодатель должен точно и конкретно регламентировать установленные ограничения, чтобы исключить возникновение неясностей при исполнении наказания [3].

В-третьих, при закреплении ограничений используется довольно пространная терминология «соответствующего муниципального образования». Вместе с тем, в соответствии со ст. 2 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» муниципальное образование – это городское или сельское поселение, муниципальный район, городской округ либо внутригородская территория города федерального значения. Широкое использование совокупности терминов нередко приводит к отмене приговоров суда. Так, в апелляционном постановлении Вологодского областного суда установлено: при назначении М. наказания в виде ограничения свободы судом не конкретизировано муниципальное образование, за пределы которого осужденной запрещается выезжать. Суд первой инстанции установил М. ограничения на изменение места жительства без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденным наказания в виде ограничения свободы и на выезд за пределы территории муниципального образования по месту жительства.

Обусловленным постановлением приговор Сокольского районного суда Вологодской области от 17 ноября 2020 года в отношении осужденной М. изменен следующим образом: уточнить, что М. запрещено изменять место жительства и выезжать за пределы территории муниципального образования <адрес> муниципального района без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы [4].

В-четвертых, в ч. 6 ст. 53 УК РФ указано, что данный вид наказания не назначается лицам, не имеющим места постоянного проживания на территории Российской Федерации. В условиях технологических катастроф, новой коронавирусной инфекции (COVID-19) отсутствие регистрации по месту жительства или пребывания лица не может являться основанием для не назначения ограничения свободы. Представленная позиция законодателя нарушает принцип

равенства перед законом, который получил достойное закрепление в ст. 4 УК РФ.

Особое внимание обращает на себя вопрос о замене наказания. Законодателем в ч. 5 ст. 53 УК РФ отражено, что в случае злостного уклонения осужденного от отбывания ограничения свободы, назначенного в качестве основного вида наказания, суд по представлению специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, может заменить неотбытую часть наказания принудительными работами или лишением свободы. При этом уголовно-исполнительное законодательство не содержит нормы регулирующие порядок замены ограничения свободы на принудительные работы. В то же время суды осуществляют такую замену. К примеру, приговором Индустриального районного суда г. Хабаровска от 09.08.2019 Г. осужден по ст. 207 ч. 1 УК РФ, с применением ст. 64 УК РФ, к наказанию в виде ограничения свободы на срок 1 год 6 месяцев с установлением ограничений: не выезжать за пределы муниципального образования по месту жительства г. Хабаровска, не изменять место жительства без согласия специализированного государственного органа, осуществляющего надзор за отбыванием осужденными наказания в виде ограничения свободы, не покидать место жительства с 22 до 6 часов, являться в специализированный государственный орган, осуществляющий надзор за отбыванием ограничения свободы, один раз в месяц для регистрации в дни и время, определенные указанным органом. Начальник филиала по Индустриальному району г. Хабаровска ФКУ УИИ УФСИН России по Хабаровскому краю обратился в суд с представлением о замене осужденному Г. неотбытой части наказания в виде ограничения свободы лишением свободы. Постановлением неотбытый срок наказания в виде 1 года 4 месяцев 1 суток ограничения свободы по приговору Индустриального районного суда г. Хабаровска от 09.08.2019 заменен на 8 месяцев принудительных работ с удержанием 5% из заработной платы в доход государства, перечисляемых на счет соответствующего территориального органа уголовно-исполнительной системы. Срок наказания постановлено исчислять со дня прибытия Г. в исправительный центр [5].

Представленный перечень проблем, которые приходится преодолевать на практике, существенно затрудняют процесс реализации исследуемого вида наказания.

В целом, при должной законодательной регламентации ограничения свободы как вида наказания, порядка и условий его отбывания – это наказание займет достойное место в системе наказаний.

Библиографический список:

1. Верина Г.В. Дифференциация уголовной ответственности за преступления против собственности: проблемы теории и практики. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – 336 с.

2. Дуюнов В. К. Проблемы уголовного наказания в теории, законодательстве и судебной практике. – Курск: Изд-во «РОСИ», 2000. – 504 с.

3. Бриллиантов А. В. Ограничение свободы: вопросы назначения наказания // Уголовное право. – 2017. – № 3. – С. 13-20. – Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Апелляционное постановление № 22-2369/2020 от 24 декабря 2020 г. по делу № 1-108/2020 Вологодский областной суд (Вологодская область) // База данных судебных решений «Судебные и нормативные акты РФ». – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/6a1jXuYtJs1O/> (дата обращения: 03.10.2021).

5. Апелляционное постановление № 22-718/2020 от 5 марта 2020 г. Хабаровский краевой суд (Хабаровский край) // База данных судебных решений «Судебные и нормативные акты РФ». – URL: <http://sudact.ru/regular/doc/dMQ2FnpCr1mF/> (дата обращения: 05.10.2021).

© О.В. Стрилец, 2021

Сысолина Наталия Сергеевна,
преподаватель кафедры уголовного права УНК по ПС в ОВД
Волгоградской академии МВД России

**К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ
КРИМИНАЛЬНЫХ СУБКУЛЬТУР В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНО-
ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 210.1 УК РФ**

Организованные формы преступности – самый опасный исход развития и взаимодействия отдельных актов негативного девиантного поведения.

В 2016 году организованными группами или преступными сообществами было совершено 12,1 тысяч тяжких и особо тяжких преступлений, их удельный вес в общем числе расследованных преступлений этих категорий составил 5,0%. В 2017 году их доля увеличилась до 5,8%, в 2018 – до 7,1%, в 2019 – до 7,4%, в 2020 – до 7,8%. В 2021 году тенденция к увеличению удельного веса таких преступлений сохранилась: так, по состоянию на октябрь он составляет уже 10% в общем числе расследованных.

Вместе с тем, указанная статистика лишь в малой степени отражает реальное положение дел в виду высокой латентности организованной преступности. Особенно это касается такой формы соучастия, как преступное сообщество (преступная организация), возникающей в процессе рациональной организации преступного мира. Обладая всеми признаками организованной преступности, преступные сообщества располагают неподконтрольными государству ресурсами, в том числе финансовыми, обеспечивают себя современными системами охраны и безопасности, консультациями передовых специалистов в разных сферах бизнеса и жизнедеятельности, а также активно используют коррупционные связи в государственных и правоохранительных органах [1, с. 126-127].

В этой связи в феврале 2019 года Президентом РФ В.В. Путиным в Государственную Думу РФ был внесен законопроект, предусматривающий поправки в Уголовный кодекс РФ. Из пояснительной записки к законопроекту следует, что поскольку лидеры преступных сообществ (преступных организаций) координируют преступные действия, создают устойчивые преступные связи между различными организованными группами, занимаются разделом сфер преступного влияния и преступных доходов, руководят преступными действиями, то представляют наибольшую общественную опасность. При этом благодаря своему положению в преступной иерархии они, как правило, уходят от уголовной ответственности [2].

По итогу в уголовный закон с целью ужесточения уголовной ответственности за создание преступного сообщества, руководство им и участие в его деятельности, в числе прочих поправок была введена статья 210.1, предусматривающая ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии.

Вместе с тем представляется, что не всякое преступное сообщество иерархично. Такие его признаки, как структурированность и единое руководст-

во, предусмотренные ч. 4 ст. 35 УК РФ, необходимы как предпосылка эффективности занятия преступной деятельностью и извлечения из нее выгоды. Однако между единым руководством преступным сообществом и высшим положением в преступной иерархии знак равенства поставить нельзя. А потому возникает закономерный вопрос об уголовно-правовой и криминологической характеристике субъекта, а также объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 210.1 УК РФ.

Согласно Этимологическому словарю русского языка слово «иерархия» заимствовано из греческого языка, где оно обозначало «управление верховного священнослужителя», а позднее изменило свое значение, поскольку любое управление подразумевает определенное соподчинение, расположение людей. В толковом словаре Д.Н. Ушакова под иерархией уже понимается порядок подчинения низших высшим по точно определенным степеням, градации [3].

Применительно к преступному миру обоснованно признание наличия иерархии только там, где преступность объединена неким единым замыслом, поскольку в отличие от обыкновенных служебно-иерархических отношений, имеющих вынужденный характер, ступени криминальной лестницы не могут существовать без идейной составляющей, пронизывающей сознание основной массы членов преступной ячейки.

При этом нельзя не согласиться с мнением П.А. Скобликова о том, что результаты оперативной работы, следственной и судебной практики, криминологических исследований и других изысканий однозначно показывают, что не существует единого преступного мира [4]. В этой связи говорить о единой преступной иерархии также некорректно.

Если брать более низкий уровень отдельных преступных сообществ и рассматривать наличие у них признака иерархического построения, то возникает вопрос, чем такая иерархичность будет отличаться от структурированности и единоначалия, которые и так предполагаются у любой преступной организации. Представляется верным, что те степени и градации, которые имеются в виду в определении иерархии, содержащемся в толковом словаре Д.Н. Ушакова, применительно к криминальному миру могут истолковываться как ступени лестницы преступной карьеры, выстроенные в соответствие с определенной логикой и идеологией. Вместе с тем, в виду отсутствия единства преступного мира, идеологическая составляющая преступной иерархии также может рассматриваться только в контексте определенных крупных

криминальных ячеек. Это объясняется тем, что неподконтрольность государству вынуждает организованную преступность высокого порядка удерживать единоначалие не просто на формализме отношений господства-подчинения: важно объединить участников преступного сообщества на общих идеях, взглядах, нормах поведения и т.п., в которых каждый из них видел бы смысл.

Все это говорит о том, что понятие «преступная иерархия» логично рассматривать именно в ключе функционирования криминальной субкультуры – криминогенного фонового явления, представляющего собой идеологическое содержание, так называемую «душу» преступного мира.

При этом криминальная субкультура, элементами которой являются не только исторически сложившиеся устои той или иной части преступного мира, но и их внешнее выражение, может существенно различаться в зависимости от вида и направленности преступной деятельности. Преступные формирования в нашей стране неоднородны, часто не связаны между собой и не подчиняются какому-то единому лидеру, отсюда – различный уклад криминальной жизни

Как правило, авторами, исследующими эту проблему, безоговорочно признаются воровская и тюремная идеологии, которые являются наиболее многочисленными, оказывающими существенное влияние на нравственно здоровых членов общества и представлены почти во всех регионах страны. В рамках так называемого «воровского сообщества» функционируют множество преступных группировок, от мелких до тех, под чье влияние попадают целые регионы. При этом руководители последних выполняют не только роль простых организаторов преступного сообщества, но и функцию идейного вдохновителя, гаранта криминальных неписанных законов, передающихся поколениями представителей криминалитета. Такой организатор принимает стратегические решения как внутри криминальной ячейки, так и на уровне взаимодействия с другими преступными сообществами, защищает членов своей группировки и следит за неукоснительным соблюдением принятых норм поведения. Все это обеспечивается личным авторитетом лидера – «вора в законе» – и возможностью распространять свое влияние за границы сообщества. При этом члены такой преступной организации осознают свое участие в ней, признают влияние лидера и наличие определенной лестницы «званий», определяющих не столько функции и обязанности в преступной деятельности, сколько социальное положение и значимость в той части преступного мира, которая придерживается данной идеологии.

Вместе с тем, воровская субкультура – не единственное проявление самобытной философии жизни в криминальном мире. Подкрепленная собственной идеологией, нормами поведения и внешними поведенческими аспектами похожим образом функционирует и террористическая преступность, в которой любой организатор одновременно выполняет функции духовного наставника, грамотно распределяя роли и назначение участников группировки, в том числе основываясь на степени их приверженности к принятым традициям. Аналогичным образом единством собственных идей связаны и этнические преступные группировки, где в криминальную деятельность вмешивается нравственная составляющая, основанная на родственных связях.

Таким образом, преступная иерархия – это не простая структурированность преступного сообщества (преступной организации), а такая организация соподчинения в группировке, которая обеспечивается следованием нормам той или иной криминальной субкультуры.

Из этого следует вывод о необходимости классификации криминальных субкультур и глубокого изучения их содержания. Такой подход помог бы четко определить совокупность признаков преступной иерархии в контексте толкования ст. 210.1 УК РФ, а значит разрешить множество вопросов, касающихся привлечения к уголовной ответственности отдельных лидеров преступного мира.

Библиографический список:

1. Криминология: учебник / отв. ред. В.Е. Эминов. – Москва : Проспект, 2020. – 368 с.
2. Паспорт проекта Федерального закона N 645492-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части противодействия организованной преступности».
3. Большой толковый словарь русского языка : современная редакция / Д.Н. Ушаков. – Москва : Дом славянской кн., 2008. – 959 с.
4. Скобликов П.А. Высшее положение в преступной иерархии: проблемы толкования и применения ч. 4 ст. 210 УК РФ // Закон. 2019. N 7. С. 104-119.

© Н.С. Сысолина, 2021

Сычева Анна Викторовна,
старший преподаватель кафедры криминалистики
УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ В ОТНОШЕНИИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ

В последнее время в России все большую популярность набирает хищение имущества граждан, совершаемые путем обмана или злоупотребления доверием. Согласно статистике МВД России, доля мошенничества в общей системе преступности составляет 16,4% и занимает четвертое место после краж и прочих преступных посягательств [1].

В числе указанных преступлений немалую долю занимают мошенничества, совершенные в отношении пожилых людей. Пользуясь возрастными особенностями пожилых людей, излишней доверчивостью и наивностью, мошенники с легкостью получают незаконную материальную выгоду.

Особую общественную опасность вызывают «дистанционные» мошенничества, которые совершаются без визуального контакта с потерпевшим, в частности, с помощью средств мобильной связи. Нередко мошенники заставляют абонентов отправлять платные SMS-сообщения разными способами. Например, прибегая к методам «социальной инженерии», когда пожилой человек получает сообщение о выигрыше дорогостоящего автомобиля, бытовой техники или туристической путевки. С учетом того, что далеко не все пожилые люди владеют навыками обращения с компьютером и смартфоном, с помощью которых возможно проверить состояние счета в банке и какие финансовые операции происходят по счету, преступники активно этим пользуются, звоня по телефону пожилым людям, сообщая о сомнительных операциях по счету, уговаривают потерпевших перевести все денежные средства последних на якобы безопасный счет, принадлежащий мошенникам.

Изучение личности потерпевшего является неотъемлемой частью методики расследования преступлений. В качестве основной проблемы криминалистического изучения личности потерпевшего справедливо рассматривается

выделение наиболее существенных для методики расследования преступлений аспектов личности жертвы преступления [2, с. 131].

Это изучение крайне необходимо, так как это позволяет, во-первых, получить данные о других значимых элементах криминалистической характеристики данного вида преступлений, в частности, о способе [3, с. 28]. «Во-вторых, полученные данные об особенностях личности потерпевшего позволяют сузить круг лиц, которые возможно являются потерпевшими, но в силу разных причин пока не установлены. В-третьих, прогнозировать поведение потерпевших при производстве следственных действий, что, соответственно, повысит их эффективность» [4, с. 71].

В конечном итоге, совокупность собранной информации об особенностях потерпевших по конкретному виду преступления дает возможность выявить наиболее типичные черты, которые, в свою очередь служат основанием построения криминалистической типологии потерпевших по данной категории уголовных дел [5, с. 131].

О.В. Волохова выделяет следующую классификацию потерпевших от мошенничества:

- 1) потерпевшие, занимающие пассивную позицию;
- 2) потерпевшие, занимающие активную позицию до достижения своих целей;
- 3) потерпевшие, частично изменяющие свою позицию в процессе рассмотрения дела под влиянием объективных и субъективных факторов [6, с. 33].

Данная классификация представляется справедливой, так как мошенничество отличается от других преступлений тем, что при его совершении создается видимость добровольной передачи потерпевшим своего имущества преступнику. В связи с этим, не все потерпевшие осознают, что в отношении них было совершено мошенничество. Этим можно объяснить поведение пассивных потерпевших. Применительно к пожилым потерпевшим, можно сказать, что в большинстве случаев они занимают активную позицию. Это может быть связано с тем, единственный вид дохода пожилого человека – пенсия. И если последняя обманным путем была похищена, то человеку ничего больше не остается, как защищать свои права, активно помогая следствию.

Как справедливо считает Б.А. Куринов [1, с. 59-60], при изучении личности потерпевшего от мошенничества необходимо обращать внимание на следующие признаки:

1. Социально-демографические (пол, возраст, образование, социальное положение и семейное положение), по которым можно судить об объективных обстоятельствах, необходимых для анализа виктимного поведения. Именно эти признаки указывают на группы потерпевших, которые являются потенциальными жертвами мошенничества. Изучение уголовных дел о мошенничествах, совершенных в отношении пожилых людей показало, что жертвами мошеннических действий становятся пожилые люди как со средним, среднетехническим, так и с высшим образованием.

Большинство потерпевших от рассматриваемой категории преступлений – это пожилые жители крупных городов. Возможно, это связано с тем, что горожане имеют более быстрый доступ к электронным средствам перевода денежных средств, таких как банкоматы и терминалы оплаты услуг сотовой связи. Хотя в последнее время, с увеличением числа «дистанционных» мошенничеств, потерпевшим уже не нужны никакие дополнительные средства для перевода своих денег. Мошенники просто путем обмана получают личные данные потерпевших, и далее распоряжаются денежными средствами последних по своему усмотрению.

2. Нравственно-психологические свойства (психологическое состояние, интересы и др.). Эти признаки могут оказать помощь субъекту расследования в понимании того, почему именно этот человек стал потерпевшим от мошенничества. Преступники, понимая, что у пожилых людей имеются физиологические, психологические особенности, умело пользуются этим в целях наживы. Как правило, единственным доходом пожилых людей является их пенсия, которая поступает на счет в определенные дни месяца. Мошенники, учитывая это обстоятельство, звонят потерпевшим на мобильный телефон и, представляясь сотрудниками кредитных организаций или полиции, в целях якобы обеспечения безопасности, предлагают перевести деньги пожилого человека на счет мошенников. Потерпевший в свою очередь, ввиду взволнованности, особого психологического состояния, переводит преступнику необходимую денежную средства, не подумав о том, что сначала нужно было позвонить в банк.

3. Социально-психологические данные включают в себя отношение потерпевшего к мошеннику, неуверенность в себе. Эти сведения позволяют предвидеть последствия действий. Применительно к пожилым потерпевшим, можно сказать, что наиболее часто становятся жертвами мошенничества ввиду излишней доверчивости, простодушия и наивности.

Полученные сведения о поведении потерпевшего до, во время и после совершения мошенничества дают возможность изучить обстоятельства, необходимые для расследования уголовного дела и узнать мотивы поведения мошенника.

Подводя итог вышесказанному необходимо отметить, что сведения о личности потерпевшего взаимосвязаны и взаимообусловлены с другими элементами криминалистической характеристики: способом совершения, личностью преступника, обстановкой совершения преступления и. т.д. Таким образом, сведения о личности потерпевшего имеют большое значение не только для теории, но и для практики, так как могут помочь субъекту расследования в определении следственных версий, выборе средств и методов изобличения мошенника в целях полного, всестороннего, объективного расследования преступлений.

Библиографический список:

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-июль 2021 года. URL: <https://мвд.рф/reports/item/25443630/> (дата обращения 26.09.2021).
2. Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. – М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1984. – 133 с.
3. Сорокотягина Д.А. Получение данных о способе совершения преступления при изучении личности потерпевшего // Криминалистические характеристики в методике расследования преступлений. Вып. 69. – Свердловск, 1978. С. 27-29.
4. Антонов И.О. Расследование мошенничества. Дисс. к.ю.н. Казань, 1999. 268 с.
5. Васильев А.Н., Яблоков Н.П. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. – М.; Изд-во Моск-го ун-та, 1984. – 143 с.
6. Волохова О.В. Современные способы совершения мошенничества: особенности выявления и расследования./ Под ред. Е.П. Ищенко. – М., 2005. – 128 с.
7. Куринов Б.А. Криминалистические и процессуальные аспекты расследования мошенничества. Дисс. к.ю.н. М., 2006. 191 с.

© А.В. Сычева, 2021

Телигисова Софья Сармановна,
доцент кафедры уголовного процесса
Уфимского юридического института МВД России,
кандидат педагогических наук

К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ РОССИЙСКИХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ С КОМПЕТЕНТНЫМИ ОРГАНАМИ СТРАН СНГ

Динамичное развитие интеграционных процессов на мировой международной арене, развитие политических, экономических, социокультурных и гуманитарных связей, «прозрачность границ» между многими государствами, в частности странами-членами Содружества Независимых Государств (далее по тексту – СНГ), «открытость пространства для свободного капитала» обусловили тенденцию к расширению и углублению международного сотрудничества Российской Федерации со странами СНГ еще и в правоохранительной сфере, главным образом, в борьбе с транснациональной организованной преступностью, международным терроризмом, другими тяжкими формами преступности международного характера.

За последнее время вышеуказанные процессы нашли свое отражение в упрощении порядка въезда и выезда из зарубежных стран, между странами-членами СНГ уменьшаются пограничные и таможенные формальности, сокращаются сроки получения разрешительных документов для «трудовых мигрантов» – все эти процессы, к сожалению, имеют и обратную сторону медали – возрастание в преступности удельного веса международных элементов, т.е. интернационализацию преступности, когда проблема борьбы с преступностью приобретает межгосударственный, транснациональный, глобальный характер: преступления совершаются на территории нескольких государств, «международные преступники» сбывают, укрывают или отмывают похищенное имущество, легализуют полученные от преступной деятельности доходы, нередко попытки международных преступников скрыться от правосудия за рубежом.

В настоящее время в состав стран-членов СНГ в настоящее время входят: Республика Азербайджан, Республика Армения, Республика Беларусь,

Республика Казахстан, Кыргызская республика, Республика Молдова, Российская Федерация, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан.

На фоне так называемой глобализации преступности все члены мирового сообщества, все государства активно проявляют заинтересованность в совместном поиске эффективных средств и способов борьбы с современной «международной преступностью», отдельные виды которой могут совершаться «виртуально» через всемирную паутину Интернет-сети.

Российские компетентные органы в правоохранительной сфере успешно работают на межгосударственном уровне, борясь с преступностью, по следующим направлениям: обмен оперативной, криминалистической и правовой информацией; исполнение запросов о проведении оперативно-розыскных мероприятий; оказание правовой помощи по уголовным делам; экстрадиция лиц для привлечения их к уголовной ответственности или для исполнения приговора; заключение и реализация международных договоров в борьбе с преступлениями, представляющими международную опасность; признание и исполнение решений компетентных органов иностранных государств по уголовным и административным делам; проведение совместных научных исследований по проблемам борьбы с преступностью, обмен опытом их решения; оказание материальной, технической и экспертной помощи (подготовка и повышение квалификации кадров, предоставление экспертных услуг, поставка специальных средств и техники и т.п.).

Примечательно, что наиболее распространенным видом преступлений из категории международного, трансграничного уровня выступают экономические преступления. Экономическая преступность развитых стран характеризуется организованностью, нелегальной и закамуфлированной или полулегальной конспирацией, где организованные экономические преступные группировки имеют возможность проводить операции на международном финансовом рынке, пользуясь недостатками системы международного права, основанной на принципе государственного суверенитета. Существует целый ряд экономических преступлений, совершению которых способствует наличие возможности быстро и анонимно переводить капиталы в любую точку земного шара через международные финансовые рынки.

Главная цель представителей международной организованной преступности – запутать следы и уйти из-под контроля любых государственных институтов, в частности уйти от правоохранительных органов. Современные

технические устройства в эпоху начатой цифровизации позволяют быстро перемещать значительные финансовые средства, не взирая на границы, расстояние, удаленности государств друг от друга, что, в свою очередь, потенциально может привести к дестабилизации финансового рынка и мировой экономики на глобальном уровне.

Не секрет, что любая дестабилизация весьма привлекательна для экономических преступников, поскольку в подобных условиях легче всего совершать преступления, получая при этом максимальную и незаконную прибыль.

В настоящее время Российская Федерация тесно и динамично сотрудничает с международными организациями в правоохранительной сфере, главным образом, в борьбе с преступностью, являясь важным участником на мировой арене, состоя во многих международных организациях. Органы внутренних дел Российской Федерации выполняют обязательства нашего государства по всем основным направлениям межгосударственного сотрудничества в борьбе с преступностью и обеспечении общественной безопасности. Деятельность органов внутренних дел осуществляется в тесном взаимодействии с другими правоохранительными органами, министерствами и ведомствами под контролем МИД России, которое как ключевое ведомство, отвечает за координацию внешнеполитической линии нашего государства.

Международное сотрудничество России реализуется через более чем 700 международных конвенций, двусторонних и многосторонних договоров различного уровня (межгосударственного, межправительственного, межведомственного характера).

В силу развития экономических связей между странами – государствами, входящими в состав СНГ, развиваются и взаимоотношения между правоохранительными органами этих государств. Правоохранительным органам Российской Федерации и компетентным органам стран-членов СНГ приходится постоянно взаимодействовать между собой по разным вопросам.

В настоящее время остро стоит вопрос и по вопросам, касающимся распространению коронавирусной инфекции, так как и Российская Федерация, и страны-члены СНГ принимают меры по нераспространению этого заболевания на территориях своих государств.

Для лучшего взаимодействия и развития экономических связей, предоставления возможностей гражданам России и гражданам стран СНГ, свободно работать на территориях соседних государств был создан Таможен-

ный союз и приняты законодательные акты и упрощенное таможенное декларирование. Однако вместе с этим, к сожалению, граждане различных государств создают незаконные организации или объединяются в группы с целью совершения незаконных действий, в том числе и уголовных правонарушений.

В связи с этим правоохранительные органы наших соседних государств взаимодействуют не только для того, чтобы предотвратить незаконные действия определенных групп, нарушающих уголовное законодательство соответствующих стран СНГ, но и с целью прекращения деятельности преступных группировок и организаций на территории Российской Федерации. Участниками Таможенного союза являются страны Евразийского экономического союза (далее по тексту – ЕАЭС): Россия, Казахстан, Белоруссия, Киргизия и Армения.

В настоящее время для пресечения незаконной деятельности таких групп уже недостаточно просто задержать или даже арестовать лиц, совершающих уголовные правонарушения, за которые уголовным законодательством стран-членов СНГ предусмотрено уголовное наказание. Необходимо еще и выявить все экономические связи, основные и подставные юридические лица, через которые ведется незаконная деятельность, банки и счета в них, посредством которых производится перевод денежных средств с целью их легализации. Ведь в настоящее время уже практически никто не работает, как говорится «в открытую», совершая незаконные деяния. Очень часто лица, совершающие уголовные правонарушения имеют соответствующее образование, в том числе и высшее, полученное в престижных высших учебных заведениях, знают способы ухода от ответственности и умеют их применять.

Мы полагаем, что и у стран-членов СНГ, и у Российской Федерации имеются свои «наработки» и определенный опыт для разрешения вышеуказанных вопросов. Необходимо только улучшить взаимодействие между государственными и правоохранительными органами, определить темы по обмену опытом и знаниями, которые будут носить не поверхностно-декларативный характер, а будут применяться на практике, в том числе, что немало важно, и преподавателями ведомственных образовательных организаций соответствующих стран-членов СНГ.

Библиографический список:

1. Уголовно-процессуальный кодекс РФ [Электронный ресурс] : федер. закон : [принят Гос. Думой 22 ноября 2001 г. : по состоянию на 12 июля 2021 г.]

// Справ.-правовая система «Консультант Плюс». – М., 1997. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> // (дата обращения 11.11.2021).

2. Указ Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640 Концепция внешней политики Российской Федерации. – Режим доступа: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102416644> // (дата обращения 11.11.2021).

3. Решение о разграничении полномочий между Советом глав государств и Советом глав правительств Содружества Независимых Государств от 11 октября 2017 года г. Сочи – Режим доступа: <http://cis.minsk.by/reestr/ru/index.html#reestr/view/text?doc=5670> // (дата обращения 11.11.2021).

© С.С. Телигисова, 2021

Теткин Денис Валентинович,
доцент кафедры уголовного процесса Рязанского филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук
Сазанов Владимир Алексеевич,
курсант Рязанского филиала
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ОБВИНЕНИЯ И ЗАЩИТЫ В ПРОЦЕССЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ, А ТАКЖЕ ДРУГИХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Актуальность данной темы выражается в вопросе о гарантиях прав обвиняемого лица, что в свою очередь имеет огромное теоретическое и практическое значение. При предъявлении обвинения допускаются нарушения, связанные с незнанием норм уголовного процесса, связанные с повышением процента раскрытия преступлений, совершаемых в различных субъектах нашей страны.

Обеспечение законных интересов и прав обвиняемого лица, лежит на плечах органов, осуществляющих уголовное судопроизводство, а именно на

органах прокуратуры, дознания, следствия, адвокатуры и в заключительном этапе судом.

Основываясь на УПК РФ, а именно главой 7, обвиняемый является участником уголовного судопроизводства со стороны защиты. Иные же участники уголовного судопроизводства, а именно законные представители несовершеннолетнего обвиняемого и защитник, как лицо защищающее права, а так же интересы обвиняемого и предоставляющее юридическую помощь во время судопроизводства, обладают общей заинтересованностью по исходу дела в пользу обвиняемого лица. Однако, если произвести сравнение по количеству участников стороны защиты и стороны обвинения, то вполне очевидно, что участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения преобладающее большинство, следовательно, у них гораздо более обширный круг полномочий и прав, которые будут использованы для того, чтобы обвиняемое лицо было подвергнуто санкциям.

К числу основных принципов уголовно-процессуального права относится принцип равноправия и состязательности. Он предполагает, что все стороны судопроизводства имеют равные права и возможности при отстаивании своих интересов [6, с. 65]. Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ) и федеральные законы, международные договоры закрепляют этот принцип судопроизводства в РФ. Но в уголовном процессе данные нормы не получили большую популярность, на практике их применение довольно часто нарушается.

Нормативно-правовое закрепление принципа равноправия и состязательности получило в Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. В ст. 6 указывается, что обвиняемый и обвинитель должны иметь равные возможности при отстаивании своих прав [3]. Кроме того, это дублируется в ч. 3 ст. 123 Конституции РФ [1] и в ст. 15 Уголовно-процессуального кодекса (далее – УПК РФ).

Наиболее существенным вопросом, который отражает проблему равных возможностей, является то, что обвинитель на практике обладает большими полномочиями и тем самым предопределяет судьбу уголовного дела, а сторона защиты чаще всего – это подвластный субъект. То есть, у него нет больших ресурсов для воздействия на обвинителя. В связи с этим, органы государственной власти и должностные лица оказываются неприкасаемыми от влияния из

внешнего мира, а также правоспособными применять все процессуальные полномочия для успешной деятельности системы уголовного преследования [7].

Неравный процессуальный статус стороны обвинения и защиты – еще одна проблема в рамках данной темы. Она проявляется еще на стадии предварительного следствия, поскольку сотрудник следственного органа является представителем государственной власти, а значит, его поручения должны быть обязательно исполнены всеми физическими и юридическими лицами.

Кроме того, защитник обладает меньшими возможностями при осуществлении сбора доказательств, для уголовного дела. Поскольку у него нет властных полномочий, то и собирать доказательства ему довольно сложно. А представленные доказательства чаще всего не имеют положительный результат.

Наглядный пример этому – отказ адвокату в предоставлении запрошенных сведений государственными органами. В законах РФ установлено, что право на отказ предоставляется только при отсутствии у них данных сведений. На практике же не все так просто. Например, Решение Приморского краевого суда № 21-1085/2018 от 24 сентября 2018 г. по делу № 21-1085/2018: Ивашнев Б.М. – адвокат обратился в больницу для предоставления ему сведения о том проводилось ли в патологоанатомическом отделении КГУЗ «Уссурийская ЦГБ» СП «Городская больница» в январе 2018 года вскрытие трупа Гамазина А.А. Ему было отказано в связи с тем, что это является врачебной тайной. Он обратился в прокуратуру о том, что действия больницы неправомерны. Прокуратура отказала ему в удовлетворении жалобы. Далее он обратился в районный суд, где ему было тоже отказано. Судья краевого суда также оставил решение районного суда без изменений [5].

Верховный Суд РФ (далее – ВС РФ) 20 января 2020 года выразил свою поддержку для защитников, которые обращаются в инстанции с адвокатским запросом. Также отметил, что нельзя отказывать адвокатам в предоставлении сведений без указания причин. В связи с этим, надеемся, что ситуация на практике станет положительнее для стороны защиты.

Ограниченной возможностью реализации права на защиту обладают лица, заключенные под стражу. Чаще всего меры пресечения выбираются в целях профилактики, не имея оснований полагать, что преступник действительно скроется от уголовного преследования или совершит иные противоправные деяния.

Также на эту проблему отреагировал ВС РФ, в Постановлении от 5 марта 2004 года № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» он указал необходимый список процессуальных документов и доказательств, которые нужно обязательно изучить во время судебного разбирательства и далее добавить их к постановлению об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу. К тому же, Суд определил, что, согласно ст. 45 Конституции РФ, сторона защиты, в том числе и его представители, имеют полное право ознакомиться с данным материалами [4].

К вышеизложенному стоит добавить, что следователь в своей деятельности иногда неадекватно, с позиции необходимости и целесообразности, производит незамедлительные и поспешные следственные действия. Довольно внушительной частью в государственном принуждении по уголовным делам является избыточное принуждение. К примеру, когда обыск в жилище производится в ночное время без решения суда. Следователь утверждает, что это следственное действие неотложно, но на самом деле его можно было провести в дневное время суток и с соблюдением всех предусмотренных законом гарантий прав человека. Также к избыточному принуждению относятся случаи, когда избирается мера пресечения в виде заключения под стражу, но обстоятельства, факты, личность обвиняемого предоставляют возможность оставить его на свободе или отпустить под залог [8].

УПК РФ в ст. 97 определяет основания для избрания меры пресечения:

- обвиняемый может скрыться от предварительного следствия, дознания и суда;
- лицо может продолжить осуществлять преступления;
- от обвиняемого могут быть угрозы остальным участникам уголовного процесса, уничтожение им доказательств, другие способы противодействия производству по уголовному делу [2].

Но данная статья порождает сомнения, поскольку доводы о возможном совершении преступлений являются антиномией презумпции невиновности. Этот принцип предполагает, что обвиняемый не виновен, пока это будет не доказано, не только уже в совершенных преступлениях, но и в будущих, которые могут и не произойти [9].

Согласно вышеизложенному, можно утверждать, что УПК РФ в регулировании процесса досудебного производства не совсем соответствует

стандартам правового государства, которое основано на уважении и защите прав и свобод человека и гражданина.

В настоящее время в нашей стране остается неразрешенным вопрос обеспечения законодательством равенства возможностей в реализации своих процессуальных прав сторонами защиты и обвинения. Обвинитель наделен большими властными полномочиями, а следовательно, имеет больше возможностей, например, сбором доказательств. Сторона защиты немного ущемляется в этом процессуальном действии, поскольку получает отказы о предоставлении сведений от органов государственной власти и должностных лиц. Вопреки тенденции гуманизации уголовно-процессуального законодательства, которая складывается в последнее время, говорить о завершении деятельности по улучшению УПК РФ, не приходится.

Библиографический список:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 01.07.2020 N 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 01.07.2020. - N 31. - ст. 4398.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 24.03.2021) // Собрание законодательства РФ. - 24.12.2001. – №52 (ч. I). – ст. 4921.

3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) // Бюллетень международных договоров. – март 2001 г. – №3.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 N 1 (ред. от 01.06.2017) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 15.04.2021).

5. Решение Приморского краевого суда № 21-1085/2018 от 24 сентября 2018 г. по делу № 21-1085/2018 [Электронный ресурс] // URL: sudact.ru (дата обращения: 15.04.2021).

6. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): Учебник для вузов / Под ред. проф. Э.К. Кутуева; науч. ред. и вступительное слово проф.

В.П. Сальникова; 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Санкт-Петербургский ун-т МВД России; Фонд «Университет», 2019. – 583 С.

7. Мурашкин И.Ю. Сторона обвинения как субъект доказывания невиновности // Научный вестник Омской академии МВД России. – 2018. – №1. – С. 25-29.

8. Соломонова Е.П. Обвинение и защита: проблема равных возможностей // Вопросы науки и образования. – 2020. – №1. – С. 61-68.

9. Хмельницкая О.Ю. Участие адвоката-защитника в предварительном расследовании – гарантия презумпции невиновности? // Проблемы экономики и юридической практики. – 2016. – №2. – С. 157-163.

© Д.В. Теткин, В.А. Сазанов, 2021

Трифопова Кристина Алексеевна,
доцент кафедры предварительного расследования
УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук

ВОЗВРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ КАК ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Многоаспектное содержание правового явления «законность» позволяет рассматривать не только сквозь призму ее обеспечения, как основополагающую задачу органов расследования, но и означает отсутствие нарушений уголовно-процессуальных норм на всех этапах досудебного производства. Среди различных правовых гарантий обеспечения законности главенствующее место отведено судебному контролю, одним из проявлений которого является предоставление суду полномочий в порядке ст. 237 УПК РФ. Возвращение уголовного дела прокурору с целью устранения препятствий его рассмотрения судом – это промежуточное решение суда, принимаемое на различных судебных стадиях (производство в суде первой инстанции, апелляционное, кассационное и надзорное производство) и отправляющее уголовное дело на предшествующий этап досудебного производства в связи с «дефектами»

расследования. Данный правовой институт знаком российскому уголовному судопроизводству с 2002 года. Замена некогда применявшегося института дополнительного расследования по УПК РСФСР была обусловлена сменой вектора развития уголовно-процессуального законодательства и продиктована необходимостью искоренения ситуаций исправления следственных ошибок в проблематичных случаях, дабы не выносить оправдательный приговор. Первоначально существовал запрет на производство следственных действий и обвинительной деятельности, но с течением времени, в том числе под влиянием позиций Конституционного Суда Российской Федерации (далее КС РФ) различия в сущности данных правовых институтов (дополнительного расследования по УПК РСФСР и возвращения уголовного дела прокурору судом по УПК РФ) стали стираться.

Первый шаг к реверсивному изменению сути нового института, регламентированного ст. 237 УПК РФ, был сделан в постановлении КС РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П [1], когда был отменен запрет на осуществлению следственных и иных процессуальных действий при устранении препятствий рассмотрения уголовного дела. Такая позиция способствовала эффективной судебной защите нарушенных прав и устраняла препятствия для постановления судом справедливого приговора. Далее в постановлении КС РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П [2] был отменен запрет «отказывать в возобновлении производства по уголовному делу и пересмотре принятых по нему решений ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств при возникновении новых фактических обстоятельств, свидетельствующих о наличии в действиях обвиняемого признаков более тяжкого преступления».

Позиция высшего судебного органа конституционного контроля инициировала законодательные изменения ст. 237 УПК РФ, первоначальные запреты были отменены, а в 2013 году в новой редакции статья была дополнена основанием, позволяющим возвращать уголовное дело, но только по инициативе сторон, для предъявления обвиняемому обвинения в совершении более тяжкого преступления (ч. 1.2 ст. 237 УПК РФ). Такое нововведение фактически означало возрождение дополнительного расследования из суда, так как по возвращенному из суда уголовному делу стало возможным продолжить обвинительную деятельность.

Помимо этого, стали утихать споры в научных кругах об осуществлении судом несвойственной ему функцию обвинения [3], так как был достигнут

баланс суда и сторон. Однако решение об устранении препятствий рассмотрения дела ставилось в зависимость от воли сторон, что явилось вновь предметом рассмотрения жалобы КС РФ в постановлении от 2 июля 2013 г. № 16-П [4]. Вновь законодатель внес изменения, дополнив ч. 1 ст. 237 УПК РФ новым пунктом, позволяющим субъекту, осуществляющему устранение недостатков, предъявлять обвинение в совершении более тяжкого преступления, но при условии, что доказательства такой преступной деятельности уже ранее были установлены и отражены в итоговом обвинительном документе досудебного производства. Например, в ходе судебного заседания было установлено, что из существа предъявленного обвинения следует, что хищение было совершено не только из жилого дома, но и помещения бани, однако последнее деяние не было должным образом квалифицировано [5].

Применение этого основания свидетельствует о том, что при расследовании преступления была допущена следственная ошибка в виде неправильного применения уголовного закона либо имела место неполнота расследования, выявившаяся только в ходе судебного разбирательства.

Несмотря на все законодательные изменения наиболее противоречивым продолжает оставаться основание, закрепленное в п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ, когда итоговый обвинительный документ досудебного производства составлен с нарушениями. Трактовка данного основания настолько широка, что возвращение уголовного дела, например, когда допущены ошибки при описании обвинения может быть вызвано неполнотой расследования. Так, например, в Краснооктябрьском районном суде г. Волгограда рассматривалось уголовное дело в отношении С., обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных п. «в» ч. 2 ст. 158, ч. 2 ст. 159 УК РФ. В ходе судебного разбирательства было установлено, что ни в обвинительном заключении, ни в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого не указано время и место совершения нескольких хищений, а также способ совершения мошеннических действий, поскольку деньги потерпевшей передавались в различные периоды времени различными способами – лично в руки подсудимому и посредством перевода на разные банковские карты. В виду отсутствия у суда полномочий дополнять предъявленное обвинение новыми обстоятельствами, установленными в суде, уголовное дело было возвращено прокурору на основании п. 1 ч. 1 ст. 237 УПК РФ [6]. Другой пример судебной практики демонстрирует еще более широкое применение данного основания [7]. Так, в Советском районном

суде г. Волгограда рассматривалось уголовное дело по обвинению А. в совершении преступления, предусмотренного п. г ч. 3 ст. 158 УК РФ. В ходе рассмотрения уголовного дела от государственного обвинителя поступила информация о совпадении отпечатков папиллярных узоров рук А. с отпечатками Б. Далее было установлено, что Б., являясь ранее подозреваемым в рамках рассматриваемого уголовного дела представился и предъявил следователю заведомо поддельный паспорт на имя А. В последствии было возбуждено уголовное дело в отношении Б. по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 327 УК РФ. Таким образом, расследование по уголовному делу велось фактически в отношении другого лица, в связи с чем обвинительное заключение было составлено с нарушением норм уголовно-процессуального закона. Данное нарушение судом было расценено как существенное и принято решение о возвращении уголовного дела прокурору.

Вместе с тем КС РФ обозначил возвращение уголовного дела прокурору, как особый порядок движения уголовного дела, не тождественный дополнительному расследованию [8], однако, по сути, исправление препятствий в указанных выше примерах судебной практики потребует от следователя уточнение и дополнение уже имеющихся доказательств, а в последнем примере повторное производство ряда следственных и процессуальных действий, что является дополнительным расследованием (если исходить из того, что дополнительное расследование это не только продолжение обвинительной деятельности, но и уточнение уже полученных обвинительных доказательств).

Согласно данным судебной статистики возвращение уголовного дела прокурору активно применяется судами. Так, в 2020 году областными и равными им судам возвращено прокурору в порядке статьи 237 УПК РФ 101 дело (в 2019 году – 103 дела), что составило 8,3 % от общего числа окончанных производством дел; из окончанных производством уголовных дел, рассмотренных с участием присяжных заседателей, 178 рассмотрены с вынесением приговора; 19 уголовных дела возвращены прокурору; число дел, возвращенных прокурору районными судами в порядке ст. 237 УПК РФ, составило 7,4 тыс. дел (в 2019 году – 7,5 тыс.), что составило 11,3 %; число дел, возвращенных прокурору мировыми судьями в порядке ст. 237 УПК РФ, составило 1,6 тыс. дел (в 2019 году – 1,9 тыс.), что составило 2,6% [9].

Несмотря на противоречивую сущность рассматриваемого правового института, его применение не означает предоставление стороне обвинения

«еще одной попытки улучшить свою позицию» [10], а позволяет обеспечить назначение уголовного судопроизводства и вынесение законного, обоснованного и справедливого судебного решения. В то же время некоторые положения уголовно-процессуального закона, применяющиеся при возвращении уголовного дела прокурору, нуждаются в дополнительной проработке. Так, несмотря на продолжительную «шлифовку» процедуры возвращения уголовного дела прокурору вне поля зрения законодателя остались вопросы исчисления срока содержания под стражей при передаче уголовного дела с одного этапа на другой, когда происходит смена «судебного» срока содержания под стражей на «следственный». В постановлении КС РФ указано, что правила предельных сроков содержания под стражей, установленные ст. 109 УПК РФ в рассматриваемом случае не действуют. Суд в постановлении устанавливает необходимый срок для устранения препятствий, но в силу того, что могут проводиться различные по объему следственные и процессуальные действия, его может оказаться недостаточным. В сложившихся условиях следует учитывать, что законом не регламентированы сроки передачи уголовного дела из суда прокурору и далее руководителю следственного органа, может происходить обжалование решения суда. В этом случае следователь поставлен в ситуацию выбора: применять правила продления срока содержания под стражей, установленные в ст. 109 УПК РФ или, исходя из однородности отношений, так как нахождение уголовного дела у следователя является неотъемлемой частью особого порядка движения уголовного дела, игнорировать их. Для разрешения этой ситуации важна принципиальная позиция законодателя, с соблюдением баланса защиты прав личности и разумных сроков судопроизводства.

Таким образом, правовой институт возвращения уголовного дела прокурору занимает особое место в системе контроля за качеством предварительного расследования, является способом исправления допущенных ошибок на досудебной стадии и восстановления режима законности при производстве по уголовному делу.

Библиографический список:

1. По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан [Электронный ресурс]:

постановление КС РФ от 8 декабря 2003 г. № 18-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»..

2. По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса в связи с запросом президиума Курганского областного суда [Электронный ресурс]: постановление КС РФ от 16 мая 2007 г. № 6-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Рябинина Т. К. Институт возвращения уголовного дела прокурору: правовой и нравственный аспекты // Судебная власть и уголовный процесс. 2019. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/institut-vozvrashcheniya-ugolovnogo-dela-prokuroru-pravovoy-i-nravstvennyu-aspekty> (дата обращения: 12.09.2021).

4. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда [Электронный ресурс]: постановление КС РФ от 02 июля 2013 г. № 16-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Постановление Ставропольского районного суда Самарской области от 25 ноября 2020 г. Дело № 1-235/2020. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/kq8YVWoi4BN0/> (дата обращения: 23.10.2021).

6. Постановление Краснооктябрьского районного суда г. Волгограда от 12 июля 2019 г. Дело № 1-216/2019. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/RhOfyFDsygmY/> (дата обращения: 23.10.2021).

7. Постановление Советского районного суда г. Волгограда от 3 сентября 2021 г. Дело № 1-288/2021. URL: https://sov--vol.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=253807447&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 23.10.2021).

8. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда [Электронный ресурс]: постановление КС РФ от 02 июля 2013 г. № 16-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Обзор судебной статистики о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей в 2020 году. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: http://www.cdep.ru/userimages/OBZOR_stat_SOU_2020.pdf (дата обращения: 23.10.2021).

10. Конин В. В. Ревизия УПК РФ на примере возрождения института возвращения уголовных дел для дополнительного расследования // Евразийская адвокатура. 2013. №1 (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reviziya-upk-rf-na-primere-vozrozhdeniya-instituta-vozvrashcheniya-ugolovnyh-del-dlya-dopolnitelnogo-rassledovaniya> (дата обращения: 12.09.2021).

© К.А. Трифонова, 2021

Файрушина Римма Дамировна,
заместитель начальника кафедры уголовного процесса
Уфимского юридического института МВД России,
кандидат юридических наук

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДОЗНАНИЯ КАК ФОРМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Развитие и модернизация досудебных производств по уголовным делам, которые не представляют существенной опасности для общества и несложны для доказательной деятельности субъектов расследования, является приоритетной задачей для законодателей в свете актуальности принципа экономии процессуальных издержек.

Дознание, как форма предварительного расследования, представляет собой уголовно-процессуальную деятельность специально уполномоченных субъектов, направленную на расследование преступных деяний, регламентированных уголовно-процессуальным законом. В основе данной формы предварительного расследования лежит идея о снижении процессуальных издержек в процессе расследования уголовных дел, не представляющих особой сложности для субъектов расследования и обладающих небольшой тяжестью, а также не представляющих особой опасности для общества. Исходя из этого, и длительность производства по таким делам не должна быть сопоставима с предварительным следствием, что позволяет экономить средства, выделяемые государством на уголовно-процессуальную деятельность субъектов расследования [1, с. 125].

Таким образом, экономия материальных ресурсов общества становится приоритетной задачей при расследовании преступлений, которые не представляют повышенной общественной опасности, т.е. преступлений небольшой и средней тяжести.

Субъекты правоохранительной деятельности, которые уполномочены проводить расследование уголовных деяний в форме дознания, законодательно представлен следующими лицами: начальник органа дознания, начальник подразделения дознания, дознаватель, а также лица, на которых в силу распоряжения начальника органа дознания, возложены данные полномочия. При этом лицо, проходящее, например, службу в территориальном управлении полиции, на которое возложено полномочие по производству дознания распоряжением начальника органа дознания (начальник территориального отдела полиции), в силу ч. 1 ст. 41 УПК РФ [2] обладает всеми уголовно-процессуальными правами проведения предварительного расследования в форме дознания. В свою очередь, начальник органа дознания, по отношению к назначенному им дознавателю, имеет полномочия начальника подразделения дознания и, исходя из ст. 40.1 УПК РФ, имеет право полного контроля за уголовно-процессуальной деятельностью последнего.

При этом ни дознаватель, ни лицо, которому делегированы полномочия по производству дознания, не уполномочены на проведение оперативно-розыскных мероприятий (ОРД), что следует из части второй статьи 41 УПК РФ. Они имеют право только давать поручения органу дознания о проведении оперативно-розыскных мероприятий. Так как в большинстве случаев сотрудник, на которого возложены полномочия по проведению дознания, является и лицом, имеющим право на проведение ОРМ и проходящим службу в оперативных подразделениях ОВД, то это создает условия для нарушения предписаний, указанных в части второй статьи 41 УПК РФ, что в дальнейшем может повлиять не только на сроки, но и на допустимость собранной доказательной базы. Исходя из вышесказанного, данный «конфликт интересов» должен быть решен на законодательном уровне, а не посредством издания внутренних нормативно-правовых актов и распоряжений [3, с. 121].

Часть 3 статьи 223 УПК РФ регламентирует общий срок дознания, который равен 30 суткам, который в свою очередь может быть продлен прокурором еще на срок до 30 суток. Часть 4 ст. 223 УПК РФ регламентирует дальнейшее увеличение срока дознания: до 6 месяцев в случае проведения

судебной экспертизы, и до 12 месяцев в случае исполнения запроса о правовой помощи. Данное положение практически уравнивает сроки предварительного следствия и дознания, что не может сказаться и на принципе «экономии процессуальных издержек» применительно к такой форме предварительного расследования, как дознание. Проблемой также является то, что законодатель не предусмотрел процедуры исчисления сроков производства дознания после его возобновления [4, с. 386].

При исчислении сроков дознания вызывает вопросы и момент окончания дознания, что влияет на исчисление сроков последнего. Этому вопросу законодатель посвятил часть первую статьи 225 УПК РФ, где говорится о том, что по окончании дознания дознаватель составляет обвинительный акт, в дальнейшем, уголовное дело направляется прокурору. Исходя из этого, следует законодательно определить момент окончания дознания путем дополнения части 3 ст. 223 УПК РФ дефиницией: «В этот срок включается время со дня возбуждения уголовного дела и до направления его прокурору с обвинительным актом».

Статья 223.1 УПК РФ, регламентирует уведомление о подозрении в совершении преступления. Анализируя прописанные в части второй данной статьи требования к данному процессуальному документу, можно сделать вывод, что у дознавателя имеется «существенный» объем собранных доказательств для предъявления подозрения, что не препятствует немедленному допросу лица в качестве подозреваемого, учитывая сам срок дознания, который является небольшим по сравнению со следствием.

Если в отношении подозреваемого была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, то обвинительный акт должен быть составлен в течение 10 суток. Часть 3 статьи 224 УПК РФ, регламентирует отсылку к главе 23 УПК РФ при невозможности составить обвинительный акт в течение 10 суток, для предъявления обвинения обвиняемому, который должен производить дознаватель, после чего дознание должно быть продолжено. Таким образом, необходимо включение в часть 1 статьи 223 УПК РФ и главы 23 УПК РФ, как исключительного случая [5, с. 98].

Производство дознания в общем порядке завершается составлением обвинительного акта в соответствии со ст. 225 УПК РФ. При этом, данная статья не регламентирует каких-либо сроков, поэтому по аналогии с ч. 2 ст. 162 УПК РФ и ст. 226.6 УПК РФ, следует закрепить норму, которая бы

регламентировала срок данной процедуры пятью сутками, но в пределах общего срока дознания.

На основании вышесказанного, можно констатировать, что обвинение в ходе дознания впервые предъявляется обвиняемому посредством ознакомления с итоговым документом всего расследования – обвинительным актом. Это является существенным упущением уголовно-процессуального закона, так как не только нарушает право на защиту, но и создает временную неопределенность в использовании обвиняемым предоставленными ему правами (ведь после ознакомления обвиняемого с обвинительным актом, он направляется прокурору).

Принцип процессуальной экономии диктует создание еще более упрощенных досудебных производств, что применительно к рассматриваемой теме нашло отражение в главе 32.1 УПК РФ: дознание в сокращенной форме, введенной ФЗ от 04.03.2013 № 23-ФЗ [6]. При этом дела, расследуемые сокращенным способом должны быть максимально несложные для процесса доказывания обстоятельств преступного деяния, о чем говорят следующие положения:

- пункт 1 части 1 статьи 226.1 УПК РФ, который регламентирует положение о производстве сокращенного дознания лишь в отношении конкретного, т.е. уже установленного дознавателем лица;

- позитивное посткриминальное поведение подозреваемого.

Исходя из этого, намного упрощается весь процесс расследования, что соответствует принципу процессуальной экономии.

Часть вторая статьи 226.1 УПК РФ регламентирует основание применения данной формы предварительного расследования (ходатайство подозреваемого), а также совокупность условий (уголовное дело возбуждено в отношении конкретного лица; подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривает правовую оценку деяния; отсутствуют предусмотренные статьей 226.2 УПК РФ обстоятельства применения данной формы предварительного расследования). При этом срок дознания еще более сокращен: до 15 суток. Законодательной регламентации подвергся также срок подачи подозреваемым вышеупомянутого ходатайства: не позднее 2 суток со дня, когда ему было разъяснено право заявить данный процессуальный документ, т.е. до начала первого допроса.

Анализируя доказательную базу, которую дознаватель должен собрать к окончанию 15-дневного срока, следует констатировать, что законодатель требует установления практически всех положений, входящих в предмет доказывания, согласно ст. 73 УПК РФ. Из этого следует, что предоставленного срока может не хватить, даже с учетом его продления, предусмотренного частью 2 ст. 226.6 УПК РФ, что дезавулирует весь механизм сокращенного расследования в рамках дознания. Таким образом, данный критерий, а именно срок осуществления дознания в сокращенной форме не создает принципиальных отличий между двумя формами дознания.

Одной из проблем данной формы расследования, является также положение уголовно-процессуального закона, наделяющее дознавателя выбирать следственные и иные процессуальные действия (ст. 226.5 УПК РФ). Для конкретизации и предотвращения производства дознавателем излишних следственных и иных процессуальных действий, следует законодательно определить их перечень, посредством внесения дополнений в статью 226.5 УПК РФ.

Дезавулирует данную форму расследования также право подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего или его представителя заявлять ходатайство о прекращении дознания в сокращенной форме (ч. 3 ст. 226.3 УПК РФ) [7, с. 22].

Вышеприведенные проблемы «сокращенного» дознания позволяют констатировать, что данная форма предварительного расследования не позволит заметно сократить средства, выделяемые на осуществление процессуальной деятельности, а также заметно сократит сроки расследования уголовных дел.

В связи с этим, законодательные инициативы правоприменителей должны быть направлены на более качественное расследование уголовных дел посредством данной формы предварительного расследования, что предполагает, прежде всего, создание условий для подлинно процессуальной самостоятельности дознавателей от вышестоящего начальства (начальника органа и подразделения дознания). Принцип процессуальной экономии диктует также снижение зависимости дознавателей в принятии решения о расследовании в форме сокращенного дознания от мнений и желаний участников уголовного судопроизводства (это касается, прежде всего, прекращения производства дознания в сокращенной форме (ч.3 ст. 226.3 УПК РФ)).

Библиографический список:

1. Герасенков В.М. Дифференциация форм дознания в российском уголовном процессе // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 3 (41). – С. 123-130.
2. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
3. Дознание в органах внутренних дел: учеб, пособие / под ред. Н.В. Румянцева, Ф.К. Зиннурова. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, – 2017. – 431 с.
4. Российский С.Б. Уголовный процесс: учебник. – М.: ЭКСМО, – 2019. – 674 с.
5. Есина А.С., Арестова Е.Н., Жамкова О.Е. Дознание в органах внутренних дел: учебник и практикум для вузов. – М.: Юрайт, – 2018. – 179 с.
6. Федеральный закон от 04.03.2013 № 23-ФЗ (ред. от 28.12.2013) «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2013. – № 9. – ст. 875.
7. Зотова М.А. Дознание в сокращенной форме в российском уголовном процессе: автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. юрид. наук. – Воронеж, – 2016. – 46 с.

© Р.Д. Файрушина, 2021

Храмова Екатерина Сергеевна,
эксперт организационно-методического отдела
экспертно-криминалистического центра
ГУ МВД России по Ставропольскому краю

ТРЕХМЕРНАЯ ВИЗУАЛИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ВОСПРИЯТИЯ ОБСТАНОВКИ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ

Существенным критерием повышения качества расследования преступного деяния является способность сотрудников предварительного следствия к эффективному профессиональному мышлению. В настоящее время, в век активно развивающихся высоких технологий, на первое место выходит метод

мышления, основанный на визуализации полученной информации, при которой человек воспринимает необходимые ему сведения не через слова и вербальное описание, а посредством ярких образов и наглядной иллюстрации.

В деятельности правоохранительных органов фотографическое изображение представляет собой значимый элемент, способствующий повышению эффективности расследования и раскрытию преступлений, а также является неотъемлемой частью техники производства следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Вместе с тем, очевидно, что возможность иллюстративной передачи информационных данных способствует результативности восприятия изучаемых объектов и исследуемой обстановки. Идея использования визуальных образов для активизации памяти – довольно старое направление исследований в области когнитивной психологии. Однако, новые технологии могут существенно повысить эффективность метода работы сотрудников следственных, оперативных и экспертно-криминалистических подразделений, поскольку восприятие обстановки места происшествия в условиях виртуальной трехмерной реальности, максимально приближенное к непосредственному восприятию этого же места, окажет более сильное воздействие на репродуктивные процессы памяти человека, чем двухмерные фото- или видеоизображения¹.

Нами предлагается, в рамках данной статьи, рассмотреть возможности рационального применения трехмерной визуализации, способствующей повышению восприятия обстановки места происшествия, в ходе всего периода расследования преступления и доказывания в суде.

На сегодняшний день основная специфика обеспечения наглядной фиксации осмотра места происшествия заключается в применении фотосъемки. Однако, активное внедрение цифровизационных процессов в повседневную деятельность ориентирует работу правоохранительных органов на оптимизацию использования научно-технических достижений, позволяющих произвести пространственное моделирование места происшествия с эффектом 3D изображения.

¹ Использование 3D-технологий в криминалистике и судебной экспертизе. (реферативный обзор) Е.В. Пискунова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 2014. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/2014-04-042-ispolzovanie-3-d-tehnologiy-v-kriminalistike-i-sudebnoy-ekspertize-referativnyy-obzor> (дата обращения: 27.10.2021).

Говоря о приоритетности использования 3D сканирования, стоит отметить, что первоначальная трехмерная фиксация обстановки места происшествия с возможностью наглядной визуализации и точной передачей относительного положения всех предметов в пространстве, исключает вероятность:

- непреднамеренной (умышленной) утраты вещественных доказательств в ходе производственной деятельности (повреждение или уничтожением следов и объектов);

- искажения информационных данных, преимущественно по длительным нераскрытым преступлениям;

- фальсификации доказательственной базы, собранной в ходе производства первоначальных следственных действий (изъятием или подбрасыванием определенных следов или предметов);

- порчи следов преступления под воздействием погодных условий или иных условий;

- осуществления дополнительного или повторного осмотров, а также обеспечивает возможность проведения следственного эксперимента и проверки показаний обвиняемого, подозреваемого без выезда на место происшествия.

В рамках работы над темой нами осуществлен опрос сотрудников следственных, экспертно-криминалистических подразделений МВД России и Следственного комитета России Краснодарского, Ставропольского краев, Ростовской и Волгоградских областей, с целью определения уровня внедрения технологий 3D сканирования в практическую деятельность расследования преступлений. В настоящее время опыт создания 3D моделей имеется у сотрудников следственных комитетов России на основе применения цифровой фотоаппаратуры со сверхширокоугольным объективом «рыбий глаз»¹. С положительной точки зрения отмечено качество полученных изображений, создающих эффект объемной панорамной фотофиксации криминалистических следов. Однако, стоит констатировать, что изготовленные таким способом изображения искажают общую следовую картину места происшествия. При этом, в рамках 3D-сканирования, обращено внимание на отсутствие сформированных теоретических и методических подходов как

¹ Рыбий глаз – это сверхширокоугольный объектив с углом обзора от 100 до 180 градусов, который создает кольцевое, а не прямолинейное изображение из-за визуального искажения, создаваемого объективом.

к производству 3D съемки, так и изготовлению 3D моделей (3D-фототаблиц) обстановки места происшествия, влияющих на процесс распространения технологии трехмерного моделирования в правоохранительных органах¹.

Анализ открытых технических и криминалистических источников, рассматривающих технологию применения 3D сканирования в рамках расследования противоправных деяний, свидетельствует о популяризации данного направления как предмета изучения, позволяющего повысить результативность раскрытия преступлений. Вместе с тем, на основе проведенного анализа и путем обобщения собранной информации считаем, что повышение эффективности восприятия обстановки места происшествия на протяжении всего этапа расследования преступления, а также в последующем судом и присяжными, требует выработки концептуального подхода его применения.

Проведенное нами изучение существующих современных технологий сбора трехмерных данных и построения 3D моделей, представляет интерес к формированию компиляционного использования 3D моделирования обстановки места происшествия для создания 3D-фототаблиц. Ключевой смысл предлагаемого метода состоит в построении трехслойной 3D модели с наложением друг на друга полученных образов. Для этого целесообразно применение 3D сканирования на двух стадиях проведения осмотра места происшествия:

I – начальный этап статической стадии – получение базовой (основной) 3D модели (1 слой). Смысловая характеристика состоит в том, что первоначальное состояние обстановки происшествия не нарушено, сохранено точное местоположение всех предметов, объектов и их взаимное расположение друг к другу. При такой первоначальной дистанционной фиксации абсолютно исключена возможность уничтожения каких-либо следов, оставленных преступником.

II – заключительный этап динамической стадии – получение терминальной (конечной) 3D модели (2 слой). В частности предполагается, что после тщательного, контактного изучения в целом места происшествия и отдельно каждого «узла», выявления и обнаружения следов и объектов, перемещения предметов, внесения закономерных изменений в материальную часть обстанов-

¹ Дронова О. Б., Храмова Е. С. Актуальные пути повышения наглядности иллюстративного материала, подготовленного с использованием беспилотных летательных аппаратов //Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2021. – №. 2. – С. 99-107.

ки совершенного преступления, проводится второй этап сбора данных для создания трехмерного изображения.

После получения базовой и терминальной 3D моделей, предусматривается формирование третьего слоя, собранных трёхмерных данных на первом и втором этапах осмотра, при помощи компьютерного программного обеспечения. Далее, за счет наложения друг на друга первой и второй моделей формируется компиляционная 3D модель (3 слой). Полученная таким способом реконструкция действий совершения преступления, устанавливает связи и отношения произошедшего события, объясняет закономерности проявления свойств объектов в результате выявления наглядной динамики механизма действий. При этом, предложенный нами компиляционный метод построения трехслойной модели места происшествия, предопределяет качество целостности, предметности и структурности визуализационного восприятия, а также способен повлиять на фиксацию картины преступления в мыслитель деятельности человека. Считаем, что динамическая передача последовательности путей передвижения преступников, оставления ими следовой информации, влияет на осмысленность и устойчивость мышления и способствует результативному выдвижению версий и планированию всего хода расследования уголовного дела.

Библиографический список:

1. Коваленко Т.М., Пасечная В.О., Астахова И.Ю. Применение 3D моделирования при осмотре места происшествия // Новые юридические исследования. Международная научно-практическая конференция МЦНС «Наука и просвещение», 2020.

2. Прокофьева Е.В., Барина О.А., Прокофьева О.Ю. Применение метода 3D моделирования при осмотре места совершения кражи // Юридическая наука и правоохранительная практика, 2016 – №35.

3. Несмиянова И.О. 3D сканирование в экспертной деятельности: понятие, сущность и возможности применения // Журнал SYSTEMS AND MANAGEMENT. Том 2, 2020 №2.

4. Ma M., Zheng H., Lallie H. Virtual reality and 3 D animation in forensic visualization // Journal of forensic sciences. – N.Y., 2010. – Vol. 55, N 5. – P. 1227–1231. (Ма М., Жэнг Х., Лалли Х. Виртуальная реальность и 3 D-анимация в судебно-экспертной деятельности.)

© Е.С. Храмова, 2021

Чаплыгина Виктория Николаевна,
начальник кафедры криминалистики
и предварительного расследования в ОВД
Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова,
кандидат юридических наук, доцент

ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ СЛЕДСТВЕННОГО СУДЬИ В ИНСТИТУТ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ

За последние годы в Российской Федерации значительно возросло количество реформ в области уголовного судопроизводства, внесших изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. В настоящее время законодатель продолжает реформировать уголовно-процессуальное законодательство путем внесения соответствующих поправок, одной из которых является предложение создать институт «следственного судьи» [1]. Данная проблематика «всколыхнула» ученую общественность, вылившись в ряд научных статей, также известны работы, специально посвященные проблемам института следственных судей в России.

Исследовательский интерес к институту следственного судьи заново появился и стал темой для научных дискуссий в связи с поручением Президента Российской Федерации В.В. Путина Верховному Суду Российской Федерации по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и прав человека рассмотреть предложение, касающееся введения в уголовное судопроизводство данного процессуального института в срок до 1 июня 2020 г.[2]. Справедливости ради отметим, что данный вопрос поднимается на законодательном уровне в современной России уже не первый раз. Например, в 2014 г. в Российской Федерации уже шла речь о необходимости введения данного института, и А.В. Смирновым в феврале 2015 г. даже был составлен проект, касающийся введения института следственных судей, но не реализованный до сих пор.

В настоящее время уголовное судопроизводство России может похвастать довольно логичной и подкрепленной длительной законодательной практикой системой осуществления уголовного судопроизводства, в которой четко прослеживаются две конкурирующие стороны (обвинения и защиты),

в качестве же независимого арбитра выступает суд.

Однако в данной системе построения уголовного процесса видится некий парадокс, выражающийся в том, что следователь, осуществляющий по мнению законодателя функцию обвинения, вынужденно выполняет и иную функцию (кстати, законодательно не закрепленную – функцию установления истины по уголовному делу), а точнее – функцию предварительного расследования, которая если не вступает в конфликт с функцией обвинения, то точно идущая с ней вразрез. В этом нам видится угроза соблюдению следователем баланса прав и законных интересов личности на всех этапах уголовного судопроизводства.

К слову сказать, свое место в системе правоохранительных органов следствие пытается обрести давно и споры среди ученых по данному вопросу практически не прекращаются с момента его основания. Безусловно, существует множество полярных мнений по данному вопросу. Одно из которых представляет А.В. Смирнов, внося предложения по установлению за следователем еще одного контрольного органа, а именно следственного судьи, который будет являться новым участником уголовного судопроизводства, по сути, предлагает раскоординировать стройную систему правоохранительных органов созданием «прослойки» в виде следственного судьи [3].

Необходимо отметить, что до второй половины XIX в. следственная деятельность в России была отнесена к функциям полицейских органов. Только в ходе подготовки глобальной судебной реформы 1864 г. был поставлен вопрос о лишении полиции следственных функций путем введения новой должности – судебного следователя, что и было закреплено в «Наказе судебным следователям», принятом 08 июня 1860 г. Именно эта новая процессуальная фигура стала впоследствии осуществлять предварительное следствие, а сама реформа предварительного следствия предопределила вектор развития российского досудебного производства по уголовным делам вплоть до сегодняшнего дня.

Великий русский юрист А.Ф. Кони, будучи ярким сторонником создания института судебных следователей, отмечал, что «...новая должность судебных следователей, не связанная органически с полицией, имела свои достоинства, ибо следователь оказался наделенным значительными правами, поставлен во многих отношениях в положение независимого судьи, получив в ряде случаев, право не подчиняться предложениям обвинительной власти, когда он с ними не согласен» [4].

Характеризуя компетенцию судебного следователя, можно согласиться с мнением А.В. Смирнова, о том, что «...в руках судебных следователей сосредоточились одновременно функции обвинения, защиты и суда» [5]. Однако, по нашему мнению, даже на тот момент судебный следователь не выполнял ни функцию обвинения, ни функцию защиты, а будучи беспристрастным, устанавливал истину по делу, приводя обстоятельства, как уличающие обвиняемого, так и оправдывающие его.

На текущий момент представлено немало проектов по реформированию досудебного производства по уголовным делам путем введения в уголовный процесс новой процессуальной фигуры – следственного судьи, что повлечет, на наш взгляд, полное изменение российского уголовного процесса. Обосновывается эта правовая новация тем, что она направлена на реализацию требования Конституции РФ о состязательном (при наличии сторон обвинения и защиты) построении судопроизводства, и суд имел бы возможности контроля на всех стадиях уголовного процесса. Так, по мнению Т.Г. Морщаковой, следственный судья должен осуществлять судебный контроль за расследованием преступлений, не осуществляя функцию уголовного преследования [6]. А это значит лишь одно – следственный судья ни в коем случае не должен вести уголовное преследование, которое является неотъемлемой функцией органов обвинения. Кроме того, он не имеет права собирать новые доказательства для того, чтобы подтвердить или опровергнуть версии обвинения и защиты. В его компетенцию входит проверка и оценка сведений, которые ему представляли бы стороны.

Еще одним спорным аспектом может являться тот, что, выполняя несвойственную ему в настоящее время судебную функцию, он должен иметь право производить судейские следственные и иные процессуальные действия в форме состязательных судебных слушаний. Однако в промежутках между этими слушаниями расследование должны осуществлять лишь стороны защиты и обвинения.

Авторы и сторонники этой законодательной новеллы считают, что если же стороны не имеют процессуального интереса немедленно узаконить в качестве судебных сведений материалы, которыми он обладает в силу осуществления собственных компетенций, то они могут представить собранные ими протоколы, предметы, свидетелей, экспертов и на последующих судебных стадиях. Именно на этих стадиях впоследствии может быть решен вопрос о

признании таких материалов в качестве допустимых в судебном разбирательстве.

Однако надо отметить, что ученые-новаторы полагают, что сторона обвинения в обязательном порядке на предварительном следствии обязана приложить все усилия в рамках своей компетенции для того, чтобы законными способами получить и легализовать перед следственным судьей всю совокупность судебных доказательств. В то же время эти доказательства должны быть достаточными для привлечения лица в качестве обвиняемого, а также для дальнейшей судебной перспективы уголовного дела. Сторонники института следственного судьи считают, что, если перейти к такой системе, это приведет к тому, что судебная функция за работой предварительного следствия поможет уравнивать возможности сторон обвинения и защиты.

А.В. Смирнов, тщательно отстаивая введение института следственных судей, указывает на плюсы работы всей судебной системы в таких условиях в целом. Во-первых, уменьшение нагрузки на районные суды, так как часть их полномочий будет передана следственному судье. В качестве примеров автор приводит следующие процессуальные действия: об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога; обыска и (или) выемки в жилище; контроля и записи телефонных или иных переговоров. Во-вторых, наличие протоколов допросов, полученных в ходе предварительного расследования следственным судьей и уже приобретших тем самым статус судебных доказательств, облегчит их использование в судебном разбирательстве без соблюдения таких условий, как оглашение ранее данных показаний свидетелей и потерпевших с согласия обеих сторон (ч. 1 ст. 281 УПК РФ); практически исключит случаи, когда показания подозреваемого или обвиняемого надо признавать недопустимыми доказательствами, если они были получены на предварительном следствии без участия защитника и не подтверждены им в судебном разбирательстве (п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ). И, наконец, в-третьих, во многом снимается проблема возвращения уголовного дела судом прокурору для дополнительного расследования или для исправления иных недостатков предварительного следствия.

Таким образом, А.В. Смирнов полагает, что все это позволит снизить нагрузку на суды как при рассмотрении ими дел по существу в первой инстанции, так и в вышестоящих судах. Однако, как нам кажется, создание

нового должностного лица – следственного судьи не решит всех проблемных вопросов, которыми оперируют сторонники введения следственного судьи.

Считаем, что передача полномочий судьи, касающихся избрания некоторых мер пресечения, дачи разрешения на проведение обыска и (или) выемки в жилище, контроля записи телефонных или иных переговоров в компетенцию следственного судьи – недопустимо, поскольку противоречит нормам Конституции РФ. Так, ст. ст. 22, 23, 25 Конституции РФ указывают на исключительное право ограничения конституционных прав человека и гражданина только на основании решения суда. Что касается так называемых «судейских следственных действий и судебных доказательств», то следователь, являясь центральной фигурой на стадии предварительного следствия, может проводить следственные действия до обвинительного заключения и передачи дела в суд. Поэтому передача полномочий следователя, в части проведения следственных действий, следственному судье значительно ограничивает процессуальную самостоятельность следователя.

Решение проблем, связанных с недостатками предварительного следствия, видится, прежде всего, в совершенствовании процессуального статуса следователя. Так, ч. 2 ст. 67 УПК РФ закрепляет положение, согласно которому «никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы». Данное положение закрепляет исключительное право суда в оценке собранных по уголовному делу доказательств на стадии судебного разбирательства.

Выдвинутый А.В. Смирновым лозунг о решающей роли следственного судьи в разрешении проблем, связанных с возвращением уголовного дела прокурору для дополнительного расследования, вряд ли найдет свое практическое применение с учетом действующего уголовного процессуального законодательства. Не стоит забывать о руководителе следственного органа, обладающим полномочиями по отмене незаконных и необоснованных постановлений следователя. В связи с этим внедрение института следственного судьи лишь усложнит процесс движения уголовного дела, что впоследствии может привести к утрате одной из основных функций органов прокуратуры по обеспечению надзора за исполнением законов органами, осуществляющими предварительное следствие.

Положение, пропагандируемое А.В. Смирновым, в отношении следственного судьи, при котором он будет независимым арбитром между

сторонами защиты и обвинения, вызывает вопросы. Во-первых, не будет ли данное лицо наиболее подверженным к совершению коррупционных преступлений? Очевидно, что на независимое лицо – следственного судью, обладающего всей информацией по уголовному делу, могут оказывать давление обе стороны уголовного процесса. Можно выдвинуть предположение, что следственные судьи – это очередные рычаги воздействия на участников уголовного судопроизводства. И, во-вторых, не придется ли следователям, в свою очередь, расследовать новые уголовные дела в отношении следственных судей за преступления коррупционной направленности?

Таким образом, на наш взгляд, с точки зрения анализа действующего законодательства введение в уголовное судопроизводство института следственных судей невозможно, так как:

во-первых, передача полномочий судьи по вопросам избрания меры пресечения, дачи разрешения на проведение обыска и (или) выемки в жилище, контроля записи телефонных или иных переговоров в компетенцию нового должностного лица – следственного судьи, противоречит нормам Конституции РФ;

во-вторых, передача полномочий следователя, в части проведения следственных действий, следственному судье значительно ограничивает процессуальную самостоятельность следователя;

в-третьих, в научной литературе обращалось внимание на практическую опасность совмещения в деятельности следователя различных процессуальных функций: защитника, обвинителя и судьи.

Резюмируя сказанное, вспомним Джона Эдгара Гувера, отмечавшего, что «Общество, не желающее учиться на примерах прошлого, обречено...Мы не должны забывать историю, мы не должны занижать ожиданий». Безусловно, исторический экскурс служит целям демонстрации преемственности и расширения функций и методов деятельности данного института и является базой для выявления закономерностей ее развития и современных направлений совершенствования их деятельности в свете современного российского уголовно-процессуального законодательства.

Библиографический список:

1. Белкин А.Р. Следственный судья или следственный судья // Уголовное судопроизводство – 2015 – № 3 – С. 16

2. Официальный сайт Президента РФ // Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека и встречи с уполномоченным по правам человека. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62700> (Дата обращения: 27.09.21 г.).

3. Смирнов А.В. Институт следственных судей – путь к состязательности в уголовном процессе // Евразийская адвокатура. – 2015 – № 1 (14) – С. 10

4. Шимановский В.В. Судебный следователь в пореформенной России // Правоведение. – 1973 – № 3. – С.12.

5. Смирнов А.В. Институт следственных судей – путь к состязательности в уголовном процессе // Евразийская адвокатура. – 2015 – № 1 (14) – С. 11

6. Морщакова Т.Г. Главный по арестам. Следственные судьи защитят от незаконных дел // Российская газета. - 2015. - № 50 (6621). 11.03.2015

© В.Н. Чаплыгина, 2021

Черменёва Светлана Сергеевна,
старший преподаватель кафедры организации
следственной работы УНК по ПС в ОВД
Волгоградской академии МВД России

ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ, КАК ОДИН ИЗ ВАЖНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА

Современное противодействие расследованию изменилось не только качественно (новые формы, средства и методы его осуществления), но и масштабно, особенно в рамках деятельности организованной преступности. Поэтому если ранее можно было считать, что мастерства и средств, находившихся в арсенале следователей и оперативных работников, в целом достаточно для выявления и преодоления хитростей и уловок преступников, то теперь этого явно мало, потому что им противостоит не просто более профессиональный и оснащенный современными техническими возможностями преступник, а армада сил и средств сплоченной и организованной преступности. По мере

усиления борьбы с преступностью преступные элементы принимают дополнительные меры по сокрытию уголовно наказуемых деяний и оказанию противодействия правоохрнительным органам в случае их выявления, особенно при фактах совершения преступлений в составе организованной группы.

Согласно результатам опроса практических сотрудников оперативных и следственных аппаратов – если несколько лет назад встречались единичные факты противодействия на этапе предварительного расследования по уголовным делам, то в настоящее время на этапе досудебного производства им приходится сталкиваться с противодействием со стороны криминальных структур в той или иной степени практически всегда.

Данное обстоятельство в ряде случаев обусловлено чрезмерным освещением различных аспектов борьбы с преступностью, в том числе методов оперативной работы, в средствах массовой информации.

Проблема противодействия при расследовании, приобрела в последнее время особую актуальность и остроту. Это обусловлено многими причинами, среди которых в качестве основных можно выделить следующие: все больший размах приобретают организованная преступность, процесс коррумпированности работников властных структур и правоохрнительных органов, высокий уровень латентной преступности в России, и на фоне этого качественное и количественное снижение показателей деятельности правоохрнительных органов.

Противодействие процессу расследования негативно сказывается на сроках следствия, препятствует исследованию обстоятельств, подлежащих доказыванию. В результате противодействия могут быть по разным основаниям прекращены уголовные дела, сокращена доказательственная база, вынесены оправдательные приговоры.

На этой стадии оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности противодействие осуществляется на всех уровнях: индивидуальном, коллективном и корпоративном. В общем, это противодействие проявляется во всевозможных помехах со стороны отдельных преступников и криминальных организаций установлению объективной истины, процессу доказывания виновности всех причастных к организованной преступной деятельности лиц.

Наиболее удачное определение противодействия при расследовании было дано Р.С. Белкиным. Если раньше под противодействием расследованию понимали преимущественно различные формы и способы сокрытия преступ-

ления, то теперь это понятие наполнилось более широким содержанием и может быть определено как: «умышленная деятельность с целью воспрепятствования решению задач расследования и, в конечном счете, установлению истины по делу».¹

Важность расследования преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства в настоящее время обусловлена не только общими рамками борьбы с преступностью, но и как одного из приоритетных направлений функционирования государства - обеспечения качества жизни граждан, которое невозможно без дальнейшего улучшения и развития данной деятельности. При этом делается акцент на внедрение передовых и цифровых технологий, современных материалов «...что в том числе позволит обеспечить прозрачность и эффективность системы ЖКХ, чтобы граждане получали качественные услуги и не переплачивали за них»². На эти цели государством планируется выделение дополнительных средств, целесообразность и законность траты которых необходимо обеспечить в рамках реализации программ по улучшению сферы жилищно-коммунального хозяйства. Нарушения закона при расходовании бюджетных денежных средств допускаются практически на всех этапах их использования, включая размещение заказов для государственных и муниципальных нужд, проведение, приемку и оплату строительных и иных работ, осуществление контроля над их целевым использованием. Все это создает условия для коррупционных проявлений и в значительной степени ограничивает конкуренцию хозяйствующих субъектов. Данные нарушения зачастую сопряжены с совершением разного рода хищений, незаконным предпринимательством, взяточничеством, уклонением от уплаты налогов, криминальным банкротством, нецелевым использованием бюджетных средств и другими коррупционными преступлениями.

Анализ практики расследования преступлений в сфере ЖКХ показывает наличие многочисленных проблем, сложностей и недостатков, к которым в том числе относится противодействие участников уголовного судопроизводства, выражающееся в сокрытии или уничтожении документов, имеющих значение для уголовного дела. Часто имеет место создание ложных алиби (в том числе с использованием познаний в сфере совершенных преступных действий).

¹ Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 85

² Послание Президента Федеральному Собранию от 01.03.2018 года

Отмечаются случаи явных уклонений подозреваемых и обвиняемых от явки в правоохранительные органы для участия в следственных действиях, отказы от дачи правдивых показаний, предоставление следователям ложной информации. Все вышеназванное является активной позицией противодействия подозреваемых и обвиняемых, которые всячески стремятся скрыть факты преступлений, не допустить установления всех обстоятельств, подлежащих доказыванию.

Даже на этапе подготовки совершения преступления, преступники стремятся к тому, чтобы преступление не было выявлено, о нем не стало известно правоохранительным органам. Успешность сокрытия преступных действий приводит к высокому уровню латентности рассматриваемого вида преступлений. Большая активность подозреваемых и обвиняемых лиц наблюдается и в воспрепятствовании раскрытию и расследованию уже выявленных преступлений. Это приводит к тому, что остаются не установленными отдельные обстоятельства преступлений, неустановлены все лица к ним причастные. Вместе с тем, не ясны причины и условия, способствовавшие совершению преступных деяний, в связи с чем, они вновь совершаются. Из изложенного вполне очевидно, что снижается профилактическое значение расследования и, более того, ставится под удар и сама его цель – установление истины по уголовному делу. Нельзя судить об объективности и полноте расследования, когда установленными оказываются не все обстоятельства преступлений или когда оказываются непривлеченными соучастники. Активность противодействия при расследовании преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства порой достигает такого уровня, что ставится под сомнение не только возможность расследовать преступление, но и законность возбуждения уголовного дела.

Статистика и оперативно-розыскная, следственная и судебная практика позволяют констатировать существенный процент выявления незаконных и преступных действий в данной сфере. Однако в ходе расследования следователи сталкиваются с непреодолимыми препятствиями, не позволяющими им в полном объеме установить истину по делу и изобличить всех виновных лиц. Отсюда неутешительный вывод: процент направленных уголовных дел рассматриваемой категории в суд несоизмеримо мал по отношению к количеству возбужденных.

В связи с этим возникает насущная необходимость в разработке дополнительных и усовершенствовании имеющихся теоретических положений,

наработок тактических и методических практик по созданию качественно новой методики криминалистического обеспечения преодоления противодействия расследованию преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства.

Библиографический список:

1. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 85.
2. Послание Президента Федеральному Собранию от 01.03.2018 год.
3. Садыков А.У. Противодействие расследованию: ошибки следователя как способствующий фактор [Электронный ресурс] // Общество и право. 2011. № 2. С. 239 – 244. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
4. Шматов М. А. Проблемы борьбы с организованным противодействием раскрытию и расследованию преступлений : учеб. пособие / М. А. Шматов, В. М. Шматов, Е. С. Азарова. – Волгоград : ВА МВД России, 2008. – 112 с.

© С.С. Черменёва, 2021

Шавкарова Елена Евгеньевна,

старший преподаватель кафедры предварительного расследования
УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ РОЗЫСКА ПОДОЗРЕВАЕМЫХ (ОБВИНЯЕМЫХ)

В настоящее время большое внимание уделяется профилактической деятельности следователя, направленной на предотвращение розыска подозреваемых (обвиняемых). Ведь только своевременно принятые меры позволят следователю своевременно направить уголовное дело прокурору для утверждения обвинительного заключения и дальнейшего направления в суд, а, следовательно, нарушенные права потерпевших будут восстановлены в более короткие сроки.

С этой целью необходимо определиться с конкретными мерами, которые должен принять следователь для предупреждения возможности обвиняемому скрыться от следствия и установления местопребывания обвиняемого и его

розыска. Анализ практики изучения уголовных дел, приостановленных по п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ позволяет сформулировать следующие рекомендации.

Деятельность следователя по предупреждению уклонения обвиняемого от следствия в случае избрания ему меры пресечения не связанной с заключением под стражу.

1. Изучение в процессе допросов личности обвиняемого (подозреваемого), его связей, родственников, окружения (соседи по дому, коллеги по работе, получение информации о личности от участкового уполномоченного полиции и т.д.) с целью выявления намерения скрыться от следствия и возможности для реализации данного намерения[1, с. 268].

2. Направление информации или рапорта о надзоре по месту жительства обвиняемого (подозреваемого). Рапорт направляется начальнику отдела полиции по месту регистрации или месту фактического проживания с уведомлением о привлечении гражданина к уголовной ответственности по конкретной статье УК РФ и избрании в отношении него меры пресечения не связанной с лишением свободы, для принятия необходимых мер по предупреждению возможности уклонения от следствия. Одновременно в многофункциональный центр по месту регистрации направляется сообщение с требованием уведомления следователя в случае если обвиняемый (подозреваемый) подаст заявление о снятии с регистрационного учета или замене паспорта в связи с изменением фамилии.

3. Направление сообщения о привлечении гражданина к уголовной ответственности в отдел кадров по месту его работы (если он работает) – с предложением немедленно сообщать следователю о предполагаемом увольнении или неявке на работу, а также с просьбой не направлять обвиняемого во время производства предварительного следствия в командировки [2, с. 10]. В случае направления в командировку – незамедлительно сообщать следователю о месте пребывания и сроке отсутствия обвиняемого.

4. В случае если обвиняемый (подозреваемый) является призывного возраста необходимо направить в военкомат по месту регистрации (приписки) обвиняемого сообщение о привлечении его к уголовной ответственности с предложением отсрочить призыв на военную службу или военные сборы.

5. Направить сообщение о привлечении гражданина к уголовной ответственности в Федеральную миграционную службу (ФМС) с просьбой

о незамедлительном сообщении следователю в случае оформления обвиняемым загранпаспорта.

6. Если обвиняемый имеет статус беженца или эмигранта, направить сообщение о привлечении его к уголовной ответственности в Федеральную миграционную службу с просьбой о незамедлительном сообщении следователю об изменении местожительства и перемещении обвиняемого.

7. Направить сообщения о привлечении гражданина к уголовной ответственности в службы таможенного и пограничного контроля для предотвращения пересечения границы.

Если профилактические мероприятия, направленные на пресечение попытки скрыться от следствия, не привели к положительному результату, следователю необходимо выполнить следующие процессуальные действия, направленные на розыск скрывшегося обвиняемого:

1. Допросить родственников, соседей, приятелей, сослуживцев, технический персонал по месту службы обвиняемого о его возможном местопребывании, а также установлении абонентских номеров, которыми может пользоваться подозреваемый (обвиняемый). В процессе допросов установить наиболее широкий круг знакомых, возможно обладающих необходимой информацией.

2. Направить в орган дознания поручение на установление местонахождения подозреваемого (обвиняемого) [3, с. 319], изложив подробно имеющиеся в уголовном деле сведения о его личности, образе жизни и круге общения.

3. В случае установления умышленности действий обвиняемого, направленных на уклонение от следствия, не дожидаясь окончания срока предварительного следствия, вынести постановление об объявлении скрывшегося обвиняемого в розыск и направить для исполнения в орган дознания.

4. Вынести постановления и произвести обыска (по месту жительства самого обвиняемого, его семьи, родственников, при необходимости – иных лиц) с целью обнаружения разыскиваемого лица.

5. Возбудить перед судом ходатайство о наложении ареста на почтово-телеграфную корреспонденцию, адресованную родственникам и знакомым.

6. Возбудить перед судом ходатайство о контроле и записи переговоров близких родственников с целью установления возможного общения со скрывшимся. Целесообразно осуществлять контроль и запись переговоров именно близких родственников, так как подозреваемый (обвиняемый) может неоднократно менять абонентские номера.

7. Установить лиц, с которыми подозреваемый (обвиняемый) ранее был осужден за совершение преступлений группой лиц и проверить их на возможный контакт со скрывшимся лицом.

7. Принять меры к установлению наличия депозитных, текущих и иных счетов в банках и наложить арест на эти счета.

8. Направить запросы в ГИАЦ МВД РФ о возможном привлечении в качестве обвиняемого по другому уголовному делу.

9. Направить запросы в лечебные учреждения для исключения факта госпитализации, морги для исключения факта смерти.

10. Направить запросы в ЗАГС для исключения факта регистрации брака со сменой фамилии, просто смены фамилии, а также регистрации факта смерти.

11. По истечении срока предварительного следствия, в случае выполнения всех возможных в отсутствие обвиняемого следственных действий и принятии всех возможных мер к его розыску, вынести постановление о приостановлении производства по делу.

Однако не стоит забывать, что в соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 209 УПК РФ следователь после приостановления предварительного следствия на основании п. 2 ч. 1 ст. 208 УПК РФ устанавливает место нахождения подозреваемого (обвиняемого), принимает меры по его розыску. И хотя следственные действия следователь не может проводить, это не исключает возможности запрашивать необходимую информацию в различных организациях, а также направлять поручения в орган дознания при получении дополнительной информации. В случае, если возникла необходимость в производстве следственных действий, то следователь возобновляет предварительное следствие, а руководитель следственного органа устанавливает срок следствия в пределах одного месяца.

Правильные и своевременные действия следователя, направленные на предупреждение возможного уклонения обвиняемого (подозреваемого) от уголовной ответственности обеспечат принцип неотвратимости наказания.

Библиографический список:

1. Макогон И.В. Процессуальное значение изучения личности преступника при расследовании преступлений // Конституция Российской Федерации как гарант прав и свобод человека и гражданина при расследовании преступлений : материалы Международной науч.-практ. конф. Москва. 2013.

2. Стешенко Ю.С., Горкина Е.В. Проблемы правового регулирования обеспечения мер безопасности участников уголовного судопроизводства на

предварительном следствии // Права человека в национальном международном праве: сборник тезисов международной конференции 19 июля 2014 г. – Санкт-Петербург: Фонд развития юридической науки, 2014.

3. Сафонова Ю.С. Поручение как процессуальная форма взаимодействия следователя с органом дознания // Актуальные проблемы и перспективы развития предварительного следствия в России [Эл. ресурс] : сборник статей Всероссийской науч-практ. конф. (14 июля 2020 г., г. Волгоград). 2020.

© Е.Е. Шавкарова, 2021

Шамшина Ольга Сергеевна,
преподаватель кафедры предварительного расследования
Волгоградской академии МВД России

ДЕЙСТВИЕ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Стадия возбуждения уголовного дела, а также состояние законности и ее обеспечение в последнее время все чаще находятся в центре внимания. Регламентация деятельности лиц, осуществляющих рассмотрение сообщений о преступлении, претерпевала неоднократные изменения, что повлекло за собой неоднозначность толкования и правоприменения норм, регламентирующих данную деятельность, в том числе нарушение законности. О чем свидетельствуют данные, об основных показателях деятельности органов прокуратуры РФ, так за десять месяцев в 2021 года на досудебной стадии уголовного производства выявлено всего 4 307 тыс. нарушений, из которых 2 897 тыс. нарушений при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений о преступлении, что составляет более половины общего количества нарушений на досудебной стадии. При этом также стоит отметить, что по сравнению с аналогичным периодом 2020 года, указанное количество нарушений снизилось на 0,2%, что является не столь существенным. Кроме того, анализ статистических данных говорит о том, что существует еще один показатель, свидетельствующий о нарушении законности на данной стадии, укрытие

преступлений от учета. Ввиду чего, видится актуальным рассмотрение вопроса действия принципа законности в стадии возбуждения уголовного дела.

В общеправовом значении законность представляет собой неукоснительное, полное и точное соблюдение и исполнение всеми субъектами права законов. Данное положение закреплено в основном законе, а именно в ч. 2 ст. 15 Конституции Российской Федерации.

В уголовно-процессуальном законодательстве законодатель норму, в которой говорится о законности при производстве по уголовному делу поместил во вторую главу УПК РФ, определив, таким образом, законность как принцип уголовного судопроизводства. Кроме того, принято считать, что принцип законности занимает вершину юридической пирамиды принципов и является так называемым принципом принципов.

Вместе с тем, ряд ученых В.Т. Томин, С.С. Безуков, не определяют принцип законности как первостепенный или базовый, отмечая, что принцип не определяет содержание закона. [1, С. 266]

Стоит также отметить, что ст. 7 УПК определяет понятие принципа законности довольно скупой. Буквальное толкование заглавия указанной статьи, ограничивает начало действия принципа законности моментом вынесения постановления о возбуждении уголовного дела.

В тоже время в указанной норме закреплены основные моменты содержания данного принципа, которые распространяют свое действие и на стадию возбуждения уголовного дела, когда самого уголовного дела как такового еще не существует. Содержание принципа конкретизируется нормами применительно к тем правоотношениям, регулирование которых осуществляется с его помощью. В содержание стадии возбуждения уголовного дела входит обязанность рассматривать сообщения о преступлениях, процессуальный порядок данной стадии подробно урегулирован в ст. 144 УПК РФ.

Деятельность уполномоченных на то должностных лиц, на данной стадии, заключатся в установлении достаточности данных, позволяющих возбудить уголовное дело или отказать в его возбуждении, а также решить весь круг задач рассматриваемой стадии при помощи производства процессуальных, следственных и иных действий.

Законность деятельности публичных субъектов досудебного уголовного производства в стадии возбуждения уголовного дела, относительно приёма, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях предполагает соблю-

дение следующих фактов: соблюдение установленного законом процессуального порядка оформления сообщений о преступлениях; полнота и правильность учёта и регистрации всех поступивших сообщений о преступлениях; соблюдение сроков принятия решений; принятие законных и обоснованных решений; соблюдение прав и законных интересов заявителей и иных лиц, чьи права могут затрагиваться сообщением о преступлении.

В.Т. Томин к условиям эффективного действия принципа законности относит наличие оптимального количества норм в УПК РФ, их непротиворечивость и легитимность, системность и систематизированность, а также доступность участникам уголовного процесса. [2, С. 153]

В то же время, Безруков С.С. отмечает, что УПК РФ не отвечает данным условиям, приводя в обоснование ч. 1 ст. 144 УПК РФ, в которой после изменений внесенных в марте 2013 года законодатель вместо трех следственных действий (осмотр места происшествия, осмотр трупа и освидетельствование) на исследуемой стадии разрешил проводить ещё несколько следственных действий (осмотр документов, осмотр предметов, производство экспертизы, получение образцов для сравнительного исследования). Отметив, что также законодатель разрешил при проверке сообщения о преступлении истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК. Однако норм, регламентирующих порядок такого изъятия, в Кодексе не появилось. Соответственно, изъятие возможно лишь при производстве ряда следственных действий, процессуальный порядок производства которых остался неизменным. [1, С. 279]

Сказанное в практике правоприменения данной нормы ведет к неоднозначности, вплоть до нарушения закона, например, производство с целью изъятия предметов или документов до возбуждения уголовного дела выемки, то есть следственного действия, производство которого не разрешено законодателем на данной стадии уголовного судопроизводства.

Проведение полной, обоснованной и объективной проверки по поступившему сообщению – важное условие принятия законного итогового процессуального решения по сообщению о преступлении на данной стадии.

Обеспечение законности принятого итогового решения в стадии возбуждения уголовного дела возложено на руководителей соответствующих подразделений правоохранительных органов. Так, руководитель следственного органа установив, что постановление о возбуждении уголовного дела либо

постановление об отказе в возбуждении уголовного дела не мотивированное либо не обоснованное, вправе отменить его. Кроме того, согласно ведомственных приказов на руководителей соответствующих служб налагается обязанность по личному контролю деятельности подчиненных.

Кроме того, если прокурор сочтет постановление о возбуждении уголовного дела не соответствующим закону или необоснованным, то он отменяет его не позднее 24 часов со времени получения материалов, при этом выносит мотивированное постановление. Относительно постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, то тут прокурор, сочтя его незаконным или необоснованным, выносит постановление, которое его отменяет в течение 5 суток, с момента, когда прокурор получил эти материалы.

При этом, отказ в возбуждении уголовного дела может быть обжалован прокурору, руководителю вышестоящего следственного органа или в суд в порядке, установленном ст. ст. 124 и 125 УПК РФ.

Кроме того, прокурор проверяет, как исполняются нормы законодательства, которые регламентируют прием, регистрацию и разрешение заявлений и сообщений о преступлениях, он тщательно исследует такие обстоятельства, как: полнота, правильность учета и регистрации поступивших сообщений о преступлениях; соблюдение регламентированных законом сроков их проверки; законность и обоснованность принятого одного из предусмотренных в законе решения: о возбуждении дела, об отказе в возбуждении дела, о передаче сообщения по подследственности или в суд по делам частного обвинения. Если он выявляет случаи фальсификации материалов доследственных проверок, то в соответствии со своими полномочиями прокурор может вынести мотивированное постановление в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ о необходимости направить в органы предварительного следствия соответствующие материалы для решения вопроса об уголовном преследовании.

Кроме того, Е.В.Токарева, В.С. Хоршева, обращают внимание, что незаконный и необоснованный отказ в возбуждении уголовного дела – одна из распространенных форм укрытия преступлений от учета, а возбуждение уголовных дел после отмены многих из таких постановлений фактически означает признание факта попыток такого укрытия, порождающего непринятие мер к установлению виновных в них лиц, неоправданное освобождение их от ответственности, от обязанности возместить потерпевшим причиненный им вред. [3, С. 139]

Вместе с тем, стоит отметить, что прокурор наделён правом отмены постановления следователя об отказе в возбуждении уголовного дела, однако, согласно ч. 6 ст. 148 УПК РФ, этого не достаточно для начала дополнительной проверки, так как принятие соответствующего решения – прерогатива руководителя следственного органа. В этой связи, нужно согласиться с мнением авторов о том, что «прокурор должен обладать большими властными полномочиями по отношению к руководителю следственного органа», ведь решения, принимаемые следователем, принимаются фактически под контролем руководителя, то есть с учётом корпоративных интересов.

Как форма процессуального контроля за законностью досудебного производства в стадии возбуждения уголовного дела также выступает судебный контроль, который может осуществляться при рассмотрении жалоб на отказ в приеме сообщений о преступлении, в не проведении проверки, в не принятии решения, либо в отказе заявителю в ознакомлении с материалом проверки.

Таким образом, стадия возбуждения уголовного дела – это первоначальная и имеющая особое значение стадия уголовного судопроизводства. Если на этой стадии, при проверке сообщения о преступлении, будут соблюдаться нормы УПК РФ, то можно будет говорить о том, что решения о возбуждении уголовного дела являются законными и обоснованными. В противном случае, если постановление о возбуждении уголовного дела будет вынесено с нарушениями закона – все последующие действия утратят своё доказательственное значение. И можно говорить, что на данной стадии принцип законности не реализован.

Библиографический список:

1. Безруков, С. С. Принципы уголовного процесса: дис. ... доктора юрид. наук: 12.00.09/ Безруков Сергей Сергеевич. - Москва, 2016. - 513 с.
2. Томин, В.Т. Уголовный процесс: актуальные проблемы теории и практики. – М.: Издательство Юрайт, 2009. – 376 с.
3. Токарева, Е. В. Особенности деятельности прокурора в досудебных стадиях уголовного судопроизводства России / Е. В. Токарева, В. С. Хоршева // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2021. – № 1(56). – С. 140-145.

© О.С. Шамшина, 2021

Шамшина Ольга Сергеевна,
преподаватель кафедры предварительного расследования
Волгоградской академии МВД России

РОЛЬ РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАКОННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ОВД

Деятельность ОВД касается функционирования всех без исключения органов государственной власти, местного самоуправления, а также граждан. В наши дни органы внутренних дел являются своего рода индикатором уровня законности и правопорядка в государстве. В деятельности ОВД находят зеркальное отражение все имеющиеся проблемы, которые проявляются как в области публичного управления, так и в обществе. Поэтому, обеспечение законности в деятельности ОВД имеет очень большое значение.

В частности, следователь, как должностное лицо, наделен полномочиями применения мер процессуального принуждения и мер пресечения, а также производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан. Так, деятельность следователя непосредственно связана с ограничением прав и свобод личности, соблюдение и защита которых является неотъемлемой частью правового государства. Поэтому данная деятельность должна быть строго регламентирована законом и основана на принципе его неуклонного уважения и соблюдения, а также реализовываться во исполнение назначения уголовного судопроизводства, определенного ст. 6 УПК РФ.

В ходе организации работы следственного аппарата, оценке состояния законности и производства по уголовным делам, успех в большой степени зависит от деловых и личных качеств, знаний руководителя следственного органа. В пункте 38.1 ст. 5 УПК РФ руководитель следственного органа определен как должностное лицо, которое возглавляет соответствующее следственное подразделение, а также его заместитель. Процессуальные полномочия руководителя следственного органа установлены в ст. 39 УПК где определены основные направления ведомственного контроля, за законностью деятельности следователя определяются УПК РФ. Так, согласно данной нормы руководитель следственного органа наделен системой контрольных

полномочий в отношении подчиненных ему следователей: поручать производство предварительного следствия конкретному следователю или следственной группе; проверять материалы проверки сообщения о преступлении или материалы уголовного дела, отменять незаконные или необоснованные постановления следователя; отменять по находящимся в производстве подчиненного следственного органа уголовным делам незаконные или необоснованные постановления руководителя, следователя другого органа предварительного расследования; давать следователю указания о направлении расследования, производстве отдельных следственных действий, привлечении лица в качестве обвиняемого, об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения; давать согласие следователю на возбуждение перед судом ходатайства об избрании, о продлении, об отмене или изменении меры пресечения либо о производстве иного процессуального действия, которое допускается на основании судебного решения; разрешать отводы, заявленные следователю, а также его самоотводы; отстранять следователя от дальнейшего производства расследования, если им допущено нарушение требований УПК РФ; продлевать срок предварительного расследования; утверждать постановление следователя о прекращении производства по уголовному делу; давать следователю согласие на обжалование решений прокурора; возвращать уголовное дело следователю со своими указаниями о производстве дополнительного расследования; рассматривать требования прокурора, данные по результатам осуществления им надзора, и письменные возражения следователя на них.

Несмотря на то, что руководитель следственного органа обладает столь большим количеством полномочий, он не в полной мере ограничивает процессуальную самостоятельность следователя, а лишь контролирует уголовно-процессуальную деятельность следователя в целях недопущения нарушений законности и обоснованности его действий.

Так, в сферу деятельности руководителя следственного органа должны входить, прежде всего, вопросы организации предварительного следствия и процессуальное руководство расследованием, вопросы тактики и методики предварительного следствия по конкретным уголовным делам. Ведомственный контроль носит преимущественно предварительный характер, направлен на

пресечение нарушений закона, а также на повышение эффективности организации расследования.

Кроме того, руководитель следственного органа обязан осуществлять процессуальный контроль за соблюдением требований уголовно-процессуального закона при расследовании преступлений, прав и свобод участников уголовного судопроизводства как должностное лицо, несущее ответственность за результаты расследования по уголовным делам, находящимся в производстве подчиненных следователей.

Вместе с тем Валов С.В., предлагает систематизировать меры, реализуемые по обеспечению законности в деятельности следователей руководителями на районном и уровне на превентивные, меры реагирования и меры устранения последствий в зависимости от стадии нарушения законности. [1, с. 23].

Также, Валов С.В., предлагает рассматривать сущность и понимание законности, как принцип, средство, метод, режим и свойство.[1, С. 6]

При этом сущностью законности как принципа является совокупность требований точного, неуклонного, своевременного и единообразно исполнения закона всеми субъектами правоотношений в ходе правотворческой и правоприменительной деятельности.

Как средство, законность выступает по отношению к иным правовым явлениям инструментом их общеобязательности.

Законность как метод обуславливает использование при реализации представленных должностным лицам следственных органов полномочий, только установленных законами способов и приемов решения поставленных перед ними задач, выполнения возложенных на них функций или определяет границы их применения.

При рассмотрении законности в виде режима характеризует состояние правовой связности субъектов общественных отношений в соответствии с требованиями правомерного поведения. [2, С. 41]

Как отмечает Трифонова К.А., в системе предварительного следствия руководитель следственного органа занимает одно из ведущих мест, и обладает разнообразными полномочиями для осуществления качественного контроля за предварительным следствием. [3, с. 302].

Кроме того, следователь в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, наделяется процессуальной самостоятельностью, связанной с самостоятельным направлением хода расследования и принятием решений о производстве

следственных и иных процессуальных действий. Стольников П.М., считает основной формой реализации процессуальной самостоятельности следователя – усмотрение [4, с. 149]. Что связано с невозможностью предусмотреть специфику расследования большого многообразия складывающихся следственных ситуаций в процессе расследования уголовных дел и наличием в законе относительно определённых правовых предписаний. В результате чего следователь находится в ситуации выбора одного из нескольких вариантов правомерного поведения.

Несмотря на многократное внесение изменений на протяжении последних десятилетий в действующее уголовно-процессуальное законодательство направленных на возвращение следователю прежней самостоятельности, для предотвращения злоупотреблениями должностными полномочиями со стороны следователя при реализации процессуальной самостоятельности, уголовно-процессуальный закон предусматривает систему процессуального контроля и надзора за деятельностью следователя. Кроме того анализ уголовно-процессуального законодательства, также дает основания говорить, что произошло усиление роли руководителя следственного органа в уголовном процессе.

Думается, ведомственный контроль, как гарантия законности уголовно-процессуальной деятельности заключается в полномочиях руководителя следственного органа отменять незаконные и необоснованные процессуальные решения следователя.

Принимая во внимание вышеизложенное, прихожу к выводу, что руководитель следственного органа наделен широким кругом полномочий по контролю деятельности следователя начиная с поручения проверки сообщения о преступлении и заканчивая вопросами рассмотрения возражений на решения прокурора по уголовному делу. Кроме того, контроль осуществляется на всех этапах расследования, в различных формах: путем согласования ходатайств в суд, проверки выполнения плана расследования, утверждения решения следователя о прекращении уголовного дела и другие. Роль ведомственного контроля за уголовно-процессуальной деятельностью следователя велика, поскольку ведомственный контроль имеет преимущество перед другими формами контроля и надзора, так как руководитель следственного органа имеет возможность выявлять нарушения, допускаемые следователями, различные существенные ошибки, злоупотребления в ходе расследования, а затем в самые

кратчайшие сроки незамедлительно принимать меры к их устранению, что отвечает как интересам обеспечения уголовного преследования, так и защите прав и законных интересов участников уголовного процесса.

Таким образом, руководитель следственного органа, выполняя свои функциональные обязанности, должен строго соблюдать в своей деятельности принцип законности, применять для достижения поставленных целей и решения задач законные методы реализации предоставленных ему процессуальных и служебных полномочий формируя режим законности в деятельности возглавляемого им подразделения.

Библиографический список:

1. Валов, С.В. Обеспечение руководителями следственных органов Следственного комитета Российской Федерации законности в деятельности подчиненных подразделений и сотрудников/С.В. Валов: учебно-методическое пособие. – М.: Московская академия Следственного комитета, 2020. – 66 с.

2. Вопленко, Н.Н. Понятие и основные черты законности // Вестник Волгоградского государственного университета. 2006 Вып.8 С. 33-48.

3. Трифонова К.А. К вопросу о процессуальном положении руководителя следственного органа// В сборнике: Проблемные аспекты правоохранительной деятельности и пути их решения. сборник тезисов и статей. - 2018. – С. 301-305.

4. Стольников П.М. Проблемы обеспечения процессуальной самостоятельности следователя в российском уголовном процессе// Юридический вестник Самарского университета. - 2018. - № 2 (67). – С.148-152.

© О.С. Шамшина, 2021

Шкаплеров Юрий Павлович,
первый заместитель начальника
Могилевского института МВД Республики Беларусь
кандидат юридических наук, доцент

УЧАСТИЕ ЗАЩИТНИКА НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РОССИИ И БЕЛАРУСИ В XX СТОЛЕТИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Сегодня участие защитника на досудебных стадиях уголовного процесса является одной из важнейших гарантий обеспечения прав и законных интересов обвиняемого и не в доктрине, не в правоприменительной деятельности не вызывает вопроса о его целесообразности. Вместе с тем, деятельность защитника на данных стадиях совсем недавно еще в XX веке и в Беларуси, и в России либо не предусматривалась законом, либо существенно ограничивалась. В этой связи, принимая во внимание то значение, которое имеет для современного уголовного процесса данный участник, представляется интересным рассмотреть вопрос об истории нормативного закрепления его статуса в досудебном производстве.

В начале XX века действовавший в то время Устав уголовного судопроизводства 1864 г. (далее – УУС) не допускал участия защитника в предварительном расследовании. При обсуждении проекта УУС предполагалось его введение в досудебное производство [2, с. 45], однако дискуссия по этому вопросу привела к преобладанию точки зрения о полном отрицании необходимости защиты на данном этапе уголовно-процессуальной деятельности [7, с. 394].

После Октябрьской революции 1917 г. до принятия УПК РСФСР в 1922 г. декреты советской власти допускали участие защитника как на предварительном следствии, так и в суде. Однако избрание или назначение защитника с момента введения в действие УПК РСФСР 1922 г. и 1923 г., стало возможным лишь со стадии предания суду. И только в суде при вручении копии обвинительного заключения обвиняемому разъяснялось его право иметь защитника (ст. 250 УПК РСФСР 1922 г.). Аналогично данные уголовно-процессуальные отношения регламентировались в УПК БССР 1927 г. То есть, как и во времена УУС, защитник в предварительном расследовании не

участвовал [5, с. 191-192]. Однако, в юридической литературе, особенно в 50-х годах XX ст., предлагалось пересмотреть указанный подход законодателя и допустить защитника к участию в досудебном производстве либо с момента окончания производства по нему, либо с момента ознакомления обвиняемого с материалами уголовного дела [4, с. 132-134].

50-е годы XX ст. охарактеризовались проведением в СССР ряда серьезных реформ, в т.ч. – в уголовно-процессуальной сфере. Одним из немаловажных результатов данной реформы явилось принятие всеми союзными республиками новых уголовно-процессуальных законов. В процессе составления новых УПК РСФСР и БССР законодатель воспринял точку зрения указанных выше авторов и, в отличие от УПК 1923 г., допустил к участию в досудебном производстве защитника, в качестве которого могли выступать адвокаты, представители профессиональных союзов и других общественных организаций (ч. 4 ст. 49 УПК БССР 1960 г., ч. 4 ст. 47 УПК РСФСР 1960 г.). Правда, участвовать в деле защитник мог исключительно на предварительном следствии с момента объявления обвиняемому об окончании расследования и предъявления ему «всего производства по делу» для ознакомления, либо с момента предъявления обвинения – по делам о преступлениях несовершеннолетних, а также лиц, которые в силу своих физических или психических недостатков не могли сами осуществлять свое право на защиту (ч. 1, 2, 3 ст. 49 УПК БССР 1960 г., ч. 1, 2 ст. 47 УПК РСФСР 1960 г.). Несомненно, обозначенный подход законодателя к определению момента допуска защитника к участию в уголовном деле, а также невозможность такого участия в дознании сегодня вызывает, как минимум, непонимание. Однако и это половинчатое решение в рассматриваемом историческом периоде необходимо расценивать как уверенный шаг вперед в вопросе защиты законных интересов обвиняемого, т.к., что отмечалось ранее, в советском уголовном процессе защитник появлялся лишь на этапе судебного разбирательства.

В соответствии со ст. 50 УПК БССР 1960 г. защитник либо приглашался самим обвиняемым, его законным представителем и другими лицами по поручению и согласию обвиняемого, либо назначался следователем, как это имеет место сегодня. Часть 1 ст. 51 УПК БССР 1960 г. содержала шесть оснований для обязательного участия защитника в судебном разбирательстве, но изначально только два из них (несовершеннолетний возраст обвиняемого и неспособность им осуществлять свое право на защиту в силу имеющихся

физических или психических недостатков) распространялись на предварительное следствие (ч. 2 ст. 51 УПК БССР 1960 г.). Аналогично процессуальный статус защитника регулировался и в УПК РСФСР 1960 г. Логика законодателя, не считавшего необходимым в обязательном порядке допускать защитника к участию в предварительном следствии при наличии хотя бы одного из оставшихся четырех оснований, еще в советский период породила сложности в ее понимании. Поэтому в последующем на рубеже 1980-1990-х годов незнание обвиняемым языка, на котором велось производство по делу также было отнесено к числу случаев, когда участие защитника по делу являлось обязательным [6, с. 46-47].

Понимая несовершенство организации защиты на предварительном следствии Президиум Верховного Совета СССР указом от 31 августа 1970 г. «О внесении изменений и дополнений в ст.ст. 22 и 36 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик» предоставил прокурору право своим постановлением допускать защитника к участию по любому делу с момента предъявления обвинения. Однако, это положение не получило широкого распространения, что объясняется не заинтересованностью прокурора в деятельности защитника, могущего оспорить обоснованность обвинения и законность дальнейшего расследования [3, с. 118].

На предварительном следствии с момента допуска к участию в деле защитник имел право: на свидания с обвиняемым; знакомиться с материалами дела и выписывать из него необходимые сведения; представлять доказательства; заявлять ходатайства и отводы; обжаловать действия следователя и прокурора; присутствовать с разрешения следователя на допросе обвиняемого, производстве иных следственных действий, выполняемых по ходатайствам обвиняемого или самого защитника (ст. 53 УПК БССР 1960 г., ст. 51 УПК РСФСР 1960 г.).

Все указанные новшества УПК БССР и РСФСР 1960 г., по сравнению с предшествующими уголовно-процессуальными законами, безусловно, были направлены на расширение процессуальных гарантий личности и выражали усиление и развитие начал законности в уголовном процессе [1, с. 202]. А в результате развития общественных отношений в 1990 г. после внесения соответствующих изменений в УПК БССР, защитник все-таки был допущен к участию в предварительном следствии и дознании в полном объеме [6, с. 88-89]. Примерно в это же время аналогичным образом проблема обеспечения

участия защитника в уголовном процессе была решена и в Российской Федерации.

Таким образом, в завершение рассмотрения обозначенной темы необходимо констатировать, что известное сегодня нормативное регулирование участия защитника на досудебных стадиях уголовного процесса сформировалось исключительно в XX веке и, в немалой степени, во время действия УПК союзных республик 1960 г.

Библиографический список:

1. Галкин Б.А. Советский уголовно-процессуальный закон. – М.: Госюриздат, 1962. – 255 с.
2. Даневский В.П. Наше предварительное следствие, его недостатки и реформа. – М. : Высочайше утв. Т-во Скоропечатни А.А. Левенсон, 1895. – 89 с.
3. Очерки развития российского уголовно-процессуального законодательства / под науч. ред. И.В. Смольниковой. – М.: Юрлитинформ, 2011. 392 с.
4. Стремовский В.А. Предварительное расследование в советском уголовном процессе / Под ред. М.М. Гродзинского. – М. : Госюриздат, 1958. – 136 с.
5. Токунов А.В. Право подозреваемого, обвиняемого и подсудимого на защиту в советском уголовном процессе по УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. // Балтийский гуманитарный журнал. – 2017. – Т. 6. – № 1 (18). – С. 190-193.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : принят ВС БССР 29 дек. 1960 г.; введен в действие с 1 апр. 1961 г. (с изм. и доп. по состоянию на 1 дек. 1994 г.). – Минск : Репринт, 1994. – 304 с.
7. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства : в 2 т. ; общ. ред., послесл. А.В. Смирнова. – СПб. : Альфа, 1996. – Т. 2. – 606 с.

© Ю.П. Шкаплеров, 2021

Шувалов Николай Васильевич,
профессор кафедры предварительного расследования
УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СЛЕДСТВЕННЫХ И ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОВД ПО ВЫЯВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Анализ документов, изучение уголовных дел, а также мнение сотрудников, говорит о том, что состояние взаимодействия следственных и оперативных подразделений органов внутренних дел (Далее ОВД) по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений в названной сфере еще не отвечает всем предъявляемым требованиям и нуждается в совершенствовании. К сожалению в данном направлении деятельности остается много нерешенных вопросов и проблем, что существенно снижает эффективность указанного направления работы.

Вместе с тем, результаты совместной деятельности оперативных подразделений и органов предварительного следствия по уголовным делам о преступлениях в сфере экономической деятельности свидетельствуют о том, что четкие, скоординированные совместные действия оперуполномоченных сотрудников подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции (Далее ЭБ и ПК) ОВД, специалистов-ревизоров, аудиторов и следователей на стадиях, предшествующих возбуждению уголовного дела, при грамотном документировании преступной деятельности участников организованных преступных групп, в том числе на стадиях планирования, подготовки оперативных материалов и непосредственно самой реализации приводят к положительным результатам.

Наряду с вышеуказанным, имеющиеся в практической деятельности проблемы и недостатки во взаимодействии, негативно влияют на результаты выявления и качество расследования уголовных дел. Так, материалы доследственной проверки, во многих случаях, поступают в следственные подразделения, по окончании срока их рассмотрения, что не позволяет восполнить имеющиеся пробелы. В большинстве из представленных материалов субъективная сторона не подтверждается показаниями лиц и изъятыми документами. Зачастую сотрудники оперативных служб ограничиваются констатацией факта наруше-

ния норм уголовного законодательства. Изъятие документов о финансово-хозяйственной деятельности производится не в полном объеме, что приводит к установлению в ходе расследования новых фактов, а доследственная проверка проводится с нарушением ведомственных актов.

Кроме того, анализ представленных документов показывает, что зачастую они составлены необъективно, не содержат достоверных сведений, не основаны на документах, свидетельствующих о финансово-хозяйственной деятельности субъекта. Выводы специалистов-ревизоров, сделанные ими на стадии доследственной проверки, при производстве судебных экономических экспертиз в ходе следствия полностью или частично не всегда подтверждаются. К примеру, наиболее характерными недостатками по материалам о налоговых нарушениях являются: выводы о суммах подлежащих уплате налогов сделаны лишь на основании банковских проводок, движения денежных средств по счетам без учета затратной части; отсутствие необходимых объяснений руководителей и учредителей организаций, не уплативших налоги, финансово-хозяйственной документации; нарушение при проведении проверки существующих требований, а также нарушения уголовно-процессуального законодательства допущенные сотрудниками дознания в ходе проверки и другие.

Нередко взаимодействие следователей и оперативных сотрудников до возбуждения уголовного дела сводится к направлению материалов доследственной проверки в следственный отдел для дачи указаний, которые впоследствии, при несогласии с ними, оперативными сотрудниками изымаются, а материал вновь без устранения недостатков направляется в следственные подразделения для оценки и принятия решения.

На стадиях оперативных разработок отсутствует совместное информирование и выработка рекомендаций, направленных на получение доказательственной базы, ее закрепление и легализацию, на всестороннее изучение личности фигурантов, определение тактики и методики проведения проверки, правовая оценка имеющейся информации о совершенном преступлении, обсуждение перспективы реализации материалов о преступлениях и др. [1]

Зачастую по данному вопросу принципиальной позиции не занимает и руководство следственных подразделений: по фактам необоснованного возбуждения уголовных дел, возвращения на дополнительное расследование, служебные проверки не проводятся; по делам имеют место факты волокиты; выполнение указаний, данных в порядке ст. 39 УПК, не контролируется; планы

расследования и проведения оперативно-розыскных мероприятий не составляются, либо планирование происходит без участия оперативных сотрудников.

Отсутствие должного взаимодействия при проведении доследственной проверки, а также на стадии возбуждения уголовного дела приводит к преждевременному возбуждению большинства уголовных дел о преступлениях в названной сфере по недостаточно собранным материалам, в результате чего значительное их количество, оконченных производством, прекращается по реабилитирующим основаниям.

Кроме того, вызывает озабоченность складывающаяся негативная практика, при которой при вынесении следователем постановления об отказе в возбуждении уголовного дела, оперативные сотрудники искусственно увеличивают количественный показатель возбужденных уголовных дел, используя полномочия прокуроров.

По возбужденным уголовным делам нередко исполнение направленных следователем отдельных поручений значительно превышает установленные сроки, выполнение необходимых мероприятий проводится не в полном объеме и без надлежащего оформления процессуальных документов.

Как правило, работа следственно-оперативных групп проводится не наступательно, без включения в состав необходимого количества сотрудников соответствующих оперативных подразделений.

Недостатки взаимодействия отражаются особенно наглядно на результатах работы органов предварительного следствия.

Основными причинами недостаточного уровня взаимодействия можно назвать слабую профессиональную подготовку следователей и оперативных сотрудников ЭБ и ПК, отсутствие принципиальной позиции руководителей указанных подразделений, низкий уровень ведомственного и процессуального контроля за выявлением, раскрытием и расследованием уголовных дел о преступлениях в сфере экономической деятельности.

Очевидно, что указанные недостатки требуют принятия дополнительных мер, направленных на повышение эффективности взаимодействия органов предварительного следствия и оперативных подразделений при выявлении, раскрытии и расследовании названных преступлений. В этой связи в рамках служебной подготовки следует организовать систематически, на плановой основе проведение совместных занятий с сотрудниками оперативных и следственных подразделений по совершенствованию их профессиональных

навыков в выявлении, раскрытии и расследовании уголовных дел о преступлениях в сфере экономической деятельности.

В заключении отметим, что для устранения указанных недостатков и эффективности совместной деятельности в борьбе с указанными преступлениями, руководителям следственных и оперативных подразделений необходимо повысить ответственность за полноту и качество доследственных проверок, необоснованное возбуждение уголовных дел в названной сфере, а также поспешное и надуманное решение об отказе в возбуждении уголовного дела, оперативное сопровождение расследования не только до его завершения, но и в последующем, до рассмотрения материалов дела в суде, факты возвращения уголовных дел на доследование, необоснованное приостановление расследования, а также иные нарушения действующего уголовно-процессуального законодательства, которые мешают взаимодействию по выявлению и расследованию преступлений в данной сфере.

Библиографический список:

1. Шувалов Н.В. О проблемах взаимодействия следственных и оперативных подразделений при раскрытии и расследовании преступлений. Современные проблемы предварительного следствия в ОВД : сб. статей Международной научно-практической конференции – 04 декабря 2015 г, Краснослободск, 2015.

© Н.В. Шувалов, 2021

Янин Сергей Александрович,
профессор кафедры организации следственной работы
УНК по ПС в ОВД Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук, доцент

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕВОЗВРАЩЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Эффективность расследования преступлений зачастую определяется качеством проведенной процессуальной проверки. Изложенное особенно актуально для преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия,

наркотиков, иных составов, в том числе, и для невозвращения на территорию Российской Федерации культурных ценностей.

С учетом специфики посягательств данного вида, для установления наличия признаков преступления необходимо проведение процессуальной проверки источника информации, из которого получены сведения о возможном совершении названного преступления. По результатам проверки следователем принимается одно из решений, предусмотренных ст. 145 УПК РФ.

Полученная правоохранительными органами информация, касающаяся возможности совершения данного преступления, может быть условно разделена на три группы:

1. Свидетельствующая об отсутствии культурных ценностей, срок нахождения которых за рубежом истек, на территории России, и не содержащая информации об объективных причинах, в силу которых отсутствовала реальная возможность возвращения культурных ценностей в Российскую Федерацию.

2. Свидетельствующая о совершении действий, которые не могут быть истолкованы иначе, как сокрытие преступного невозвращения культурных ценностей в Россию.

3. Свидетельствующая о нахождении временно вывезенных культурных ценностей во владении каких-либо третьих лиц, к которым они могли попасть не иначе, чем после их присвоения за границей, в стране временного вывоза.

Соответственно, в первом случае материал проверки должны составлять:

1. акты ревизии, инвентаризационные описи, составленные должностными лицами органов, уполномоченных на проверку фактического наличия культурных ценностей;

2. материалы служебной и иной переписки собственников либо распорядителей временно вывезенных культурных ценностей с представителями иностранных государств, в которые был осуществлен временный вывоз ценностей;

3. объяснения должностных лиц подразделений Министерства культуры, осуществляющих контроль за возвращением временно вывезенных ценностей в установленный срок, собственников ценностей, должностных лиц – представителей государственных и негосударственных учреждений культуры (музеев, библиотек, архивов), в которых хранятся вывезенные ценности;

4. объяснения иных лиц, которые владеют информацией о причинах невозвращения ценностей, в том числе, объективных, подтверждающие

материалы;

5. пакет разрешительной документации на временный вывоз ценностей.

Во второй ситуации в состав материалов проверки включаются:

1. результаты проведения таможенного контроля, свидетельствующие о том, что вместо подлинников возвращены копии культурных ценностей;

2. объяснения собственников культурных ценностей, их распорядителей об обстоятельствах вывоза ценностей, объяснения экспертов-искусствоведов, обнаруживших подделку;

3. служебная переписка между таможенными и иными компетентными органами Российской Федерации с аналогичными органами иностранного государства, ответы последних, содержащие недостоверную информацию о наличии объективных причин, препятствующих возвращению ценностей.

В третьей ситуации, кроме объяснений задействованных в организации временного вывоза лиц, необходимо приобщить:

1. информацию аукционных домов, которым были предложены для реализации культурные ценности, и которые направили соответствующую информацию российским компетентным органам;

2. публикации соответствующей информации в зарубежных средствах массовой информации;

3. иные материалы.

Только после всестороннего и тщательного анализа представленных материалов следователем может быть принято решение в порядке ст. 145 УПК РФ.

При этом содержащаяся в собранных материалах информация во многом определит направление действий следователя, первоочередные следственные действия и оперативно-разыскные мероприятия, характерные для расследования на первоначальном этапе. Так, для последнего характерны:

допрос лиц, которыми был выявлен факт невозвращения в установленный срок культурных ценностей в Российскую Федерацию;

допрос свидетелей – отдельных сотрудников учреждения, организации – места работы подозреваемого, с целью установления структуры данной организации, механизма временного вывоза и принимаемыми мерами контроля и исполнении сотрудниками и контрагентами обязанностей по своевременному возвращению ценностей в Россию;

выемка оригиналов документов, относящихся к перемещению культурных ценностей, а также устанавливающих конкретным лицам обязанности

принятия мер по своевременному возвращению ценностей в Россию, осмотр изъятых документов;

выемка и осмотр приказов о назначении на должность фигурантов, их должностных инструкций, нормативных актов, регламентирующих последовательность действий данных лиц, заключенных договоров и обязательств;

выемка и осмотр документов, отражающих реальную последовательность событий и характеризующих выполненные действия таких лиц по временному вывозу культурных ценностей за границу, мерах контроля за сроками возврата, мерах по обеспечению возврата.

В случае установления подозреваемого необходимо провести:

его допрос (используя при этом массив ранее полученной доказательственной информации);

обыски по месту жительства, службы подозреваемого, в иных местах с целью установления наличия имущества, денежных средств, добытых преступным путем; изъятие и анализ информации, содержащейся на цифровых носителях (смартфон, ноутбук, персональный компьютер) с целью установления сведений, характеризующих намерения фигуранта перед совершением им неправомерных действий (например, переписку с использованием электронной почты с иностранными гражданами, организациями, свидетельствующую о планах по невозвращению и завладению культурными ценностями, распоряжению ими);

запросить характеризующие подозреваемого материалы.

Представляется, что своевременное и тактически грамотное производство перечисленных выше следственных и иных действий позволит сократить сроки расследования, повысить его эффективность и будет способствовать возвращению на территорию Российской Федерации незаконно удерживаемых за границей культурных ценностей, что, в свою очередь, не может не сказаться на сохранении отечественной культуры.

Библиографический список:

1. Грозин В.Ю. Актуальные вопросы предварительного расследования по делам о невозвращении на территорию Российской Федерации предметов художественного, исторического и археологического достояния народов Российской Федерации и зарубежных стран: дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 25 с.

2. Янин С.А., Горелов М.Г. Деятельность следователя по возвращению из-за пределов Российской Федерации культурных ценностей, незаконно вывезенных с ее территории. – Волгоград: ВА МВД России, 2021. – 80 с.

© С.А. Янин, 2021

Яшков Сергей Александрович,
доцент кафедры уголовного права, криминологии
и уголовного процесса Екатеринбургского филиала
Московской академии Следственного комитета Российской Федерации,
кандидат юридических наук, доцент

К ВОПРОСУ О ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ПРИМЕРАХ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 238 УК РФ

Согласно ст. 151 УПК РФ расследование преступлений, предусмотренных ст. 238 УК РФ, отнесено к подследственности следователей Следственного комитета Российской Федерации.

В большинстве случаев данный состав преступления воспринимается правоприменителем данного государственного органа как «водочная» или «карусельная» статья.

В первом случае речь идет о хранении с целью сбыта, в том числе сбыте спиртосодержащей продукции, не соответствующей требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей.

Например, в первом случае А. сначала приобрел у неустановленного лица спиртосодержащую жидкость в стеклянных емкостях, не содержащую акцизных и иных специальных марок, свидетельствующих о сертификации данной спиртосодержащей жидкости и ее соответствии требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей, а потом перелил ее в пластиковые и стеклянные бутылки различной емкости и хранил с целью последующего сбыта в своем доме до момента ее изъятия сотрудниками полиции.

Во втором Р. не только приобрел у неустановленного следствием лица 3 пластиковые канистры емкостью по 5 литров каждая со спиртосодержащей

жидкостью, содержащей в своем составе ацетон, но и сбывал данную жидкость, разлив ее в бутылки по 0,5 л.

Проблем с расследованием данной категории дел не существует никаких. Так, следователями, помимо всего прочего, назначаются экспертизы, в результате проведения которых получаются результаты, согласно которым изъятая у фигурантов уголовного дела спиртосодержащая жидкость является некачественной, не отвечающей требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей, и, как следствие, опасной для жизни.

В большинстве случаев такая категория уголовных дел рассматривается судами в особом порядке, поскольку подсудимые полностью признают себя виновными и подтверждают свои ходатайства о рассмотрении дела в особом порядке судебного разбирательства. Именно в таком порядке по ст. 238 УК РФ были осуждены вышеуказанные А.¹, а также Р.².

И таких дел достаточное количество. Другое дело, когда речь идет о, так называемых, «карусельных» делах. Здесь в большинстве случаев следует говорить об оказании различных развлекательных услуг, например, в парках отдыха, других местах.

Часто они у нас на слуху, поскольку широко освещаются средствами массовой информации, особенно когда речь идет о сломавшихся каруселях, иных механизмах, тем более, когда в результате поломок вред здоровью или жизни причиняется несовершеннолетним, в том числе малолетним.

Так, например, П. и его 5-летний сын в Автозаводском парке взял напрокат картинг «Спринт-двухместный» для совместного заезда по треку в границах организованного аттракциона.

Когда они начали движение по треку, нога сына, обутая с сандалии, попала в отверстие рамы и оказалась между днищем карта и покрытием трека. Как только сын закричал, П. сразу же остановил карт и увидел, что сын получил сложную травму ноги. На «скорой» он был доставлен в больницу. Там он находился в течение 3-х месяцев.

¹ Приговор Губкинского районного суда Белгородской области от 24.08.2021г. (по делу № 1-39/2021) // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 26.10.2021).

² Приговор Чернянского районного суда Белгородской области от 26.10.2020г. (по делу № 1-67/2020) // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 26.10.2021).

Приговором районного суда г. Нижний Новгород, оставленным в силе вышестоящей инстанцией, С. был осужден по ч. 1 ст. 238 УК РФ¹.

Органам предварительного следствия убедительно удалось доказать, что «владелец аттракциона», оказывая П. и его малолетнему сыну услугу по прокату карта, не провел инструктаж по технике безопасности при эксплуатации карта, не предупредил их, что использование карта детьми в возрасте до 12 лет запрещено и что при катании на карте необходимо иметь специальную закрытую обувь.

Более того, в ходе следствия один из свидетелей подтвердил, что установленный инструкцией по эксплуатации карта запрет на эксплуатацию карта лицами, не достигшими возраста 12 лет, является оправданным и подлежащим исполнению, поскольку данная мера безопасности продиктована тем, что длина ноги взрослого человека такова, что она не может попасть в отверстие в днище карта, расположенное в днище в непосредственной близости от сидения.

И очень хорошо, что в этом случае следствию удалось доказать, что развлекательные услуги потребителям были оказаны ненадлежащего качества, что влечет уголовную ответственность по ст. 238 УК РФ.

Скорее всего, свою роль здесь сыграли наступившие последствия, ведь мальчику был причинен средней тяжести вред здоровью. А если бы они не наступили? Окончилось бы дело обвинительным приговором?

На этот счет есть положительная практика. Например, Д., ранее не оказывавший прогулочных услуг по перевозке пассажиров на маломерном судне, принял на борт такого судна «YAMANA SRV», не учитывая его самого, шестерых пассажиров, при учете того, что нормативно для данного маломерного судна предусмотрена пассажировместимость в количестве всего шести человек, включая судоводителя, и вышел на нем в залив Находка Японского моря, а потом вернулся обратно к причалу.

Приговором Находкинского городского суда Приморского края от 04.08.2016г. он был осужден по ч. 1 ст. 238 УК РФ², поскольку следствию удалось доказать, что оказанная им услуга не соответствовала требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей. В частности, в обвинительном заключении было указано, что Б. не имел навыков управления маломерным

¹ Определение Нижегородского областного суда от 08.02.2016г. (по делу № 22-496/2016) // ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 26.10.2021).

² ГАС РФ «Правосудие». URL: <https://bsr.sudrf.ru> (дата обращения: 26.10.2021).

судном, также как и соответствующего удостоверения на право управления, инструктаж пассажиров не провел, не убедился в размещении на борту судна спасательных жилетов и другого спасательного оборудования по числу людей на борту (жилет был всего один, ракеты бедствия красного огня, якорь с якорным тросом, звукосигнальное устройство отсутствовали).

В приведенном примере при расследовании преступления удалось доказать наличие всех признаков состава преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, даже без наступивших последствий. Однако так бывает не всегда. В определенных случаях следствию этого не удастся.

Например, в Курганской области С. много лет оказывал населению развлекательные услуги – ознакомительные полеты на парашуте (парашюте). И пока ничего не случалось, он был неинтересен ни органам надзора, ни тем более органам следствия.

Однако однажды во время одного из полетов в связи с внезапно подувшим сильным ветром С. не справился с управлением, в результате чего парашют (парашюта) упал на землю с большой высоты. Все обошлось и вреда здоровью ни С., ни его пассажиру не было причинено, однако органы следствия возбудили уголовное дело по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ.

Дело было окончено производством, прокуратурой утверждено обвинительное заключение и Курганским городским судом С. был осужден за оказание услуг, не соответствующих требованиям безопасности.

Вместе с тем, областным судом¹ данный приговор был отменен. В решении суд указал, что подсудимый осуществлял коммерческую деятельность по оказанию досугово-развлекательных услуг в виде ознакомительных полетов на парашюте. Вместе с тем, какие положения и какого закона и (или) изданного в соответствии с ним нормативного акта, устанавливающие требования к безопасности досугово-развлекательных услуг и услуг по перевозке пассажиров были нарушены С., в приговоре не указано.

Более того, Курганским областным судом указывается, что все нарушения, которые вменяются С. при осуществлении им своей деятельности, касаются не оказания услуг, а неисполнения им норм воздушного законодательства и федеральных авиационных правил, ответственность за нарушение которых

¹ Апелляционное постановление Курганского областного суда от 23.08.2018г. (по делу № 22-1037/2018) // URL: <http://oblsud.krg.sudrf.ru/> (дата обращения: 26.10.2021).

предусмотрена нормами двух отраслей права: административного и лишь случае наступления тяжкого вреда здоровью или смерти потерпевшего – уголовного. В данном же случае нарушены нормы КоАП РФ.

Есть еще пример. Он, правда, не касается «карусельных» услуг, но касается услуг как таковых.

Так, приговором Октябрьского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа-Югры, оставленным без изменения вышестоящей инстанцией¹, К. был оправдан по предъявленному обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 238 УК РФ.

Согласно данному судебному акту К. осуществил перевозку 7 пассажиров до правого берега реки Обь на аэросанях на воздушной подушке «Патруль», двигатель которых в пути заглох, в результате чего до берега пассажирам пришлось грести, используя подручные средства.

В рамках возбужденного уголовного дела следствием в качестве услуг, не отвечающих требованиям безопасности, доказывалась перевозка К. пассажиров по реке на судне без удостоверения на право управления маломерным судном, без его государственной регистрации и технического освидетельствования (осмотра), с нарушением норм пассажировместимости, без оснащения необходимым оборудованием, спасательными средствами и другими предметами снабжения в соответствии с установленными нормами, без производства инструктажа пассажиров по правилам поведения на судне.

Однако районный суд указал, все вышеуказанные нарушения не свидетельствуют о совершении подсудимым преступления. В данном случае можно говорить лишь о совершении правонарушения, связанного с нарушением правил перевозки пассажиров.

Кроме того, в судебном решении был сделан вывод, что с учетом технических характеристик аэросаней «Патруль» и погодных условий на 03.11.2016г. (температура – 8,6 градусов Цельсия, ветер западного, северо-западного направления, 1 м/с, без осадков, видимость 20 км.) следует, что К. при перевозке пассажиров не поставил в опасность их жизнь и здоровье.

¹ Приговор Октябрьского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа-Югры от 25.06.2018г. (по делу № 1-36/2018) // URL: <http://oktb.hmao.sudrf.ru/> (дата обращения: 26.10.2021).

Какой видится проблема в данном и иных приведенных случаях, касающаяся доказывания наличия / отсутствия состава преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ?

Здесь, прежде всего, как и по «водочным» примерам, следует говорить об экспертизах. И если в последнем случае проблем не наблюдается, поскольку результаты дают однозначный ответ на вопрос – опасна или не опасна для жизни и здоровья человека изъятая у фигуранта уголовного дела спиртосодержащая жидкость, то в рассматриваемых «карусельных» и иных случаях, касающихся оказания различных услуг, есть вопросы. И касаются они, прежде всего, того, что при проведении исследований эксперты указывают на требования, предъявляемые нормативными актами к конкретному виду оказываемых услуг, а также нарушения, допущенные в каком-то конкретном случае. Таким образом, специалисты указывают о возможной опасности данных услуг, в то время как по ст. 238 УК РФ требуется доказывание реальной опасности.

Кроме того, указание на нормативные акты, касающиеся оказания услуг, так или иначе приводит к тому, что их нарушение, не повлекшее последствий, указанных в ч. 2 и 3 ст. 238 УК РФ, образует состав правонарушения, ответственность за которое установлена КоАП РФ, а не УК РФ.

Таким образом, следует обратить внимание, что при расследовании преступлений, предусмотренных ст. 238 УК РФ, предметом которых являются «карусельные» или иные услуги, правоприменителю следует доказывать, что данные услуги не отвечали требованиям безопасности жизни и здоровья потребителей [1, с. 63].

Вместе с тем в настоящее время основной проблемой расследования анализируемых преступлений является фактически отсутствие возможности доказать опасность оказываемых услуг, которая должна быть реальной, а не возможной [2, с. 181], в особенности, когда не наступили последствия в виде причинения вреда здоровью, смерти граждан или материального ущерба (хотя ч. 1 ст. 238 УК РФ не предусмотрено наступление данных последствий) и конкуренция административного и уголовного законодательства при выявлении нарушений в сфере оказания услуг, что нарушает принцип справедливости [3, с. 99].

Библиографический список:

1. Быкова Е.Г., Яшков С.А. Медицинская услуга как предмет преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ // Вестник Московской академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 1 (19). С. 63.

2. Шеина И.А. Непосредственный объект преступления, предусмотренного ст. 238 УК РФ, как критерий его отграничения от смежных преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 9. С. 181.

3. Белецкий И.А. Пределы уголовно-правового воздействия в сфере обеспечения безопасности производства работ и оказания услуг // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2016. № 3 (20). С. 99.

© Яшков С.А., 2021

Басханов Ахмед Магомедович,

адъюнкт адъюнктуры

Волгоградской академии МВД России

РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИКОСНОВЕННОСТЬ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Прикосновенность к преступлению является сложным и в то же время малоизученным правовым институтом. Для всестороннего анализа института прикосновенности к преступлению необходимо проанализировать уголовное законодательство зарубежных стран в части регламентации ответственности за прикосновенные деяния.

Так, в Уголовном кодексе Албании (далее по тексту – УК Албании) нормы, предусматривающие ответственность за прикосновенность к преступлению, закреплены в Главе IX «Преступления против правосудия». В УК Албании находит отражение только одна форма прикосновенности – укрывательство. Примечательно, что само понятие «укрывательство» не используется. Ответственность за укрывательство установлена в трех нормах. Согласно статье 301 ответственность наступает в случае «совершения действий по изменению места преступления путем порчи, изменения или удаления следов или путем перемещения, сокрытия, уничтожения, кражи, фальсификации предмета или документа с намерением повысить сложность раскрытия преступного деяния». Виновный наказывается штрафом или лишением свободы на срок до трех лет. Статья 302 предусматривает ответственность за «обеспечение лица, совершившего преступление, продовольствием, другими средствами к существованию или предоставление ему жилья, или за оказание любой другой помощи с целью предотвращения его обнаружения». Деяние влечет штраф или лишение свободы на срок до пяти лет. Статья 303 регламентирует ответственность за «сокрытие или утилизацию трупа», наказываемое штрафом

либо лишением свободы до пяти лет. Помимо этого, согласно примечанию к статье 302 УК Албании от ответственности освобождаются не только близкие родственники (братья, сестры, родители и супруги), но и приемные родители [1].

В Уголовном кодексе Венгрии (далее по тексту – УК Венгрии) также находит свое отражение только одна форма прикосновенности к преступлению – укрывательство. При этом в УК Венгрии используется такое понятие, как «заранее не обещанное укрывательство». Согласно статье 281 ответственность наступает за сокрытие оправдательных доказательств, которые могут привести к прекращению уголовного преследования или оправданию лица. Кроме того, согласно части 1 статьи 282 ответственность наступает и за сокрытие преступника. Так, если лицо, не договорившееся заранее с исполнителем преступления до его совершения, оказывает помощь виновному в побеге, воспрепятствует уголовному разбирательству или участвует в реализации ценностей, добытых преступным путем, то оно наказывается лишением свободы до двух лет. Законодатель при конструировании данной нормы дифференцировал ответственность за укрывательство тяжкого преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы до трех лет (ч. 2) и особо тяжкого преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы до пяти лет (ч. 3). Примечание к статье также предусматривает освобождение от ответственности за укрывательство близкими родственниками [2].

Вместе с тем несколько иначе регламентирована ответственность за укрывательство в Уголовном кодексе Турции (далее по тексту – УК Турции). Статья 281 предусматривает ответственность за сокрытие, уничтожение, изменение доказательств: часть 1 предусматривает ответственность любых лиц за сокрытие, уничтожение, изменение доказательств, а часть 2 – в отношении должностных лиц. Согласно примечанию к данной статье наказание смягчается, если до раскрытия данного преступления лицо представляет сокрытые доказательства в правоохранительные органы.

Кроме того, в УК Турции находит свое отражение еще одна форма института прикосновенности к преступлению – несообщение. Так, часть 1 статьи 278 УК Турции устанавливает ответственность любому лицу, которое не сообщило о совершенном преступлении. Это деяние влечет наказание в виде лишения свободы на срок до одного года. В части 2 установлено, что лицо, которое не уведомляет соответствующий орган о совершенном

правонарушении, имея при этом возможность ограничить последствия, наказываемся согласно части 1. Наибольший интерес представляет часть 3 данной статьи. В ней устанавливается ответственность за квалифицированный состав несообщения. Согласно этой норме, если лицо не сообщает о готовящемся или совершенном преступлении в отношении несовершеннолетнего ребенка, не достигшего 15-летнего возраста, либо лица, имеющего физические и умственные отклонения, беременной женщины, то в отношении такого лица наказание, предусмотренное частью 1, удваивается.

Статья 279 устанавливает ответственность за несообщение о готовящемся или совершенном преступлении специальным субъектом. Государственный служащий, который не сообщает о правонарушении, ставшем известным в ходе исполнения им своих служебных обязанностей, наказываемся лишением свободы на срок от шести месяцев до трех лет. Кроме того, в части 2 данной статьи наказание увеличивается на половину, если деяние, предусмотренное частью 1, совершается сотрудником правоохранительных органов или судебных органов.

В соответствии со статьей 280 медицинский работник, который не сообщает о насильственном причинении вреда, ставшем ему известным в ходе исполнения своих служебных обязанностей, наказываемся лишением свободы на срок до одного года. Согласно примечанию к данной статье к лицам, подлежащим уголовной ответственности, относятся: врачи, дантисты, фармацевты, акушерки, медсестры и другие лица, оказывающие медицинские услуги [3].

Проведенный анализ уголовного законодательства зарубежных стран демонстрирует особенности конструирования норм, предусматривающих ответственность за прикосновенность к преступлению. Обусловлено это, на наш взгляд, национальными особенностями каждого государства. Компаративистский анализ необходим для всестороннего изучения любого правового института. В настоящее время институт прикосновенности к преступлению нуждается в совершенствовании. Для выдвижения новых идей совершенствования института прикосновенности к преступлению необходим тщательный анализ уголовного законодательства других стран.

Библиографический список:

1. Criminal Code of the Republic of Albania (1995, amended 2017) (English version). URL: <https://www.legislationline.org/documents/section/criminal-codes/country/47> (дата обращения: 15.11.2021).

2. Criminal Code of the Republic of Hungary (2012) (English version). URL: [https://www.legislationline.org/documents/section/criminal codes/country/25/Holy%20See/show](https://www.legislationline.org/documents/section/criminal%20codes/country/25/Holy%20See/show) (дата обращения: 15.11.2021).

3. Penal Code of Turkey (2004, amended 2016). URL: <https://www.legislationline.org> (дата обращения: 15.11.2021).

© А.М. Басхонов, 2021

Гусева Светлана Дмитриевна,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России

АСПЕКТЫ ПРИВОДЯЩИЕ К УСЛОЖНЕНИЮ РАСКРЫТИЯ ДОПИНГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Разгоревшиеся скандалы, ударившие по репутации отечественного спорта в апреле и августе 2019 г. с центральным нападающим России и НХЛ Евгением Кузнецовым [1], парасноубордистом Евгением Стафеевым [2] употребляющими допинговые препараты (наркосодержащую продукцию не по терапевтическому использованию) в очередной раз заставляют задуматься об усовершенствовании мер по противодействию борьбы с наркопреступностью и допингом в спорте.

Расследованием этой группы преступлений, указанных в гл. 25 УК РФ против здоровья населения и общественной нравственности занимается Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков. Опираясь на ст. 230.1. УК РФ указывающую на неотвратимость меры наказания за склонение к употреблению спортсменами субстанций и (или) методов запрещенных для использования в спорте не по медицинским назначениям, таких как: S7 – наркотики, S8 – каннабиноиды, S9 – глюкокортикоиды отраженных в запрещенном списке антидопингового кодекса [3].

Но отношение спортсменов и общественности при употреблении спортсменами допинговых препаратов весьма противоречивое, а порой указывает на положительные отзывы со стороны как обычных обывателей, так и со стороны спортсменов. Получение информации для возбуждения

уголовного дела очень не простое занятие, так как у следователя или (дознателя) по причине скрытности данной группы преступлений не имеется достаточных данных, указывающих на признаки объективной стороны состава преступления.

И так, информационным ресурсом для возбуждения уголовного дела, как правило служат: данные проведенной внезапной контрольной проверки спортивных организаций по факту выявления склонения к употреблению спортсменами допинга из «гласных или негласных источников» [4, с.46], либо материалы внутренних проверок спортивных организаций предоставляемых в правоохранительные органы для дальнейшего проведения расследования с выявлением способов совершения данного преступления, круга подозреваемых лиц, формой их вины, смягчающих или отягчающих обстоятельств. Также, для дальнейшего предотвращения данной группы преступлений выявлением «способов подготовки совершения преступления и осуществления сокрытия преступления»[5, с.97].

Международная преступность, «приспосабливающаяся к национальному законодательству стран» [6, с.3] и работающая по своим законам не имеет человеческих принципов и границ, вовлекая «несовершеннолетних и младшую возрастную группу с использованием информационно-телекоммуникационных технологий» [7, с.42] в распространение и приобретение нелегальной продукции, анонимного черного рынка даркнета, состоящего их форумов и торговых площадок [8, с.69].

За 2019 г. WADA выявила: 171 итальянского спортсмена, 128 французских и 103 американских спортсменов употребивших допинговые препараты. В этом списке Россия занимает лишь 5 место с 85 нарушениями . [9]. Несмотря на отстранение Российского антидопингового агентства оно продолжает выполнять все условия WADA.

Согласно данным РУСАДА начиная с 2009 г. и по 18.08.2021г. [10] всего зарегистрировано 3 спортсмена употребляющих не по медицинским показателям наркосодержащие препараты (S9 - глюкокортикоид) и то, только в 90г.г. прошлого столетия. Но зато отказавшихся спортсменов от сдачи пул тестирования или нарушившие порядок предоставления информации о своем местонахождении в настоящий период времени насчитывается 40 человек.

Спортсмену легче уклониться от сдачи допинг-пробы, либо тренеру не дать разрешение на проведение исследования несовершеннолетнему спортсмену [11] по причине наименьшего срока дисквалификации.

Употребление молодыми спортсменами, в начале своего спортивного пути наркосодержащие препараты не по медицинским назначениям, несмотря на временный положительный эффект приводят к сложнейшим медицинским нарушениям здоровья, дисквалификации на соревнованиях, а впоследствии и уходом из большого спорта.

Усиленный контроль, за олимпийцами и параолимпийцами со стороны ВАДА и РУСАДА дают положительный эффект, но в связи с появлением трансгендерных спортсменов как Лорел Хаббард, Куин, Крис Мосье [12] на мировой арене заставляет молодое поколение идти на рискованные шаги. Опытному спортсмену (в особенности мужчине) с большим стажем выступлений и мужской силой, провозгласившем себя женщиной для выступлений на соревнованиях, необходимо лишь иметь уровень тестостерона соответствующий женскому организму. Соответственно об этике, справедливости и честности в данных спортивных состязаниях говорить сложно.

За последние года, наркоситуация в стране оценивается как тяжелая. Федеральными службами по контролю за оборотом наркотиков раскрыто и заблокировано около 10 тыс. ссылок пропагандирующих наркотики, уменьшились масштабы незаконного оборота наркосодержащей продукции, соответственно в разы уменьшились преступления за совершение накопительных преступлений не только среди взрослого населения, но и среди молодежи.

По итогам мониторинга медицинской статистики в настоящий период времени отражается спадом «общей заболеваемости наркоманией и обращаемости лиц, употребляющих наркотики с вредными последствиями» [13]. По официальным данным, в 2020 году количество наркоманов снизилось на 7,5%, из которых число подростков сократилось на 24%. Всего, по данным за прошлый год, в стране зарегистрировано около 460 тыс. наркозависимых [14]. Эти данные, говорят о принятии правильных мер государственной поддержки с пропагандой здорового образа жизни и пресечением вовлечения молодого поколения в противоправную деятельность с «повышением мотивации граждан к ведению здорового образа жизни, занятию физической культурой и спортом» [15] указанной в Стратегии национальной безопасности».

Библиографический список:

1. Говоров А. Чемпионат Всё вокруг становилось светлым». Почему великие чемпионы подсаживаются на наркотики URL: <https://www.championat.com/other/article-4116447-sportsmeny-kotorye-priznalis-v-upotreblenii-narkotikov--maradona-felps-nortug.html>;
2. LENTA. RU Спорт Российский параолимпиец попался на марихуане URL: https://lenta.ru/news/2019/04/19/marijuana/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop;
3. РУСАДА. Всемирный антидопинговый кодекс // Запрещенный список на 2021г URL: <https://rusada.ru/upload/iblock/359>;
4. Алексеева А.П. Оперативно значимая информация о преступлениях в сфере спорта // Вестник Краснодарского Юридического университета МВД России № 4 (46), 2019г. С.45-48;
5. Рубцов И.И. Криминалистическая характеристика преступлений как элемент частных методик расследования. Диссертация на соискание ученой степени к.ю.н. Санк-Петербург.: 2001г. – 225с.
6. Бессонов А.А. Частная теория криминалистической характеристики преступлений // Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.ю.н. М.:2017г., - 46с.
7. Захаров Н.Д. Современное состояние преступности, посягающей на половую неприкосновенность несовершеннолетних с использованием сети интернет. Вестник Волгоградской академии МВД России / Выпуск 2 (57) 2021: научно-методический журнал. – Волгоград: ВА МВД России, 2021, - С.41-51;
8. Полунина А.В., Магомедов Р.М. Даркнет: по ту сторону интернета // Академический Журнал Западной Сибири №3(80), 2019г. - с.69-70;
9. Военное обозрение URL: <https://topwar.ru/166039-v-wada-opublikovali-spisok-stran-narushitelnic-antidopingovyh-pravil-rf-net-v-trojke.html>
10. РУСАДА Список российских спортсменов, нарушивших антидопинговые правила, и в отношении которых общероссийскими спортивными федерациями с 1 января 2009 года по настоящее время были вынесены санкции. По состоянию на 18.08.2021 URL: <https://rusada.ru/disqualifications/>
11. Лисин С. Тренер запретила гимнасткам сдавать допинг-контроль, и ее дисквалифицировали. Разбираемся в скандале // МАТЧ URL.: https://matchtv.ru/doping/matchtvnews_NI1180713_Trener_zapretila_gimnastkam_s_davat_doping_kontrol_i_jeje_diskvalificirovali_Razbirajemsa_v_skandale

12. Борисова А. Не только Лорел Хаббард: как выглядят первые трансгендеры на Олимпиаде // COSMOPOLITAN URL.: https://yandex.ru/turbo/cosmo.ru/s/beauty/star_beauty/ne-tolko-lorel-habbard-kak-vyglyadyat-pervye-transgendery-na-olimpiade/

13. Доклад о наркоситуации в Российской Федерации в 2019 году М. – 2020, - с.49 URL.: https://спарта74.рф/upload/iblock/0b5/Doklad_GAK_2019_KMM.pdf

14. Центр профессионального лечения и реабилитации «Здравница» URL.: <https://narcorehab.com>.

15. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» URL.: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046/page/5>

© С.Д. Гусева, 2021

Коновалова Екатерина Александровна,
адъюнкт заочной формы обучения
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
старший следователь по ОВД СЧ по РОПД
СУ УМВД России по Тверской области
Научный руководитель: Есина Алла Сергеевна,
почетный сотрудник МВД России,
доцент кафедры предварительного расследования
Московского университета МВД РФ имени В.Я. Кикотя,
кандидат юридических наук, доцент

**УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАДЕРЖАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ
ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ,
СОВЕРШЕННЫХ В СОСТАВЕ ОПГ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ С УЧЕТОМ
ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА**

Задержание подозреваемого входит в систему мер уголовно-процессуального принуждения. Расследуя уголовные дела о преступлениях, совершенных организованно преступными группами, следователь, как правило,

использует задержание практически по каждому уголовному делу, что продиктовано высокой общественной опасностью данных преступных деяний и лиц их совершивших. Для усиления борьбы с проявлениями организованной преступности необходимо совершенствовать уголовно-процессуальные средства, в том числе и уголовно-процессуальное задержание.

Правовая регламентация порядка задержания в соответствии с УПК РФ не позволяет однозначно ответить на вопрос: возможно ли задержание лица, застигнутого на месте совершения преступления до возбуждения уголовного дела.

Классическим примером является задержание очевидцами или сотрудниками полиции лица, незаконно проникшего в ночное время в магазин и совершающего оттуда хищение имущества. В описываемый момент задержания уголовное дело еще не возбуждено по причине отсутствия процессуально зафиксированных поводов и оснований для его возбуждения. Иными словами отсутствует факт обращения в правоохранительные органы, отсутствует заявление потерпевшего, который зачастую даже не знает, что в отношении него совершается преступление, установленного ущерба, фиксации факта проникновения в помещение.

В следственной ситуации, когда следователь прибывает на место преступления, а лицо его совершившее, уже фактически задержано на месте преступления, следователю необходимо сперва произвести осмотр места происшествия, выполнить иные следственные и процессуальные действия, в целом определиться с достаточностью оснований для возбуждения уголовного дела, и только потом он сможет приступить к установлению основания для задержания.

Совершенно справедливо профессор Шейфер С.А. отмечает, что в протоколе задержания фиксируются юридически значимые обстоятельства по уголовному делу, такие как время, место и обстоятельства фактического задержания, что особенно актуально, когда преступник задержан непосредственно на месте преступления, а также имеют важное значение и результаты личного досмотра.[1] Автор рассуждает о задержании в ключе признания данного процессуального действия в качестве доказательства, но в данном случае мы видим, что обращено особое внимание и на практическую необходимость законодательного регулирования задержания лица до возбуждения уголовного дела.

Обратившись к зарубежному опыту, мы обнаруживаем, что задержание преступника допускается законодателем до возбуждения уголовного дела. При

этом определен срок, который должен пройти с момента фактического задержания лица до принятия решения о возбуждении уголовного дела. К примеру, в течение 12 часов (ст. 108 УПК Республики Беларусь) или в течение 24 часов (ст. 148 УПК Республики Азербайджан).

Сторонники применения задержания до возбуждения уголовного дела есть и в России. Так, например, Платёнкин А.В., предлагает внести изменения в УПК РФ и разрешить задержание до возбуждения уголовного дела, определив основания и круг лиц, имеющих право на фактическое задержание лица и его доставление в правоохранительные органы. При этом, по мнению автора, уголовное дело должно быть возбуждено не позднее 3 часов с момента доставления такого лица в правоохранительный орган[2].

К предложению Платёнкина А.В. мы относимся положительно и разделяем позицию о том, что задержание предполагаемого преступника до возбуждения уголовного дела возможно. При этом считаем необходимым предусмотреть обязательность составления документа, фиксирующего задержание лица до возбуждения уголовного дела. Документ в виде акта задержания должен составлять сотрудник, осуществляющий задержание и (или) доставление лица в орган дознания, должностное лицо органа дознания, куда был доставлен задержанный. При этом задержание может проводиться как гражданами, так и должностными лицами, сотрудниками полиции. Однако речь в данном случае должна идти не о процессуальном задержании, которое регламентировано нормами главы 12 УПК РФ, а о иной мере принуждения, поскольку подобное действие («захват» и доставление в орган дознания) происходит за рамками уголовного судопроизводства.

Дискуссионным в Российском законодательстве является вопрос о субъектах уголовно-процессуального задержания, в частности законодателем не регламентирована ситуация в случае, если поимка преступника произведена лицом, не являющимся сотрудником правоохранительных органов: будет ли данный факт считаться задержанием и иметь правовые последствия или нет.

Зарубежное законодательство предусматривает задержание преступника силами очевидцев. Так, в республике Азербайджан очевидец может помочь органу уголовного преследования в поимке лица, совершившего преступление. Уголовно-процессуальный кодекс данной республики указанную ситуацию причисляет к особенностям задержания с помощью очевидца происшествия (ст. 149). При этом очевидец может связать преступника, обыскать его, изъять

находящиеся при нем вещи, имеющие значение для уголовного дела, и передать их в правоохранительные органы. Похожие положения предусматривает ст. 168 УПК Республики Молдова, давая каждому право на захват лица, подозреваемого в совершении преступления. Положения УПК Республики Молдова имеют одну важную особенность – после «захвата на месте» и доставления в правоохранительные органы лицо или задерживается в уголовно-процессуальном порядке или, в зависимости от обстоятельств, освобождается. Аналогичные положения содержит законодательство Франции, Германии, Японии, Австралии, Бразилии[3].

Интересно отметить, что в соответствии с УПК РФ фактическое задержание лица гражданами не порождает юридических последствий. Однако, если фактическое задержание было проведено сотрудниками полиции, или иными должностными лицами, но не теми, что указаны в ст. 91-92 УПК РФ, то вопрос уже становится дискуссионным, и по мнению некоторых ученых, срок задержания должен исчисляться уже с момента «физического захвата» лица или с момента как ему было предложено принудительно проехать в орган внутренних дел. Стоит увидеть, что суть двух указанных действий едина, но субъекты осуществляющие «захват» разные. Полагаем, что и правовые последствия в подобных ситуациях должны быть едиными.

На наш взгляд, только следователь (дознатель, орган дознания) может принять решение о задержании в уголовно-процессуальном смысле, о чем обязательно составляется протокол задержания в порядке ст. ст. 91 и 92 УПК РФ. Именно таким образом понимают смысл законодательного положения правоприменители, подобным образом толкуют смысл закона и большинство ученых – процессуалистов (Ким Е.П., Костенко К.А.), с которыми следует согласиться.

Вместе с тем, есть предложение о необходимости включения в УПК РФ нормы, которая бы регламентировала порядок фактического задержания, где должен быть определен 3-часовой срок доставления фактически задержанного лица, заподозренного в совершении преступления. Продление данного срока возможно лишь в исключительных случаях, связанных с транспортировкой задержанного, или иными уважительными причинами, делающими невозможным доставление в 3-часовой срок[4].

Отметим, что в зарубежном законодательстве есть страны, в которых определен конкретный срок доставления лица с момента фактического

задержания к следователю. Так законодатель ФРГ в соответствующем УПК установил, что данный срок не может превышать 12 часов. [5]

На наш взгляд, предложение об установлении в УПК РФ конкретного срока (периода времени) доставления задержанного в правоохранительный орган представляется весьма затруднительным для реализации поскольку очевидно, что возникнут сложности с установлением точного времени транспортировки и доставления лица в орган дознания. Существует огромное количество обстоятельств, которые могут возникнуть и затянуть период доставления лица в правоохранительный орган от места захвата и фактического ограничения лица в свободе передвижения (имеет значение вид транспортного средства, регион, погодные условия, удаленность территориального ОМВД от места преступления и пр.). В этой связи не только не возможно, но и нецелесообразно (тем более на законодательном уровне) пытаться определить период времени, затраченный на доставление задержанного в орган дознания.

По нашему мнению, период времени, который начинается с момента фактического захвата лица и до момента доставления лица к следователю не следует включать в срок уголовно-процессуального задержания. Не может начать исчисляться время процессуального задержания ещё до того как будет принято соответствующее решение и составлен процессуальный протокол. Формулировка п. 15 ст. 5 УПК РФ, в которой законодатель неудачно сформулировал понятие «момент фактического задержания» буквально вводит в заблуждение правоприменителей, поскольку фактическое задержание отождествляется с фактическим захватом, с фактическим ограничением в свободе передвижения. Для разрешения рассматриваемой проблемы следует уточнить положение п. 15 ст. 5 УПК РФ в целях исключения разночтений при толковании данной нормы. К примеру, в формулировке ст. 5 УПК РФ следует конкретно указать должностных лиц, которые вправе осуществлять фактическое процессуальное задержание, составлять протокол задержания, тем самым разграничив понятие фактического задержания от «захвата на месте». Одновременно, разделяем мнения тех, кто предлагает оформить соответствующим документом (например актом) факт задержания лица, заподозренного в совершении преступления, с указанием времени его «захвата» и доставления в орган дознания.

Автор попытался обозначить лишь некоторые проблемы, касающиеся задержания и кратко аргументировать предложения по их разрешению

с позиции практикующего следователя. Данные проблемы наиболее актуальны при расследовании преступлений, совершенных ОПГ, поскольку именно задержание имеет важное тактическое и доказательственное значение при расследовании преступлений данной категории.

Библиографический список:

1. Тарасов А.А., Шейфер С.А. О познавательной сущности задержания подозреваемого // Юридический вестник Самарского университета. 2017. № 4. [Электронный ресурс] // URL: <http://journals.ssau.ru/index. hp/jjsu/article/view/60+43> (дата обращения 18.10.2021).

2. Платёнкин А.В. Обеспечение прав подозреваемого при задержании // EESJ. 2015. №1. [Электронный ресурс] // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obespechenie-prav-podozrevaemogo-pri-zaderzhanii-1> (дата обращения: 26.10.21).

3. Загорьян С.Г. Некоторые проблемные вопросы уголовно-процессуального задержания // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. №3 С. 94-96. [Электронный ресурс] //URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemnye-voprosy-ugolovno-protsessualnogo-zaderzhaniya> (дата обращения: 18.10.2021).

4. Ким Е. П., Костенко К.А. Задержание подозреваемого: правовой и практический аспекты. [Электронный ресурс] // URL:<http://juridcons.com/article/22914/> (дата обращения: 18.10.2021).

5. Ампилогов, Д.Д. Задержание подозреваемого: сравнительный анализ законодательства России и Германии / Д. Д. Ампилогов. — Текст: непосредственный // Актуальные вопросы юридических наук: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Чита, апрель 2017 г.). — Чита. Издательство Молодой ученый, 2017. С. 116-118 [Электронный ресурс] // URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive /226/11959/> (дата обращения: 18.10.2021).

6. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской республики. [Электронныйресурс]// URL: http://www.unodc.org/tldb/ pdf/Azerbaijan_Code_of_Criminal_Procedure _in_Russian_Full_text.pdf (датаобращения 18.10.2021).

7. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 24.06.1999 N295-3 [Электронный ресурс] //URL:http://online. zakon.kz/Document/?doc_id=30420280 (дата обращения 18.10.2021).

8. Уголовно-процессуальный кодекс республики Молдова [Электронный ресурс] //URL: http://pravo.org.ua/files/____.pdf (дата обращения18.10.2021)

© Е.А. Коновалова Е.А., 2021

Кубицки Алина Владимировна,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России

ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСПЕРТНО- КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МВД РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА

Современная структурная организация экспертно-криминалистических подразделений Республики Молдова (далее по тексту – ЭКП РМ) включает различные направления деятельности по обеспечению раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. ЭКП РМ представляют собой упорядоченную систему, основанную на ежедневной работе специалистов (офицеров-криминалистов) и судебных экспертов, обеспечивающих технико-криминалистическое сопровождение для эффективной борьбы с преступностью.

В Республике Молдова организация экспертно-криминалистической деятельности осуществляется в рамках публичных (государственных) судебно-экспертных учреждений или в бюро судебной экспертизы (в статусе физического или юридического лица).

Сеть публичных судебно-экспертных учреждений сформирована в системе ряда Министерств и служб Республики Молдова [1]:

- специализированные учреждения Министерства юстиции;
- специализированные учреждения Министерства здравоохранения, труда и социальной защиты;
- оперативные технико-криминалистические или судебно-экспертные подразделения Министерства внутренних дел;
- подразделения Таможенной службы;
- подразделения Национального центра по борьбе с коррупцией.

При этом государство оставило за собой право создавать и реорганизовывать иные публичные судебно-экспертные учреждения. Примером может служить расформированная Государственная инспекция по надзору над алкогольной продукцией, которая вошла в состав Национального агентства по безопасности пищевых продуктов (ANSA) в качестве управления в области контроля безопасности и качества виноградно-винодельческой продукции,

этилового спирта, пива и алкогольных продуктов при Министерстве сельского хозяйства, регионального развития и окружающей среды.

Более подробно хотелось бы остановиться на организации деятельности экспертно-криминалистических подразделений при Министерстве внутренних дел Республики Молдова (далее по тексту – МВД РМ).

МВД РМ подведомственны двенадцать различных организации, служб, бюро, но только в четырёх из них организованы специализированные технико-криминалистические и экспертные подразделения:

- Генеральный инспекторат полиции;
- Генеральный инспекторат пограничной полиции;
- Генеральный инспекторат по чрезвычайным ситуациям;
- Служба внутренней защиты и противодействия коррупции.

В качестве примера, рассмотрим структуру Генерального инспектората полиции который, после реформирование правоохранительных органов Республики Молдова 2012-2013 года, и принятия закона «О полиции» от 27 декабря 2012 г. № 320 [2], занял место центрального управленческого и контрольного органа (со статусом юридического лица) полиции на всей территории Республики Молдова. Основной целью создания Генерального инспектората полиции стала оптимизация кадровой, организационной и информационной нагрузки с МВД РМ, которое ранее напрямую осуществляло руководство всеми специализированными и территориальными подразделениями полиции. При этом вместе с внедрением современных методов управления полиции было обусловлено и создание новых подразделений по расследованию преступлений особой сложности и транснационального характера [3].

Непрерывность процесса реформирования, начатого на основании Концепции реформирования Министерства внутренних дел [4] и подведомственных децентрализованных субъектов, обусловило пересмотр вектора развития структуры полиции. В системе подчинения ГИП РМ, также вошли специализированные и территориальные подразделения.

Организация территориальных подразделений Генерального инспектората полиции Республики Молдова (далее по тексту – ГИП РМ) на местном уровне осуществляется через два территориальных управления полиции и 42 инспектората полиции с 205 полицейскими участками.

Специализированные подразделения полиции методически обеспечивают деятельность территориальных подразделений, согласно полномочиям

и направлениям их деятельности. В системе специализированных подразделений среди прочих был создан Техничко-криминалистический Центр Судебной экспертизы (далее по тексту – ТКЦ СЭ), который занял особую нишу главного органа, осуществляющего технико-криминалистическое обеспечения территориальных инспекторов. Несмотря на то, что инспектораты получают техническое, методическое и информационное обеспечение от ТКЦ СЭ, своё непосредственное подчинение инспектораты сохраняют Генеральному инспекторату полиции.

При этом в самом ТКЦ СЭ создан специализированный отдел «Осморта места происшествий (Secția cercetarea la fața locului)» деятельность данного отдела преимущественно ориентирована на проведение осмотров мест происшествий по тяжким, особо тяжким и чрезвычайно тяжким преступлениям, предусмотренным уголовным законодательством Республики Молдова [5].

Дореформенный период организации экспертно-криминалистического обеспечения в Республике Молдова характеризовался возможностью привлечения специалистов к следственным действиям и оперативно-розыскным мероприятиям в двух статусах: в качестве специалистов и экспертов. При этом, недостатком была децентрализованность и обособленность территориальных инспекторатов и участков, сказывалось на отсутствие согласности касательно единства методов в практической деятельности и отсутствия минимально-необходимого оснащения техническими средствами.

После реформирования полиции в подразделениях произошли функциональные изменения полномочий экспертов-криминалистов, и они трансформировались в офицеров-криминалистов, выполняющих обязанности, субъектов, обеспечивающих технико-криминалистическое сопровождение производства соответствующего процессуального действия и оказывающих помощь в обнаружении, закреплении или исключении доказательств, при этом в их полномочия больше не входят исследования и дача заключений специалиста или эксперта.

Хотелось бы отметить, что было бы уместно, чтобы офицеры-криминалисты докладывали о результатах своей деятельности в непосредственно начальникам ТКЦ СЭ, чтобы не допускать потери квалифицированного контроля за деятельностью криминалистических служб инспекторатов полиции. Таким образом необходимо пересмотреть иерархию подчинения

криминалистических служб инспекторов полиции, целесообразно если бы они подчинялись ТКЦ СЭ.

В целом реорганизация специализированных ТКП РМ, оказала как положительное, так и отрицательное влияние.

Из положительных аспектов следует выделить – создание ТКЦ СЭ, обусловившего повышение эффективности деятельности всех ТКП РМ и сконцентрировавшего весь накопленный практический опыт, что способствовало созданию условий для эффективного методического и технического обеспечения, оптимизации и распределения ресурсов.

Ежегодно ТКЦ СЭ проводит научно-технические исследования и судебные экспертизы по материалам уголовных дел. Объем исследований за 2018 год составил – 7700, за 2019 – 7070, а за 2020 – 7470 исследований по 35 различным областям.

На сегодняшний день специализированные отделы ТКЦ СЭ занимают центральное место в оказании практической помощи, нижестоящим районным инспекторатам полиции, в применении технических средств и научных методов при раскрытии и расследовании преступлений, а также участие в осмотрах мест происшествий и других процессуальных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, по тяжким, особо тяжким и чрезвычайно тяжким преступлениям, осуществление государственной дактилоскопической регистрации, проведении экспертных исследований в целях обеспечения доказательств.

Отрицательным моментом, является то, что структурная организация ТКП РМ, ещё не обрела своей логической завершенности в силу ряда объективных причин:

Во-первых, низкий уровень технического обеспечения районных подразделений и инспекторов, не позволяет в полной мере реализовать весь арсенал возможностей офицера-криминалиста по оказанию оперативной помощи органам уголовного преследования. Снижаются возможности раскрытия и расследования преступлений по горячим следам, так как проверка по учётно-регистрационным массивам осуществляется на вышестоящем уровне в специализированных отделах ТКЦ СЭ.

Во-вторых, отсутствие научно-технического (информационно-методического) отдела в ТКЦ СЭ, не позволяет накапливать ценный практический опыт и способствовать организации научных исследований по

проблемам применения криминалистических средств и методов в целях обнаружения, фиксации, изъятия и исследования вещественных доказательств, разработки методик исследования новых и редко встречаемых вещественных доказательств, подготовки научно-методических материалов по различным вопросам применения криминалистической техники.

В-третьих, отсутствие узкоспециализированного экспертного образования у офицеров-криминалистов сказывается на объёме знаний и функциональных возможностях офицера-криминалиста, что отражается на качестве его работы.

Подводя итог, следует отметить, что структурная организация ЭКП РМ видоизменилась с момента реформирования полиции в связи с разделением на специализированные и территориальные подразделения, находящиеся в подчинении ГИП РМ. На сегодняшний день продолжается процесс адаптации ЭКП РМ к последствиям реформирования, которые требует логического завершения повышения уровня узкоспециализированной кадровой подготовки офицеров-криминалистов, дополнительного финансового обеспечения для технического оснащения ТКП и инспекторатов, создание методического отдела и продвижение научно-исследовательской деятельности.

Библиографический список:

1. Закон Республики Молдова № 68 от 14.04.2016 г. «О судебной экспертизе и статусе судебного эксперта» // URL: <http://lex.justice.md/ru/365259/>
2. Закон Республики Молдова № 320 от 27.12.2012 г. «О деятельности полиции и статусе полицейского» // URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=106476&lang=ru.
3. Постановление Правительства №283 от 24.03.2013 г. «Об утверждении Положения об организации и функционировании Генерального инспектората полиции Министерства внутренних дел».
4. Постановление Правительства №283 от 12.05.2016 г. «Об утверждении Стратегии развития полиции на 2016-2020 годы».
5. Уголовный кодекс Республики Молдова № 985 от 18.04.2002 // URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=17781&lang=ru
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова №122 от 14.03.03//URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=126190&lang=ru#

© А.В. Кубицки, 2021

Ловничий Михаил Дмитриевич,
студент 1 курса магистратуры юридического факультета
Волгоградского государственного университета

ЗАЩИТА ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ

Аннотация: В статье представлены основные подходы к изучению защиты прав на неприкосновенность частной жизни. Данная тема сегодня представляет большой интерес для современных авторов, так как на сегодняшний день можно обнаружить множество работ по заданной теме.

Ключевые слова: Защита прав, конституционные права человека, частная жизнь, неприкосновенность.

Актуальность. «Частная жизнь» – это широкое и неоднозначное понятие, рассматриваемое обществом как право человека на личную тайну. В рамках изучения темы также целесообразно обозначить, что термин «личная тайна» также имеет ряд особенностей. Вопросы ограничения конституционных прав человека всегда находятся в центре внимания различных исследователей, историков, правоведов. Поскольку на пути формирования правового государства, и в особенности, в эпоху научно–технического прогресса, эти права приобретают особое значение.

Цель статьи – раскрыть понятие защиты прав на неприкосновенность частной жизни.

Изложение основного материала.

Говоря о защите права на неприкосновенность частной жизни необходимо подчеркнуть, что в самой Конституции «защита» и «охрана» - это термины, которые различными способами транслировались в главном документе страны. Слова употреблялись и как понятия, и как однокоренные словосочетания.

Если рассматривать понятие частной жизни, следует отметить, что существует несколько сфер частной жизни: духовная, сфера общения, организационно–составляющая сфера, медико–физиологическая сфера, сфера поведения и имущественная сфера. Согласно определениям авторов, духовная сфера, в общих черта, это мировоззрение, образ мышления человека.

Личная тайна подразумевает факт того, что секретной информацией личного характера должен обладать один человек и не более. В. А. Мазуров подчеркивает, что личная тайна – это «составная часть жизни, относительно обособленная зона наиболее деликатных, интимных сторон жизни человека, когда разглашение определенных сведений является не только нежелательными, но и вредоносным, пагубным с нравственной точки зрения» [5, С.124].

Квалификационные признаки распространения информации подлежат ограничительному толкованию. Недопустимо привлекать к уголовной ответственности, тем более осуждать за обычные сплетни, за высказанные мнения, даже если это связано с определенными моментами личной жизни и так далее. Но если сплетни, и подобные разговоры действительно содержат личную или семейную тайну, то действия по распространению этих секретов могут привести к понесению ответственности.

Под информационной неприкосновенностью предполагается запрет на разглашении информации, касающейся личности, куда входит личные и семейные тайны, информация, характеризующая личность человека, а также идентификационные персональные данные человека. Согласно Федеральному закону «О персональных данных», обработка персональных данных, а также данные о частной жизни гражданина, включая их сбор, хранение, использование и распространение, осуществляется только с согласия субъекта персональных данных [1]. Третьи лица, получающие доступ к конфиденциальной информации, под угрозой ответственности со стороны государства, обязаны сохранить сведения в тайне

Можно сказать, что право на неприкосновенность частной жизни состоит из компонентов в виде личной и семейной тайны, которая внутри имеет деление на тайну личного характера и нередко затрагивает профессиональные тайны – врачебные тайны, тайна исповеди, банковская тайна и иные виды; тайна происхождения ребенка затрагивает личные интересы усыновителя и участников данного процесса; личные имущественные и неимущественные отношения, складывающиеся в семье; тайна завещания, где сведения о нотариально заверенной сделке являются недоступны для третьих лиц. Помимо личной и семейной тайны, должна обеспечиваться неприкосновенность персональных данных и сведений о лице, установления им коммуникаций с другими лицами и его жилище.

На территории России нормативную основу реализации частной жизни регулирует статья 24 Конституции РФ. Координирует все вопросы, которые связаны с нарушением права человека вести частную жизнь ФЗ «О персональных данных», статья 150 Гражданского кодекса РФ. А также статья 137 Уголовного кодекса РФ о нарушении неприкосновенности человека также регулирует данную область.

Следует подчеркнуть, что на сегодняшний день информация играет важную роль в современном обществе, поэтому отдельные исследователи выделяют проблему защиты информации в частной жизни граждан, отмечается необходимость более действенного контроля за распространяемой в сети интернет цифровой информацией [8, С. 1171; 9, С. 326-327]. В связи с этим право на неприкосновенность частной жизни означает отсутствие личной информации, нежелательной для огласки, в публичном пространстве вопреки желанию гражданина, нежелание кого-либо раскрывать конфиденциальную информацию. Таким образом, одной из конституционных гарантий конфиденциальности информационной жизни является непосредственно защита прав граждан.

Слабое развитие защиты неприкосновенности частной жизни человека оставили свой след на оставшихся конституционных правах и свободах граждан и защищают их в тех узких пространствах, где государство еще не в полной мере выполнило свои обязательства по защите прав и свобод России, гарантированных Конституцией РФ.

На сегодняшний день назрело множество проблем в данной области, которые позволяют сделать вывод о срочной необходимости регулировать данную область. Применение мер, таких как, ужесточение наказания за совершение подобных преступлений, более жесткое отслеживание подобных правонарушений позволит несколько улучшить данную область права.

Более того, необходимо четко структурировать ряд проблем, которые имеются в законодательстве, выявить основные пробелы, на основании анализа законодательной, правоприменительной практики, и выделить на этой основе ряд действий. Которые поспособствуют стабильности в данной области.

Своевременное решение проблемы нарушения конфиденциальности является сложной и важной задачей, которую могут решить только специалисты, в том числе философы и юристы, а также психологи, социологи и эксперты в области защиты неприкосновенности частной жизни. Защита

конфиденциальности в Российской Федерации в настоящее время имеет ярко выраженные проблемы, которые существенно снижают ее эффективность.

Библиографический список:

1. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ. СЗ Российской Федерации, 2006, N 31, ст. 3451; 2009, N 48, ст. 5716; 2010, N 31, ст. 4173; N 49, ст. 6409; 2011, N 31, ст. 4701; 2013, N 14, ст. 1651; N 30, ст. 4038; N 51, ст. 6683; 2014, N 23, ст. 2927; N 30, ст. 4217; 2016, N 27, ст. 4164; 2017, N 27, ст. 3945; N 31, ст. 4772; 2020, N 17, ст. 2701; 2021, N 1, ст. 58

2. Голубенко Д. Д. Правовая охрана института частной жизни / Д. Д. Голубенко // Актуальные проблемы сравнительного поведения. – 2017. – С. 118- 121.

3. Звонарев А. В. О конституционной реформе в России в 1922-1925 / А. В. Звонарев // Российское государствоведение. – 2019. – № 1. – С. 25-34.

Колганова Е. А. Понятие «приватность» в международно-правовом опыте регламентации права на неприкосновенность частной жизни / Е. А. Колганова // Аллея науки. - 2019. - т. 2. - № 6 (33). - С. 254-257.

4. Курушин, В. Д. Неприкосновенность частной жизни. Компьютерные преступления и информационная безопасность / В. Д. Курушин, В. А. Минаев. – М., 2018. – С. 148.

5. Мазуров В.А. Уголовно-правовые аспекты информационной безопасности: учебное пособие – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2019. – 288с.

6. Суслова С. И. Современные подходы к пониманию неприкосновенности жилища: уголовно-правовой и межотраслевой аспекты / С. И. Суслова, А. В. Бычков // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – № 2. – С. 299-307.

7. Урбанаева, А.И. Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации: проблемы реализации и защиты / А.И. Урбанаева. – Инфра, 2019. – 318 с.

8. Bokov, Y. A. Smart technologies in electoral fundraising / Y. A. Bokov // Lecture Notes in Networks and Systems. – 2021. – Vol. 155. – P. 1167-1175. – DOI 10.1007/978-3-030-59126-7_127.

9. Prevention of Crimes Made with the Use of the Internet Network as One of the Directions to Ensure the Cybersecurity of Russia / I. Kh. Kasaev, A. A. Likholetov, Yu. A. Bokov [et al.] // Communications in Computer and

Пономарь Валерия Алексеевна,
курсант 3 курса Факультета подготовки следователей
Волгоградской академии МВД России
Научный руководитель: Синкевич Вероника Викторовна,
доцент кафедры уголовного процесса УНК по ПС в ОВД
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук

ЭКСГУМАЦИЯ ТРУПА КАК СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ

Смерть – один из шагов в нашем непрерывном развитии. Именно так говорил Теодор Паркер. Каждому человеку рано или поздно придется проститься с жизнью. Но при каких обстоятельствах это произойдет никому не известно. Может быть это будет по физиологическим причинам, а может это произойдет в результате совершения преступления против данного человека или же просто станет делом случая, так называемой случайностью. Чтобы действительно выяснить и установить из-за чего и при каких обстоятельствах произошла смерть, в уголовно-процессуальном праве появилось такое процессуальное действие как эксгумация трупа.

Эксгумация трупа – это следственное действие, которое заключается в извлечении трупа из места его захоронения для осмотра или вскрытия, чтобы установить причины смерти или же идентифицировать его, а также для проведения судебно-медицинской экспертизы.

Существует много различных и в тоже время спорных мнений ученых о том, что же такое эксгумация трупа и действительно ли она относится к следственным действиям. Ведь данная тема мало изучена по сложности производства и своей доказательственной базы и зачастую не воспринимается в серьез.

Чтобы наиболее точно и полно разобраться с данным вопросом и темой в целом, обратимся к истории появления и развития эксгумации трупа.

Начиная с древности отношение людей к эксгумации не было положительным, да и применялась она крайне редко. Это считалось осквернением и надругательством над телом умершего, а также его могилой. В соответствии с вероисповеданием считалось, что данные действия могут привести к ряду неприятностей или даже воскрешению мертвеца. А действие гнилостных газов могли привести к мгновенной смерти.

С 19 века изучение трупов, которые в основном извлекались из могил, получило свое развитие, не смотря на строгий запрет. Особенностью является то, что в то время термина «эксгумация» как такового не было. Вместо него использовали переосвидетельствование мертвого.

Изначально эксгумацию не выделяли как отдельное следственное действие, не выносили в отдельную статью или главу, а приравнивали к осмотру и освидетельствованию. Подтверждением этому служит Устав уголовного судопроизводства 1864 года, а именно глава четвертая «Об исследовании события преступления», отделение первое «Осмотр и освидетельствование». Так в статье 346 и 347 названы действия следователя и участники данного действия. «При переосвидетельствовании мертвого тела судебный следователь сообщает приглашенным врачам цель переосвидетельствования, протокол и акт первоначального осмотра и сколько прошло времени пребывания тела в земле» и соответственно «К вырытию мертвого тела, преданного земле, судебный следователь не приступает до прибытия врача. Для удостоверения в тождестве приглашаются священник и другие лица, бывшие при погребении, а к переосвидетельствованию приглашается, если возможно, и врач, производивший первоначальный осмотр» [1].

Вплоть до 1960 года эксгумация трупа все также не признавалась самостоятельным следственным действием. Подтверждением этого служит законодательство РСФСР, а именно УПК РСФСР. Эксгумация трупа находилась в части 2, статьи 180, под названием «Осмотр трупа».

В настоящее время в Российской Федерации эксгумация трупа является стандартной процедурой и как такового отрицания у людей уже не вызывает. Свое признание как самостоятельное следственное действие эксгумация получила с принятием УПК РФ в 2001 году. Статья 178 УПК РФ получила название «Осмотр трупа. Эксгумация».

Из данного законодательного закрепления можно сделать вывод о том, что эксгумация трупа спустя долгое количество времени стала наиболее определенной. А сама эксгумация законодательно закрепились в главе «Следственные действия».

Сущность эксгумации в соответствии с УПК РФ и сложившейся практикой является извлечение трупа или же его останков из места захоронения. Конечно, обязательным является тот факт, что необходимо фиксировать все обстоятельства, имеющие значение для дела, в том числе, с помощью производства фотосъемки или видеосъемки. Сущность эксгумации позволяет выделить следующие аспекты, которые в свою очередь могут помочь в дальнейшем расследовании:

1. Место захоронения;
2. Положение и состояние трупа;
3. Наличие каких-либо предметов в могиле.

Процессуальный порядок производства эксгумации включает в себя несколько так называемых стадий: вынесение следователем постановления о производстве эксгумации, уведомление родственников о планировании производства данных действий, а также уведомление администрации. У родственников в свою очередь есть право отказаться от производства данного следственного действия. Именно поэтому иногда эксгумацию называют принудительной. В этом случае, следователь должен вынести перед судом ходатайство о разрешении проведения эксгумации трупа. Также это привлечение всех обязательных участников, список которых регламентирован в УПК РФ. К ним, в частности, относятся судебно-медицинский эксперт или врач. Понятые приглашаются по усмотрению следователя, если их нет, то используются в обязательном порядке технические средства. Присутствие родственников также по законодательству не обязательно, но если они изъявили свое желание, то следователь не вправе им отказать.

Насколько мы знаем, следственные действия – это совокупность определенных приемов и методов, а также средств, которые реализуются в процессе расследования преступлений для проверки, фиксации данных, которые имеют доказательственное значение. Также следственные действия регламентированы нормами УПК РФ.

Зачастую эксгумацию не относят к самостоятельным следственным действиям, говоря о том, что как таковое данное действие не несет за собой

получение какой-либо доказательственной информации. А лишь способствует проведению в будущем других следственных действий. И относят ее к группе вспомогательных следственных действий.

Для непосредственного производства эксгумации трупа необходимо фактическое и юридическое основания. Фактическое основание – достаточное количество данных о том, что проведение эксгумации и дальнейшие проведенные действия действительно могут содержать сведения о совершенном преступлении, а именно, проверка уже известных доказательств и получение новых. Юридическим же основанием является постановление следователя или же судебное решение, которое в свою очередь применяется чаще. Как говорилось выше, родственники имеют право отказать в проведении данного следственного действия. Особенностью эксгумации как раз является тот факт, что это единственное следственное действие, при рассмотрении которого в суде имеют право присутствовать родственники, чтобы высказать свое мнение о данной процедуре судье.

Для того чтобы произвести данное следственное действие, нужно ознакомиться с поводами, благодаря которым это возможно:

1. Ненадлежащий первый осмотр или же его непроведение;
2. Отсутствие заключение судебно-медицинской экспертизы;
3. Появление новых обстоятельств, требующих проверки;
4. Необходимость опознания трупа или же его части.

Данные обстоятельства не имеют исчерпывающего списка, поэтому могут быть и иные актуальные поводы для проведения эксгумации. Ведь на практике бывают случаи, когда происходит захоронение неопознанного трупа без проведения судебно-медицинской экспертизы.

Также существуют случаи, когда труп или же его части подлежат захоронению с целью скрыть совершенное преступление. Например, это актуально, когда без вести пропадает человек, а заявление в правоохранительные органы поступает от его близких. В дальнейшем могут появиться данные о месте его захоронения, тогда следователь проводит эксгумацию. Благодаря которой проявляется факт о том, что это действительно лицо, которое разыскивалось, устанавливаются причины его смерти, а также, если это не оно, дальнейшая идентификация найденного трупа.

В действующем законодательстве не прописывается тот факт, должна ли эксгумация проводиться только в отношении конкретного трупа, который

известен и официально захоронен, а также в установленных пределах, а именно, в пределах места захоронения или же нет. Здесь мы можно согласиться с мнением А.А. Койсина о том, что «извлечение трупа возможно из места захоронения, вне зависимости от того, произведено ли захоронение трупа в соответствии с официально установленными правилами или без соблюдения этих правил, в том числе и с целью сокрытия следов преступления» [2, стр. 64].

Также существует спорное мнение по поводу того, что в соответствии с частью 4 статьи 178 УПК РФ эксгумация возможна только после возбуждения уголовного дела, в отличии от содержащегося в той же статье осмотра трупа. Данный пункт является неким пробелом в законодательстве. Это лишает следователя вынести обоснованное решение о возбуждении уголовного дела или же об отказе в возбуждении.

На этот счет высказывала свое мнение Е.В. Егорова. Она предложила внести изменения в часть 4 статьи 178, а именно: «При необходимости эксгумация и осмотр трупа могут быть произведены до возбуждения уголовного дела». Но здесь, конечно, нужно учитывать тот факт, что для этого, у следователя должны быть аргументированные основания для производства данного следственного действия [3, стр. 55-64].

В настоящее время большинство ученых придерживаются мнения о том, что эксгумация трупа - это ничто иное, как полноценное и самостоятельное следственное действие. Если мы говорим об эксгумации трупа как действительно о следственном действии, то нужно учитывать несколько фактов, которые это подтверждают.

Во-первых, сам законодатель выделяет эксгумацию трупа, как самостоятельное следственное действие. Во-вторых, производство данного следственного действия включает в себя ряд других определенных действий. Например, осмотр места захоронения, трупа, а также сбор анализов и образцов для последующих исследований.

В ходе эксгумации трупа мы достигаем поставленной цели, а именно: выясняем необходимые обстоятельства по уголовному делу и отвечаем на поставленные вопросы, которые могли появиться в ходе расследования преступления. Также в ходе эксгумации у следователя появляется «на руках» труп, который является источником доказательственной информации.

На практике много случаев, когда эксгумация трупа помогает расследованию, путем получения новой информации по делу. Так в Волгоградской

области, городе Волжском вступил в силу приговор суда от 29.01.2020 года в отношении врача-патологоанатома. Родители мальчика пытались добиться истины четыре года, то есть с 2016 года. Мальчик вместе с мамой поступил в лечебное учреждение, но врачи не могли установить причины болезни. В итоге, на следующий день после обращения он скончался. Врач-патологоанатом при вскрытии обратила внимание на историю болезни, провела вскрытие и в заключении написала, что мальчик скончался от токсического шока, левосторонней нижнедолевой пневмонии. При этом она не успела вскрыть черепную коробку и взять необходимый ей орган для надлежащего проведения исследования. В связи с этим, чтобы скрыть свою халатность, врач взяла части органов четырех других трупов и подложила их вместо органов мальчика, также вместе с терапевтом уничтожила сделанную при жизни кардиограмму. Написала поддельное заключение, подписала его и отправила труп на захоронение. Родители, не веря в указанную причину смерти обратились в полицию, где было возбуждено дело по ст. 109 УК РФ. Чтобы установить истинную причину смерти была проведена эксгумация трупа. Благодаря дальнейшему исследованию, как раз и было установлено, что препараты тканей были от четырех разных людей, а также, что труп был вскрыт не полностью. Черепная коробка осталась не тронута. Но причины смерти установить не удалось, так как разложенность трупа этого не позволила [4].

Таким образом, из всего вышеперечисленного в данной статье, мы можем сделать вывод о том, что эксгумация трупа имеет свою интересную историю развития и закрепления в законодательстве в разный период времени. Процедура проведения данного следственного действия одна из нелегких, причем, как с правовой точки зрения, так и с моральной. Если говорить о моральной, то люди более-менее стали относиться к эксгумации нейтрально. Но вот, что касается правовой, то в законодательстве имеются пробелы, которые требуют более четкого решения. Например, можно выделить эксгумацию трупа в отдельную статью УПК РФ и более подробно написать про механизм осуществления данного следственного действия. А самое главное, мы пришли к выводу о том, что эксгумация трупа – это действительно самостоятельное следственное действие, которое требует к себе больше внимания и серьезного отношения.

Библиографический список:

1. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. [Электронный ресурс] // URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/>. Дата обращения 11.10.2021г.

2. Койсин А.А. Эксгумация трупа – осмотр или выемка? // Сибирский юридический вестник. 2010. №1. С. 64-66.

3. Егорова Е.В. О некоторых коллизиях правовой регламентации стадии возбуждения уголовного дела // Право. Журнал высшей экономики. 2016. №2. С. 55-64.

4. Приговор № 1-1033/2019 1-22/2020 от 29 января 2020 г. по делу №1-1033/2019. [Электронный ресурс] // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/WPCKSQ00btIT/>. Дата обращения 21.10.2021г.

© В.А. Пономарь, 2021

Сапухин Артем Андреевич,

адъюнкт адъюнктуры

Волгоградской академии МВД России

СУБЪЕКТ СОВЕРШЕНИЯ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Преступность – это социальное явление, отражающее все происходящее в обществе тенденции. Тотальная цифровизация, способствовала зарождению и стремительному развитию кибернетической преступности, осуществляемой с использованием ресурсов глобальной сети Интернета. Криминальная деятельность с использованием IT-технологий включает в себя такие преступления как хакерство, дистанционные хищения, распространение вредоносных программ и вирусов, кибер-сталкинг, экстремизм, терроризм, шпионаж и т.д. Специфика совершения киберпреступлений и особенности отображения комплекса специфической следовой информации, с учетом имеющейся практики и статистики их раскрываемости, обуславливает необходимость дальнейшего изучения указанной проблематики.

Официально опубликованная статистика показывает значительный рост совершения киберпреступлений. В 2017 году с использованием компьютерных

и телекоммуникационных технологий было совершено 90587 преступлений (раскрыто 20424), в 2018 году – 174674 (раскрыто 43362), в 2019 году – 294409 (раскрыто – 65238), в 2020 году – 510396 (раскрыто – 94942[1].

Следует констатировать, что большинство таких преступлений относится к различным видам хищений. Главной причиной трансформации корыстных посягательств в виртуальную среду является повсеместная цифровизация жизни общества. Оборот денежных средств, находящихся в распоряжении физических и юридических лиц осуществляется в цифровой среде, поэтому динамика совершаемых хищений ушла в «безналичное пространство».

Криминалистическая оценка данного вида преступления немыслима без учета данных о свойствах личности его субъекта. Результаты преступной деятельности отражают личностные особенности человека, ее осуществившей, и сведения о некоторых его качествах, преступном опыте, специальных знаниях, социально-психологических свойствах, поле, возрасте.

Выявление субъектной информации из первичной информации о событии преступления и в ходе расследования позволяет составить представление об общих, а затем и частных личностных особенностях киберпреступников. Объединение вышеуказанной информации с выявленными данными о способе и механизме совершения преступления позволяет правильно определить направление и способы розыска, задержания и последующего изобличения преступников, выбрать оптимальные методы расследования. В связи с этим личность преступника является объектом самостоятельного криминалистического изучения, а данные о нем – важным элементом криминалистической характеристики преступления.

В криминалистическом изучении личности киберпреступника в целом, в настоящее время наметились два специфических направления.

Первое предусматривает получение данных о личности неизвестного преступника с учетом вида, места и времени совершения деяния, предмета посягательства по оставленным им виртуальным следам, а также другим источникам криминалистически значимой информации. Это позволяет определить направления и приемы его розыска и задержания. Чаще всего такая информация дает представление об общих свойствах какой-то группы лиц, среди которых может находиться преступник, и реже – о некоторых качествах конкретной личности. Такого рода сведения в целях быстрее выявления и розыска преступника должны сопоставляться с криминалистическими данными

о том, кто чаще всего совершает преступления расследуемого вида установленным способом в сложившейся обстановке.

Второе – изучение личности задержанного подозреваемого или обвиняемого с целью криминалистической оценки личности субъекта. В этих целях целесообразно собрать сведения не только о жизненной установке, ценностных ориентациях, дефектах правосознания, особенностях антиобщественных взглядов, но главным образом и о том, какая информация о личности субъекта преступления, его связях, особенностях поведения до и во время совершения преступления поможет наладить с ним необходимый контакт, выбрать наиболее эффективную тактику общения с целью получения от него правдивых показаний, а также определить наиболее действенные способы профилактического воздействия на него. Вместе с тем эти данные с учетом информации о преступниках, учитываемой в других элементах характеристики, могут быть положены в основу типизации преступников.

В специальной литературе в настоящее время можно встретить суждения о возможности совершения киберпреступления «несуществующей» личностью. То есть с помощью IT-технологий «создается» личность в Интернете, способная осуществлять ряд действий (выполняет заложенную программу), приводящих к преступному результату. В такой ситуации речь не идет о личности в объективном значении, личность – это всегда человек, физическое лицо, наделенное сознанием, волей, личностными качествами. Виртуальная личность – это цифровой продукт, который может выполнять определенные действия, но лишен субъективных признаков, таких как интеллект, воля, сознание, мотивы, цель и другие качества, которые традиционно присущи субъекту преступления. Такая «личность» является результатом интеллектуального труда конкретного человека (программиста или группы программистов), используемым реальным преступником для сокрытия своих установочных данных при организации преступления.

Следует отметить, что, являясь активным Интернет-пользователем, подготовленный в компьютерной сфере субъект может создать «киберличность», то есть личность с ложными персональными данными. Этот прием активно применяется подростками при общении в социальных сетях. Пользователь указывает неверный возраст, размещает чужие фотографии на своем аккаунте, описывает свой несуществующий социальный статус. В итоге формируется новая, альтернативная, видоизменённая личность. Чаще всего

пользователь, создавая такую личность, наделяет ее качествами, которыми хотел бы обладать сам.

В настоящее время отличительной особенностью субъекта киберпреступления является молодой возраст, редко превышающий 35 лет. В остальном криминалистическая характеристика киберпреступника сводится к разделению на три крупные категории:

- в первую входят действующие или уволенные сотрудники организаций, специализирующихся на различного рода деятельности в интернет-пространстве;

- вторая группа – сотрудники конкурирующих коммерческих структур;

- третья группа – это хакерские сообщества.

Преступная деятельность в киберпространстве может быть весьма продолжительной и длиться на протяжении нескольких лет. Высокая латентность данной категории преступлений, приводит субъекта к ложному ощущению безнаказанности, что в свою очередь мотивирует преступников на совершение новых преступлений в сфере высоких технологий, приносящим больший ущерб объекту преступного посягательства.

Согласно данным статистики при совершении преступлений профессиональными киберпреступниками высокий интерес проявляется к банковской сфере, они хорошо разбираются в телекоммуникационных и расчетно-платежных банковских технологиях. Создание эффективной системы безопасности от взлома сетей в финансовой сфере – приоритетная задача, которая в настоящее время не решена и универсальных механизмов противостояния хакерской деятельности нет.

Преступления в сети зачастую совершаются группой хакеров, особенно если планируется сложная преступная акция, при чем техническая оснащенность таких хакерских групп очень хорошая, как и интеллектуальный уровень участников.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что в настоящее время нет исчерпывающих данных о криминалистической характеристике киберпреступника как о субъекте киберпреступления, данная отрасль криминалистики нуждается в глубоком анализе совершаемых с применением информационно-телекоммуникационных технологий преступлений именно в плане изучения личности преступника, ее типизации относительно конкретных видов совершенного деяния.

Библиографический список:

1. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2017, 2018, 2019, 2020 гг. [Электронный ресурс] <https://xn--b1aew.xn--plai/reports> (дата обращения: 18 июля 2021 г.).
2. Расширенное заседание коллегии МВД России от 3 марта 2021 г. [Электронный ресурс] <http://kremlin.ru/events/president/news/65090> (дата обращения: 18 июля 2021 г.).
3. Войскунский А.Е. Личность в сети: становление и современное состояние киберпсихологии [Электронный ресурс] http://library.isu.ru/ru/resources/e-library/conf_works_ISU/psy_soderzhanie/B-4.pdf (дата обращения: 18 июля 2021 г.)

© А.А. Сапухин, 2021

Тараканова Дарья Алексеевна,
курсант 4 курса Факультета подготовки экспертов
криминалистов и оперативных сотрудников полиции
Волгоградской академии МВД России
Научный руководитель: Сысолина Наталия Сергеевна,
преподаватель кафедры уголовного права УНК по ПС в ОВД
Волгоградской академии МВД России

РАЗВИТИЕ ДОСУГОВОЙ ЗАНЯТОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК МЕРА ПРОФИЛАКТИКИ МОЛОДЕЖНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Преступность – одна из социальных проблем, способствующая регрессу всего общества. Особенную тревогу при этом вызывает противоправная деятельность подростков, которые при ненадлежащем контроле со стороны взрослых и отсутствии продуктивного досуга в свободное от учебы и работы время, способны преступить закон и встать на устойчивый криминальный путь.

Преступная активность несовершеннолетних обусловлена рядом факторов, от влияния на них ближайшего окружения и недостатков в воспитании со стороны родителей или заменяющих их лиц до воздействия средств массовой информации, сети «Интернет» и неумения фильтровать

большие потоки информации. Все это подкрепляется отсутствием у значительной части молодых людей позитивной досуговой деятельности, которая бы служила одной из профилактических мер их негативного девиантного поведения.

23 сентября 2020 года на Координационном совещании руководителей правоохранительных органов Российской Федерации Генеральный прокурор Игорь Краснов в качестве одной из причин преступности несовершеннолетних обозначил упущения в организации профилактической работы в учреждениях образования, органах опеки и попечительства, комиссиях по делам несовершеннолетних [1]. Полагаем, что указанная профилактическая работа должна включать, помимо прочего, меры по обеспечению и организации досуговой занятости подростков в свободное время, которые бы создавали условия для саморазвития, предупреждая деградацию личности ребенка и последующие преступные последствия.

Согласно статистическим данным аналитического агентства BuisinesStat, указанным в анализе рынка дополнительного образования детей в России в 2016-2020 гг., численность учреждений дополнительного образования в Российской Федерации сократилась более чем на 20% за счет бюджетного сектора [2]. При этом обучение несовершеннолетнего в кружках и занятия в секциях может позволить себе не каждая семья. Многие подростки остаются без надлежащего образования, круг их интересов сужается, появляется больше свободного времени и меньше контроля со стороны взрослых. В силу возраста, эмоциональной неустойчивости, несформированности ценностных ориентаций большая часть подростков находит развлечения в уличных компаниях, употреблении алкоголя и запрещенных веществ, компьютерных играх, экстремальных увлечениях, социальных сетях. Это, в свою очередь, способствует низкому уровню развития, падению интереса к образовательной, научной, культурной, общественной и творческой видам деятельности, появлению антиобщественных установок и совершению правонарушений.

Одним из решений проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних видится комплексная организация их досуговой деятельности. «Досуг несовершеннолетних – это своеобразный потенциал общества завтрашнего дня, ибо именно от того, как человек научится организовывать свой досуг в детские годы, зависит наполненность всей его дальнейшей взрослой жизни», – отмечает А. А. Беженцев [3].

Однако с бесплатным досугом, который бы мог охватить широкие массы несовершеннолетних, дела обстоят сложно – с каждым годом все больше кружков и секций для детей становятся платными. Так, опрос 2,7 тыс. родителей из 84 регионов, проведенный Общероссийским Народным Фронтом совместно с Фондом «Национальные ресурсы образования» показал, что пятая часть российских детей сегодня не посещают никаких дополнительных занятий. Главная причина – недостаточно материальных средств в семье [4]. Об этом рассказали 28% опрошенных семей, в которых бюджет семьи не предусматривает таких затрат. Еще 18% отметили, что ходить в кружки отказывается сам ребенок, поскольку нет интересных программ, 16% – что у ребенка не хватает времени, а 11% родителей опасаются, что дети не будут успевать в школе. К слову, в большинстве школ досуговая деятельность подростков также оставляет желать лучшего, а редкие бесплатные секции охватывают лишь начальные классы. Особенно плачевная ситуация сложилась в сельской местности: неразвитая инфраструктура, низкие доходы населения и упадок деятельности местных домов культуры способствуют росту негативного отклоняющегося поведения среди несовершеннолетних.

Зависимость между отсутствием продуктивного досуга несовершеннолетних и преступностью подтверждается работой Центров временного содержания несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел, которые обязаны устанавливать обстоятельства, причины и условия, способствующие совершению поступившим к ним подростками общественно опасных деяний, и проводить с ними профилактическую работу. Так, при приеме в Центр каждого несовершеннолетнего правонарушителя составляется индивидуальная анкета, в которой, в том числе, отражаются сведения о его интересах и досуговой занятости [5]. Примечательно, что в пределах Волгоградского региона абсолютной большинство доставленных в Центр подростков ничем дополнительно не занимаются и не желают этого делать.

Исходя из изложенного выше, видится несколько направлений предупреждения преступности несовершеннолетних посредством воздействия на их досуговую занятость:

1. Развитие дополнительного образования, учреждения которого будут финансироваться из средств федерального, регионального и местного бюджетов. Особое внимание здесь стоит уделить отдаленным сельским районам.

Важность данного направления развития подчеркнул в своей речи Президент Российской Федерации Владимир Путин в своем Послании Федеральному Собранию РФ от 21 апреля 2021 г., предложив направить в ближайшие три года 24 миллиарда рублей на обновление домов культуры, библиотек, музеев в сельской местности, в малых исторических городах России, а также создать президентский фонд культурных инициатив, чтобы поддержать проекты в сфере культуры, искусства и творчества со стороны креативных команд. Представляется, что такие мероприятия должны охватить как провинцию, где остро стоят проблемы отсутствия детского досуга и подростковой преступности, так и крупные города, где более всего сосредоточено население.

2. Совершенствование механизма предоставления отчетности субъектов профилактической деятельности несовершеннолетних, связанной с развитием их досуга.

В качестве отдельной меры здесь можно выделить внесение поправок в региональное и местное законодательство, которые бы обязывали субъектов обеспечения бесплатного досуга несовершеннолетних регулярно отчитываться о проделанной работе не только в рамках ведомственного контроля, но и делать такие отчеты более прозрачными и доступными для общественности. Такой подход позволит точно оценить реальность проводимой в этом направлении профилактической работы с несовершеннолетними и оценить степень ее эффективности.

3. Совершенствование организации трудовой деятельности несовершеннолетних в свободное от учебы время, которая бы предусматривала как непосредственное увеличение рабочих мест в учреждениях занятости населения, так и расширение сфер деятельности, которыми бы могли заниматься подростки с учетом их интересов: наука, творчество, IT-технологии и т.п.

4. Активизация и повышение мотивации несовершеннолетних к занятиям в спортивных секциях, творческих, научных кружках, а также к самостоятельному легальному заработку.

В век развития компьютерных технологий именно отсутствие мотивации зачастую становится камнем преткновения на пути подростка к осознанной и продуктивной деятельности в свободное от учебы время, что в дальнейшем нередко приводит к негативному девиантному поведению. Мерами профилактики в данном случае могут служить:

- более широкое информирование несовершеннолетних со стороны соответствующих органов и учреждений о возможности посещения тех или иных секций, кружков на бюджетной основе, а также законной оплачиваемой работы во время каникул;

- развитие и расширение направлений досуговой развивающей деятельности несовершеннолетних с обязательным учетом их мнения, интересов и потребностей.

Таким образом, можно сделать вывод: чем активнее государство развивает бесплатную досуговую занятость детей и подростков с одновременно принимаемыми мерами по повышению их мотивации заниматься такой деятельностью в условиях комплексного предупреждения преступности несовершеннолетних, тем благоприятнее выглядит прогноз преступности данного вида в обозримом будущем.

Библиографический список:

1. Генеральная прокуратура Российской Федерации : офиц. сайт. – Москва. – URL : <https://genproc.gov.ru/smi/events/news-1890336/> (дата обращения 19.11.2021).

2. Анализ рынка дополнительного образования детей в России в 2016-2020 гг., оценка влияния коронавируса и прогноз на 2021-2025 гг. / ООО «БизнесСтат». – Москва, 2021. – URL : <https://businessstat.ru> (дата обращения 19.11.2021).

3. Беженцев А.А. Устранение причин правонарушений несовершеннолетних путем их вовлечения в культурно-досуговую деятельность // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2018. – № 3 (79). – С. 68.

4. Общероссийский народный фронт : офиц. сайт. – Москва. – URL : <https://onf.ru/2019/05/23/opros-onf-pokazal-cto-v-rossii-vse-bolshe-kruzhkov-i-sekciy-dlya-detey-stanovyatsya/> (дата обращения 19.11.2021).

5. О совершенствовании деятельности центров временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей : Приказ МВД России от 01.09.2012 № 839 // Справ.-правовая сист. «КонсультантПлюс».

© Д.А. Тараканова, 2021

Фадеева Юлия Руслановна,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России

КОНТРОЛЬ И ЗАПИСЬ ПЕРЕГОВОРОВ: ПОНЯТИЕ, ПРЕДМЕТ, УСЛОВИЯ И ОСНОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА

Следственное действие контроль и запись переговоров закреплено в ст. 186 главы 25 УПК РФ. В указанной статье отсутствует определение рассматриваемого следственного действия, однако его можно обнаружить в п. 14.1 ст. 5 УПК РФ: «прослушивание и запись переговоров путем использования любых средств коммуникации, осмотр и прослушивание фонограмм». Если обратить внимание на наименование ст. 186 УПК РФ «Контроль и запись переговоров» и понятие, закрепленное в п. 14.1 ст. 5 УПК РФ «контроль телефонных и иных переговоров», не трудно заметить, что они не идентичны. С чем связано решение законодателя по-разному назвать одно и то же правовое явление, не известно и не понятно. Ширев Д.А. считает, что такой подход является разумным, поскольку в п. 14.1 УПК РФ раскрывается технический аспект производства рассматриваемого следственного действия, а в п. 186 УПК РФ – процессуальный [1, с. 23]. Данный факт, по его мнению, не является противоречивым, а наоборот позволяет лучше понять сущность этого действия. В свою очередь, мы не можем согласиться с Ширевым Д.А., поскольку считаем, что имеющиеся несоответствия не допустимы, поскольку они приводят к ошибочному пониманию норм уголовно-процессуального законодательства. В обоснование нашей позиции предлагаем обратиться к названию статьи 5 УПК РФ «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе». Исходя из представленного названия, в этой статье должны раскрываться только те понятия, которые содержатся в УПК РФ. Соответственно, в п. 14.1 должно содержаться и разъясняться именно понятие «контроль и запись переговоров», закрепленное в ст. 186 УПК РФ, а не переформулированное и раскрывающее лишь отдельные аспекты, как считает Ширев Д.А. Кроме того, мы считаем, что само название «контроль и запись переговоров» является более удачным и охватывает как процессуальную, так и техническую часть. Под словом «контроль» понимается «наблюдение с целью проверки» [2], согласно словарю Ожегова С.И. «постоянное наблюдение в целях проверки

и надзора» [3], в соответствии со словарем Ушакова Д.Н. «наблюдение, надсмотр над чем-н. с целью проверки», «лица, занимающиеся контролем, контролеры»[4]. Опираясь на представленные значения, можно сделать вывод, что в этой части выражается процессуальная сторона, под которой понимается деятельность следователя по контролю за работой подразделений, осуществляющих непосредственное прослушивание. Под «записью» согласно тем же источникам понимается «то, что записано» [4], «процесс фиксации данных для сохранения на носителях информации, а также сам результат этого процесса» [5]. Исходя из значения слова «запись», можно говорить о том, что в данной части выражается деятельность подразделений по непосредственному закреплению полученной информации на электронном носителе, то есть его техническая часть. Но нельзя не согласиться с Ширевым Д.А., который считает, что в части записи в данном случае подразумевается и деятельность следователя, составляющего протокол [1, с. 25]. Действительно, именно следователь формулирует на основе предоставленных записей доказательства и отражает их в протоколе, выражая, опять же, тем самым, процессуальную деятельность.

Предметом рассматриваемого следственного действия выступают переговоры: а) телефонные; б) иные переговоры. С телефонными переговорами все более менее ясно, под ними понимаются переговоры, осуществляемые с помощью телефона, но что понимается под «иными переговорами»? На этот счет существует три точки зрения. Сторонники первой из них считают, что сюда стоит отнести любые устные разговоры, осуществляемые лично без использования каких-либо средств связи[6, с. 63]. Приверженцы второго подхода к «иным переговорам» относят только устные переговоры с помощью каких-либо средств связи подобных телефону[7, с. 8]. Третья группа придерживается мнения о том, что к «иным переговорам» следует относить не только устные переговоры, но и другие виды переговоров, но осуществляемых только по средствам электросвязи[8, с. 161]. Очевидно, что различные подходы к пониманию предмета контроля и записи переговоров возникли не случайно. Связано это с тем, что законодатель не конкретизировал, что именно следует понимать правоприменителю под «иными переговорами». Однако, проявив внимательность к содержанию статьи 186 УПК РФ, можно выявить некоторые формулировки, наталкивающие нас на мысль о том, что следует понимать под «иными переговорами». Во-первых, на наш взгляд не маловажен тот факт, что

«иные переговоры» употреблено наравне с «телефонные», отсюда напрашивается вывод о том, что под «иными» следует понимать переговоры, осуществляемые с помощью технических устройств, схожих по выполняемым функциям с телефоном (планшет, рация итд). Во-вторых, необходимо обратить внимание на употребление термина «фонограммы» в ч. 6, 7 ст. 186 УПК РФ относительно результатов контроля и записи переговоров. Согласно словарю Ушакова Д.Н. под «фонограммой» понимается «пластинка, валик или пленка с звуковой записью, произведенной фонографом»[4]. Основываясь на вышеизложенном, в рамках действующего законодательства, под «иными переговорами» стоит понимать переговоры, осуществляемые с помощью технических устройств подобных телефону, при этом, употребление термина «фонограмма» свидетельствует о том, что результат контроля и записи переговоров может быть только в виде фонограммы на соответствующем носителе информации.

Контроль и запись переговоров может проводиться при наличии достаточных оснований полагать, что телефонные и иные переговоры подозреваемого, обвиняемого и других лиц могут содержать сведения, имеющие значение для уголовного дела, а также при наличии угрозы совершения насилия, вымогательства и других преступных действий в отношении потерпевшего, свидетеля или их близких родственников, родственников, близких лиц по их заявлению. Необходимо отметить, что по первому основанию существует условие, только при наличии которого, возможно проведение контроля и записи переговоров, - это категория преступления, а именно: средняя, тяжкая и особо тяжкая. С одной стороны думается, что выделение категорий преступления является разумным, поскольку производство контроля и записи переговоров сопряжено со значительным ограничением прав и свобод лиц, и их производство недопустимо по преступлениям небольшой тяжести. С другой же стороны, такое выделение категорий противоречит принципу справедливости, поскольку получается, что для расследования преступлений любой другой категории, кроме небольшой тяжести, представлено большее число инструментов. Кроме того, невозможность проведения контроля и записи переговоров по уголовным делам о преступлениях небольшой тяжести препятствует эффективному расследованию некоторых категорий уголовных дел [9, 179]. При производстве по второму основанию тяжесть преступления не играет роли, поскольку в этом

случае следственное действие проводится «не для установления обстоятельств совершенного преступления, а для предотвращения преступных действий в отношении участников уголовного процесса» [8, с. 167].

Подводя итоги вышеизложенному, хотелось бы сказать, что действующее уголовно-процессуальное законодательство относительно регламентации контроля и записи переговоров не совершенно даже в части закрепления понятийного аппарата, предмета следственного действия и условий проведения. По нашему мнению, эффективное функционирование контроля и записи переговоров невозможно при наличии каких-либо пробелов в регламентации в принципе, а тем более в основных положениях, в которых заключается его сущность. Их переосмыслением и переработкой мы займемся в рамках нашей дальнейшей научной деятельности.

Библиографический список:

1. Ширев Д.А. Контроль и запись телефонных и иных переговоров и их доказательственное значение в уголовном судопроизводстве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 219 с.
2. Картослов. ру. URL: <https://kartoslov.ru> (дата обращения 14.11.2021).
3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук; Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: А-ТЕМП, 2004.
4. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: 100 000 слов и словосочетаний/ Гос. ин-т «Сов. Энцикл.»; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. И нац. Слов, 1935-1940.
5. Запись [Электронный ресурс]: Википедия. Свободная энциклопедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/запись> (дата обращения: 14.11.2021).
6. Шаталов А. С. Контроль и запись переговоров на предварительном следствии: правовые основания, тактические условия, технология проведения // Право. М., 2009. № 3. С. 62-63.
7. Вагурин Д. В. Контроль и запись переговоров в уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 199 с.
8. Стельмах В. Ю. Следственные действия, направленные на получение сведений, передаваемых по средствам связи, Монография, Екатеринбург, 2015. 216 с.

9. Светашева А. Г. Процессуальные проблемы организации борьбы с преступлениями небольшой тяжести, связанные с ограничениями порядка контроля и записи переговоров // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями, 2013. № 11-1. С. 178–179.

© Фадеева Ю.Р., 2021

Хмелевских Эвелина Сергеевна,
курсант 3 курса Факультета подготовки следователей
Волгоградской академии МВД России
Научный руководитель: Синкевич Вероника Викторовна,
доцент кафедры уголовного процесса УНК по ПС в ОВД
Волгоградской академии МВД России,
кандидат юридических наук

К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОЛОЖЕНИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ

Проблеме теоретической основы освидетельствования посвящено достаточно научных трудов современных российских ученых. Вместе с тем можно утверждать, что практическая модель реализации производства данного следственного действия весьма далека от законченной формы.

Одной из первейших гарантий эффективности раскрытия совершенного преступления, изобличения виновного лица, а также своевременной компенсации причиненного потерпевшему вреда является производство неотложных следственных действий, которые проводятся правоохранительными органами сразу же после получения сообщения или заявления о преступлении. Порядок рассмотрения сообщений о преступлении регламентирован ст. 144 УПК РФ. Уголовно-процессуальный закон дает четкое определение понятия «Неотложные следственные действия», согласно п. 19 ст. 5 УПК РФ «Неотложные следственные действия» - действия, осуществляемые органом дознания после возбуждения уголовного дела, по которому производство предварительного следствия обязательно, в целях

обнаружения и фиксации следов преступления, а также доказательств, требующих незамедлительного закрепления, изъятия и исследования.

В рамках своей работы хотелось обозначить те пробелы Российского законодательства, которые выявлены в ходе изучения судебной практики, а именно осуществления следственного действия, указанного в ст. 179 УПК РФ Освидетельствование.

Для производства следственных действий уполномоченное на то лицо обязано не только знать уголовно-процессуальный закон, но и отчетливо понимать значение буквы закона, которая необходима, если ей отводить правильное место в иерархии права. С ее помощью регулируется направленность поведения людей. При неопределенном и условном характере буквы закона складывается мнение об относительности правового регулирования (по своему содержанию и обязательности).

Противоречия между абстрактностью отдельных предписаний закона и конкретностью, регулируемой сферы общественной жизни, обуславливают принятие новых законов или конкретизации правовых положений. В результате чего одна норма порождает множество, к которому также имеется ряд вопросов. Нормативные предписания, как инструмент при помощи которого следственные органы осуществляют регулирование правоприменения, необходимое для поддержания правопорядка в обществе.

Разберем подробнее ст. 179 УПК РФ. В данной статье отображены цели и способы освидетельствования, а также указано, что в случаях, не терпящих отлагательства, освидетельствование может быть произведено до возбуждения уголовного дела. Что именно законодатель подразумевает под случаем, не терпящим отлагательств? В теоретической части закона не закреплено понятие обстоятельств, не терпящих отлагательства. Что касемо литературы уголовно-процессуального права, существует не одно определение данного понятия:

1. Ситуация, когда промедление с совершением указанных процессуальных действий может реально повлечь: 1) утрату следов преступления; 2) сокрытие лиц, его совершивших; 3) утрату возможности возмещения ущерба причиненного преступлением; 4) утрату доказательств и другие негативные последствия.

2. Ситуации, когда необходимо реализовать меры по предотвращению или пресечению преступления;

3. Ситуации, характеризующиеся исключительностью своего содержания и т.д.

В толковых словарях термин «неотложное» трактуется как «безотлагательное, спешное, настоятельное, необходимое действие».

Отсутствие в науке единого понимания сущности ситуаций, не терпящих отлагательств, обусловлено в том числе и несовершенством уголовно-процессуального законодательства. По отношению к данному факту мы могли бы добавить, что вариантов понятия «ситуации, не терпящие отлагательств» можно вывести гораздо больше, нежели принято считать. Однако, несмотря на такое многообразие понятий, им всем присущи одинаковые недостатки. Нет ни теоретического смысла, ни практической значимости данного понятия. Однако, несмотря на столь широкий круг определений данного понятия, они обладают одними и теми же теоретическими проблемами, ставящих под сомнение пользу от использования подобных определений. К основным проблемам относятся: 1) неправовое обоснование реализации производства освидетельствования; 2) теоретическая точность употребления определения данного понятия.

Мы рассмотрим только первую проблему, потому как вторая затрагивает огромный пласт вопросов, относительно того, верно ли трактуются определения иных понятий уголовно-процессуального закона.

Вопрос, затрагивающий проблему необходимости включения морали в право, является актуальным с давнего времени. Существует множество школ, изучающих данную проблему, которые так и не пришли к определенному выводу. Рассматривая тему данной научной статьи, мы видим прямую зависимость нормы права и морали.

Освидетельствование принято считать невербальным следственным действием, основанным на закономерностях наглядно-образного восприятия окружающей реальности. Несмотря на это автономный правовой режим для освидетельствования не случаен. Законодатель обозначает освидетельствование как отдельное следственное действие в силу значимости объекта его производства – тело живого человека. Производство освидетельствования предполагает возможность получения значимой информации против воли обследуемых людей, т.е. идет речь о использовании государственного принуждения. Исходя из этого следует говорить о правомерности производства данного следственного действия после вынесения соответствующего постановления, т.е. при наличии юридического основания, поскольку данный

распорядительный акт устанавливает дополнительные обязанности лиц, участвующих в производстве освидетельствования.

Постановление о возбуждении уголовного дела является официальным процессуальным актом, с которого государство начинает уголовное преследование определенного лица и/или расследование факта. Согласно ст. 149 УПК РФ следователь приступает к производству предварительного следствия только после вынесения постановления о возбуждении уголовного дела. Что касемо производства следственных действий, согласно общим правилам, следственные действия, предусмотренные статьями 178 ч.3, 179, 182 и 183 производятся на основании постановления следователя (ст. 164 УПК РФ). Исходя из положений ст. 179 т.е. допуская освидетельствование до возбуждения уголовного дела, законодатель не создал условий для реализации данной нормы. В изученной мною судебной практике не упоминается производство освидетельствования до возбуждения уголовного дела. Возникает противоречие между правами следователя и личной неприкосновенностью граждан РФ, которая регламентирована в ст. 22 Конституции Российской Федерации. Мы видим что, данная норма применяется на практике достаточно редко, поскольку имеет негативное воздействие на последующий процесс расследования уголовного дела, т.е. существуют закрепленные уголовно-процессуальным законом основания для возбуждения уголовного дела и после вынесения постановления следователя о возбуждении уголовного дела, проводимое ранее освидетельствование не может входить в перечень достаточных оснований, тем самым мы видим, что данное действие не носит необходимый характер для возбуждения уголовного дела, что дает право на обжалование освидетельствования, проводимого до возбуждения уголовного дела. Также мы не можем рассматривать освидетельствование как повод к возбуждению уголовного дела, поскольку стоит еще раз обратиться к Уголовно-процессуальному закону, а именно ч. 1. ст. 140, где указан перечень обстоятельств являющимися поводами для возбуждения уголовного дела.

Объективная обусловленность взаимодействия нормы права и морали четко прослеживается в ч. 4 ст. 179 УПК РФ, где законодатель запрещает следователю присутствовать при обнажении человека другого пола, предусматривает проведение такого действия врачу, а также не позволяет использование дополнительных средств фото и видео фиксации его хода

и результатов без согласия освидетельствуемого лица, что обеспечивает реализацию принципа уважения чести и достоинства личности.

Согласно закону лица, уполномоченные осуществлять следственное действия, предусмотренное нормой ст. 179 УПК РФ обязаны соблюдать все принципы уголовно-процессуального закона, в том числе защищать личность от незаконного ограничения прав и свобод. Уместно ли ставить вопрос о незаконности ограничения прав и свобод личности при производстве освидетельствования до возбуждения уголовного дела?

Освидетельствование, как правило, является следственным приемом, который позволяет на первоначальном этапе досудебного производства получить криминалистически значимую информацию, на основании которой появляется возможность не только сформировать личность самого преступника, но и исходное представление о механизме преступления.

По мнению одного из ведущих ученых Российской Федерации Бориса Тимофеевича Безлепкина, посредством освидетельствования могут быть обнаружены особые приметы (родимые пятна, выразительные родинки, татуировки), следы преступления, телесные повреждения, выявлено состояние опьянения и иные свойства и признаки, имеющие значение для уголовного дела [1, с. 155]. В результате чего данные объекты позволяют определить не только образ жизни, профессию, привычки, но и выявить связь человека с преступлением.

Одна из наиболее актуальных проблем производства освидетельствования связана не только с осуществлением данного действия до возбуждения уголовного дела, но и с установлением фактов наркотического, алкогольного или иного опьянения подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего и свидетеля (по общему правилу – только с его согласия). Причиной появления данной проблемы послужила возможность реализации технической стороны установления данного факта. Определение состояния опьянения предполагает проведение совокупности мер по исследованию выдыхаемого воздуха, мочи, крови с непосредственным использованием технических средств для измерения.

Исходя из научной литературы, еще раз обратимся к определению понятия освидетельствования. Доцент, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА) Татьяна Юрьевна Вилкова, а также доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры

уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Сергей Борисович Россинский позиционируют определение понятия освидетельствование следующим образом: «Освидетельствование – это следственное либо судебное действие, заключающееся в наружном осмотре следователем или судом тела человека в целях установления на нем особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения и иных свойств и признаков, позволяющих судить о связи этого человека с уголовным делом, если для этого не требуется производства судебной экспертизы». Таким образом мы видим, что дифиниенсом (определяющим понятием) данного термина является наружный осмотр, т. е. наблюдение и сравнение различных признаков и свойств между собой, исходя из собственных чувств и применяя различные методы познания, что напрямую противоречит применению технических средств при производстве освидетельствования. Выявленная правовая неопределенность приводит к весьма порочной практике, не предполагающей уголовно-процессуальную форму [2, 27].

Таким образом становится очевидно, что теоретический аспект данного следственного действия не соответствует его практическому применению, как до возбуждения уголовного дела, так и после.

Исходя из возможных вариантов решения данной проблемы можно выделить две основные позиции:

Первое:

Необходимо конкретизировать ситуации не терпящие отлагательств в уголовно-процессуальном законе и дать четкое определение данного понятия;

Второй вариант развития событий:

Законодательно формализовать основу реализации данной нормы права.

Таким образом, это позволит повысить уровень фактической значимости производства освидетельствования и решит вопрос возможности его осуществления до возбуждения уголовного дела.

Библиографический список:

1. Б.Т. Безлепкин. Уголовный процесс в вопросах и ответах: учебное пособие: издание девятое, переработанное и дополненное. М., 2021г.

2. А.Т. Анешева, Л.Ю. Аксенова Освидетельствование: сущность и задачи. Уголовная юстиция, 2021. № 17. С. 25-29.

© Э.С. Хмелевских, 2021

Шипков Александр Владимирович,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России

О РОЛИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ ПРИНЦИПА ГУМАНИЗМА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ

Вопросы, связанные с проводимой в России уголовно-правовой политикой, направленной на реализацию принципа гуманизма, были и остаются весьма актуальными. На сегодняшний день реализация данного принципа способствовала внесению в уголовное законодательство большого количества изменений, направленных как на улучшение положения лиц, совершивших общественно-опасные деяния, так и на защиту лиц, чьи права могут быть нарушены в результате совершенных противоправных действий.

Для того чтобы понять суть содержания принципа гуманизма в уголовном праве России, необходимо рассмотреть истоки его формирования.

Следует отметить, что первоисточником, определившим содержание принципа гуманизма, выступают учения представителей гуманистической философии, провозгласившей фундаментальной ценностью человечность и призывающей к уважению и защите человека, недопущению ущемления его прав и свобод, недопущению совершения в отношении последнего насилия. Для гуманистов человек ценен сам по себе, как таковой, уже в силу своего рождения. Гуманист изначально положительно относится к человеку, каким бы этот человек ни был, законопослушным или преступником, мужчиной или женщиной, соплеменником или другой национальности, верующим или неверующим [2, с. 57].

Уголовный кодекс РСФСР 1960 года не предусматривал каких-либо принципов, направленных на защиту прав и свобод человека. Приоритетными объектами охраны норм этого правового акта выступали - общественный строй, а также политическая и экономическая система государства. защите прав и свобод человека уделялось второстепенное значение. Однако с учетом складывающейся международной политики, ориентированной на уважение, защиту прав и свобод человека, СССР, как и большинством стран мира, был ратифицирован ряд международных договоров в области защиты прав

человека, после чего была проведена масштабная имплементация содержащихся в них норм в национальное законодательство.

Сложившаяся в декабре 1991 года политическая предпосылка в виде распада СССР и объявление независимости Российским государством, а также взятый Россией курс на гуманизацию национального законодательства, способствовали разработке нового Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ), который вступил в силу с 1 января 1997 года. Данный нормативный правовой акт закрепил в себе приоритет защиты прав и свобод граждан и отодвинул на второй план интересы государства. Кроме того, законодателем были включены принципы регулирования уголовных правоотношений, в том числе и принцип гуманизма, который нашел свое отражение в статье 7 УК РФ.

В соответствии с содержанием ст. 7 УК РФ, реализация принципа гуманизма заключается: в обеспечении безопасности человека; в недопущении причинения лицу, совершившему преступление, физических страданий или унижения его человеческого достоинства при назначении наказания или применении иных мер уголовно-правового характера к лицу.

Рассмотрим основные международные акты, которые сыграли наиболее важную роль в формировании принципа гуманизма.

Всеобщая декларация прав человека, принятая на третьей сессии Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 году. Всеобщая декларация определила, что все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах, каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность. Также она закрепила в себе запрет на применение пыток, жестокое и бесчеловечное или унижающее достоинство человека обращение и наказание. Генеральная ассамблея провозгласила декларацию в качестве задачи, к выполнению которой должны стремиться все народы и государства. Несмотря на то, что данный документ носил рекомендательный характер, он был признан многими странами мира, в том числе и СССР [3].

Международный пакт «О гражданских и политических правах» принятый Генеральной Ассамблеей ООН 16 декабря 1966 году. Данный документ основан на Всеобщей декларации прав человека и развивает ее положения о праве человека на жизнь. Международный пакт обязывает стороны уважать права людей, включая право на жизнь и надлежащую правовую процедуру, справедливое судебное разбирательство, устанавливает обязанность государств

гуманно обращаться и уважать достоинство человека лишенного свободы, не допускает неправомерного лишения лица свободы, ограничивает применение наказания в виде смертной казни и устанавливает право приговоренного лица на амнистию и помилование [7].

Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1984 года. Нормы данного документа направлены на повышение эффективности борьбы против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания во всем мире [5].

Значительную роль на пути к становлению принципа гуманизма в уголовном законодательстве сыграл принятый в январе 1989 года Итоговый документ Венской встречи 1986 года представителей государств-участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Аналогично вышеуказанным международным актам, данный документ включил в себя запреты на пытки, произвольные аресты, обязал государства – участников гуманно и с уважением относиться к заключенным, соблюдать принятые ООН минимальные стандартные правила обращения с заключенными и т.д. [4].

Подписание СССР в 1989 году Венских соглашений и принятие обязательств по приведению национального законодательства в соответствие с международными стандартами в области прав человека во многом обусловили реформу уголовного законодательства, увенчавшуюся заменой УК РСФСР 1960 года новым уголовным кодексом, вступившим в силу 1 января 1997 года и закрепившим в себе принцип гуманизма.

Необходимо отметить, что смысл, который заложил законодатель в ст. 7 УК РФ гораздо шире ее текстуального выражения. Действие данного принципа нашло свое отражение в таких уголовно-правовых институтах как: обстоятельства, исключающие преступность деяния, назначение наказания, освобождение от уголовной ответственности и наказания, амнистия и помилование и т.д. Так, ст. 37 УК РФ устанавливает право лица на необходимую оборону, ч. 3 ст. 60 УК РФ обязывает суд учитывать влияние назначенного наказания на исправление осуждённого и условия жизни его семье, ст. 73 УК РФ дает суду возможность условного осуждения виновного, ст. 15 УК РФ предоставляет суду право изменять категорию тяжести

совершенного лицом преступления на менее тяжкую, ст.ст. 84-85 УК РФ устанавливают порядок помилования и амнистии и т.д.

Содержание указанных норм во многом продиктовано требованиями Европейской конвенцией о защите прав человека и свобод принятой 4 ноября 1950 года.

Несмотря на то, что Конвенция была ратифицирована Россией лишь в 1998 году, ее положения оказали сильное влияние на реформирование уголовного законодательства, однако ее нельзя отнести к правовому источнику принципа гуманизма, так как УК РФ был разработан гораздо раньше и на момент его вступления в силу Конвенция не имела юридической силы на территории России.

В науке встречаются и другие мнения относительно роли Конвенции в развитии уголовного законодательства. Так, по мнению И.А. Кузнецовой Европейская конвенция является правовым основанием закрепления в уголовном праве и уголовной политике России принципа гуманизма [6].

Основные положения указанных документов заимствованы практически всеми существующими в настоящее время конституциями стран мира, в том числе и Россией. В основу Конституции Российской Федерации были положены предписания международных актов в области защиты прав человека. В соответствии со ст. 17 Конституции в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права.

Несомненно, Конституция является важным правовым источником становления принципа гуманизма в уголовном праве. В ч. 2 ст. 2 Конституции России сказано: «Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию». Ст. 2 Конституции РФ возлагает на государство обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина. Достоинство человека – неотъемлемое свойство человека как высшая ценность, принадлежащая ему независимо от того, как он сам и окружающие люди воспринимают и оценивают его личность. Как бы ни зарекомендовал бы себя человек, какими бы качествами, в том числе отрицательными, он ни обладал, государство и его органы обязаны в полной мере обеспечивать ему условия для реализации всех прав, обеспечивающих человеческое достоинство. Обеспечивать достоинство человека – значит, прежде всего, относиться к нему ни как

к объекту воздействия со стороны государства, а как к равноправному субъекту, который может защищать свои права всеми не запрещенными законом свойствами (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ) и спорить с государством в лице любых его органов. На это обратил внимание Конституционный Суд РФ в постановлении по делу о проверке конституционности ст. 220-1 и ст. 220-2 УПК РФ (ВКС РФ, 1995, №2-3, стр. 42) [1, с. 3].

Подводя итоги вышесказанному отметим, что важную роль в процессе становления принципа гуманизма в уголовном праве России сыграли международные правовые акты в области защиты прав человека. Имплементация содержащихся в них предписаний в национальное законодательство стала значимым событием для России. В результате международного признания принципа гуманизма права и свободы человека и гражданина были провозглашены высшей ценностью, и государство взяло на себя обязательство гарантировать эти права каждому человеку, который находится в поле его юрисдикции.

Библиографический список:

1. Байкина Н.А. Принцип гуманизма в современном уголовном праве. Проблемы его направленности // Вестник Волжской государственной академии водного транспорта. – 2014. – № 36. – С 53-58.
2. Балашов Л. Е. Этика. Учебное пособие – М., 2003. – 137 с.
3. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
4. Итоговый документ Венской встречи государств – участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Извлечения) URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/9/1/40885.pdf> (дата обращения: 26.10.2021).
5. Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1984 года). – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
6. Кузнецова И.А. Закрепление принципа гуманизма в уголовной политике государства // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики – Тамбов: Грамота, 2012. – № 10 (24). URL: <https://www.gramota.net/editions/3.html> (дата обращения: 25.10.2021).

7. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН). – Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

© А.В. Шипков, 2021

Янина Татьяна Николаевна,
адъюнкт адъюнктуры
Волгоградской академии МВД России

ИСКУССТВОВЕДЧЕСКАЯ СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК СРЕДСТВО ДОКАЗЫВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ РОССИИ

Успешная борьба с преступностью вообще и с посягательствами на археологическое наследие народов России в значительной степени зависит от качества предварительного следствия и судебного разбирательства. Высокое же качество указанных этапов уголовного судопроизводства определяется полным и умелым использованием достижений криминалистики и иных наук.

Специфика предметов преступного посягательства при совершении преступлений данной категории требует от органов расследования не только свободного ориентирования в действующем законодательстве, регулирующем оборот таких предметов, но и глубоких знаний тактики производства следственных действий, а также обязательного применения знаний специалистов в различных отраслях науки, техники, искусства или ремесла. Такие знания в уголовном судопроизводстве традиционно применяются в процессуальной и непроцессуальной формах.

Важнейшим видом процессуальной формы применения специальных знаний является, безусловно, назначение и производство судебных экспертиз. С учетом необходимости доказывания факта совершения преступного посягательства именно в отношении археологических предметов, то есть определенных объектов, обладающих признаками, указанными в нормативных правовых актах, по уголовным делам требуется производство ряда судебных экспертиз.

Одной из важнейших при этом является судебная искусствоведческая экспертиза, доказательственное значение которой в ходе расследования переоценить сложно. Как отмечает Т.Б. Михайлова, данная экспертиза «решает комплекс задач, связанных с анализом и оценкой произведения на подлинность, определением их историко-культурной и материальной ценности» [1, с. 6].

Назначаться она может в случае расследования различных преступлений, посягающих на культурные ценности, в том числе, и археологические предметы, а именно: незаконного поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания; хищения предметов, имеющих особую ценность; невозвращении культурных ценностей, в том числе, археологических предметов, в Российскую Федерацию.

В ходе ее производства «эксперт атрибутирует предмет (название, авторство, место изготовления), датирует его, определяет подлинность, а также историческую, художественную, культурную или иную ценность, определяет стоимость предмета» [2].

То есть, как отмечает Н.А. Прокопенко, искусствоведческая экспертиза направлена на решение трех блоков основных задач:

«1) атрибутивных, включающих определение аутентичности и времени исполнения произведения, автора и т.д.;

2) оценочных, включающих вопросы установления художественной, культурной или исторической ценности произведения, его материальной стоимости;

3) классификационных, связанных с отнесением исследуемого произведения или изделия по целевому направлению к конкретному классу, типу или виду продукции» [3, с. 46].

То есть, несмотря на отсутствие положений об обязательности назначения и производства данной судебной экспертизы в УПК РФ (в отличие, например, от судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертиз), а также разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ, ее назначение является обязательным, что обусловлено перечисленными выше задачами такого исследования.

В качестве объектов, направляемых на данную экспертизу, выступают произведения живописи, скульптуры, графики, декоративно-прикладного (профессионального и народного) искусства, кино- и видеопродукция, фотоматериалы т.д.

В случае совершения преступлений в отношении археологического наследия объектами ее выступают, как правило, археологические предметы, изъятые в ходе незаконных раскопок из мест залегания.

Примерный перечень вопросов, ставящихся на разрешение такой экспертизы, следующий:

Чем является представленный на исследование объект?

Каков возраст представленного на исследование объекта?

Какова техника изготовления представленного на исследование объекта?

Имеет ли представленный на исследование объект историко-культурную и художественную ценность?

Какова материальная стоимость представленного на исследование объекта и др.

По результатам данной экспертизы составляется заключение, которое является одним из предусмотренных УПК РФ источников доказательств, а фактические данные, содержащиеся в нем, - доказательствами.

Соответственно, только располагая ответами на указанные выше вопросы, можно говорить о совершении преступления, посягающего на археологическое наследие народов России (например, предусмотренного ст. 243.2 УК РФ), и, соответственно, принимать иные значимые решения по уголовному делу.

Библиографический список:

1. Михайлова Т.Б. Экспертиза культурных ценностей: учебно-методическое пособие. Екатеринбург, 2020. 160 с.

2. Злотникова И.В., Богатырев С.Е. Особенности проведения искусствоведческой экспертизы в рамках административного и уголовного делопроизводства / <https://wiselawyer.ru/poleznoe/42946-osobennosti-provedeniya-iskusstvovedcheskoj-ehkspertizy-ramkakh-administrativnogo-ugolovnogo>

3. Прокопенко Н.А. Актуальные вопросы судебно-искусствоведческих исследований культурных ценностей // Вестник Таганрогского института управления и экономики, № 1, 2018. С. 45-49.

© Т.Н. Янина, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Аксенова Л.Ю. СПОСОБЫ СОВЕРШЕНИЯ КРАЖ НЕФТЕПРОДУКТОВ НА ОБЪЕКТАХ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ТРАНСПОРТА	3
Аубакирова А.А. РАССЛЕДОВАНИЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ЭЛЕКТРОННОМ ФОРМАТЕ ПО УПК РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН	7
Аширбекова М.Т. О НЕКОТОРЫХ АСПЕКАХ ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ В СЛУЧАЕ СМЕРТИ ЛИЦА, ПОДЛЕЖАВШЕГО УГОЛОВНОМУ ПРЕСЛЕДОВАНИЮ	11
Баловина И.В. ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРОИЗВОДСТВА ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО СЛЕДСТВИЯ СЛЕДСТВЕННОЙ ГРУППОЙ В РОССИИ	16
Бирюков С.Ю. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБНАРУЖЕНИЯ, ФИКСАЦИИ И ИЗЪЯТИЯ СЛЕДОВ БИОЛОГИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА РАССЛЕДОВАНИЯ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ВИДАМ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	20
Бирюков С.Ю. СПЕЦИФИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПЕЦИАЛИСТА- КРИМИНАЛИСТА В ХОДЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ...	23
Быкова Е.Г. О НЕКОТОРЫХ СЛОЖНОСТЯХ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 160 УК РФ	27
Васильев Д.В. АСПЕКТЫ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ.....	32
Васильев Д.В. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ УЧАСТИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В НЕКОТОРЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ	35

Волколупов В.Г. ОСОБЕННОСТИ ПРЕДМЕТА ЖАЛОБЫ НА ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ И РЕШЕНИЯ ЛИБО БЕЗДЕЙСТВИЕ ДОЛЖНОСТНЫХ ЛИЦ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИХ УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЕ	38
Вологина Е.В. ОСОБЕННОСТИ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ ПО ДЕЛАМ О ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ	45
Гайнелъзянова В.Р. К ВОПРОСУ ОБ ОТДЕЛЬНЫХ СПОСОБАХ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ	52
Гилязов Р.Р. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ О КРИМИНАЛЬНЫХ БАНКРОТСТВАХ	55
Глебов В.Г. ВОПРОСЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ В ХОДЕ ПРОВЕДЕНИЯ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ	62
Глушков М.Р. К ВОПРОСУ О РИСКАХ ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	67
Гончарова С.В. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ УМЫШЛЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ ЧЕЛОВЕКА	76
Гордейчик С.А., Егорова Н.А., Икрянникова А.С. ВОПРОСЫ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)	80
Горкина Е.В. ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В ОТНОШЕНИИ АДВОКАТА	86
Горкина Е.В., Золотухина Н.В. НЕПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ, ОБЕСПЕЧИВАЮЩИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	91

Джафарова А.А. ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ, ГДЕ СУБЪЕКТОМ ВЫСТУПАЕТ ЖЕНЩИНА	96
Дронова О.Б., Рыжков И.В. ОЦЕНКА ЭФФЕКТИВНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННЫХ СПРАВОЧНЫХ ФОНДОВ ЭКСПЕРТНО- КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МВД РОССИИ	102
Евлушина Д.Н. ЛЕГАЛИЗАЦИЯ ДОХОДОВ, ПРИОБРЕТЁННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЁМ: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ	106
Евлушина Д.Н. ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ	110
Егорова Н.А., Гордейчик Т.С. ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ, СВЯЗАННЫЕ С СУИЦИДОМ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛИЗАЦИИ И ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА	114
Еремеева А.Н. ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ СБЫТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, СОВЕРШЕННОГО ПОСРЕДСТВОМ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОМУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ»	122
Ермакова А.Л. К ВОПРОСУ О ЦИФРОВИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	126
Жилкин М.Г. РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ XVIII ВЕКА В ТРУДАХ И.Т. ПОСОШКОВА	130
Жукова С.С. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПО УСТАНОВЛЕНИЮ ПРИЗНАКОВ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ	134
Зайцева Е.В. ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ РАССЛЕДОВАНИЯ ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	139

Зотов А.Ю. ОСОБЕННОСТИ ПРОФИЛАКТИКИ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	143
Зотова А.Ф К ВОПРОСУ ОБ ОТКРЫТОСТИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА НА ДОСУДЕБНОЙ СТАДИИ	149
Зотова А.Ф., Григорьева К.В. ЗАКОННОСТЬ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ ПРИНЦИП УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	153
Звонимир Иванович ОСОБЕННОСТИ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В СФЕРЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОМ ПОЛИЦЕЙСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ...	158
Иванусенко Ю.Б. ТАКТИКА ЗАДЕРЖАНИЯ И ИЗБРАНИЯ МЕРЫ ПРЕСЕЧЕНИЯ	172
Иголина Е.О. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ НЕОСТОРОЖНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕНАДЛЕЖАЩИМ ОКАЗАНИЕМ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ	175
Ищенко Д.П., Ищенко Г.К. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	182
Канубриков В.А. ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ АНТИБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ	187
Касаев И.Х. НЕЗАКОННЫЕ ОРГАНИЗАЦИЯ И ПРОВЕДЕНИЕ АЗАРТНЫХ ИГР: КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И МЕРЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ	191
Клементьева Е.С. ФАКТОРЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ	201
Колосович М.С. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ НЕГЛАСНОГО ХАРАКТЕРА ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ	206

Колосович М.С. ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ В ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ	213
Колосович О.С. ПРАКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СЛЕДСТВЕННЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ НЕСКОЛЬКИХ ГОСУДАРСТВ, В ХОДЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	222
Кравец Е.Г. РАБОТА СЛЕДОВАТЕЛЯ С ВЫСОКОТЕХНОЛОГИЧНЫМИ ОБЪЕКТАМИ В ХОДЕ ПРОИЗВОДСТВА ОБЫСКА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА ОРУЖИЯ	228
Лихолетов А.А. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕЗ АККРЕДИТАЦИИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ АККРЕДИТАЦИИ	235
Лугинец Е.А. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОФИЛАКТИКИ ФАЛЬШИВОМОНЕТНИЧЕСТВА, СОВЕРШАЕМОГО ОРГАНИЗОВАННЫМИ ЭТНИЧЕСКИМИ ГРУППАМИ	241
Лугинец Э.Ф. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	245
Лугинец Э.Ф. К ВОПРОСУ О НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТАХ, РЕГЛАМЕНТИРУЮЩИХ ИНСТИТУТ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	251
Макогон И.В. ИНТЕРЕСНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ НЕЗАВИСИМОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ	257
Макогон И.В. СПЕЦИФИКА ПРИМЕНЕНИЯ ФОТОГРАФИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ФИКСАЦИИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ	261

Митькова Ю.С. УПРОЩЕННОЕ ДОСУДЕБНОЕ ПРОИЗВОДСТВО: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ	269
Митькова Ю.С. ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ПРОКУРОРА ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ДОЗНАНИЯ	273
Морозова Д.А. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОБЫСКА И ВЫЕМКИ КАК СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЙСТВИЯ	277
Морозова Д.А. ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО (ЛЕГИТИМНОГО) ПРИМЕНЕНИЯ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ СОТРУДНИКАМИ ПОЛИЦИИ	283
Морозова Н.В. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СЕТИ ИНТЕРНЕТ	287
Намнясева В.В. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОТГРАНИЧЕНИЯ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	291
Нифталиева И.А. РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ	298
Павлов Р.Ю. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ	302
Попов В.А., Кузнецов М.Ю. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОВД В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ С ПРИМЕНЕНИЕМ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	307
Попова Л.В. К ВОПРОСУ ОБ ОСОБОМ ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	312

Рахимов А.И. ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ В КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКЕ ЛЖИ	317
Решняк О.А. ПРОБЛЕМЫ ПОЛУЧЕНИЯ ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ ПО РАССЛЕДУЕМОМУ ПРЕСТУПЛЕНИЮ ИЗ ИНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ	321
Сафонова Ю.С. О ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА	325
Свежинцев Е.И. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЗАДЕРЖАНИЯ В СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	329
Сенцов А.С., Волколупова В.А. ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С ДЕЯТЕЛЬНОМ РАСКАЯНИЕМ	333
Сенцов А.С., Волколупова В.А. К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ ПРИНЦИПА ЭКОНОМИИ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РЕПРЕССИИ И НЕОТВРАТИМОСТИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРИ ИХ РЕАЛИЗАЦИИ В ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ	339
Синкевич В.В. ОСОБЕННОСТИ ПРОДЛЕНИЯ СРОКА ЗАДЕРЖАНИЯ ПРИ ВВЕДЕНИИ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО ПОЛОЖЕНИЯ	346
Смирнов М.А. ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОЗНАНИЙ ПСИХОЛОГА И ПЕДАГОГА В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	350
Соколова Т.С. К ВОПРОСУ СОКРАЩЕННОЙ ФОРМЫ ДОЗНАНИЯ	357
Стрилец О.В. ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ОГРАНИЧЕНИЯ СВОБОДЫ	361

Сысолина Н.С. К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ИССЛЕДОВАНИЯ КРИМИНАЛЬНЫХ СУБКУЛЬТУР В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНО- ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 210.1 УК РФ	366
Сычева А.В. НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ В ОТНОШЕНИИ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ	371
Телигисова С.С. К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ РОССИЙСКИХ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ С КОМПЕТЕНТНЫМИ ОРГАНАМИ СТРАН СНГ	375
Теткин Д.В., Сазанов В.А. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ОБВИНЕНИЯ И ЗАЩИТЫ В ПРОЦЕССЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ, А ТАКЖЕ ДРУГИХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА	379
Трифорова К.А. ВОЗВРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ КАК ПРАВОВОЙ ИНСТИТУТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ	384
Файрушина Р.Д. ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ДОЗНАНИЯ КАК ФОРМЫ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ	390
Храмова Е.С. ТРЕХМЕРНАЯ ВИЗУАЛИЗАЦИЯ КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ВОСПРИЯТИЯ ОБСТАНОВКИ МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ	395
Чаплыгина В.Н. ПРОБЛЕМА ИНТЕГРАЦИИ СЛЕДСТВЕННОГО СУДЬИ В ИНСТИТУТ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В РОССИИ	400
Черменёва С.С. ПРЕОДОЛЕНИЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ, КАК ОДИН ИЗ ВАЖНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ПРИ ОРГАНИЗАЦИИ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЖИЛИЩНО-КОММУНАЛЬНОГО ХОЗЯЙСТВА	406

Шавкарова Е.Е. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ РОЗЫСКА ПОДОЗРЕВАЕМЫХ (ОБВИНЯЕМЫХ)	410
Шамшина О.С. ДЕЙСТВИЕ ПРИНЦИПА ЗАКОННОСТИ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА	414
Шамшина О.С. РОЛЬ РУКОВОДИТЕЛЯ СЛЕДСТВЕННОГО ОРГАНА В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАКОННОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СЛЕДОВАТЕЛЯ ОВД	419
Шкаплеров Ю.П. УЧАСТИЕ ЗАЩИТНИКА НА ДОСУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА РОССИИ И БЕЛАРУСИ В XX СТОЛЕТИИ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ	424
Шувалов Н.В. О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ СЛЕДСТВЕННЫХ И ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОВД ПО ВЫЯВЛЕНИЮ И РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	428
Янин С.А. О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕВОЗВРАЩЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИЮ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ	431
Яшков С.А. К ВОПРОСУ О ПОЛОЖИТЕЛЬНЫХ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ПРИМЕРАХ РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТ. 238 УК РФ	435

Трибуна молодых ученых

Басханов А.М. РЕГЛАМЕНТАЦИЯ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРИКОСНОВЕННОСТЬ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН	442
Гусева С.Д. АСПЕКТЫ ПРИВОДЯЩИЕ К УСЛОЖНЕНИЮ РАСКРЫТИЯ ДОПИНГОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	445

Коновалова Е.А. УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ЗАДЕРЖАНИЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ В СОСТАВЕ ОПГ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ С УЧЕТОМ ЗАРУБЕЖНОГО ОПЫТА	449
Кубицки А.В. ОРГАНИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЭКСПЕРТНО- КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ МВД РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА	455
Ловничий М.Д. ЗАЩИТА ПРАВА НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ	460
Пономарь В.А. ЭКСГУМАЦИЯ ТРУПА КАК СЛЕДСТВЕННОЕ ДЕЙСТВИЕ	464
Сапухин А.А. СУБЪЕКТ СОВЕРШЕНИЯ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ КАК КЛЮЧЕВОЙ ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ	470
Тараканова Д.А. РАЗВИТИЕ ДОСУГОВОЙ ЗАНЯТОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ КАК МЕРА ПРОФИЛАКТИКИ МОЛОДЕЖНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ ...	474
Фадеева Ю.Р. КОНТРОЛЬ И ЗАПИСЬ ПЕРЕГОВОРОВ: ПОНЯТИЕ, ПРЕДМЕТ, УСЛОВИЯ И ОСНОВАНИЯ ПРОИЗВОДСТВА	479
Хмелевских Э.С. К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОЛОЖЕНИЯХ РЕАЛИЗАЦИИ ОСВИДЕТЕЛЬСТВОВАНИЯ	483
Шипков А.В. О РОЛИ МЕЖДУНАРОДНЫХ СТАНДАРТОВ В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ ПРИНЦИПА ГУМАНИЗМА В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИИ	489
Янина Т.Н. ИСКУССТВОВЕДЧЕСКАЯ СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК СРЕДСТВО ДОКАЗЫВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ОТНОШЕНИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ РОССИИ	494

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

*Сборник статей по материалам
Международной научно-практической конференции*

Волгоград, 26 ноября 2021 г.

В авторской редакции

Редакционная коллегия:

Смагоринский Б.П., Костенко Н.С., Бирюков С.Ю., Сафонова Ю.С.

Составитель:

Васильев Д.В.

ISBN 978-5-907282-60-5

Подписано к использованию 27.12.2021. Объем 3,87 Мб.
Тираж 7 CD. Заказ 581.

ИП Черняева Ю.И.
400050, г. Волгоград, ул. Днестровская, 2а, оф. 42. Email: id-sirius@mail.ru.